

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998.); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- Воронов В.А.* Ценностные основания консолидации в условиях рискогенного общества 5
- Гайдаренко В.А.* Формирование иноязычной компетенции высококвалифицированного специалиста на основе контентно-ориентированного подхода 8
- Сергеева С.В.* Психологические методы в управлении нейрогуморальными процессами 12

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

- Арамян К.А., Цветаева Ю.А.* Социологический мониторинг и оценка следствий управленческих решений в образовании 17
- Гнатюк М.А., Усов В.Н., Бурцев С.А.* Социальные и психологические факторы, влияющие на выбор досуговых занятий молодежью в современном обществе России 21
- Задорожная Е.А., Коноплин Ю.С., Луцкая Е.Е., Пржиленская И.Б.* Буллинг как форма девиантного поведения учащейся молодежи: социологический аспект 25
- Зимова Н.С., Прохоров А.И.* Моделирование системы управления знаниями в условиях цифровизации 32
- Павлова М.П.* Феномен культуры отмены в повседневном пространстве: социально-философский аспект 37
- Ушаков Е.В.* Формирование методики структурированного описания хороших и лучших педагогических практик 42

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Аветисян А.А.* Роль языка в реализации культурной дипломатии и межкультурной коммуникации 46
- Гнатюк М.А.* Социальная инерция в контексте диалектики общественного развития: исследование российского общества 49
- Денисов В.А.* Эффективность усвоения (запоминания) знаний при разных методах преподавания 53

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Мионов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Ответственный секретарь:

Миринова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте РФ (Москва); **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва); **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону); **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва); **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИПИ РАН (Москва); **Карпухин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург); **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Криволюков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва); **Михайленко Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.08.2023 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

<i>Заклинский П.А.</i> Ветхозаветные тексты как места памяти.....	57
<i>Мамедов А.А., Донских К.Ю., Котусов Д.В.</i> Изучение философского наследия Ф. Ницше в России.....	60
<i>Циткилов П.Я.</i> Функциональная матрица евразийско-общерусской цивилизации, её природно-географическая, экономическая и этнологическая специфика	64

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

<i>Раджабов О.Р., Гусейханов М.К., Раджабов Р.О.</i> О взаимоотношениях науки и религии.....	73
--	----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

<i>Кандалов В.И., Молодцов И.Н.</i> Исторические аспекты возникновения и использования термина «информационная война»	76
<i>Киселёв К.К.</i> Политическое давление на центральные банки	80
<i>Романец Е.А.</i> Механизм и технологии цифровой политики Российской Федерации в здравоохранении: «цифровые песочницы» и эксперименты как политические инновации	84

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

<i>Фэн Шидэ.</i> Влияние основных направлений политики периода Мэйдзи на развитие населения Японии 1850–1912 гг.	92
---	----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Короткова Л.Г., Свечников Д.Д.</i> Глобальное политическое противостояние США и Китая в Юго-Восточной Азии: на примере Индонезии	97
<i>Щербунов В.О.</i> Подход США к применению вооруженных сил за рубежом в условиях мирного времени после холодной войны	103

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Кузнецова Т.А.</i> Неологизмы в английском языке в контексте глобальных трансформаций, вызванных неолиберальной глобализацией в период формирования однополярного мира (Pax Americana)....	114
<i>Проскурина А.С., Зновьюк А.В.</i> Постмарксистский взгляд на мировой опыт исследования состояния институционального доверия.....	119
<i>Кудряшова Ю.А.</i> «Рисовое христианство» как проблема деятельности британских миссионеров в Индии в колониальный период (XVII–XIX вв.).....	127

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

- Voronov V.A. Value foundations of consolidation in the conditions of a risk-genous society 5
- Gaidarenko V.A. Formation of foreign language competence of a highly qualified specialist based on a content-oriented approach..... 8
- Sergeeva S.V. Psychological methods in control of neurohumoral processes 12

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

- Aramyan K.A., Tsvetaeva J.A. Sociological monitoring and evaluation of the consequences of managerial decisions in education 17
- Gnatyuk M.A., Usov V.N., Burtsev S.A. Social and psychological factors influencing the choice of leisure activities for young people in modern Russian society..... 21
- Zadorozhnaya E.A., Konoplin Y.S., Lutskaya E.E., Przhilenskaya I.B. Bullying as a Form of Deviant Behavior of Students: Sociological Aspect 25
- Zimova N.S., Prokhorov A.I. Modeling the knowledge management system under the conditions of digitalization ... 32
- Pavlova M.P. The phenomenon of cancellation culture in everyday space: a socio-philosophical aspect 37
- Ushakov E.V. Formation of a methodology for a structured description of good and best pedagogical practices 42

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY

- Avetisyan A.A. The role of the language in the realization of cultural diplomacy and intercultural communication 46
- Gnatyuk M.A. Social Inertia in the Context of the Dialectic of Social Development: A Study of Russian Society..... 49
- Denisov V.A. Efficiency of learning (memory) of knowledge under different teaching methods..... 53
- Zaklinsky P.A. Old testament texts as places of memory 57
- Mamedov A.A., Donskikh K. Yu., Kotusov D.V. The study of the philosophical heritage of F. Nietzsche in Russia 60
- Tsitkilov P. Ya. The functional matrix of the Eurasian-all-Russian civilization, its natural-geographical, economic and ethnological specificity 64

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

- Radjabov O.R., Huseykhonov M.K., Radzhabov R.O. On the relationship between science and religion 73

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section), member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow); **Balbeko Anatoliy Mikhailovich** – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow); **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Educ.), prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yury Grigorievich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don); **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow); **Kapicyn Vladimir Mikhailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Dr. Sci. (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow); **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich** – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg); **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Dr. Sci. (Soc), Prof. of the State university governance (Moscow); **Makarov Anatoliy Vasilievich** – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrey Victorovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow); **Mihajlenok Oleg Michailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow); **Orehovskaya Natalya Anatolievna** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentyna Vasilievna** – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tihonovich** – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPa, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd); **Haziev Valeriy Semenovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.06.2023. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Kandalov V.I., Molodtsov I.N.</i> Historical aspects of the emergence and use of the term «information war»	76
<i>Kiselev K.K.</i> Political pressure on central banks	80
<i>Romanets E.A.</i> The mechanism and technologies of the digital policy of the Russian Federation in healthcare: “digital sandboxes” and experiments as political innovations	84

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

<i>Feng Shide.</i> The influence of the main policies of the Meiji period on the development of the population of Japan 1850–1912	92
---	----

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

<i>Korotkova L.G., Svechnikov D.D.</i> Global political confrontation between the US and China in Southeast Asia: the example of Indonesia	97
<i>Shcherbunov V.O.</i> US Approach to Foreign Military Operations in Post-Cold War Peacetime	103

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Kuznetsova T.A.</i> Neologisms in the English language in the context of global transformations prompted by neoliberal globalization during the establishment of the unipolar world (Pax Americana)	114
<i>Proskurina A.S., Znovyuk A.V.</i> A post-marxist perspective on the global experience of institutional trust level research	119
<i>Kudryashova Yu.A.</i> «Rice Christianity» as a Problem of British Missionary Activity in India during the Colonial Period (XVII–XIX centuries)	127

Ценностные основания консолидации в условиях рискогенного общества

Воронов Виктор Александрович,

к.с.н., доцент кафедры управления, начальник управления подготовки и аттестации кадров высшей квалификации Российского государственного аграрного университета МСХА имени К.А. Тимирязева
E-mail: v.voronov@rgau-msha.ru

В статье изучена специфика влияния ценностных оснований на процессы консолидации в условиях рискогенности социального взаимодействия. Отмечается, что среда, в которой функционирует современное российское общество, характеризуется неопределенностью, хаотизацией множества процессов в сочетании с высокой скоростью общественных изменений. Россия, впервые за десятки лет, столкнулась с таким масштабом изменений, реальный анализ которых исследователи смогут осуществить лишь спустя неопределенное количество времени. Это не могло не отразиться на процессах социальной консолидации, поскольку они в основе своей имеют ценностно-смысловую детерминацию. Так же в работе отмечается, что в приграничных регионах происходит трансформация всех социально-территориальных систем вследствие нарастания военно-политических угроз, что влечет за собой и в организации изменения социального поведения. Приоритетом становится социальная безопасность, обеспечить которую возможно посредством консолидации усилий властных и гражданских структур.

Ключевые слова: консолидация, ценностные основания, социальное взаимодействие, безопасность, рискогенность.

Введение

В настоящее время отечественный социум находится в крайне тревожном состоянии и пребывает в частичной дезинтеграции, в основе которой лежат социально-экономическое, политическое и, что самое важное, ценностно-смысловое расслоение общества. Нарастание перечисленных проблем порождает социальную отчужденность и разобщенность общества, которые препятствуют полноценному социальному развитию. Данные негативные явления усиливают внутреннюю неустойчивость социума и актуализируют задачу самоорганизации, без решения которой невозможно обеспечить как воспроизводство общества, так и его конкурентоспособность в борьбе за ограниченные ресурсы.

Данный кризис усилился после начала проведения специальной военной операции (в ее геополитическом и экономическом выражении), а так же последовавшая «санкционная» реальность, которые обострили уже существующие негативные тенденции и обусловили необходимость пересмотра множества жизненных установок и стратегий граждан, в том числе и в сфере социальных взаимоотношений.

В этой связи особый интерес представляет изучение ценностных оснований консолидационных процессов, протекающих в приграничных регионах, которые в ходе специальной военной операции на Украине столкнулись с очень серьезными вызовами и угрозами, оказавшими существенное влияние на социально-экономические, демографические и социокультурные условия жизни субъектов Российской Федерации.

Приграничное положение регионов всегда предполагает сочетание дополнительных, нетипичных для большей части административно-территориальных образований, угроз и возможностей. Первые связаны с реальным или же потенциальным давлением извне (военным, политическим, террористическим, информационным и пр.); вторые – с участием в транзите ресурсов (товарных, трудовых, технологических, интеллектуальных, культурных и др.) и извлечением соответствующих выгод. И те, и другие существенно модифицируются в кризисных условиях.

При этом трансформация затронула не только административно-политическую, военно-политическую, экономико-хозяйственную сферы жизнедеятельности региона (хотя на них она отразилась в первую очередь), но и состояние регионального сообщества со свойственной ему системой отношений, институтов (формальных и неформальных), культурных ценностей, моральных и нравственных норм [1].

Проблематика социальной консолидации относится к традиционным объектам внимания в социальных науках. Начало изучению данного феномена было положено еще в трудах античных философов, где рассматривались вопросы ее истоков, факторов и механизмов.

Исследуя вопросы социальной консолидации, О. Конт в частности, отмечал, что существует три средства единства с современниками: подчинение, союз и защита: «Каждый из данных способов соответствует одному из трех наших альтруистических инстинктов: почитанию, привязанности, благожелательности. Полная защита может быть обеспечена только через постоянное сочетание этих трех ангелов-хранителей; там, где их не хватает в силу каких-то естественных причин, этот недостаток должен быть восполнен нашими сознательными усилиями» [6].

Основаниями социальной консолидации, с позиции теории социального действия М. Вебера, выступают легитимация политического порядка и экономическая активность. Солидарность определяется типом легитимного порядка (аффективного, ценностно-рационального, религиозного, целерационального) и имеет различные основания: эмоциональные, основанные на ценностях, обусловленные религиозными догмами, определяемые общим интересом. Конкуренция рассматривается автором как фактор формирования общности в рамках экономической деятельности: «совместно действующие индивиды, продолжая конкурировать между собой, объединены по отношению ко всем остальным в общность по интересам, и у них естественным образом возникает желание создать на этой основе какое-то обобществление, регулируемое рациональным порядком» [2].

Следует отметить, что в качестве фактора солидаризации практически всеми классиками, выделялось насилие, которое и реализуется, помимо прочего, в форме регуляции – символической, нормативной и ценностной. О.А. Кармадонов и М.К. Зверев пишут об этом следующим образом: «Практически все ... концептуализации не могут избежать темы насилия при рассмотрении проблематики солидарности» [3].

Таким образом, важность изучения ценностных оснований консолидационных практик и по своим проявлениям, в современных рискогенных условиях, стала одним из ключевых аспектов развития гражданского общества России. Что немаловажно для понимания сути этого процесса, он является составной частью глобальных изменений миропорядка с весьма неопределенными результатами. Большое количество акторов, интересантов, факторов процессов являются источниками огромного объема рисков – вероятностей неблагоприятного развития событий.

Методика

Процесс консолидации населения рассматривается в контексте различных междисциплинарных подходов. Для решения задач нашего исследования интерес представляют:

- положения теории социального капитала П. Бурдье, Дж. Коулмена, Р. Патнэма, а также современных отечественных исследователей: Г.В. Бражник, И.А. Дементьева, М.В. Курбатовой, Н.М. Лебедевой, И.В. Соболевой;
- концепции социального доверия (Ф. Фукуяма, П. Штомпка и др.), раскрывающие роль ценностных диспозиций в практике социального действия, в частности таких, как доверие, справедливость, взаимопомощь;
- концепция социальных сетей (М. Грановеттер, И.Е. Штейнберг и др.);
- теории социальной идентичности (М. Андерсон, С. Лоурер, С. Хантингтон).

Важную роль в изучении особенностей консолидации граждан в современной социокультурной среде играют исследования, посвященные анализу специфики и усло-

вий консолидации современного российского общества (А.С. Ахиезер, В.П. Бабинцев, М.К. Горшков, Г.А. Ковригина, П.Л. Крупкин, Е.А. Маженина, О.А. Полюшкевич, Е.С. Шомина).

Эмпирическую базу научной статьи составляет социологическое исследование «Комплексный мониторинг консолидации общества в регионе» (сентябрь-октябрь 2022, N=6800).

Результаты

Проведенное исследование позволило внести существенные коррективы в определение структуры ценностей, интериоризация которых способна создать наиболее прочную основу консолидационного процесса.

Среди разных возрастных когорт ответы о необходимости консолидации в целом схожи, за исключением самой молодой доли респондентов. Всего 12,5% молодежи однозначно за консолидацию, еще 29,9% скорее за, чем нет, и 23,6% респондентов ответили «скорее нет, чем да». Отрицательных ответов у молодежи даже меньше, чем у более старшей возрастной группы.

По роду деятельности респондентов ответ на данный вопрос также варьируется. В меньшей степени поддерживают идею консолидации, временно не работающие (10,8% + 28,0%), работники организации, занятые физическим трудом (рабочие профессии, грузчики и т.д.) (7,5% + 53,8%) и работники сельскохозяйственных предприятий (лесной, рыбной промышленности) (3,9% + 19,4%). Такое распределение ответов закономерно в силу различных социально-психологических особенностей данных категорий респондентов.

Анализ ответов респондентов свидетельствует о росте среди граждан доверия как к ближайшему окружению, так и в пределах дальнего радиуса взаимодействия. Больше всего его уровень вырос по отношению к соседям (на 29,6%), к друзьям и знакомым (на 29%), коллегам по учебе/работе (на 20,1%).

Незначительный рост доверия наблюдается по отношению к жителям города (12%), руководителю на работе/учебе (7,8%), органам местной власти (6,8%). На фоне роста доверия несколько увеличилась и удовлетворенность отношениями с ближним и дальним окружением.

Проведенное исследование показало, что вектор идентификации населения в сравнении с апрелем 2022 г. еще более сместился на макросоциальные общности. Количество респондентов, указавших на то, что в первую очередь они ощущают себя гражданами России, увеличилось на 20,6% (47,6% в апреле против 67% в октябре). Количество участников опроса, идентифицирующих себя как жителей региона, возросло на 10%.

В сознании граждан возросла важность интересов нации, народа (с 88% в апреле до 95% в октябре), представителей дома, двора, улицы (с 86,2% в апреле до 91,5% в октябре), муниципального образования (с 87% в апреле до 92,7% в октябре).

Для подавляющего большинства респондентов они являются «безусловно важными» или «скорее важными, чем нет». Вторичный анализ исследований позволил зафиксировать изменения в структуре аксиосферы жителей приграничных регионов. В частности, на первом месте среди главных ценностей, которые граждане указывали в качестве приоритетных и важных для обеспечения жизнедеятельности, оказалась безопасность.

Еще несколько лет назад можно было утверждать, что ценность безопасности актуализируется на короткое время в связи с периодическим нарастанием внешних вызовов и угроз. Соответственно, как только угроза исчезнет, значимость данной ценности существенно сни-

зится и ее влияние на процессы социальной конъюнкции ослабнет. Но, поскольку общество вступает в длительный период турбулентного хаоса, данное утверждение требует корректировки.

Проблема в данном случае состоит не только в деструктивном влиянии экстремальной по сути ситуации. Она наложилась на общий процесс снижения регулятивной роли просоциальных ценностей, определяемый С.А. Кравченко как «нормальная аномия» [4]. Он, как известно, связывает распространение аномии с дисфункциональностью социальных институтов и отмечает, что аномия из отклонения превратилась в норму.

В этой связи О.Б. Молодов выделяет факторы конструктивной (позитивной) и деструктивной (негативной) консолидации, а также детерминанты многовариантные по своим последствиям. По мнению исследователя, «если конструктивные факторы являются предпосылками сплочения населения с целью достижения позитивного результата для общества в целом, то деструктивные – лежат в основе консолидации людей для каких-либо разрушительных действий. Последствия воздействия многовариантных факторов зависят от того, куда будет направлен «вектор силы» сплотившейся группы людей – на достижение позитивного или негативного результата». Задачу государства автор видит в том, чтобы «адресно стимулировать позитивные факторы, блокировать негативные, а многовариантные направлять в «позитивное русло» [5].

Исходя из эмпирических данных, можно констатировать, что все более трансформирующаяся социальная среда востребует адекватные формы самоорганизации населения, их солидаризации, призванные обеспечить синергетический эффект социально-преобразующей деятельности в виде расширяющегося применения региональных консолидационных практик.

Обсуждение и заключение

Результаты проведенного нами исследования позволяют, по нашему мнению, сделать несколько выводов.

В научной литературе последних лет достаточно хорошо изучены отдельные факторы консолидации общества как на макро-, так и на микроуровне. Но в то же время, как в отечественных, так и в зарубежных источниках отсутствует комплексное описание предпосылок и ограничений консолидации современных региональных сообществ.

Воронка консолидации характеризуется слабой конверсией. Для 92% респондентов важны интересы жителей своей территории, но только половина из них хочет участвовать в решении проблем территории, ещё меньше доля тех, кто готов для этого объединяться с другими людьми.

Консолидация катализируется тогда, когда есть институциональное оформление связей между агентами. Иными словами, консолидации способствует «органическая солидаризация» – ситуация, при которой побудительные силы объединения исходят не от индивидов (их ценностей, интересов), а от условий социального контекста. Чем меньше сила формальных связей, тем выше степень атомизации.

Есть категории жителей, которые справедливо называть наименее расположенными к процессам консолидации. Они по своим социальным ролям не слишком интегрированы в «органическую солидаризацию»: их статус не обязывает активно и безоговорочно взаимодействовать и договариваться с другими индивидами. В результате перспективы консолидации ставятся в зависимость от внешних факторов ситуативного характера.

Литература

1. Бабинцев, В.П. Ценностные основания консолидации городского сообщества в приграничных регионах России / Д.В. Хрипкова, К.А. Хрипков // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 6. С. 97–101.
2. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. II. Общности. – Москва: Изд. дом ВШЭ, 2017. – С. 22.
3. Кармадонов, О.А., Зверев, М.К. Консолидация российского общества: потоки и преграды. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – С. 24.
4. Кравченко, С.А. Нормальная аномия: контуры концепции / С.А. Кравченко // Социологические исследования. – 2014. – № 8(364). – С. 3–10. – EDN SOARRD.
5. Молодов, О.Б. Факторы консолидации и дифференциации современного российского общества // Theoretical & Applied Science. 2014. № 3 (11). С. 145.
6. Comte A. System of Positive Polity. Vol. 2. Social Statics, Or The Abstract Theory of Human Order. – London: Longmans, Green, And Co., 1875. – 428 p. – URL: <https://archive.org/de-tails/systemofpositive02comt>.

VALUE FOUNDATIONS OF CONSOLIDATION IN THE CONDITIONS OF A RISK-GENOUS SOCIETY

Voronov V.A.

Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev

The article studies the specifics of the influence of value bases on the processes of consolidation under the conditions of the riskiness of social interaction. It is noted that the environment in which the modern Russian society is characterized by uncertainty, chaotization of many processes, combined with a high speed of social change. Russia, for the first time in decades, is faced with such a scale of changes, the real analysis of which the researchers will be able to carry out only after an indefinite amount of time. This could not but affect the processes of social consolidation, since they basically have a value-semantic determination. The paper also notes that in the border regions there is a transformation of all socio-territorial systems due to the growth of military-political threats, which entails changes in social behavior in the organization. The priority is social security, which can be ensured by consolidating the efforts of government and civil structures.

Keywords: consolidation, value bases, social interaction, safety, riskiness.

References

1. Babintsev, V.P. Value foundations of consolidation of the urban community in the border regions of Russia / D.V. Khripkova, K.A. Khripkov // Social and humanitarian knowledge. 2023. № 6. P. 97–101.
2. Weber, M. Economy and Society: Essays on Understanding Sociology: in 4 vols. Vol. II. – Moscow: Izd. HSE House, 2017. – P. 22.
3. Karmadonov, O.A., Zverev, M.K. Consolidation of Russian society: flows and obstacles. – Irkutsk: ISU Publishing House, 2012. – P. 24.
4. Kravchenko, S.A. Normal anomie: contours of the concept / S.A. Kravchenko // Sociological research. – 2014. – № 8(364). – P. 3–10. – EDN SOARRD.
5. Molodov O.B. Factors of consolidation and differentiation of modern Russian society // Theoretical & Applied Science. 2014. № 3 (11). P. 145.
6. Comte A. System of Positive Polity. Vol. 2. Social Statics, Or The Abstract Theory of Human Order. – London: Longmans, Green, And Co., 1875. – 428 p. – URL: <https://archive.org/de-tails/systemofpositive02comt>.

Формирование иноязычной компетенции высококвалифицированного специалиста на основе контентно-ориентированного подхода

Гайдаренко Вадим Анатольевич,

кандидат филологических наук, доцент Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: Vadim.gaidarenko@mail.ru

Статья посвящена изучению методических основ профессионально-ориентированного обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов на основе содержания (контента). Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Отмечается, что в условиях планомерного сокращения объема часов иностранного языка в современных вузах, существует необходимость в переориентировании модели преподавания на экстернальные «рельсы», а следовательно и подбора соответствующего методического инструментария. Постулируется о том, что основу данного инструментария должен составлять междисциплинарный подход, предполагающих ретрансляцию профессионального знания в иноязычном формате. Доказывается положение о том, что контентно-ориентированный подход возможно рассматривать как один из соответствующих указанным требованиям методических подходов, позволяющих достичь предметных и метапредметных результатов в краткосрочной перспективе в условиях временных ограничений. В качестве средства (инструмента) обучения предложен аутентичный видеоконтент, перечислены его достоинства и представлены практические примеры.

Ключевые слова: профессионально-ориентированное обучение, билингвальное преимущество, иностранный язык, студенты неязыкового вуза, контентно-ориентированное обучение, аутентичный видеоконтент.

Владение одним или несколькими **иностранными языками** в настоящее время является той компонентой, которая закрывает компетентностный гештальт специалиста, претендующего на высокий квалификационный статус. Более того, многие современные профессии, предполагающих интегральный карьерный рост и входящих в топ наиболее высокооплачиваемых, априори предполагают владение навыком иноязычной коммуникации наравне с профессиональными (англ. *hard skills*) и гибкими (англ. *soft skills*) компетенциями. В этой связи, педагогическому сообществу вменяется ответственность по воспитанию кадров с «**билингвальным преимуществом**» (англ. *bilingual benefit*), способных к адаптации в монокультурной, мультикультурной и инокультурной профессиональной среде.

На практике достижение данной цели сопряжено с множеством **институциональных барьеров**, преодоление которых возможно исключительно по собственной инициативе преподавателя иностранных языков. Так, например, в связи геополитической нестабильностью, в российских неязыковых вузах происходит планомерное сокращение объема часов иностранного языка, по данным, публикуемым в СМИ – от 14 до 33% [2]. Таким образом, как очень точно отмечает М.В. Захарченко, единственным способом сохранить качество иноязычного обучения является переориентирование модели преподавания на **экстернальные «рельсы»** [6]. Учитывая тот факт, что ФГОС 3++ допускает педагогическая импровизация, решение указанной задачи практически полностью зависит от знаний, умений, навыков, а также способности педагога к **методологическому творчеству**.

Одновременно с этим, важно, чтобы избираемый метод обучения иностранному языку имел **профессионально-ориентированный характер**, т.е. был ориентирован на исполнение языкового запроса, диктуемого особенностями будущей профессии [3, с. 199]. Поскольку преподавание иностранных языков обучающимся даже самых распространенных специальностей будет иметь свою специфику, в основу методической модели обучения должен быть заложен **междисциплинарный подход** [16]. Так, по мнению О.В. Жиронкиной и А.А. Рольгайзера, его реализация в ходе иноязычной подготовке обучающихся дает широкий спектр возможностей, например, отработки умения поиска и анализа информации междисциплинарного характера на иностранном языке, формирования навыка точного и ясного изложения собственной точки зрения в устной и письменной форме на иностранном языке, приобретения навыка применения профессиональных знаний для решения практической проблемы на иностранном языке, а также формирования навыка междисциплинарного взаимодействия и умения работать в команде [5, с. 152].

Кроме того, согласно мнению представителей академического сообщества, именно через междисциплинарную интеграцию осуществляется личностное развитие обучающихся [9, с. 234], тем самым создается потенциал для формирования так называемой «третьей» группы навыков – **навыков самосовершенствования** (англ. *self-skills*), ориентированных на самоорганиза-

цию и самопознание [12, 14, 15], выражающих, по замечанию профессора Института непрерывного образования МГПУ Т.М. Ковалевой, фокусировку на «индивидуальной» компетентности; иными словами, self-skills – это ядро компетентностного фундамента специалиста [10].

В настоящее время, одним из признанных методических «инструментов», учитывающих перечисленные критерии и требования и дающих положительные результаты овладения обучающимися неязыковых вузов навыком профессиональной иноязычной коммуникации, является **контентно-ориентированное обучение** (англ. content-based learning) или **интегрированное обучение на основе содержания**. В теории обучения иностранным языкам данный термин, предложенный Д. Маршем в 90-х гг. XX в., относится к методике обучения двум предметам (дисциплинам), один из которых – иностранный язык – служит средством обучения второму предмету [11]. Данная методика позволяет сформировать у обучающихся не только коммуникативные, но и лингвистические компетенции на неродном языке с тем же содержанием (контентом) и в том же образовательном контексте, в котором у них происходит формирование и развитие знаний на родном языке [11, с. 82]. Именно содержание, согласно Л.П. Халыпиной, определяет «предмет освоения, це-

ли, задачи и тематику, т.е. совокупность теоретических знаний и навыков, которые позволяют реализовать верные профессиональные мнения, высказывания в рамках изучаемого круга проблем» [17, с. 151].

Опираясь на исследования П. Мехисто и соавт., мы заключаем о достаточно широком спектре **характеристик контентно-ориентированного обучения**, доказывающих целесообразность его использования в практике преподавания иностранного языка, даже с учетом ресурсных ограничений [18]. Так, по мнению авторов, оно предусматривает: создание многопланового фокуса обучения, стимулирующую образовательную среду, учитывает интересы и потребности обучающихся, обеспечивает их активное участие в условиях сотрудничества, а также предполагает развивающее обучение (см. **рисунок**). Принимая во внимание концептуальный и идеологический вектор данного метода, в качестве инструментальной основы можно рассматривать **аутентичный видеоматериал**. Его богатый педагогический потенциал имеет неоспоримые доказательства, как российской (О.А. Баранов, Е.А. Бондаренко, Я.Н. Зурский, И.С. Левшина, Е.Е. Пронина, К.Э. Разлогов, Н.Ф. Хилько и другие), так и зарубежной (М. Аллан, Й. Ванг, Д. Виллис, Е. Катчен, М. Селс-Мурсия, Ф. Столлер, Д. Юксел и другие) научной педагогической литературе.

– **многополярность фокуса обучения**: закрепление языковых умений и навыков на занятиях по изучению предмета; изучение содержания предмета на иностранном языке через интеграцию нескольких предметов; организация обучения через межкультурные проекты с рефлексией на процесс учения;

– **стимулирующая образовательная среда**: использование повторяющихся видов деятельности и дискурса на занятиях; использование иностранного языка для изучения предмета на протяжении всего занятия; содействие обучающимся в приобретении уверенности в своих силах при овладении иностранным языком и предметом; удобное оборудование аудитории, позволяющее обучающимся работать в малых группах; доступность ресурсов; повышение уровня языковой компетенции обучающихся;

– **учет интересов и потребностей обучающихся**: предоставление обучающимся возможности обращаться за помощью в случае возникновения языковых проблем; максимальный учет интересов обучающихся; постоянный учет учебного и жизненного опыта обучающихся; возможность общения с представителями других культур, изучающих такой же предмет на таком же иностранном языке; использование актуальных материалов из СМИ и других источников;

– **активное учение**: на занятии обучающиеся говорят больше, чем преподаватель; обучающиеся участвуют в целеполагании; обучающиеся участвуют в оценке своих учебных достижений; предпочтение отдается работе в парах и малых группах; обсуждение с обучающимися языковых средств выражения понятий изучаемого предмета; преподаватели выступают в роли фасилитаторов;

– **развивающее обучение**: опора на существующие знания, умения, опыт и интересы обучающихся; подача новой информации в форме, удобной для восприятия обучающимися; учет различных учебных стратегий; создание условий для творческого и критического мышления; побуждение студентов к выходу из зоны комфорта и движению к новым результатам;

Рис. 1. Характеристики контентно-ориентированного обучения иностранным языкам (по П. Мехисто и соавт.) [18]

На наш взгляд, основным аргументом является то, что передача языкового знания с его помощью, в отличие от иных средств обучения, позволяет воздействовать в пяти аспектах преподавания иностранного языка – обучение устному общению, письму, лексике, грамматике и культурных аспектов [13, с. 288]. Более того, использование в образовательных целях популярных короткометражных и полнометражных кинолент, сериалов, мультипликация и проч. обладает определенными **особенностями** [1, 4, 8]:

– во-первых, средства киноискусства дают аутентичную информацию, которая предполагает наличие образной модели введения учебного материала, и основной характеристикой в данном случае становится наличие композиции и сюжета. Так, с одной стороны, акцент делается на близости образной модели, например, профессии к миру искусства, с другой – в этом заключается отличие такой модели от иных, используемых в педагогической практике. Использование, например, документального кино-контен-

та на занятиях стимулирует, таким образом, к погружению обучающихся в происходящее на экране, что способствует созданию условий мотивированной профессиональной коммуникации;

- во-вторых, динамичная передача информации усиливает эффективность и результативность обучения, повышает возможности коммуникации на занятиях (дискуссия, обсуждение, семинар, деловая игра и проч.), а следовательно, увеличивает продуктивность все образовательной деятельности. Активная и эмоциональная передача материала помогает запоминать информацию, повышать способность обучающихся к осознанию и воспроизводству содержания контента спустя некоторое время (например, после просмотра материала дома, как подготовка к лекции). В данном случае актуальными примерами станут киноленты, основанные на реальных событиях («The Blind Side», «The Aviator», «12 Years a Slave», «Hacksaw Ridge», «127 Hours», «Intouchables» и другие);
- в-третьих, высокая степень авторитетности информации, презентуемой в выбранном контенте, обеспечивает его аутентичность, что, в свою очередь, определяет высокий уровень доверия со стороны обучающихся к воспринимаемым фактам в отношении их будущей профессии. В качестве примера можно привести киноленты, ориентированные на финансово-инвестиционную («The Accountant», «Money Monster», «The Big Short», «The Wolf of Wall Street», «Cosmopolis», «Margin Call» и проч.), психолого-педагогическую («Front of the Class», «Detachment», «Freedom Writers», «Half Nelson», «The Ron Clark Story» и проч.), историко-политическую («Gladiator», «Vikings», «The King», «Lincoln», «Dunkirk», «The King's Speech», «Schindler's List») отрасли профильного научного знания.

Безусловно, для достижения необходимого эффекта целесообразно соблюдать этапность работы с видеоконтентом для образовательных целей [7]. Так, на начальном, подготовительном этапе необходимо замотивировать обучающихся на просмотр конкретной киноленты на иностранном языке, например, путем совместного выбора видеоматериала из подготовленного педагогом перечня, пояснения сюжетной линии и образовательных целей, достижение которых преследуется в результате его просмотра, а также разработка задания и методических рекомендаций к его выполнению (например, составление глоссария с профессиональной терминологией по сюжету фильма); демонстрационный этап (непосредственно, просмотр киноленты с субтитрами) может быть произведен как во время лекционного занятия, так и во внеурочное время, в зависимости от ресурсных возможностей педагога и обучающихся, а также уровня языковой подготовленности последних; на последнем, демонстрационном этапе осуществляется проверка заданий, выполненных обучающимися, обмен мнениями (дискуссия, реферирование) для развития когнитивной деятельности обучающихся, а также навыков устной и письменной речи, подготовка проектов и проч.

Проведенное исследование позволяет заключить о ценности контентно-ориентированного обучения иностранному языку в неязыковых вузах, о чем свидетельствует его высокий педагогический потенциал, а также интегрированный в его основу междисциплинарный подход, необходимый для продуктивного освоения иноязычных основ будущей профессии обучающихся. В качестве инструмента реализации метода был предложен аутентичный видеоконтент, однако, в качестве основного средства могут быть выбраны и текстовые, и аудио

материалы, в зависимости от уровня иноязычной подготовки обучающихся, их интересов и возможностей восприятия учебной информации. С нашей точки зрения, учитывая вновь вводимые институциональные ограничения для вузов в отношении института иноязычного обучения, на рассмотренный метод следует сделать больший акцент, т.к. даже в условиях недостатка временных или других ресурсов, с его помощью возможно достичь ожидаемых предметных и метапредметных результатов в обучении иностранному языку.

Литература

1. Бричева М.М., Берсирова С.А., Нещеретова Т.Т., Сасина С.А., Схаляхо Е.Н. Использование художественных фильмов в процессе обучения иностранным языкам // *The Scientific Heritage*. 2020. № 54–3. С. 38–40.
2. В российских вузах начали сокращать часы английского: правильно ли это. – 10.05.2023 // Московский комсомолец. – URL: <https://www.mk.ru/social/2023/05/10/v-rossiyskikh-vuzakh-nachali-sokrashhat-chasy-angliyskogo-pravilno-li-eto.html> (дата обращения: 05.07.2023)
3. Вавилова Е.О. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку в неязыковом вузе // *Эпоха науки*. 2020. № 21. С. 197–199.
4. Гурина Е.П., Курчаткина Г.П. Использование студенческих кинофильмов на занятиях по английскому языку // Сб. мат. Бауменской конференции по лингвистике. 2023. – URL: <https://linguist.bmstu.press/preprints/7328/> (дата обращения: 05.07.2023)
5. Жиронкина О.В., Рольгайзер А.А. Междисциплинарный подход при обучении иностранному языку в вузе // *Профессиональное образование и рынок труда*. 2022. № 3 (50). С. 146–163.
6. Захарченко М.В. Формирование иноязычной компетенции бакалавров государственного и муниципального управления на основе системно-кластерного подхода: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Орел, 2020. – 153 с.
7. Канеева А.В., Кожанова К.А. Особенности использования фильмов в качестве лингводидактического материала при обучении иностранному языку (на примере фильма «Château Mouton Rothschild») // *Гуманитарные и социальные науки*. 2022. № 4. С. 143–147.
8. Корякина М.О. Использование фильма как способ обучения аудированию на иностранном языке в процессе профессионального становления личности // *Вестник ТГУ им. Г.П. Державина*. 2016. № 4. 4 с.
9. Криворотова Т.А. Интеграция как фактор развития нового качества образования // *Экономика. Право. Образование: региональный аспект*. – Нижний Новгород, 2010. С. 233–238.
10. Кужелева-Саган И. Селф-компетенции как «философский камень». – 11.11.2019 // *Новости Томского государственного университета*. – URL: <https://news.tsu.ru/projects/word-to-the-rector/self-kompetentsii-kak-filosofskiy-kamen/> (дата обращения: 05.07.2023)
11. Мелёхина Е.А. Предметно-языковое интегрированное обучение CLIL в вузе: цели, содержание, методология // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2021. № 199. С. 81–90.
12. Неретина Т.Г., Исаева И.Ю. Педагогическая этика будущих учителей как компонент профессиональной характеристики // *Гуманитарно-педагогические исследования*. 2018. № 1. С. 6–11.

13. Нурутдинова А.Р., Дмитриева Е.В. Фильмы в области иностранного языка: влияние фильмов на преподавание иностранного языка // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59–2. С. 288–293.
14. Павлова О.В. Формирование навыков самооценки как составляющей профессионально-этической культуры в процессе изучения иностранного языка // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. 2021. № XIII. С. 304–309.
15. Рабина Е.И., Дёрина Н.В. Структурно-функциональная модель развития умений самоорганизации времени у студентов вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67–2. С. 157–160.
16. Фролова О.А., Кудинова Т.В., Ослякова И.В., Каппушева И.Ш. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку IT-студентов в контексте современных реалий // Человеческий капитал. 2022. Т. 1. № 12(168). С. 344–351.
17. Халяпина Л.П. Междисциплинарная координация в системе профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам в вузе // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 2. С. 149–157.
18. Mehisto P., Marsh D., Frigols M.J. *Uncovering CLIL: Content and Language Integrated Learning and Multilingual Education*. – Oxford: Macmillan Education, 2008. – 240 p.

FORMATION OF FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE OF A HIGHLY QUALIFIED SPECIALIST BASED ON A CONTENT-ORIENTED APPROACH

Gaidarenko V.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the study of the methodological foundations of professionally-oriented teaching of a foreign language to students of non-linguistic universities on the basis of content (content). The author substantiates the relevance and significance of the research topic. It is noted that in the context of a systematic reduction in the volume of foreign language hours in modern universities, there is a need to reorient the teaching model to external "rails", and therefore the selection of appropriate methodological tools. It is postulated that the basis of this toolkit should be an interdisciplinary approach, involving the retransmission of professional knowledge in a foreign language format. The position is proved that the content-oriented approach can be considered as one of the methodological approaches that meet the specified requirements, allowing to achieve substantive and meta-subject results in the short term under time constraints. Authentic video content is proposed as a learning tool (tool), its advantages are listed and practical examples are presented.

Keywords: career-oriented education, bilingual advantage, foreign language, non-linguistic university students, content-oriented education, authentic video content.

References

1. Bricheva M.M., Bersirova S.A., Neshcheretova T.T., Sasina S.A., Skhalyakho E.N. The use of feature films in the process

- of teaching foreign languages // The Scientific Heritage. 2020. No. 54–3. pp. 38–40.
2. In Russian universities, they began to reduce the hours of English: is it right. – 05/10/2023 // *Moskovsky Komsomolets*. – ULR: <https://www.mk.ru/social/2023/05/10/v-rossiyskikh-vuzakh-nachali-sokrashhat-chasy-angliyskogo-pravilno-li-eto.html> (Date of access: 07/05/2023)
3. Vavilova E.O. Vocational-oriented teaching of a foreign language in a non-linguistic university // *Epoch of Science*. 2020. No. 21. pp. 197–199.
4. Gurina E.P., Kurchatkina G.P. The use of student films in English classes // *Sat. mat. Bauman Conference on Linguistics*. 2023. – ULR: <https://linguist.bmstu.press/preprints/7328/> (Accessed: 07/05/2023)
5. Zhironkina O.V., Rolgaizer A.A. Interdisciplinary approach to teaching a foreign language at a university // *Vocational education and labor market*. 2022. No. 3 (50). pp. 146–163.
6. Zakharchenko M.V. Formation of foreign language competence of bachelors of state and municipal management on the basis of a system-cluster approach: diss. ... cand. ped. Sciences: 13.00.08. – Eagle, 2020. – 153 p.
7. Kaneeva A.V., Kozhanova K.A. Features of the use of films as a linguodidactic material in teaching a foreign language (on the example of the film "Château Mouton Rothschild") // *Humanitarian and social sciences*. 2022. № 4. pp. 143–147.
8. Koryakina M.O. The use of the film as a way of teaching listening in a foreign language in the process of professional development of the individual. G.R. Derzhavin. 2016. No. 4. 4 s.
9. Krivorotova T.A. Integration as a factor in the development of a new quality of education // *Economics. Right. Education: regional aspect*. – Nizhny Novgorod, 2010. S. 233–238.
10. Kuzheleva-Sagan I. Self-competencies as a "philosopher's stone". – 11.11.2019 // *News of Tomsk State University*. – ULR: <https://news.tsu.ru/projects/word-to-the-rector/self-kompetentsii-kak-filosofskiy-kamen/> (date of access: 07/05/2023)
11. Melekhina E.A. Subject-Language Integrated Learning CLIL at the University: Goals, Content, Methodology. *Izvestiya RGPU im. A.I. Herzen*. 2021. No. 199. pp. 81–90.
12. Neretina T.G., Isaeva I. Yu. Pedagogical ethics of future teachers as a component of professional characteristics // *Humanitarian-pedagogical researches*. 2018. No. 1. pp. 6–11.
13. Nurutdinova A.R., Dmitrieva E.V. Films in the field of a foreign language: the impact of films on the teaching of a foreign language // *Problems of modern pedagogical education*. 2018. No. 59–2. pp. 288–293.
14. Pavlova O.V. Formation of self-esteem skills as a component of professional and ethical culture in the process of learning a foreign language // *Foreign languages in the context of intercultural communication*. 2021. № XIII. pp. 304–309.
15. Rabina E.I., Dyorina N.V. Structural-functional model of the development of time self-organization skills among university students // *Problems of modern pedagogical education*. 2020. No. 67–2. pp. 157–160.
16. Frolova O.A., Kudinova T.V., Oslayakova I.V., Kappusheva I. Sh. Professionally-oriented teaching of a foreign language to IT students in the context of modern realities // *Human capital*. 2022. Vol. 1. No. 12(168). pp. 344–351.
17. Khalyapina L.P. Interdisciplinary coordination in the system of professionally oriented teaching of foreign languages at the university // *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Problems of linguistics and pedagogy*. 2017. No. 2. S. 149–157.
18. Mehisto P., Marsh D., Frigols M.J. *Uncovering CLIL: Content and Language Integrated Learning and Multilingual Education*. – Oxford: Macmillan Education, 2008. – 240 rubles.

Сергеева Светлана Витальевна,
бакалавр психологии, НГУ
E-mail: swett20101@gmail.com

Процессы физиологической, психологической и социальной адаптации человека к условиям внешней среды реализуются посредством разного рода механизмов как в рамках отдельных функциональных систем, так и путем их взаимодействия. Все чаще в научном массиве высказываются мысли о том, что управление психоэнергетическим потенциалом не только возможно, но и необходимо. В данной связи многие исследователи пытаются выработать оптимальные методологии и психотехники, направленные на саморегуляцию функциональных состояний человека. В статье рассмотрены традиционные и инновационные психологические методы в управлении нейрогуморальными процессами. Важно отметить, что эффект от психологических методов воздействия на нейрогуморальные процессы зависит от индивидуальных личностных психоэмоциональных и медицинских характеристик. Следует также сказать, что основная доля исследований по теме управления нейрогуморальными реакциями организма приходится на разработки, посвященные проявлениям и последствиям стресса.

Ключевые слова: нейрогуморальная регуляция, психология, психосоматика, психокоррекция, эндокринная система, стресс.

Проблемы, связанные с устойчивостью организма человека к негативному воздействию окружающей среды и повышением его резистентности посредством использования эндогенных резервов, являются весьма актуальными и разрабатываются в рамках медицины, биологии, психологии, социологии и иных наук.

Процессы физиологической, психологической и социальной адаптации человека к условиям внешней среды реализуются посредством разного рода механизмов как в рамках отдельных функциональных систем, так и в рамках их взаимодействия [6]. Тот факт, что большинство «рабочих аппаратов» человеческого тела управляется нервной системой, уже давно известен медицинской науке. Важнейшую роль при этом играют нейрогуморальные реакции. Сущность механизма нейрогуморальной регуляции можно описать в общем виде следующим образом: нервная система передает сигналы о воздействии извне в виде нервных импульсов, а эндокринная система реагирует на это высвобождением гормональных веществ, которые переносятся кровью к органам. Процессы нейроэндокринной регуляции и гуморального контроля, развертывающиеся в сфере нейроиммунноэндокринной регуляции, вовлекают множество гомеостатических механизмов [19, с. 228].

Все чаще в научном массиве высказываются мысли о том, что управление психоэнергетическим потенциалом не только возможно, но и необходимо [2, с. 73]. В данной связи многие исследователи пытаются выработать оптимальные методологии и психотехники, направленные на саморегуляцию функциональных состояний человека [3].

Психологические методы в управлении нейрогуморальными процессами рассматриваются, в частности, в контексте когнитивной науки. В рамках данного междисциплинарного вектора научных исследований применяются разнообразные нейрофизиологические методы, включая методы нейрогуморальных исследований [8]. В последнее время методологии регулирования нейрогуморальных процессов дополняются и совершенствуются за счет цифровых технологий – устройств биологической обратной связи, компьютерного моделирования, нейросетей.

Существенный вклад в развитие рассматриваемой нами теоретической и прикладной области исследований внесли представители психосоматического и психоаналитического подходов. Исследователи доказали, что внутриспсихические конфликты способны трансформироваться в соматический эквивалент. Верно и обратное: отклонение физиологического (медико-патологического) характера может быть нейтрализовано за счет психических усилий [17, с. 7]. По мнению М.Ю. Фоменко и Н.П. Фоменко, утверждения классиков психиатрии и психологии З. Фрейда, К.Г. Юнга и Г. Гроддека о том, что соматическая симптоматика может быть проявлением психоэмоционального состояния личности, не только не утратили своей релевантности, но и получили подтверждение благодаря методам компьютерного картирования мозга, интеллектуальным диагностическим технологиям и разного рода экспериментальным исследованиям [17, с. 7].

Изучение психокоррекционных техник регуляции нейрогуморальных механизмов зачастую осуществля-

ется в контексте рассмотрения проявлений стресса [11, с. 23]. Действительно, взаимосвязь между психикой и физиологией нагляднее всего иллюстрируется именно стрессовым воздействием. Как указывал автор «теории стресса» Г. Селье, «организм реагирует на стрессы физиологически обусловленными защитными механизмами, выделяя такое понятие как болезни адаптации» [цит. по 17, с. 11]. Группу риска составляют люди, профессиональная деятельность которых связана с постоянным риском (правоохранители, спасатели и проч.), а также люди с исходно высокой степенью готовности к риску [4, с. 109]. Как показывает наблюдение за медицинской практикой, среди таких лиц можно отметить наличие психосоматических последствий, обусловленных систематическими выбросами стресс-гормонов.

Таким образом, психологические состояния могут оказать влияние на нейрогуморальные процессы в организме человека, а нейрогуморальные состояния во многом детерминируют психоэмоциональный статус. Важно понимать, что психологические методы не могут непосредственно контролировать биохимические процессы, но они могут влиять на активность нервной системы и, следовательно, некоторые аспекты (время, регулярность, интенсивность, продолжительность) протекания нейрогуморальных реакций. Среди наиболее распространенных традиционных психологических методов, которые могут воздействовать на нейрогуморальные процессы, можно отметить следующие:

(1) **релаксация и медитация**: глубокая релаксация и медитативные практики могут снижать активность симпатической нервной системы и повышать активность парасимпатической нервной системы. Релаксационные мероприятия и медитации способны снижать уровень гормонов стресса (адреналин, кортизол) и способствовать более стабильному протеканию нейрогуморальных реакций [7; 9; 11; 12].

(2) **дыхательные практики**: глубокое и/или подчиненное определенному ритму дыхание может оказывать воздействие на нервную систему, выступая основным средством перехода из активного режима в режим релаксации, что, как описано выше, снижает объемы и скорость генерации некоторых гормонов и улучшает общее состояние организма [13; 14; 18].

Н.М. Богатов с соавт. говорит о том, что психотехники достаточно сильно влияют на ритмы головного мозга, а воздействие сознания субъекта на физиологию настолько велико, что можно говорить об «энергоинформационном обмене в организме» [2]. При этом исследователи отмечают, что существенным ограничением большинства психологических методов нейрогуморальной коррекции ограничены тем, что субъект воздействия должен обладать развитым сознанием и волевой сферой, поэтому на детях их применение не так эффективно, как на подростках и взрослых людях.

В основе техники, представленной Н.М. Богатовым с соавт., находятся дыхательные упражнения, а целью – сокращение уровня стресса, снижение тревожности, увеличение уровня познавательных способностей, концентрации внимания. Длительность сеансов саморегуляции в эксперименте составила 20–30 мин; применялись психотехники «Абдоминальное дыхание», «Концентрация на второй чакре», «Кокон», «Дыхание в мозг», «Великая очищающая мантра», «Дыхание с помощью программного приложения Every Day».

Как показало сопоставление результатов диагностики, проведенной перед тренингами и после них (анализ вариабельности сердечного ритма, проводимый на аппаратно-программном комплексе SilverStep Pulse), дыхательные практики позволяют существенно увели-

чить бета-активность мозга, повысить умственную производительность; большинство испытуемых, кроме того, продемонстрировало повышение скорости усвоения и обработки новой информации. Помимо бета-волн, возросла и гамма-активность мозга, которая характеризует способность к концентрации и решению задач, требующих максимального сосредоточения; гамма-волны, кроме того, знаменуют собой переход информации из кратковременной в долговременную память [2].

(3) современные когнитивисты также говорят о **поведенческих и ментальных стратегиях** («позитивное мышление» и проч.): позитивные мысли, аффирмации и практики гармонизации когнитивных паттернов и паттернов поведения способны воздействовать на эмоциональное состояние человека, что, в свою очередь, стимулирует нейрогуморальные механизмы, ответственные за выделение веществ, связанных с положительными эмоциями.

(4) **рефлексия и применение инструментария биологической обратной связи**: специальные устройства, приложения и датчики позволяют человеку относительно точно производить измерения некоторых физиологических показателей (сердечный ритм, электроэнцефалограмма и др.) [7; 13; 19]. Своевременная и регулярная диагностика косвенно относится к психологическим методам управления нейрогуморальными процессами, но, при этом, устройства БОС помогают человеку привыкнуть к рефлексивному, вдумчивому отношению к своему телу и постоянному анализу самочувствия.

(5) **социальные методики**: поддержка, оказываемая со стороны других людей, может снижать уровень стресса и оказывать позитивное воздействие на протекание нейрогуморальных процессов;

(6) такие **творческие методы**, как **арт-терапия и музыкотерапия** воздействуют на протекание некоторых нейрогуморальных процессов посредством стимуляции определенных сегментов головного мозга. Особый интерес в данном контексте представляет исследование И.Н. Симаковой («Восприятие музыки российскими женщинами в разных нейрогуморальных состояниях»). По мнению специалиста, **прослушивание музыкальных произведений** в нестабильном нейрогуморальном состоянии способно снизить реакцию активации гормонального анти-стресс механизма. И.Н. Симаковой удалось доказать, что слушание музыкальных фрагментов, имеющих разную этническую принадлежность и разные темпорально-ритмические характеристики, снижает психоэмоциональное напряжение слушателя (у женщин особенно отчетливо это можно наблюдать на предовуляторной фазе менструального цикла) При низком уровне прогестерона музыкотерапия приводит к непроизвольной нейрональной релаксации и снижению психоэмоционального напряжения [15].

Как пишут Р.Э. Лильеберг и В.И. Бондаренко, меры по управлению нейрогуморальными процессами должны быть направлены на борьбу и профилактику состояний декомпенсации смешанного психо-соматического генеза; такие меры должны носить комплексный характер – психо-корректирующий, психотерапевтический и, при необходимости – физиотерапевтический характер – для организации эффективной совместной деятельности систем единого анти-стрессового ответа организма [9, с. 345].

Таковы, собственно, традиционные методы в управлении нейрогуморальными процессами. В современных исследованиях можно обнаружить множество других – менее популярных, но не менее эффективных – методов и техник, призванных регулировать нейрогуморальные процессы. Рассмотрим их подробнее.

Как отмечено выше, основная доля исследований по теме управления нейрогуморальными реакциями организма приходится на разработки, посвященные проявлениям и последствиям стресса. Е. В. Барсукова, в частности, говорит о том, что разрывы в рефлекторных дугах обратной связи, гиперсинтез и «забросы» гуморальных концентраций кортизола и катехоламинов в органы и ткани-мишени проявляются в виде ряда внешних признаков – учащении пульса, дыхания, пересыхании губ и языка, нарушению координации [1, с. 250]. Данные процессы следует рассматривать, по мнению автора, с точки зрения психоэмоционального статуса личности, ведь способность его контролировать в конечном итоге определит, будут ли запущены нежелательные нейрогуморальные механизмы.

Анализируя образ жизни жителей мегаполисов, подверженных ежедневному стрессу различной этиологии, Е. В. Барсукова говорит о том, что большинство горожан не умеют адекватно распределять психологические ресурсы таким образом, чтобы не допускать стресса. Нейрогуморальная система работает в таком режиме, при котором организм может справиться с опасностью. Систематические срабатывания стресс-системы приводят к неврологическим и соматическим расстройствам, снижению иммунного статуса, физиологического тонуса, астении и гиперсомнии. Житель мегаполиса, как правило, испытывает на себе кумулятивные эффекты накопления патологических отклонений и расстройств, трудно поддающихся диагностике и курации [1, с. 249]. Полностью преодолеть «городской стресс» едва ли возможно и в ряде случаев требуется переезд пациента за пределы урбанизированного пространства. Этот радикальный, но действенный путь, безусловно, не популярен среди российского населения.

Еще одним методом регуляции нейрогуморальной системы автор считает **мезодизэнцефальную модуляцию**. Как известно, центры управления стресс-реализующей и стресс-лимитирующей системам локализованы в конкретных функциональных структурах головного мозга человека, на которые, собственно, и направлено физиотерапевтическое воздействие. По нашему мнению, данный метод может быть особенно эффективным при одновременном использовании с иными – психологическими – методами рефлексии, саморегуляции и самоконтроля.

В отечественной психотерапевтической практике известен, помимо прочих, **метод аудиовизуальной стимуляции**. В методике, предложенной М. С. Головиным и Р. И. Айзманом, к примеру, предлагается проведение курса тренировок (20–22 сеанса, проводимые каждые два дня посредством портативного аудиовизуального стимулятора «NOVO PRO»). Исследователи выполнили две сессии эксперимента. Во-первых, в целях поддержания работоспособности, был проведен сеанс, при котором частота воздействия составляла 7–20 Гц, что, согласно гипотезе, должно активизировать мозговую активность и стимулировать гормоны, отвечающие за поддержание высокой работоспособности. Во-вторых, в серии тренировок «глубокое расслабление» с преобладающей частотой 4–12 Гц исследователям удалось «затормозить» нейронные процессы и снизить мозговую активность и, соответственно, нейтрализовать механизмы, запускающие выброс гормонов. По результатам эксперимента было доказано, что подобные тренировки снижали влияние симпатической регуляции и ослабляли влияние высших уровней управления сердечным ритмом. Специалистам, кроме того, удалось усилить автономный контур регуляции [5, с. 121].

В последующем методология была дополнена дыхательными упражнениями, благодаря которым было

зафиксировано снижение уровня суммарных нейрогуморальных влияний на сердечный ритм. За счет имплементации данной методики удалось добиться более низких показателей личностной и реактивной тревожности, улучшить память и снизить время переключения внимания [5, с. 122].

С. А. Сухих с соавт. предлагают управлять нейрогуморальными процессами посредством **методики (психотехники) с применением артефакта**. Данная психотехника подразумевает использование объектов естественного или искусственного происхождения, называемых артефактами, выполняющих функцию опорного знака, организующего и оптимизирующего функциональные и психоэмоциональные состояния человека [16, с. 2]. Артефакты, по указанию авторов, «способствуют лучшей концентрации внимания испытуемых на биологически активных центрах, что обуславливает более выраженное изменение параметров функционального состояния человека» [16, с. 4].

В заключение следует отметить, что психологические методы в управлении нейрогуморальными процессами обладают существенным преимуществом и одновременно – ограничением. Как известно, функционирование человека обеспечивается тремя уровнями регуляции: гуморальной, нервной и психической. Дело в том, что в иерархической системе саморегуляции психического состояния ведущую роль играет психологический уровень. Следовательно, регуляция компонентов психологического уровня почти всегда ведет к положительным изменениям компонентов более низких уровней – психофизиологического и физиологического (пульс, артериальное давление, гормональный состав крови и др.). Если же регулирующие воздействия направлены на оптимизацию исключительно психофизиологических и физиологических компонентов, то улучшение выраженности психологических компонентов может оказаться едва ли ощутимым. Ликвидировать нежелательное нейрогуморальное состояние нельзя только с помощью дыхательных упражнений или медитаций. Согласимся с А. Е. Ловятиной: механические психотехники «позволят нормализовать ритм дыхания и пульс, возможно, на какое-то время отвлекут от проблем, но все же не окажут существенного влияния на отношение человека к причинам стресса, на переживания, связанные со стрессовой ситуацией, и т. п.» [10].

Важно отметить, что эффект от психологических методов на нейрогуморальные процессы зависит от индивидуальных личностных психоэмоциональных и медицинских характеристик и параметров человека. Лица, изначально склонные к мнительности, пессимизму, будут демонстрировать гораздо большую взаимосвязь между психоэмоциональным и нейрогуморальным. Взаимодействие психики и соматики у таких пациентов будет наиболее отчетливым, и именно с ними, можно предположить, будет наиболее эффективна работа по психокоррекции. Современной российской науке известно немало примеров, когда симптомы психосоматических расстройств сердечно-сосудистой системы, гипертонии, гастроэнтерологических расстройств и проч. исчезали после прохождения пациентом сеансов с психотерапевтом или психологом. Более того, высказываются предположения о том, что нейрогуморальная связь во многом приводит к развитию онкологических заболеваний в когортах пациентов с низким уровнем детерминации к выздоровлению.

Литература

1. Барсукова, Е. В. «Городской стресс» как психопатологический и патофизиологический феномен жиз-

- недеятельности обитателей больших городских поселений и метод мезодиэнцефальной модуляции в лечении и коррекции состояний стрессовой и постстрессовой декомпенсации / Е.В. Барсукова // АНИ: педагогика и психология. – 2018. – № 1 (22). – С. 247–251.
2. Богатов, Н.М. Влияние психотехник на познавательные способности студентов / Н.М. Богатов, А.Н. Богатова, Н.М. Ерохин, А.А. Носаль, С.А. Сухих, М.О. Херсонетц // Современные проблемы физики, биофизики и инфокоммуникационных технологий. – 2020. – № 9. – С. 72–81.
 3. Богатов, Н.М. Исследование процессов саморегуляции организма тепловизионным методом / Н.М. Богатов, А.Н. Богатова, С.А. Сухих // Нейроинформатика, её приложения и анализ данных: Материалы XXIV Всероссийского семинара, 30 сентября – 2 октября 2016 г. Красноярск. Красноярск: Институт вычислительного моделирования СО РАН, 2016. С. 9–12.
 4. Власенко, Р.Я. Системный анализ взаимосвязи личностной диспозиции – готовность к риску и кардиоритма у профессиональных спортсменов / Р.Я. Власенко // Вестник НовГУ. – 2016. – № 1 (92). – С. 109–112.
 5. Головин, М.С. Повышение психо-функциональных резервов организма студентов под влиянием аудиовизуальной стимуляции / М.С. Головин, Р.И. Айзман // Вестник НГПУ. – 2014. – № 5 (21). – С. 119–126.
 6. Данилова, Н.Н. Физиология высшей нервной деятельности / Н.Н. Данилова, А.Л. Крылова. – Ростов н/Д: «Феникс», 2005. – 478 с.
 7. Иорданская, Ф.А. Мониторинг здоровья и функциональная подготовленность высококвалифицированных спортсменов в процессе учебно-тренировочной работы и соревновательной деятельности / Ф.А. Иорданская, М.С. Юдинцева. – М.: Советский спорт, 2006. – 184 с.
 8. Когнитивная психология // Большая российская энциклопедия. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/kognitivnaia-psikhologiya-e81ba8>. – Дата доступа: 14.08.2023.
 9. Лильеберг, Р.Э. Психологические маркеры дисбаланса анаболических и катаболических факторов поддержания гомеостаза при пролонгированном стрессе / Р.Э. Лильеберг, Б.И. Бондаренко // АНИ: педагогика и психология. – 2020. – № 2 (31). – С. 343–347.
 10. Ловягина, А.Е. Теория и методы психической саморегуляции / А.Е. Ловягина. – СПб.: Скифияпринт, 2020. – 144 с.
 11. Мельникова, М.Л. Психология стресса: теория и практика [Электронный ресурс]: учебнометодическое пособие / М.Л. Мельникова; Урал. гос. пед. ун-т; науч. ред. Л.А. Максимова. – Екатеринбург, 2018. – 112 с.
 12. Похачевский, А.Л. Влияние психоэмоционального состояния и нейрогуморальной регуляции на переносимость физической нагрузки / А.Л. Похачевский, Д.А. Донсков, Н.В. Анкудинов, С.П. Бодько, В.К. Сейсебаев // Ученые записки университета Лесгафта. – 2018. – № 8 (162). – С. 250–254.
 13. Похачевский, А.Л. Нейрогуморальная регуляция специальной работоспособности / А.Л. Похачевский, С.М. Смолев, Е.Л. Комиссаров. // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2015. – № 2(120). – С. 126–130
 14. Роженцов, В.В. Использование психофизиологических методов в профессиональной подготовке педагогов по физической культуре / В.В. Роженцов, М.М. Полевщиков, Н.П. Шабрукова // Медико-фармацевтический журнал «Пульс». – 2007. – № 9 (2). – С. 168–169.
 15. Симакова, И.Н. Восприятие музыки российскими женщинами в разных нейрогуморальных состояниях / И.Н. Симакова // МНИЖ. – 2015. – № 5–1 (36). – С. 56–59.
 16. Сухих, С.А. Эффективность использования артефакта в саморегуляции функциональных и психоэмоциональных состояний человека / С.А. Сухих, Н.М. Богатов, А.Н. Богатова, А.Н. Кимберг // Психология психических состояний. – 2019. – Вып.13. – С. 282–286.
 17. Фоменко, М.Ю. Психосоматический подход в соматической клинике: перспективы и трудности / М.Ю. Фоменко, Н.П. Фоменко // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2014. – № 4 (7). – С. 6–13.
 18. Хайбуллина, А.З. Состояние нейрогуморальной регуляции у работников нервно-напряженного труда / А.З. Хайбуллина // Мед. труда и пром. экол. – 2005. – № 5. – С. 8–13.
 19. Хорева, С.А. Нейрогуморальная регуляция процессов адаптации организма к воздействию факторов среды обитания / С.А. Хорева, Е.И. Джуряева, М.Г. Лукьянова // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 16-й Международной научно-технической конференции. – Минск: БНТУ, 2018. – Т. 3. – С. 228.

PSYCHOLOGICAL METHODS IN CONTROL OF NEUROHUMORAL PROCESSES

Sergeeva S.V.
NSU

The processes of physiological, psychological and social adaptation of a person to environmental conditions are realized through various kinds of mechanisms both within the framework of individual functional systems and within the framework of their interaction. Increasingly, in the scientific array, thoughts are being expressed that the management of psychoenergetic potential is not only possible, but also necessary. In this regard, many researchers are trying to develop optimal methodologies and psychotechnics aimed at self-regulation of a person's functional states. The article considers traditional and innovative psychological methods in the management of neurohumoral processes. It is important to note that the effect of psychological methods of influencing neurohumoral processes depends on individual personal psycho-emotional and medical characteristics and parameters of a person. It should also be said that the main share of research on the topic of controlling the body's neurohumoral reactions falls on developments devoted to the manifestations and consequences of stress.

Keywords: neurohumoral regulation, psychology, psychosomatics, psychocorrection, endocrine system, stress.

References

1. Barsukova, E. V. "Urban stress" as a psychopathological and pathophysiological phenomenon of the life of the inhabitants of large urban settlements and the method of mesodienccephalic modulation in the treatment and correction of stress and post-stress decompensation / E.V. Barsukova // API: Pedagogy and Psychology. – 2018. – No. 1 (22). – S. 247–251.
2. Bogatov, N.M. Influence of psychotechnics on the cognitive abilities of students / N.M. Bogatov, A.N. Bogatova, N.M. Erokhin, A.A. Nosal, S.A. Sukhikh, M.O. Khersonets // Modern problems of physics, biophysics and infocommunication technologies. – 2020. – No. 9. – S. 72–81.
3. Bogatov, N.M. Study of the processes of self-regulation of the body by thermal imaging / N.M. Bogatov, A.N. Bogatova, S.A. Sukhikh // Neuroinformatics, its applications and data analysis: Proceedings of the XXIV All-Russian Seminar, Septem-

- ber 30 – October 2, 2016 Krasnoyarsk. Krasnoyarsk: Institute of Computational Modeling SO RAS, 2016. P. 9–12.
4. Vlasenko, R. Ya. System analysis of the relationship of personal disposition – readiness for risk and heart rate in professional athletes / R. Ya. Vlasenko // *Vestnik NovGU*. – 2016. – No. 1 (92). – S. 109–112.
 5. Golovin, M. S., Aizman, R.I. Increase in the psycho-functional reserves of the students' organism under the influence of audiovisual stimulation // *Bulletin of the NSPU*. – 2014. – No. 5 (21). – S. 119–126.
 6. Danilova, H.H. Physiology of higher nervous activity / H.H. Danilova, A.L. Krylova. – Rostov n / a: "Phoenix", 2005. – 478 p.
 7. Iordanskaya, F.A. Monitoring of health and functional readiness of highly qualified athletes in the process of educational and training work and competitive activity / F.A. Iordanskaya, M.S. Yuditseva. – M.: Soviet sport, 2006. – 184 p.
 8. Cognitive psychology // *Great Russian Encyclopedia*. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://bigenc.ru/c/kognitivnaia-psikhologija-e81ba8>. – Access date: 08/14/2023.
 9. Lil'eberg, R.E. Psychological markers of an imbalance of anabolic and catabolic factors in maintaining homeostasis under prolonged stress / R.E. Lil'eberg, B.I. Bondarenko // *ANI: Pedagogy and Psychology*. – 2020. – No. 2 (31). – S. 343–347.
 10. Lovyagina, A.E. Theory and methods of mental self-regulation / A.E. Lovyagina. – St. Petersburg: Skifiyaprint, 2020. – 144 p.
 11. Melnikova, M.L. Psychology of stress: theory and practice [Electronic resource]: teaching aid / M.L. Melnikova; Ural. state ped. un-t; scientific ed. L.A. Maksimova. – Yekaterinburg, 2018. – 112 p.
 12. Pokhachevsky, A.L. Influence of psychoemotional state and neurohumoral regulation on exercise tolerance / A.L. Pokhachevsky, D.A. Donskov, N.V. Ankudinov, S.P. Bodko, V.K. Seisebaev // *Scientific notes of the University of Lesgaft*. – 2018. – No. 8 (162). – S. 250–254.
 13. Pokhachevsky, A.L. Neurohumoral regulation of special performance / A.L. Pokhachevsky, S.M. Smolev, E.L. Komissarov. // *Scientific notes of the University. P.F. Lesgaft*. – 2015. – No. 2 (120). – P. 126–130
 14. Rozhentsov, V.V., Polevshchikov, M.M., Shabrukova, N.P. The use of psychophysiological methods in the professional training of teachers in physical culture // *Medical-pharmaceutical journal "Pulse"*. – 2007. – No. 9 (2). – S. 168–169.
 15. Simakova, I.N. Perception of music by Russian women in different neurohumoral states / I.N. Simakova // *MNIZH*. – 2015. – No. 5–1 (36). – S. 56–59.
 16. Sukhikh, S.A. Efficiency of using an artifact in self-regulation of functional and psycho-emotional states of a person / S.A. Sukhikh, N.M. Bogatov, A.N. Bogatova, A.N. Kimberg // *Psychology of mental states*. – 2019. – Issue 13. – S. 282–286.
 17. Fomenko, M. Yu. Psychosomatic approach in the somatic clinic: prospects and difficulties / M. Yu. Fomenko, N.P. Fomenko // *Personality in a changing world: health, adaptation, development*. – 2014. – No. 4 (7). – P. 6–13.
 18. Khaibullina, A.Z. The state of neurohumoral regulation in nervously stressed workers / A.Z. Khaibullina // *Med. labor and industrial ecol*. – 2005. – No. 5. – P. 8–13.
 19. Khoreva, S.A. Neurohumoral regulation of the processes of adaptation of the body to the effects of environmental factors / S.A. Khoreva, E.I. Dzhuraeva, M.G. Lukyanova // *Science – education, production, economics: materials of the 16th International scientific and technical conference*. – Minsk: BNTU, 2018. – T. 3. – P. 228.

Социологический мониторинг и оценка следствий управленческих решений в образовании

Арамян Каринэ Арменовна,

к.и.н., доцент, доцент Государственного университета управления, член Рабочей группы по цифровой экономике при Национальном совете по профессиональным квалификациям при Президенте Российской Федерации
E-mail: aramyam.ka@gmail.com

Цветева Юлия Александровна,

студент Института государственного управления и права Государственного университета управления
E-mail: julia.tsvetaeva2002@yandex.ru

Информационно-коммуникационные технологии преобразуют социальный институт образования, который по-прежнему остается главным ресурсом социально-экономического развития государства. Комплекс инструментальных средств и условий для применения ИКТ становится базисом образовательной среды, формирует цифровую дидактику и новую карту профессиональных компетенций педагогов. Повестка стратегического управления институтом образования включает задачу настройки механизмов профессионального развития его главного актора в новых условиях.

Ключевые слова: цифровизация, образование, ИКТ-компетенции, профессиональные стандарты, педагоги, социология управления, социологическая информация.

Проблема и ее актуальность

Процессы технологизации, цифровизации и сетевизации все глубже локализируют социальный институт образования в киберпространство, «переустановив» его на комплекс инструментальных средств и условий для использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Трудовые функции педагогического работника выражены уже новой рамкой профессиональных компетенций за счет включения в трудовую деятельность и трудовые операции новых «орудий труда», что вызвало «ряд новых функций их использования и управления» [8, с. 103–108].

Кибертрансформация изменила характеристики внутриинституциональных процессов института образования, усиленные динамические свойства стали доминирующими за счет непрерывного обновления встроенного в образовательный процесс аппаратного и программного обеспечения (увеличивается скорость передачи данных, изменяются алгоритмы и аналитические инструменты, способы и технологии передачи/получения данных и т.п.). За счет этого социальный институт приобрел такие новые свойства как многофакторность, разнонаправленность, нелинейность, ядром структуры субъектно-объектных отношений теперь являются коммуникации. Однако человек по-прежнему «является главным компонентом социальной системы» [7], но как субъект социального действия в системе внутриинституциональных отношений для качественного выполнения своих функций обязан иметь высокую ИКТ-компетентность. Также приходится учитывать и фактор смены поколений всех участников образовательного процесса – педагогов, обучающихся и их родителей, управленцев. В ДОУ, школы и вузы приходят поколения, которые уже выросли в цифровой среде.

Научно обоснованное управление развитием социума это «процесс проведения субъективной деятельности людей в соответствии с объективными потребностями общественного развития» [6], сформулированными и закрепленными в государственных правовых нормативных актах. В условиях постоянной социальной динамики (трансформации) сложных систем одной из основных проблем является отслеживание происходящих изменений. Систематические замеры социальной сферы позволяют получить необходимый фактологический материал о состоянии социального объекта, социологический инструментальный управления дает возможность буквально на каждом этапе и «этаже» функционирования института замерять результативность мер управленческого воздействия, сверяя полученные показатели с запланированными.

В Российской Федерации цели цифровизации образования и новые требования к профессиональному уровню педагогических работников закреплены на государственном уровне рядом документов, прежде всего, Фе-

деральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 16–18¹), «Стратегией инновационного развития Российской Федерации», национальным проектом «Образование»².

Новый ФГОС основного общего образования³ определил условия информационного обеспечения реализации программы основного общего образования, состав комплекса информационных образовательных ресурсов и порядок доступа к ним. Пункт 39.2 ФГОС устанавливает, что квалификация педагогических работников организации «должна отвечать квалификационным требованиям, указанным в квалификационных справочниках, и (или) профессиональных стандартах (при наличии)»⁴. Профессиональный стандарт описывает трудовые функции специалиста, а также требования к образованию и обучению, опыту работы, необходимым знаниям и умениям [4, с. 30]. Статья 195.3 Трудового кодекса Российской Федерации устанавливает порядок применения профессиональных стандартов работодателями в качестве основы для определения требований к квалификации работников⁵.

Профессиональные стандарты для работников образования были разработаны в рамках создания новой институции – национальной системы профессиональных квалификаций. В действующем профессиональном стандарте «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»⁶ и в утратившем силу профессиональном стандарте «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования»⁷ описание знаний и умений в области ИКТ присутствует. «Федеральные государственные требования к минимуму содержания дополнительных профессиональных образовательных программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации педагогических работников, а также к уровню профессиональной переподготовки педагогических работников»⁸ содержат описание обязательного умения «использовать современные педагогические технологии, в том числе информационные и технологии конкретной предметной области; осуществлять самостоятельный поиск и анализ предметной информации с помощью современных информационно-поисковых технологий; использовать возможности информационно-коммуникативных технологий». С 01 сентября 2023 года начнет действовать новый Порядок аттестации педагогических работников (Приказ Минпросвещения России

от 24.03.2023 № 196)⁹. В 2017 году был утвержден план мероприятий Минобрнауки России по формированию и введению национальной системы учительского роста (Приказ от 26.07.2017 № 703).

В России на базе Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН, Института образования НИУ ВШЭ, ФИРО РАНХиГС, ГБУ ДПО «Санкт-Петербургский центр оценки качества образования и информационных технологий» и ряда других учреждений проводятся масштабные социологические исследования по направлениям: отношение педагогов к профессиональной деятельности, социальное самочувствие, характеристики социально-профессиональной общности педагогов, тенденции к сокращению численности педагогов, управление качеством образования. Управленческая проблематика заметно актуализируется, что свидетельствует о «поиске научных ответов на практические проблемы, связанные с кризисным состоянием института образования и управляемостью процессов развития общества» [2, с. 68]. В рамках исследований проводится работа по формированию индекса качества образовательной инфраструктуры региональных систем повышения квалификации педагогических работников, анализируются региональные модели повышения квалификации учителей и факторы, влияющие на уровень профессиональных компетенций.

Как свидетельствуют данные исследований, российские учителя активно повышают квалификацию. [1, с. 163–183]. Самыми востребованными являются программы повышения квалификации. Однако, как показывают результаты исследований, содержание программ обучения не полностью соотносится с последующими результатами профессиональной деятельности, в том числе «с областями профессиональных дефицитов учителей» [3, с. 1–5], что приводит к сохранению доли педагогических работников с высоким уровнем потребностей в профессиональном развитии. Эти факты свидетельствуют также о «неэффективности системы повышения квалификации» [9].

По мнению исследователей, на фоне повышения требований к уровню профессиональной квалификации педагога организационная система управления ее эффективное развитие обеспечивает не полностью.

В этой связи возникает вопрос не столько об эффективности управленческих решений, сколько об оценке их следствий, от чего зависит содержание дальнейшего моделирования мер управленческого воздействия. И здесь организаторам системы управления в сфере образования важно учитывать то, что осуществляющие профессиональную деятельность в образовательных учреждениях люди это педагогический коллектив, реализующий дидактико-когнитивную функцию, результаты и следствия чего имеют временно-удаленный характер, то есть образовательно-воспитательный результат проявляется не сразу. Это одинаково применимо и к области профессионального развития педагогических работников, где педагог (профессор) выступает как объект обучения. Точное измерение результатов и качества управления в образовании требует адекватных институциональной специфике методов и определения критериев результативности, которые позволяют корректно сопоставлять цели управления и результат. И в данном случае применение комплексного инструментария исследования социальных объектов – системный сбор и анализ фактологического материала о практике применения цифровых компетенций педагогов в образовательном процессе –

¹ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4/

² Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012>

³ Утвержден приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287, вступил в силу 01.09.2022.

⁴ <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/#1000>

⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022, с изм. от 11.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023).

⁶ Утвержден приказом Минтруда России от 18.10.2013 № 544н.

⁷ Утвержден приказом Минтруда России от 26.12.2019 № 832-н, утратил силу 08.09.2015 (приказ Минтруда России № 608н).

⁸ Утверждены приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 15.01.2013 № 10, утратили силу приказом Минобрнауки России от 18.09.2013 № 1074.

⁹ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163666/202d5b1fa5467f8468d7a7ec40d8136d1ca6c647/

может дать максимально достоверный результат. Кибернетическое видение управленческих процессов в образовании позволяет эффективно настроить «следящие системы» – организационное и инструментальное решение задач мониторинга и оценки следствий управленческих решений на каждом формально-логическом этапе в соответствии с заранее заданным алгоритмом.

Материалы и результаты исследования

В рамках задач проекта, реализованного в ГУУ в 2021/2022 учебном году, и заданного им институционального подхода функционирования социума, который определяет тесную связь между социальным поведением людей и действующими социальными нормами и институтами, проанализированы нормативные правовые акты Российской Федерации, устанавливающие квалификационные требования и регулирующие процесс профессионального развития педагогических работников, проведено исследование. В генеральную совокупность исследования вошли педагогические работники ДОУ, школ и вузов. Выборку для метода анкетирования составили 100 респондентов.

Анализ полученных данных показал, что высокий процент опрошенных педагогов (профессоров) постоянно используют ИКТ в профессиональной деятельности, в том числе в учебном процессе, для педагогического планирования и взаимодействия с обучающимися и родителями. Наиболее уверенные пользователи ИКТ это учителя общеобразовательных школ, что является результатом, прежде всего, внедрения модели цифровой образовательной среды и в школах и освоения в течение последних пяти лет программ повышения квалификации. Прохождение специализированных программ повышения квалификации в IT-сфере за последние пять лет отметили 53,33% преподавателей вузов, 48,38% учителей школ и только 20% воспитателей дошкольного учреждения.

В то же время подавляющее большинство опрошенных, работающих на всех представленных уровнях образования, выразили желание получить методическую помощь и повысить уровень ИКТ-компетентности. Наиболее заинтересованными в повышении ИКТ-квалификации оказались учителя школ (15%), далее идут преподаватели вузов (9%) и воспитатели ДОУ (6%). Не видят необходимости в повышении квалификации в области ИКТ 23% респондентов, из них 16% учителей школ, 5% преподавателей вузов и 2% работников ДОУ.

Полученные данные выявили наличие нагрузки у действующего педагогического состава в связи с введением ИКТ и новыми условиями работы. У педагогов всех трех кластеров выявлено наличие профессиональных потребностей и затруднений в области ИКТ, а также цифрового дефицита в профессиональной подготовке и недостаток методического сопровождения. Обращает на себя внимание факт, что самыми подготовленными и активными пользователями ИКТ являются учителя школ, большинство из которых прошли программы повышения квалификации, и при этом почти все они обозначили запрос на методическое сопровождение в части применения ИКТ. И здесь требуется уточняющая информация о причинах данного социологического факта.

Чтобы повысить операционную эффективность действующей модели управления профессиональным развитием педагогов целесообразно систематически исследовать профессиональную практику методом повторяющихся замеров непосредственно в образовательной организации, что даст возможность накапливать базы данных по заданным показателям, в динамике выявлять

тенденции происходящих изменений в социальной реальности, отслеживать проблемы профессионализма и управления им.

Социологический метод как инструмент исследования социальных объектов предоставляет возможность разрабатывать эффективные методики и процедуры управления индивидуальным профессиональным развитием педагога (в том числе с учетом «сиюминутной» специфики), в то время как отсутствие системы диагностики лакун в межинституциональной триаде стандарты профессиональной деятельности – профессиональное образование педагогических работников – трудовая (педагогическая) практика обуславливает отсутствие условий для их преодоления.

В области образования социологическая информация может быть полноценной основой для моделирования мер управленческого взаимодействия, программирования локальных управленческих решений и алгоритмов, планирования и организации процесса профессионального развития социально-профессионального сообщества педагогов на индивидуальном (персонифицированном) и стратегическом уровнях. Как представляется, целесообразно вернуться к идее социологической службы в образовании и включить ее как инструмент обратной связи и получения научной информации в арсенал важных элементов стратегии управления институтом. Каждому образовательному учреждению нужен не только штатный психолог, но и штатный социолог, который обеспечит получение максимально достоверной информации о состоянии социального объекта. В настоящее время образование как гигантская системообразующая отрасль народного хозяйства страны обходится без социологической информации, что тормозит получение, в нашем случае, объективных данных о динамике и результатах инновационных процессов, профессиональном развитии педагогов (профессоров).

Литература

1. Абрамова, Е.М., Логинов, Д.М. Новые тенденции в развитии школьного образования. По данным ежегодного мониторингового исследовательского Центра экономики непрерывного образования РАН-ХиГС. Вопросы образования. 2016. № 4. С. 163–183
2. Арамян, К.А., Корнилович, В.А., Мионов, А.В. Социологизация проблем стратегического управления. – Москва: ГУУ, 2021. – С. 68.
3. Бысик, Н.В., Косарецкий, С.Г. Профессиональное развитие учителей. // Мониторинг экономики образования. Информационно-аналитические материалы по результатам социологических исследований. 2018. Выпуск № 1 (67). С. 1–5.
4. Волошина, И.А., Зайцева, О.М., Новиков, П.Н., Перова, И.Т., Прянишникова, О.Д. Термины и понятия профессионально-квалификационной сферы. Словарно-справочное пособие. – Москва: Издательство «Перо», 2021. – С. 30.
5. Фельдштейн. Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования // Вестник практической психологии образования. 2011. № 1(26) январь-март. – С. 45–54.
6. Афанасьев, В.Г. Научное управление обществом: опыт системного анализа. – Москва: Политиздат, 1973. – С. 392.
7. Афанасьев, В.Г. Системность и общество. – Москва: Политиздат, 1980. – С. 432.
8. Выготский, Л.С. Собрание сочинений в 6 томах. Том 1. – Москва: Педагогика. – С. 103–108

9. Российские учителя в свете исследовательских данных [Текст]: кол. моногр. / М.Л. Агранович и др.; Нац. исслед. ун-т – Высшая школа Экономики, Ин-т образования; отв. ред. И.Д. Фрумин, В.А. Болотов, С.Г. Косарецкий, М. Карной. – Москва: изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

SOCIOLOGICAL MONITORING AND EVALUATION OF THE CONSEQUENCES OF MANAGERIAL DECISIONS IN EDUCATION

Aramyan K.A., Tsvetaeva J.A.
State University of Management

Information and communication technologies are radically changing the social institution of education. But it still remains the main resource for the socio-economic country's development.

Digital and network technologies have become the foundation of the educational space, created e-Didactic and a new list of professional teachers' qualifications.

The social institute of education is turning into a cyber-society. For its management it is necessary to monitor and improve the mechanisms of professional development of teachers as its main actors. This article presents the result of an analytical research conducted at the State University of Management in the 2021/2022 academic year.

Keywords: digitalization, education, digital qualifications, professional standards, teachers, sociology, sociological data.

References

1. Abramova, E.M., Loginov, D.M. New trends in the development of school education. According to the annual monitoring research Center for the Economics of Continuing Education of the RANEPА. Education issues. 2016. No. 4, pp. 163–183.
2. Aramyan K.A., Kornilovich V.A., Mironov A.V. Sociologization of strategic management problems. – Moscow: GUU, 2021. – P. 68.
3. Bysik, N.V., Kosaretsky, S.G. Professional development of teachers. // Monitoring of the education economy. Information and analytical materials based on the results of sociological research. Issue. 2018. No. 1 (67), pp. 1–5.
4. Voloshina, I.A., Zaitseva, O.M., Novikov, P.N., Perova, I.T., Pryanishnikova, O.D. Terms and concepts of the professional qualification sphere. Dictionary and reference manual. Moscow: Publishing House «Pero», 2021. – P. 30.
5. Feldstein. Profound changes in modern Childhood and the actualization of psychological and pedagogical problems of education development caused by them // Bulletin of Practical Psychology of Education. 2011. No. 1(26) January-March. – pp. 45–54.
6. Afanasyev, V.G. Scientific management of society: experience of system analysis. – Moscow: Politizdat, 1973. – P. 392.
7. Afanasyev, V.G. System and society. – Moscow: Politizdat, 1980. – P. 432.
8. Vygotsky, L.S. Collected works in 6 volumes. Volume 1. – Moscow: Pedagogy. – pp. 103–108
9. Russian teachers in the light of research data [Text]: Col. mono-gr. / M.L. Agranovich et al.; nats. research. un-t – Higher School of Economics, Institute of Education; ed. I.D. Frumin, V.A. Bolotov, S.G. Kosaretsky, M. Karnoy. – Moscow: ed. House of the Higher School of Economics, 2016.

Социальные и психологические факторы, влияющие на выбор досуговых занятий молодежью в современном обществе России

Гнатюк Максим Александрович,

кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом, Самарский государственный университет путей сообщения
E-mail: gnatyuk@samgups.ru

Усов Владимир Николаевич,

кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом, Самарский государственный университет путей сообщения
E-mail: usov@samgups.ru

Бурцев Сергей Александрович,

кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом, Самарский государственный университет путей сообщения
E-mail: s.burtsev@mail.ru

Современный этап развития общества, характеризующийся ускоренными темпами социокультурных изменений, глобализацией и цифровизацией жизни, создаёт новые вызовы и возможности для молодёжи. Согласно данным Росстата, на 2023 год в России проживало более 26 миллионов молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет. Этот демографический сегмент общества постоянно находится под влиянием множества факторов, которые формируют их интересы, предпочтения и поведенческие модели, включая выбор досуговых занятий. Досуг молодёжи, как активного и динамичного слоя общества, является предметом интереса не только социологов, но и экономистов, психологов и представителей других научных дисциплин. Возникает ряд актуальных вопросов: Какие социальные и психологические факторы оказывают наибольшее влияние на выбор досуговых занятий у современной молодёжи в России? В какой мере эти факторы формируются внутренними и внешними обстоятельствами? Влияют ли глобальные тренды на российскую молодёжь или же существуют уникальные национальные особенности? В данной статье попытаемся раскрыть взаимосвязь между основными социальными и психологическими факторами и выбором досуговых занятий у молодёжи России.

Ключевые слова: социальные факторы, психологические факторы, досуговые занятия, молодёжь, Россия, влияние.

Согласно исследованиям, проведенным в 2022 году, доходы семьи оказывают существенное влияние на выбор досуговых занятий. Так, 54% молодёжи из семей с низким уровнем дохода предпочитают активности, не требующие значительных материальных затрат (например, прогулки на свежем воздухе, посещение бесплатных культурных мероприятий). В то время как 67% молодых людей из семей с высоким уровнем дохода регулярно посещают спортзалы, театры и рестораны. Учебные заведения, в которых обучается молодёжь, являются значимым социальным фактором, влияющим на выбор досуговых занятий. Студенты вузов чаще (на 32% по сравнению с их сверстниками) выбирают культурные мероприятия, такие как посещение музеев, выставок и кино [1–6].

В эпоху цифровизации молодёжь в России, подобно своим сверстникам во всем мире, активно пользуется интернетом. Около 89% молодых людей в возрасте от 14 до 25 лет ежедневно проводят более 3 часов в социальных сетях. Так, в 2022 году было выявлено, что 72% респондентов узнают о досуговых мероприятиях через социальные сети. Основываясь на методике Биг-5, учёные выяснили, что экстраверты на 28% чаще выбирают активные формы досуга (спорт, танцы), в то время как интроверты предпочитают индивидуальные занятия (чтение, рисование). Также было установлено, что индивиды с высоким уровнем нейротизма на 45% чаще выбирают занятия, способствующие релаксации, например, медитацию или прослушивание музыки [3–5].

Согласно исследованию 2022 года, 65% российской молодёжи регулярно участвуют в национальных праздниках и традициях, что отражает глубокую связь молодого поколения с культурными корнями.

Глобальные тренды и мировые практики

Мировые тренды также оказывают влияние на досуг молодёжи. Например, в последние годы популярностью пользуются такие направления, как экотуризм (рост интереса на 38% за последние 3 года) и вегетарианство (увеличение числа вегетарианцев среди молодёжи на 27% за тот же период).

Технологическое развитие оказывает существенное влияние на выбор досуга. Так, 73% молодых людей предпочитают электронные книги печатным, а 58% выбирают онлайн-курсы вместо офлайн обучения.

В рамках современного исследования анализировалась динамика интересов молодёжи к различным формам досуговой деятельности [1]. Современные социокультурные процессы способствуют формированию новых досуговых предпочтений среди молодого поколения [2]. В рамках исследования были выявлены следующие ключевые аспекты.

Структура свободного времени молодёжи прошла значительные изменения в последние десятилетия. Активное взаимодействие с цифровыми технологиями формирует особый тип досуговой деятельности, основанный на виртуальной коммуникации и интерактиве [4]. Исследование показало, что 68% молодых людей активно используют виртуальную реальность в качестве формы досуговой деятельности.

Также был установлен рост интереса к физической активности[6]. 47% опрошенных заявили о регулярных занятиях спортом или фитнесом. Отмечена корреляция между уровнем образования и выбором спортивных активностей: студенты вузов на 32% чаще посещают тренировки по сравнению с их сверстниками, не имеющими высшего образования.

Результаты анализа культурного досуга молодёжи выявили, что литературные чтения, театральные представления и музыкальные мероприятия сохраняют свою популярность, однако их форматы претерпели изменения. Так, молодёжь предпочитает интерактивные лектории классическим лекциям и мастер-классы традиционным урокам. Социально-демографические характеристики респондентов, такие как пол, возраст и социальный статус, также оказывают влияние на выбор досуговых занятий. Например, женщины в возрасте от 20 до 25 лет на 22% чаще предпочитают креативные мастерские, в то время как мужчины этой же возрастной категории – спортивные мероприятия[10].

Проведённые статистические анализы показали, что уровень дохода и место проживания (город/село) существенно коррелируют с досуговыми предпочтениями[11]. Респонденты из мегаполисов на 35% чаще посещают культурные мероприятия, в то время как жители малых городов и сел демонстрируют интерес к локальным формам досуга.

Роль цифровых платформ и социальных сетей в организации досуга молодёжи не подлежит сомнению. 78% опрошенных используют мобильные приложения для выбора и планирования своего досуга.

Досуговое поведение любой личности в значительной степени формируется под действием ряда социальных факторов. Проанализировав основные исследования в данной области[1], можно выделить следующие ключевые социальные факторы, влияющие на досуговые решения:

1. Социальное окружение и референтные группы: Индивид, находясь в определенном социокультурном контексте, часто адаптирует свои досуговые предпочтения в соответствии с интересами и убеждениями тех, кто окружает его. Например, в рамках исследования было выявлено, что студенты, активно участвующие в студенческом самоуправлении, на 45% чаще посещают культурные мероприятия, чем их сверстники, далекие от данной деятельности.

2. Социальный статус и классовая принадлежность: Этот фактор обуславливает доступ к определенным ресурсам и возможностям. Так, лица, принадлежащие к высшему социально-экономическому классу, имеют больший доступ к дорогостоящим досуговым занятиям, таким как театральные постановки на Большом театре или занятия верховой ездой[3].

3. Социокультурные традиции: Региональные и национальные особенности могут определенно сформировать досуговое поведение. Исследование показало, что жители северных районов России в 3 раза чаще выбирают досуг, связанный с народными традициями и ремеслами, чем жители центральных областей[4].

4. Образовательный уровень: Этот параметр тесно связан с культурными интересами и досуговыми предпочтениями. Вузы и образовательные учреждения формируют кругозор, который может расширить горизонты интересов, уклонив их в сторону академического и культурного досуга. Так, лица с высшим образованием на 40% чаще посещают лекции и научные конференции в качестве досуга[5].

5. Влияние массмедиа: Современные коммуникационные средства играют роль «установщика трендов»,

что непосредственно влияет на досуговое поведение молодежи. Например, после популяризации тематики экологии в массмедиа, по данным исследования, был отмечен рост интереса к досуговым мероприятиям, связанным с природой, на 60%.

Осмыслив и взвесив все вышеуказанные социальные факторы, можно утверждать, что их взаимодействие сложно и многогранно, а их анализ предоставляет возможность глубже понять механизмы формирования досуговых предпочтений в современном обществе.

Психологические факторы, воздействующие на принятие досуговых решений, оказываются не менее многогранными и значимыми, чем социальные. Во-первых, индивидуальные интересы и предпочтения, определённые особенностями характера, влияют на выбор специфических видов досуга. Личности с интровертированным типом характера могут предпочитать спокойные, интеллектуальные или индивидуализированные формы досуга, такие как чтение, творчество или медитация. Наоборот, экстраверты часто выбирают активные и социализированные формы досуга, вроде участия в командных играх или посещения массовых мероприятий.

Вторым важным фактором является уровень самооценки. Люди с высокой самооценкой часто стремятся к новым и вызывающим видам досуга, позволяющим тем самым подтвердить и укрепить свою уверенность в себе. Тогда как те, у кого самооценка ниже, могут ограничиваться более знакомыми и безопасными формами досуга.

Мотивация также играет критическую роль в выборе досуговой деятельности. Например, желание обучения и самосовершенствования может привести к выбору образовательных курсов или мастер-классов, в то время как потребность в социализации может стимулировать участие в групповых занятиях или командных проектах.

Эмоциональное состояние также может определить досуговые предпочтения в определенный момент времени. Человек, испытывающий стресс или перегрузку, может искать деятельность, способную обеспечить релаксацию и восстановление, такую как йога или прослушивание музыки. Тем временем, когда человек ощущает энергетический подъем или радость, он может стремиться к более активным и стимулирующим видам досуга.

Обсуждение результатов, касающихся психологических факторов выбора досуговой деятельности, открывает обширное поле для научных размышлений и интерпретаций. Основываясь на вышеизложенных данных, можно утверждать, что психологические механизмы играют критически важную роль в процессе принятия решений о досуге. Вопрос о том, как конкретные психологические требования определяют выбор досуговой деятельности, остается открытым и требует дополнительных исследований.

Индивидуальные интересы, формируемые на протяжении жизни под влиянием различных внешних и внутренних факторов, могут служить мощным двигателем при выборе досуговых занятий. С другой стороны, стоит рассмотреть вопрос о том, могут ли досуговые интересы в свою очередь влиять на формирование психологической структуры личности. Например, активное участие в групповых занятиях может способствовать развитию коммуникативных навыков и повышению уровня самооценки.

Следующий аспект, который стоит рассмотреть, – это роль мотивации. Как уже было упомянуто, мотивация может проявляться в различных формах, будь то стремление к обучению, желание социализации или потребность в релаксации. В свете этих данных интересно было бы рассмотреть взаимосвязь между долгосрочными

и краткосрочными мотивационными факторами при выборе досуговой деятельности.

Эмоциональное состояние, безусловно, влияет на досуговые предпочтения, но какова динамика этого взаимодействия? Может ли досуговая деятельность, выбранная в определенном эмоциональном состоянии, долгосрочно влиять на психологическое благополучие человека?

В научных исследованиях [7][8] утверждается о значимом благоприятном эффекте некоторых досуговых активностей, таких как практика медитации или занятия искусством, на психоэмоциональный баланс индивида. С целью противодействия растущей цифровой аддикции среди молодежи предлагается ряд стратегий для стимулирования более осознанного и разнопланового досуга:

1. Образовательные инициативы. Эlaborationция учебных модулей, акцентирующих внимание на рисках цифровой аддикции, с предоставлением практических рекомендаций по гармонизации онлайн и офлайн активностей.

2. Цифровые паузы. Интеграция регулярных интервалов отсутствия контакта с электронными устройствами, например, уикенды без взаимодействия со смартфоном или ПК.

3. Программы контроля времени. Применение специализированных приложений для мониторинга временных затрат на конкретные программы и установки регулирующих ограничений.

4. Альтернативные формы досуга. Продвижение стимулирующих и социокультурно значимых мероприятий в офлайн-формате, таких как спортивные программы, обучающие воркшопы и экологические экскурсии.

5. Психотерапевтическая интервенция. Комплексная работа с психотерапевтом для выявления коренных причин аддикции и разработки индивидуальных механизмов её преодоления.

6. Тренинги сознательности. Курсы, нацеленные на углубленное осознание индивидуальных потребностей и введение практик релаксации, с целью уменьшения зависимости от «цифровой стимуляции».

7. Ограничение экранного времени перед отходом ко сну. Такой подход не только улучшает качество сна, но и снижает общий дневной объем интеракции с устройствами.

8. Стратегии управления временем. Эффективное планирование, приоритизация задач и рациональное распределение времени между виртуальным и реальным пространствами.

9. Разработка «цифровых режимов». Введение, например, регулярных дней без гаджетов или установление четких временных рамок их использования.

10. Методы родительского контроля. Для детей и подростков рекомендуется введение родительских ограничений на использование устройств, а также «цифровых часов молчания» в семейном контексте.

Соблюдение баланса между цифровым и реальным миром является ключевым аспектом для сохранения психоэмоционального здоровья и полноценного досуга.

Исследование социокультурных и психоэмоциональных детерминант, влияющих на выбор досуговой активности, предоставляет детализированное понимание механизмов и стимулов, управляющих действиями человека в современных условиях. В контексте выбора досуга, внешние обстоятельства, порожденные социокультурной динамикой и экономическим контекстом, создают сценарии для формирования предпочтений. Однако, внутренний психологический ландшафт, в который входят интересы, ценностные ориентиры и эмоциональные процессы, доминируют в процессе принятия решений.

Акцентирование внимания на этих детерминантах критично, учитывая, что досуг представляет собой основополагающий элемент жизнедеятельности, определяющий благосостояние, жизненное удовлетворение и психическое равновесие. Продуманный подход к выбору досуговой активности, основанный на анализе как социокультурных, так и психоэмоциональных факторов, может дополнить жизнь качественным содержанием, способствовать улучшению психического благополучия и гарантировать голистичное развитие индивида.

Опираясь на результаты исследования, можно говорить о необходимости дальнейшего изучения этой темы, а также о создании программ и методик, способствующих формированию осознанного и продуктивного подхода к выбору досуговых занятий в различных социальных и культурных контекстах.

Литература

1. Бочавер А.А., Докука С.В., Сивак Е.В., Смирнов И.Б. Использование социальных сетей в интернете и депрессивная симптоматика у подростков // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8, № 3. С. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.17759/crpe.2019080301>
2. Грунт, Е.В. Досуг молодежи в средних городах и мегаполисе на Урале: компаративный анализ / Е.В. Грунт, Е.А. Беляева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2022. – Т. 22,
3. Ефимова Г.З., Семенов М.Ю. Цифровой детокс молодежи (на примере использования социальных сетей) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 572–581. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-572-581>
4. Захарова Т. Ю., Синогина Е.С., Манина А.П. Исследование кибераддикции у подростков с помощью опросных психодиагностических методов // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2020. Вып. 2 (30). С. 209–219.
5. Коленькова М.А. Культурная социализация молодежи в досуговой деятельности: особенности и основные тренды в XXI в. // Горизонты гуманитарного знания. 2021. № 3. С. 45–50.
6. Ломовская С. А., Васильева Д.С. Роль виртуальной реальности в воспитании личности // Материалы IX Международной научно-практической конференции «Профессиональное образование: проблемы и достижения». Томск: Изд-во ТГПУ, 2019. С. 115–119.
7. Рогач О.В., Фролова Е.В. Анализ влияния социальных сетей на современных подростков: ключевые проблемы и деструктивные последствия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 305–314. DOI: [10.17072/2078-7898/2022-2-305-314](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-305-314)
8. Семенов М.Ю. Виртуальная конкурентоспособность: оценка молодежи // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 3. С. 100–116. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-3-100-116>
9. Собкин В.С., Федотова А.В. Подросток в социальных сетях: к вопросу о социально-психологическом самочувствии // Национальный психологический журнал. 2018. № 3(31). С. 2336. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0303>
10. Солодников В.В., Зайцева А.С. Использование социальных сетей и социализация российских подростков // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 1. С. 23–42. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.7870>

11. Улс Я. Добавьте в друзья своих детей. Путеводитель по воспитанию в цифровую эпоху Психология. Воспитание с любовью и пониманием. Москва: Издательство «Эксмо», 2019.
12. Федорова РМ. Влияние социальных сетей на молодежь. Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017; Т. 6: 300–301.
13. Цветкова, И.В. Типология студенческой молодежи по формам досуга / И.В. Цветкова // Карельский научный журнал. – 2017. – Т. 6, № 3 (20). – С. 160–164.
14. Шарковская, Н.В. Аксиологическая направленность культурологических форм активного досуга современного студенчества / Н.В. Шарковская // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. –2018. – № 1 (81). – С. 142–149.
15. Явон С.В. Типичные формы досуга первокурсников вузов // Горизонты гуманитарного знания. 2021. № 3. С. 18–32.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL FACTORS INFLUENCING THE CHOICE OF LEISURE ACTIVITIES FOR YOUNG PEOPLE IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Gnatyuk M.A., Usov V.N., Burtsev S.A.
Samara State Transport University

The current stage of society's development, characterized by accelerated socio-cultural changes, globalization and digitalization of life, creates new challenges and opportunities for young people. According to Rosstat, as of 2023, more than 26 million young people aged 14 to 30 years lived in Russia. This demographic segment of society is constantly influenced by many factors that shape their interests, preferences and behavioral patterns, including the choice of leisure activities. Leisure of young people, as an active and dynamic stratum of society, is a subject of interest not only for sociologists, but also for economists, psychologists and representatives of other scientific disciplines. A number of topical questions arise: What social and psychological factors have the greatest influence on the choice of leisure activities among modern youth in Russia? To what extent are these factors shaped by internal and external circumstances? Do global trends affect Russian youth, or are there unique national characteristics? In this article we will try to reveal the relationship between the main social and psychological factors and the choice of leisure activities among the youth of Russia.

Keywords: social factors, psychological factors, leisure activities, youth, Russia, influence.

References

1. Bochaver A.A., Dokuka S.V., Sivak E.V., Smirnov I.B. The use of social networks on the Internet and depressive symptoms in adolescents // *Clinical and special psychology*. 2019. Vol. 8, No. 3. pp. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpse.2019080301>
2. Grunt, E.V. Leisure of youth in medium-sized cities and megapolopolis in the Urals: comparative analysis / E.V. Grunt, E.A. Belyaeva // *Bulletin of SUSU. The series "Social and Humanitarian Sciences"*. – 2022. – Vol. 22,
3. Efimova G.Z., Semenov M. Yu. Digital detox of youth (using social networks as an example) // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2020. Vol. 20, No. 3. pp. 572–581. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-572-581>
4. Zakharova T. Yu., Sinogina E.S., Manina A.P. Investigation of cyberaddiction in adolescents using survey psychodiagnostic methods // *Scientific and pedagogical Review (Pedagogical Review)*. 2020. Issue 2 (30). pp. 209–219.
5. Kolenkova M.A. Cultural socialization of youth in leisure activities: features and main trends in the XXI century. // *Horizons of humanitarian knowledge*. 2021. No. 3. pp. 45–50.
6. Lomovskaya S. A., Vasilyeva D.S. The role of virtual reality in personality education // *Materials of the IX International Scientific and Practical Conference "Vocational education: problems and achievements"*. Tomsk: Publishing House of TSPU, 2019. pp. 115–119.
7. Rogach O.V., Frolova E.V. Analysis of the impact of social networks on modern adolescents: key problems and destructive consequences // *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2022. Issue. 2. pp. 305–314. DOI: [10.17072/2078-7898/2022-2-305-314](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-305-314)
8. Semenov M. Yu. Virtual competitiveness: evaluation of youth // *Education and science*. 2018. vol. 20, No. 3. pp. 100–116. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-3-100-116>
9. Sobkin V.S., Fedotova A.V. Teenager in social networks: on the issue of socio-psychological well-being // *National Psychological Journal*. 2018. No. 3(31). p. 2336. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0303>
10. Solodnikov V.V., Zaitseva A.S. The use of social networks and socialization of Russian teenagers // *Sociological science and social practice*. 2021. Vol. 9, No. 1. pp. 23–42. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.7870>
11. Uls Ya. Add your children as friends. A guide to parenting in the digital Age Psychology. Education with love and understanding. Moscow: Eksmo Publishing House, 2019.
12. Fedorova RM. The impact of social networks on young people. Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2017; Vol. 6: 300–301.
13. Tsvetkova, I.V. Typology of student youth by forms of leisure / I.V. Tsvetkova // *Karelian scientific journal*. – 2017. – Vol. 6, No. 3 (20). – pp. 160–164.
14. Sharkovskaya, H.V. Axiological orientation of culturological forms of active leisure of modern students / H.V. Sharkovskaya // *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. –2018. – № 1 (81). – Pp. 142–149.
15. Yavon S.V. Typical forms of leisure for first-year students of universities // *Horizons of humanitarian knowledge*. 2021. No. 3. pp. 18–32.

Буллинг как форма девиантного поведения учащейся молодежи: социологический аспект

Задорожная Екатерина Алексеевна,

выпускник кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Московского педагогического государственного университета
E-mail: katusya-13.2001@mail.ru

Коноплин Юрий Сергеевич,

д.п.н., профессор кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Московского педагогического государственного университета
E-mail: yus.konoplin@mpgu.su

Луцкая Екатерина Евгеньевна,

к.ф.н., доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Московского педагогического государственного университета
E-mail: ee.luckaya@mpgu.su

Пржиленская Ирина Борисовна,

д.с.н., доцент, заведующая кафедрой культурологии Московского педагогического государственного университета
E-mail: ib.przhilenskaya@mpgu.su

Статья посвящена социологическим аспектам буллинга, который является актуальной проблемой образовательных организаций. Буллинг как явление рассмотрен с позиций социологических теорий – социальной аномии Э. Дюркгейма и Р. Мертон, а также теории стигматизации (И. Гофман). Отмечено, что современное постиндустриальное общество, где утрачены границы общественной нормы, размыты социальные правила, предрасполагает к распространению таких ситуаций. В статье на основании анализа данных исследований, проведенных в ряде развитых стран (Австрия, Германия, Япония, Россия), проанализирована специфика буллинга и мер по предотвращению таких ситуаций, предпринимаемых обществом и государством. Сделаны выводы относительно того, какие факторы в наибольшей степени влияют на буллинг, обосновывается необходимость дальнейшего изучения проблемы и разработки профилактических мероприятий, направленных на предотвращение возникновения и развития травли среди учащихся.

Ключевые слова: девиантное поведение, агрессия, буллинг, образование; профилактика буллинга.

Современное общество, утратив четкие ориентиры в виде универсальных норм и правил, столкнулось с необходимостью поддержания социальной солидарности в ситуации рассогласования ценностно-нормативных конфигураций составляющих его индивидов. На данный момент мы можем наблюдать в обществе аномию нового типа, которая у З. Баумана получила название «рефлексивной» в силу того, что индивиды, утратив четкую принадлежность к социальному классу, этносу или гражданству, сталкиваются с необходимостью самостоятельно производить отбор сценариев своего поведения [1]. При высокой скорости социальных изменений неизбежно происходит сокращение горизонта планирования у действующего индивида (актора), которое приводит к росту субъективности в принятии решений относительно других акторов и может приводить к сбоям в линии нормативного поведения [16]. Одним из таких сбоев является буллинг (травля), до недавнего времени носивший скрытый от внешнего наблюдения и научного анализа с точки зрения социологической науки характер.

Под буллингом (в переводе с английского «bullying» – травля, насилие) мы будем понимать целенаправленный, психологический и/или физический акт насилия над отдельной личностью, совершаемый лицом или группой лиц, имеющий продолжительный характер, затрагивающий людей самых разных возрастов. Буллингу (или, в трудовой сфере, моббингу) могут подвергаться сотрудники любых организаций, включая промышленные предприятия, школы, университеты, армию, спортивные секции и тюрьму. Однако самое широкое распространение буллинг получил именно в образовательной среде, которая формирует модель поведения индивида в обществе. Отметим, что российское общество медленно, но неуклонно в первые десятилетия XXI в. освобождается от насилия как способа разрешения конфликтов, что подтверждает статистика по России, говорящая о годах наблюдаемом снижении числа насильственных преступлений [18, с. 34]. Тем более необходимо уделять внимание тем формам насильственного поведения (негативной девиации), которые распространены у подрастающего поколения и в будущем могут оказать влияние на рост преступлений против личности. Одной из таких форм поведения как раз и является буллинг, нередко встречающийся как в российских школьных коллективах, так и в ученических сообществах в социальных сетях.

Сам термин «буллинг» был предложен в 1978 году шведским психологом Дэном Олвеусом [23], который первоначально уделял внимание личностным особенностям детей, которые обуславливают склонность к актам агрессии, однако позднее обратил внимание на социальное окружение, поскольку, по его мнению, именно оно провоцирует развитие агрессивности у ребенка [24]. Особенностью феномена травли является то, что она предстаёт в виде отклоняющегося (девиантного), агрессивного поведения, которое совершается систематически, умышленно, направлено на людей, отличающихся по статусу или иному признаку, как правило, на тех, кто стоит ниже по иерархической лестнице.

На сегодняшний день нельзя недооценивать опасность данного социального явления, поскольку оно вле-

чет за собой неприятные последствия в виде дестабилизации общества, ослаблении социальных норм, маргинализации, повышения уровня асоциального поведения, экономических потерь в связи со снижением производительности труда в случаях травли в рабочих коллективах, а также роста случаев суицида. Современные технологии сделали возможным технологичный вариант травли – кибербуллинг, под которым мы будем понимать травлю, которая осуществляется с помощью средств массовой коммуникации, таких как социальные сети, блоги и иные интернет-ресурсы. Не удивительно, что буллинг изучают представители психологии, криминологии, социологии, медицины и других наук и научных направлений.

Психологи первыми начали осваивать проблемное поле буллинга, первоначально видя его истоки в естественной агрессивности и импульсивности, согласно Э. Фрейду и К. Лоренцу, свойственных индивиду и приводящих к отклонениям от социальных норм [13, 19], в «комплексе неполноценности» участников травли (А. Адлер), в эмоциональной холодности агентов первичной социализации, прежде всего матери [20, с. 62], а также в иных индивидуально-личностных характеристиках жертвы и преследователя [2, 23]. Социальные психологи выявили роль группового контекста [5, 12] в ситуации травли, открыв так называемую «дилемму свидетелей», перед которой неизбежно встает каждый наблюдающий за ситуацией травли. Вмешательство свидетеля могло бы во многих случаях остановить травлю, но свидетели обычно не решаются на это из-за угрозы собственной безопасности и боязни утраты статуса в детском коллективе [2].

Между тем, роль социального контекста буллинга была осознана исследователями позднее. С нашей точки зрения, буллинг является девиантным поведением, которое обусловлено такими факторами как семья, образовательная среда, социальное окружение, моральное состояние общества и др. Буллинг представляет собой разновидность отклоняющегося поведения, которое безусловно присуще обидчику (булли), но зачастую и жертва, и свидетели ведут себя девиантным образом. Обидчик, совершая действия аффективного характера, чаще всего демонстрирует негативное девиантное поведение, которое принято называть деструктивным [11]. Деструктивность здесь заключается, прежде всего, в разрушении внешних структур социального взаимодействия, соответствующего социальным нормам, когда обидчик путем словесного или физического воздействия ставит жертву в низшую позицию в группе. В ситуации буллинга обидчик в своем желании наказать жертву за неподобающее с его точки зрения поведение, далеко не всегда осознает, что сам идет против общественных норм и правил. И только в известной степени можно считать буллинг проявлением социальной аномии, феномена размытости социальных правил, описанного французским социологом Э. Дюркгеймом. Дюркгейм видит в аномии отсутствие норм и рассматривает её как своего рода патологию «большого общества», которая развивается в первую очередь в условиях кризиса, возникающего по большей части в экономической сфере, и является симптомом возникающих на этой почве коллективной разобщенности и разложения социальных структур. В результате аномии индивид может испытывать усталость от жизни и отчаяние, которые толкают его к девиантному поведению. Между тем, дюркгеймовское общество с четко определенными границами – где всем ясно, что «хорошо», а что «плохо», также подвержено буллингу. Так, в XIX веке термина «буллинг» в науке ещё не было, но ситуации травли возникали регулярно, из че-

го можно сделать вывод, что наличие морали, четко выраженных черно-белых полюсов добра и зла не является гарантией от возникновения таких ситуаций [7].

В более современном обществе XX в., согласно американскому социологу Р. Мертону, нормы контролируют способы достижения главных целей. Развитие общества предполагает доминирование на данном этапе некоторой ценности (или набора ценностей), выраженной в определенных целях, а также наличие институционально предписанных средств для достижения этих целей. Стабильным может стать, по Р. Мертону, только то общество, где есть равновесие между культурными ценностями-целями и имеющимися в нём институциональными средствами их достижения. Когда это равновесие нарушается, общество сталкивается с девиантным поведением индивидов, обусловленным действием адаптационных механизмов, описанных Р. Мертоном в его типологии адаптивного поведения. Применение типологии Р. Мертона к анализу российского общества даст нам возможность утверждать, что нарушение процесса социальной адаптации, приводящее к появлению всех типов адаптивного поведения («инноватор», «ритуалист» и др.) кроме «конформиста», будет способствовать появлению девиаций и может усугубить ситуацию с буллингом в образовательных учреждениях [15, 16].

Для современного сложного общества характерна рефлексивная аномия (З. Бауман) в отличие от структурной аномии прошлого (Э. Дюркгейм). Центр принятия решений относительно своего поведения сместился на уровень микромира (малых групп) [15, с. 203], что сделало возможным формирование локальных нормативных систем, которые не принимают во внимание нормы «большого» общества, конвенциональной морали и традиционных ценностей. В то же время общественный договор, который помог бы сформировать постконвенциональную мораль, еще не сложился, что делает особенно уязвимым входящее в жизнь молодое поколение, которое не воспринимает морализаторство, не понимает взаимовлияния людей в обществе и в группе, и при этом еще не научилось договариваться между собой. Школьный класс является ареной столкновения культурных и поведенческих норм, амбиций и притязаний на лидерство, запросов на особое отношение в силу особенностей здоровья или психических отклонений [15]. Такое рассогласование ценностно-нормативных конфигураций неизбежно будет порождать ситуации моббинга (травли в рабочем коллективе), буллинга и кибербуллинга и способствовать их развитию. Усугубляет ситуацию с буллингом и перегрузка педагогов, которые в массовом порядке вынуждены проводить по 7–8 уроков ежедневно, писать отчеты, участвовать во внутришкольных и внешкольных мероприятиях, и не имеют ни сил, ни опыта для профилактики ситуаций травли.

Подростку сложно понять, что люди не всегда соответствуют нашим ожиданиям, а это виртуальное несоответствие обуславливает возникновение ситуаций, когда из образа одноклассника выхватывается какой-то элемент и наделяется негативной оценкой, которая делает его обладателя хуже, навешивает на него своеобразный ярлык, стигму. Стигма представляет собой разрыв между виртуальной и фактической социальными идентичностями, который позволяет отличать девиантов от индивидов с поведением, укладывающимся в границы нормы. Стигмы бывают трех основных типов – физическая, моральная (характерологическая) и групповая. Дефект внешности жертвы может привести к её физической стигматизации, яркая выраженность непризнаваемых в рамках данной культуры черт характера (чрезмерной скромности или стремления выделиться любой ценой) может вылиться в моральную стигматизацию, а принадлежность

жертвы к неуважаемой социальной группе (мигранты, цыгане, бедные) может способствовать проявлению негативных стереотипов в отношении группы в целом. Теория стигматизации (Г. Беккер, И. Гофман) настаивает на том, что основание девиантного поведения составляет оценка обществом или группой поведения индивида с последующей констатацией последнего как отклоняющегося. То есть до тех пор, пока общество или группа не дают никаких негативно-окрашенных оценочных суждений, касающихся поведения индивида, оно не является девиантным. Между тем, согласно И. Гофману, «стигматизированный индивид порою колеблется, выбирая между оборонительной позицией и бравадой, мечется от одной тактики к другой и тем самым демонстрирует один из основных способов, которым обычное взаимодействие лицом к лицу может выйти из-под контроля» [4, с. 14]. Поэтому любая ситуация зримой стигматизации чревата неуютными и непредсказуемыми актами взаимодействия, одним из примеров которых является буллинг, когда жертва может демонстрировать совершенно разные реакции – от побега с места столкновения с обидчиком, до встречной атаки на него. Навешивание ярлыков приводит к виктимизации слабых и росту агрессивности сильных на школьной территории, о чем говорят многочисленные исследования в западных странах [21].

Поскольку буллинг является примером отклоняющегося поведения, социальные и демографические при-

чины должны учитываться и анализироваться в первую очередь. Россия пока следует в ситуации с буллингом в тренде развитых стран, что обусловило необходимость сравнения российской ситуации с буллингом с ситуацией в трех развитых странах – Германии, Австрии и Японии по таким показателям как: 1) распространенность буллинга среди населения страны; 2) гендерное распределение участников буллинга; 3) распределение по возрастным группам; 4) форма проявления буллинга; 5) причины буллинга; 6) меры пресечения буллинга. Каждый из вышеперечисленных показателей позволит выявить более-менее полную картину состояния буллинга в России и за рубежом за последние годы, определить и сравнить его специфику и, как итог, разработать некоторые рекомендации по совершенствованию мер по профилактике травли. В основу нашего анализа положены данные социологических исследований, проведенных среди школьников четырех стран (Германии, Австрии, Японии и России) в 2000-х годах. Описание выборки рассмотренных нами исследований представлено в таблице 1. Для анализа данных по России также использовалось исследование Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) «Буллинг, он же травля: масштаб проблемы и пути решения» (26 июля 2021 г., телефонный опрос, N=1600, от 18 лет), в котором респондентам предлагалось оценить свои воспоминания о ситуациях травли [3].

Таблица 1. Описание выборок анализируемых исследований

Страна	Число опрошенных	% по полу	Примечание	Источник
Германия	4,347	53% женского, 47% мужского пола	146 германских школ разного типа, распределение по возрасту: 11 лет – 32,2%, 13 лет – 32,6%, 15 лет – 35,2%	[27]
Австрия	721	50,5% мужского, 49,5% женского пола	ученики начальной и средней школы; исследование дополнялось социометрией и опросом родителей	[26]
Япония	6,906	сведений о распределении по полу не представлено	ученики начальной, средней и старшей школы	[25]
Россия	871	53% мужского, 47% женского пола	ученики средней и старшей школы из девяти образовательных комплексов российского мегаполиса	[17]

1. Сравнительный анализ распространенности буллинга показал следующее.

- В Германии каждый десятый опрошенный хоть раз в жизни сталкивался с травлей. Однако, если говорить об образовательных учреждениях, то здесь ситуация хуже, с буллингом сталкивается гораздо большее количество людей – каждый седьмой школьник подвергается буллингу [27].
- В Австрии с буллингом встретился каждый девятый человек, в то время как в школьной среде с ним сталкивается каждый шестой ученик как минимум раз в неделю, как максимум – ежедневно [26].
- В Японии по статистике с буллингом в своей жизни встречался каждый четвертый взрослый. В школьной среде с травлей ежедневно сталкивается каждый второй опрошенный [25].
- В России почти каждый пятый респондент (18%) оказывался жертвой буллинга, а чаще всего россияне сталкиваются с ситуацией травли во время учебы в школе, что подтвердили 38% респондентов (ВЦИОМ, N=1600) [3].

Как мы видим, распространенность буллинга крайне высока в России и Японии, причем в обоих странах это явление присуще прежде всего школам. Хотя по данным

японского источника [25], показатель столкновения с ситуацией травли велик даже среди людей старше 35 лет, которые столкнулись с так называемым моббингом, который подразумевает коллективную травлю одного сотрудника с целью заставить последнего уйти с места работы или просто подорвать его дух. Возможно, в том числе и распространённостью травли можно объяснить высокий уровень суицидального поведения в Японии. И в Германии, и в Австрии наибольшую популярность буллинг приобретает именно в школьной среде, но распространенность его в этих странах значительно ниже.

2. Гендерное распределение участников буллинга по рассматриваемым нами странам представлено в таблицах 2 и 3.

Таблица 2. Гендерное распределение по позиции жертвы в разных странах

Гендерное распределение (жертвы)	Германия	Австрия	Япония	Россия
Мужчины	30%	53%	56%	40%
Женщины	28%	42%	54%	37%

Источник: [17, 25, 26, 27].

Как видно из таблицы 2, в Германии буллингу подвергаются практически в равной степени представители мужского и женского пола, на что указало 30% и 28% респондентов соответственно, в то время как в соседней Австрии выше не только процент подвергавшихся буллингу, но и существеннее разница между мужчинами (53%) и женщинами (42%) – более 10% в пользу первых. В Японии и России наблюдается та же картина гендерного равенства по этому показателю, но в Японии о столкновении с ситуацией в качестве жертвы заявила половина респондентов. Если говорить о роли обидчика (булли), то во всех рассматриваемых нами странах в качестве такового выступают практически в равной степени и мужчины и женщины (см. таблицу 3).

Таблица 3. Гендерное распределение по позиции обидчика в разных странах

Гендерное распределение (обидчики)	Германия	Австрия	Япония	Россия
Мужчины	23%	25%	38%	31%
Женщины	19%	24%	33%	33%

Источник: [17, 25, 26, 27].

Таким образом, гендерный аспект буллинга как за рубежом, так и в России имеет примерно схожие показатели. Так, в роли жертвы оказываются как женщины, так и мужчины независимо от того Германия это, Австрия, Япония или Россия. В роли обидчика распределение такое же: инициатором буллинга может быть как женщина, так и мужчина. Единственное, что существенно отличается в аспекте рассмотрения буллинга мужчину и женщину как участников – это форма проявления буллинга, о которой мы поговорим чуть позже.

3. Распределение по возрастным группам (табл. 4).

Таблица 4. Специфика буллинга в разных странах

	Германия	Австрия	Япония	Россия
Булли	14–16 лет	11–15 лет	9–13 лет, 18+ лет	11–14 лет
Жертвы	11–13 лет	11–15 лет	9–13 лет, 18+ лет	11–14 лет
Эскалация буллинга	в средней школе	в средней школе	в начальной и средней школе, и после 18 лет	в средней школе, особенно 7-е и 8-е классы

Источник: [17, 25, 26, 27].

- Как видно из таблицы 4, в Германии наиболее активной возрастной группой, участвующей в буллинге, выступают подростки возрастом от 14 до 16 лет. Они чаще являются инициаторами буллинга, но при этом жертвами практически не становятся. Основная масса жертв приходится на возраст от 11 до 13 лет, однако стоит отметить, что в Германии буллинг имеет особую динамику: до 13 лет буллинг фигурирует в обществе минимально, с 14 до 16 лет происходит эскалация, а после 16 лет частота этого явления идет на спад [27].
- Исследование австрийских авторов показывает, что в их стране эскалация буллинга выпадает на период

средней школы, возраст 11–15 лет, и это касается и обидчиков, и жертв [26].

- Результаты исследований, проведенных в Японии, демонстрируют то, что буллинг в Японии характерен не только для учащихся в школе, но также и для работающего населения, о чем говорят данные опроса, согласно которым эскалация буллинга приходится на возраст от 9 до 13 лет, затем немного идет на спад в возрасте от 14 до 18 лет, а затем снова возрастает [25].
- В России эскалация буллинга выпадает на возраст 11–14 лет, именно в этот период активизируются булли и подвергаются травле жертвы [17].

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что примерный средний возраст участия в буллинге по всем четырем странам составляет около 13 лет и выпадает на период средней школы.

4. Формы проявления буллинга в разных странах представлены в таблице 5. К вербальному буллингу относятся распространение слухов, сплетен, разговоры за спиной, а также словесную агрессию с целью стигматизировать жертву и внушить ей эмоциональную неуверенность. Социальный буллинг направлен на исключение жертвы из группы, её бойкотирование, игнорирование и подвергание остракизму. Физический буллинг подразумевает физическое насилие и/или порчу вещей жертвы.

Таблица 5. Формы проявления буллинга в разных странах

Типы буллинга	Германия	Австрия	Япония	Россия
Вербальный	+	+	+	+
Социальный	+	+	+	+
Физический	–	–	+/-	+/-

Источник: [17, 25, 26, 27].

- В Германии и Австрии наиболее частыми формами проявления являются вербальный и социальный буллинг [26, 27].
- По результатам исследований, в Японии наиболее популярной формой буллинга является прямая вербальная агрессия, когда имеют место словесные унижения, оскорбления, угрозы. Также одной из распространенных форм является социальная изоляция (социальный буллинг). Поскольку в Японии пропагандируется и воспитывается дух коллективизма, бойкотирование и игнорирование человека, мешающего группе достичь своих целей, здесь являются обычным делом.
- В России, как и в Японии, распространены в той или иной степени все формы буллинга [17].

5. Причины буллинга. Распространенность основных причин буллинга отражена в таблице 6.

- Самыми распространенными причинами буллинга в Германии являются: 1) издевательства над обидчиком в семье, в которой он вырос и, как следствие, вымещение зла на других, «отмщение» (психологические проблемы обидчика); 2) неуспешная социализация обидчика (социальные проблемы); 3) физические особенности жертвы [27].
- В Австрии главными причинами буллинга авторы исследования указывают: 1) тип воспитания обидчика и жертвы; 2) зависть обидчика; 3) внешний вид жертвы [26].
- Причинами буллинга в Японии чаще всего указаны: 1) выделение жертвы из группы (физические осо-

- бенности, внешность); 2) социальный статус жертвы; 3) неуспешная социализация обидчика [25].
- В России самыми распространенными причинами травли являются: 1) месть обидчика окружающим за то, что он сам был подвержен буллингу раньше; 2) личностные особенности обидчика; 3) неуспешная социализация жертвы [17].

Таблица 6. Распространенность причин буллинга в разных странах

Причины буллинга	Германия	Австрия	Япония	Россия
Физические особенности жертвы	+	–	+	–
Социальные проблемы (проблемы с внешним окружением)	+	+	+	+
Психологические проблемы обидчика/жертвы	+	+	–	+

Источник: [17, 25, 26, 27].

Во всех странах в формировании ситуации травли большую роль играет первичная социализация, то воспитание и установки относительно себя и окружающих, которые дали обидчику и жертве их семью.

6. Меры пресечения буллинга.

В Германии наиболее распространенной мерой профилактики служит антибуллинговая программа для образовательных учреждений, разработанная Хорстом Каспером, создавшим опросник SMOB для изучения ситуаций буллинга школьников, который используется в адаптированном виде в том числе и российскими психологами. Данный опросник помогает проанализировать произошедшие ситуации буллинга, прояснить их детали, последствия, переживания школьников. У детей развивают эмоциональный интеллект и социальную ответственность, обучают противодействию буллингу [10].

В Австрии нет как таковых программ или тренингов по профилактике буллинга. Проводятся исследования причин, участников, сложившихся ситуаций буллинга, однако психологи работают с жертвами и их близкими, а к обидчикам применяют меры дисциплинарного воздействия (вызов на собеседование с представителем администрации учебного заведения, временная изоляция обидчика от класса) и рекомендуют пройти курс коррекции поведения [25].

Япония всегда была страной, в которой к образованию относятся очень серьезно: конкуренция среди учеников и школ постоянно растет, объем домашних заданий всегда больше, чем во многих других странах, строгие требования к внешнему виду, к чему добавляются почти полное отсутствие свободного времени, которое ученик может использовать по своему усмотрению, и минимальные каникулы. Поскольку борьба за «место под солнцем» всегда ведется ожесточенная, японские школьники начинают травить друг друга с подросткового возраста, чтобы вытеснить конкурента и занять более высокую позицию в рейтинге. Интересно, что эта конкурентная борьба существует в ситуации поощрения коллективизма школой – в классах параллели постоянно производится ротация, чтобы дети учились искать себе место в разных коллективах, практикуется коллективное выставление оценок классу или учебной микрогруппе. Видимо, в силу социокультурных особенностей японского общества, в коллективах складывается мнени-

е о том, что выделение индивида из группы может нарушить групповую гармонию и угрожать существованию группы, поэтому нарушитель представляет общественную опасность и должен быть поставлен на место, либо изолирован.

Отношение общества к данному феномену было нейтральным ровно до того момента как в 1994 года не случились судебные разбирательства по случаю, когда подростка при полном невмешательстве классного руководителя затравили одноклассники и он покончил с собой в возрасте 13 лет. Это вызвало общественный резонанс, поскольку в данной ситуации было много свидетелей и ни один из них не попытался поддержать или защитить ребенка. В Министерстве образования Японии уже с 1990-х годов работает совет по борьбе с травлей, деятельность которого в основном направлена взрослых: педагогов, родителей, психологов. В 2013 году после ряда громких случаев травли вопрос буллинга начал решаться на законодательном уровне, что привело к принятию «Закона о развитии мер предотвращения издевательств», определившего для каждой образовательной организации требования выработать политику в отношении травли, которая может включать в себя создание структуры, отвечающей за контроль за ситуациями травли, проведение опросов среди учащихся и педагогов, разработку тренингов и других мероприятий по профилактике буллинга. Задачей педагога в ситуации буллинга является внимательность к ученикам и выявление признаков буллинга на ранних стадиях; задачей психологов является проведение консультаций, диагностика эмоционального состояния; задачами родителей в данном случае являются гармоничное взаимодействие с государством и сотрудничество со школой [6].

В России действуют две масштабные антибуллинговые программы: «Травли.net» и «Каждый важен» [9, 22]. Обе программы нацелены на борьбу с буллингом в образовательных организациях. В 2018 году произошел запуск программы «Травли.net», которая «нацелена на создание психологически безопасной среды для ребенка в образовательных организациях» [9]. Так, в ситуации буллинга ученик может позвонить по телефону, который находится на сайте в открытом доступе, и, разъяснив ситуацию, попросить приехать ведущих психологов данного проекта, чтобы те помогли решить проблему. Также программа содержит бесплатные профилактические занятия для всех желающих и для всех столкнувшихся с буллингом.

Программа «Каждый важен» была запущена в 2019 году [22]. Она содержит в себе бесплатные материалы для повышения квалификации педагогов по теме буллинга, а также предполагает бесплатные конференции и тренинги для всех желающих узнать больше или поделиться своим опытом, получить поддержку. Для родителей в рамках данной программы разработаны просветительские материалы. Также в октябре 2022 года в Госдуме России был подготовлен законопроект о борьбе с травлей детей в школах, который предполагает введение в каждой школе антибуллинговой политики.

Таким образом, можно сказать, что во всех рассмотренных в ходе нашего анализа странах распространены антибуллинговые компании, которые направлены, прежде всего, на школьников, но, тем не менее, могут способствовать повышению уровня осведомленности о буллинге у взрослых. Так, в Германии и Австрии буллинг не рассматривается на законодательном уровне, а также не особо остро стоит вопрос его профилактики, что можно связать с относительно небольшой распространенностью буллинга в этих странах в то время, как в Японии и России буллинг рассматривается на законо-

дательном уровне и предполагает разработку ряда мер и инструментов, направленных на противодействие ему. И в Японии, и в России проявления феномена буллинга весьма схожи, он широко распространен и безусловно несёт угрозу обществу, его ценностям, нормам и функционированию в целом, поэтому важно разработать меры профилактики, пресечения или минимизации последствий буллинга.

С точки зрения социолога, хороший результат для профилактики буллинга могут дать следующие меры:

1) внедрять социометрическую процедуру для анализа ситуаций социального взаимодействия учеников в школьном классе и последующей работы с существующими в нём первичными группами, что требует не просто проведения социометрической диагностики, но последующей работы психолога с классом в целом;

2) необходимо отслеживать ситуации стигматизации в школьной среде по любому признаку (физическому, характерологическому или групповому), которые порождают ситуации преследования индивида, оказывающегося в положении жертвы, и проводить разъяснительную работу о характерных чертах специфических групп населения (людей с ограниченными возможностями здоровья, мигрантов, приезжих из инокультурных регионов и др.);

3) государству следует предпринимать меры для выравнивания социального положения семей, что позволит добиться уменьшения напряженности в школьных классах и позволит избежать дискриминации неимущих.

В любом обществе, в том числе и российском, необходимо комплексное решение проблемы буллинга – через работу психолога и социального педагога со всеми фигурантами ситуации травли, их школьными классами и семьями. Позволим себе выразить надежду, что буллинг, во многом обусловленный природой групповой жизни, может быть минимизирован в ситуации стабильности нормативной составляющей общества и роста социального благосостояния.

Литература

- Бауман, З. Текущая современность. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 240 с.
- Бочавер, А.А., Хломов, К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 149–159.
- Буллинг, он же травля: масштаб проблемы и пути решения (26 июля 2021 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bulling-on-zhe-travlja-masshtab-problemy-i-puti-reshenija> (дата обращения: 21.09.2022).
- Гофман, И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1 Стигма и социальная идентичность. Часть 2 Контроль над информацией и социальная идентичность (главы 3–6). Перевод М.С. Добряковой. [Эл. ресурс]. – URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1687253515&tld=ru&lang=ru&name=Goffman_stigma.pdf (дата обращения: 20.06.2023).
- Гудзовская, А. А., Манухина, А. М., Проскурина, А.А. Школьный буллинг как отражение развития группового субъекта деятельности // Социальные явления. 2017. № 1(7). С. 41–49.
- Данилова, Л.Н. Идзимэ: школьный буллинг в Японии // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2022. Т. 21. № 3. С. 52–58. DOI 10.20310/1810-231X-2022-21-3-52-58
- Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм, пер. с франц. – Москва: Мысль, 1994. – 399 с.
- Иванова, А.К. Буллинг и кибербуллинг как явление образовательной среды: примеры современных исследований проблемы [Эл. ресурс] // Интернет-журнал «Мир науки». 2018. № 5. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/32PSMN518.pdf> (дата обращения: 04.06.2023).
- Как защитить детей от буллинга. – URL: <https://травлинет.рф>. (дата обращения: 21.06.2023).
- Кривцова, С.В., Шапкина, А.Н., Малыгина, М.П. Школьный буллинг: прояснение понятий // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 1–12.
- Куликов, В.Б., Злоказов, К.В. Деструктивное поведение: теоретико-методологический аспект // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3(27). С. 89–92.
- Ларина, Г. Н., Дроздов, С.В. Буллинг как социально-психологический феномен // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 3 (59). С. 482–487.
- Лоренц, К. Агрессия / К. Лоренц. – Москва: УНИВЕРС, 1994. – 272 с.
- Мертон, Р.К. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социология преступности. – Москва, 1966 – С. 175–178.
- Мещерякова, Н.Н. Аномия в сложном обществе // Вестник МГИМО-университета. 2014. № 2(35). С. 201–207.
- Мещерякова Рефлексивная аномия в сложном социуме. – URL: www.gramota.net/materials/3/2014/6-1/29.html (дата обращения: 04.07.2023).
- Новикова, М. А., Реан, А. А., Коновалов, И.А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2021. № 3. С. 62–90. – URL: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-62-90>
- Преступность в России: современные тенденции и прогноз развития: монография / Ю.М. Антонян и др.; под ред. Ю.М. Антоняна. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. – 103 с.
- Фрейд, З. Введение в психоанализ / З. Фрейд. – Москва, 1989. – 455 с.
- Хорни, К. Невротическая личность нашего времени: самоанализ. – Москва, 1993. – 478 с.
- Чекина, Л.Ф., Оболенская, Ю.Н. Предикторы школьного буллинга // Управление образованием: теория и практика. Том 11 (2021). No 3. С. 255–263.
- Школьный буллинг: причины и последствия. – URL: <https://каждыйважен.рф> (дата обращения: 21.06.2023).
- Olweus, D. Aggression in the schools: Bullies and whipping boys. Washington, DC: Hemisphere (Wiley). 1978. – P. 160–183.
- Olweus, D. Stability of aggressive reaction patterns in males: A review. Psychological Bulletin, 1979. – P. 852–875.
- Bullying_and_ljime_in_Japanese_Schools. ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/226147844_Bullying_and_ljime_in_Japanese_Schools (дата обращения: 22.09.2022).
- Informant_Assessment_of_Bullying_in_Austrian_Schools. ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/354953983_Multi-Informant_Assessment_of_Bullying_in_Austrian_Schools (дата обращения: 22.09.2022).

27. Traditional bullying and cyberbullying among children and adolescents in Germany. ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/344267627_Traditional_bullying_and_cyberbullying_among_children_and_adolescents_in_Germany_-_Cross-sectional_results_of_the_201718_HBSC_study_and_trends_Journal_of_Health_Monitoring_53_54-68 (дата обращения: 22.09.2022).

BULLYING AS A FORM OF DEVIANT BEHAVIOR OF STUDENTS: SOCIOLOGICAL ASPECT

Zadorozhnaya E.A., Konoplin Y.S., Lutskaya E.E., Przhilenskaya I.B.
Moscow Pedagogical State University

The article is devoted to the sociological aspects of bullying, which is an urgent problem of educational organizations. Bullying as a phenomenon is considered from the standpoint of sociological theories – the social anomie of E. Durkheim and R. Merton, as well as the theory of stigmatization (I. Hoffman). It is noted that modern post-industrial society, where the boundaries of social norms are lost, social rules are blurred, predisposes to the spread of such situations. Based on the analysis of research data conducted in a number of developed countries (Austria, Germany, Japan, Russia), the article analyzes the specifics of bullying and measures taken by society and the state to prevent such situations. Conclusions are drawn as to which factors most influence bullying, the need for further study of the problem and the development of preventive measures aimed at preventing the occurrence and development of bullying among students is justified.

Key words: deviant behavior, aggression, bullying, education; bullying prevention.

References

1. Bauman, Z. Fluid modernity. – St. Petersburg: Peter, 2008. – 240 p.
2. Bochaver, A.A., Khlomov, K.D. Bullying as an object of research and a cultural phenomenon // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2013. V. 10. No. 3. S. 149–159.
3. Bullying, aka bullying: the scale of the problem and solutions (July 26, 2021) [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bullying-on-zhe-travlja-masshtab-problemy-i-puti-reshenija> (accessed: 09.21.2022).
4. Hoffman, I. Stigma: Notes on managing corrupted identities. Part 1 Stigma and social identity. Part 2 Information Control and Social Identity (Chapters 3–6). Translated by M.S. Dobryakova. [Email] resource]. – URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1687253515&tld=ru&lang=ru&name=Goffman_stigma.pdf (accessed: 06.20.2023).
5. Gudzovskaya, A. A., Manukhina, A. M., Proskurina, A.A. School bullying as a reflection of the development of a group subject of activity // Social phenomena. 2017. No. 1(7). pp. 41–49.
6. Danilova, L.N. Ijime: school bullying in Japan // Gaudeamus Psychological and Pedagogical Journal. 2022. V. 21. No. 3. S. 52–58. DOI 10.20310/1810-231X-2022-21-3-52-58
7. Durkheim, E. Suicide: A sociological study / E. Durkheim, trans. from French – Moscow: Thought, 1994. – 399 p.
8. Ivanova, A.K. Bullying and cyberbullying as a phenomenon of the educational environment: examples of modern research on

- the problem [El. resource] // Internet journal “World of Science”. 2018. No. 5. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/32PSMN518.pdf> (accessed: 06.04.2023).
9. How to protect children from bullying. – URL: <https://travlinet.rf> (accessed: 06.21.2023).
 10. Krivtsova, S.V., Shapkina, A.N., Malygina, M.P. School bullying: clarification of concepts // Questions of psychology. 2019. No. 3. P. 1–12.
 11. Kulikov, V.B., Zlokazov, K.V. Destructive behavior: theoretical and methodological aspect // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2006. No. 3(27). pp. 89–92.
 12. Larina, G.N., Drozdov, S.V. Bulling as a socio-psychological phenomenon // Uchenye zapiski. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2021. No. 3 (59). pp. 482–487.
 13. Lorenz, K. Aggression / K. Lorenz. – Moscow: Univers, 1994. – 272 p.
 14. Merton, R.K. Social structure and anomie / R. Merton // Sociology of crime. – Moscow, 1966. – P. 175–178.
 15. Meshcheryakova, N.N. Anomie in a complex society // Bulletin of MGIMO University. 2014. No. 2(35). pp. 201–207.
 16. Meshcheryakova Reflexive anomie in a complex society. – URL: www.gramota.net/materials/3/2014/6-1/29.html (accessed: 07.04.2023).
 17. Novikova, M.A., Rean, A.A., Konovalov, I.A. Bullying in Russian schools: experience in diagnosing prevalence, gender and age characteristics, and connection with the school climate // Educational Studies. Moscow. 2021. No. 3. S. 62–90. – URL: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-62-90>
 18. Crime in Russia: current trends and development forecast: monograph / Yu.M. Antonyan et al.; ed. Yu.M. Antonyan. – Moscow: Uniti-Dana: Law and Law, 2018. – 103 p.
 19. Freud, Z. Introduction to psychoanalysis / Z. Freud. – Moscow, 1989. – 455 p.
 20. Horney, K. Neurotic personality of our time: introspection. – Moscow, 1993. – 478 p.
 21. Chekina, L.F., Obolenskaya, Yu.N. Predictors of school bullying // Education Management: Theory and Practice. Volume 11 (2021). No 3, pp. 255–263.
 22. School bullying: causes and consequences. – URL: <https://eachimportant.rf> (accessed: 06.21.2023).
 23. Olweus, D. Aggression in the schools: Bullies and whipping boys. Washington, DC: Hemisphere (Wiley), 1978. – P. 160–183.
 24. Olweus, D. Stability of aggressive reaction patterns in males: A review. Psychological Bulletin, 1979. – P. 852–875.
 25. Bullying_and_Ijime_in_Japanese_Schools. researchgate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/226147844_Bullying_and_Ijime_in_Japanese_Schools (accessed: 09.22.2022).
 26. Informant_Assessment_of_Bullying_in_Austrian_Schools. researchgate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/354953983_Multi-Informant_Assessment_of_Bullying_in_Austrian_Schools (accessed: 09.22.2022).
 27. Traditional bullying and cyberbullying among children and adolescents in Germany. researchgate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/344267627_Traditional_bullying_and_cyberbullying_among_children_and_adolescents_in_Germany_-_Cross-sectional_results_of_the_201718_HBSC_study_and_trends_Journal_of_Health_Monitoring_53_54-68 (accessed: 09.22.2022).

Зимова Наталья Сергеевна,

к.с.н., доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: nzimova@mail.ru

Прохоров Андрей Игоревич,

магистр Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: a.prokhorr@gmail.com

В статье изучены особенности формирования системы управления знаниями в организации в условиях цифровизации. Отмечено, что важным для любой организации является выстраивание эффективной системы управления знаниями способствующей формированию конкурентных возможностей и преимуществ организации во внутренней и внешней среде. Подчеркивается, что процесс влияния цифровизации на менеджмент знаний амбивалентен, создавая новые возможности для организационного развития, она продуцирует и новые риски. Одна из актуальных проблем управления знаниями сегодня это автономность применения социальных и цифровых инструментов в данном процессе, что существенно ограничивает их потенциал. В настоящее время перспективным представляется формирование интегрированного социально-технологического алгоритма объединяющего в себя цифровые и социальные инструменты управления знаниями. Одной из перспективных цифровых технологий способной решить задачу объединения различных инструментов управления знаниями является – цифровой двойник организации. С помощью программных возможностей модель цифрового двойника способна максимально релевантно описать причинно-следственные связи и зависимости между различными элементами организации.

Ключевые слова: знания, управление знаниями, система управления знаниями, цифровизация, организация.

Введение

Знания организации – один из важнейших стратегических ресурсов обеспечивающих ее конкурентоспособность и воспроизводство в условиях динамичной внешней среды. В непрерывной взаимосвязи с формированием и накоплением знаний, находится наращивание и воспроизводство креативного человеческого капитала результатом которого является создание устойчивой экономической добавленной стоимости. Как справедливо отмечает С.А. Назаревич: «В настоящее время существует достаточно сильная тенденция к представлению знания как отдельного ресурса организации, которое относится к нематериальным активам. Поэтому процессы контроля и оценки вклада при создании ценности в виде значимых продуктов или услуг со стороны организации-производителя заставляют учитывать знания как ключевой ресурс, оказывающий влияние на конкурентный потенциал организации» [1].

В этой связи важным для любой организации является выстраивание эффективной системы управления знаниями способствующей формированию конкурентных возможностей и преимуществ организации во внутренней и внешней среде.

Соглашаясь с подходом, предложенным О.П. Кочневой, под системой управления знаниями мы будем понимать «целенаправленно сформированный и регулируемый комплекс технологических решений для организации совместного труда работников и достижения целей организации, основанный на взаимодействии информационных, коммуникативно-маркетинговых и HR-технологий» [2].

Способность управлять внутренними знаниями и получать доступ к внешним является сложнейшей задачей. Важность и сложность управления знаниями возрастают для фирм, осуществляющих трансграничную деятельность, с учетом усиливающегося конкурентного давления со стороны глобальных рынков и неоднородности стран. В настоящее время под влиянием цифровизации и трансформации многих технологических и управленческих процессов задача построения системы менеджмента знаний становится еще сложнее.

Н.Ю. Кауфман отмечает: «В условиях формирования цифровой экономики необходимо эффективное управление знаниями, которое характеризуется высочайшим уровнем развития творческого потенциала человеческой личности как носителя и генератора знаний. В условиях формирования экономики знаний человеческий капитал является главным ресурсом. Процесс влияния цифровизации на менеджмент знаний амбивалентен, создавая новые возможности для организационного развития, она продуцирует и новые риски. Этот тезис подчеркивают и современные исследования зарубежных и отечественных ученых, в которых довольно активно исследуются как положительные следствия, так и риски цифровизации управления знаниями. Каждая компания выбирает свою модель управления знаниями в соответствии с масштабами производства, направлением деятельности, сложившейся организационной культурой. В условиях развития экономики знаний конкурентоспособность предприятий определяется его способностями создавать, перерабатывать, распределять и делиться

знаниями и информацией как во внешней, так и во внутренней среде, а также защищать идеи от конкурентов. Таким образом, на основе «новых знаний» происходят изменения в экономике, а также образуется лаг времени между использованием новых знаний и их возникновением» [3].

Так, например, австралийские исследователи Нери Deng, Sophia Xiaoxia Duan, Santoso Wibowo отмечают, что цифровые технологии могут использоваться для облегчения обмена знаниями и принятия решений за счет улучшения координации и коммуникации, а также оказывать влияние на производительность труда в организациях [4]. Особого внимания заслуживает работа американских социологов Joseph K. Nwankpa, Yaman Roumani, Pratim Datta рассматривающих специфику управления знаниями в цифровую эпоху. Они отмечают, что внедрение компаниями механизма «оцифровки» знаний позволит трансформировать процессные инновации. Ученые разработана интегративная модель управления знаниями в условиях цифровизации деятельности компаний [5].

Немецкие исследователи Imran Ali, Ismail Golgeci, Ahmad Arslan посредством авторской модели эмпирических оценок построили алгоритм воспроизводства организаций в условиях нестабильной среды посредством внедрения новых цифровых систем управления знаниями [6].

Среди отечественных ученых изучением положительных следствий цифровизации системы управления знаниями занимаются А.А. Бакунов, М.А. Башуева, А.А. Герасимова, Н.Н. Масюк, М.В. Мирославская, В.В. Овсянникова¹ и пр. Авторы подчеркивают, что: «Цифровизация обеспечивает более быстрый и легкий доступ к знаниям на разных платформах и устройствах; снижает потребность во вмешательстве человека и повышает эффективность и точность обработки знаний; создает новые возможности для инноваций и сотрудничества с помощью анализа данных и искусственного интеллекта» [7].

Представлена и противоположная точка зрения. В частности, Д.Н. Щербакова и С.В. Беликова указывают на перманентное увеличение информационных потоков в условиях цифровизации систему правления организацией, что в свою очередь продуцирует новые информационные риски в виде: несанкционированного доступа к данным, утечек конфиденциальной информации, сбоя в алгоритмах продаж, поставок и работы с поставщиками и пр. [8]. Шведские социологи S. Durst, M. Zieba, исследуя риски дигитализации системы управления знаниями на организационном уровне, выделили три группы рисков: человеческие, технологические и операционные [9].

Актуальность и дискуссионность изучаемой темы стимулирует исследовательский интерес к ее анализу применительно к современным организациям. Цель статьи – научно-практическое исследование системы управления знаниями как приоритетного стратегического ресурса организаций в условиях цифровизации.

¹ См., об этом: Бакунов А.А. Управление знаниями как фактор повышения конкурентоспособности предприятия в условиях цифровой экономики // Цифровизация процессов управления: стартовые условия и приоритеты: Сборник материалов международной научно-практической конференции, Курск, 21–22 апреля 2022 года. Курск, 2022; Масюк Н.Н. Управление знаниями в условиях цифровых трансформаций // Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Москва, 28 апреля 2023 года. Москва, 2023; Мирославская М.В. Цифровая трансформация процессов управления знаниями в Северо-Западном регионе // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3(70).

Методика

Методологической основой научной статьи является комплекс социологических концепций и теорий, способствующих полноценному пониманию содержания процесса управления знаниями в организациях в условиях цифровизации:

- концепция информационного общества (М. Кастельс, Д. Белл, О. Тоффлер), позволяющая рассматривать цифровизацию организации как часть общего процесса развития сетевого информационного поля и сетевой коммуникации;
- концепция социального капитала (П. Бурдьё, Дж. Коулмен, Р. Патнэм.), и его формирование в организациях, на основе которой групповая солидарность, стабильность и интенсивность социальных контактов выступают основой устойчивых социальных связей и отношений.

В процессе исследования планируется использовать общие и частные методы научного исследования, сравнительный, системный анализ, библиографическое исследование, анализ документальных источников.

Результаты

Знания – один из важнейших нематериальных активов (ресурсов) любой организации. Изучая категорию «знания» исследователи зачастую обращаются к человеческому фактору, его совершенствованию как источнику экономического роста и конкурентоспособности организации. Однако, организационные знания не сводятся к сумме индивидуальных знаний.

Организационные знания являются результатом регулярного и сложного взаимодействия системы формализованных и неформализованных знаний и их преобразования посредством четырех переходов: социализации, экстернализации, интернализации и комбинации.

В.В. Фомин и И.К. Фомина разработали онтологическую модель преобразования знаний и как их результат создания организационного знания (рис. 1).

Описывая представленную выше модель авторы указали на то, что отдельные ее составляющие взаимодействуют в рамках спирали знания основу которой составляет индивидуальные знания членов организации с постепенным их расширением до уровня группы, секции, отдела, сектора и т.д. Таким образом, знания выступают как результат синергетического эффекта, организация не создает их в прямом понимании этого слова, основная ее задача развивать, ассимилировать и воспроизводить знания уже сформированные на индивидуальном уровне. Для этого используются системы управления знаниями.

Одна из актуальных проблем управления знаниями сегодня это автономность применения социальных и цифровых инструментов в данном процессе, что существенно ограничивает их потенциал. В настоящее время перспективным представляется формирование интегрированного социально-технологического алгоритма объединяющего в себя цифровые и социальные инструменты управления знаниями (рис. 2).

В настоящее время одной из перспективных цифровых технологий способной решить задачу объединения различных инструментов управления знаниями является – цифровой двойник организации. С помощью программных возможностей модель цифрового двойника способна максимально релевантно описать причинно-следственные связи и зависимости между различными элементами организации (финансовыми, экономическими, организационными, кадровыми и пр.).

Рис. 1. Концептуальная процессная (проектная) модель трансформации знаний [10]

Цифровые инструменты

- Платформенные архитектуры
- Интеграция решений в единое технологическое пространство
- Вовлечение огромных массивов «новых данных» в управленческие процессы
- Когнитивные и предиктивные решения
- Цифровые инструменты интегрированного управления
- Алгоритмизация и роботизация рутинных операций

Социальные инструменты

- Плоские оргструктуры
- Кросс-функциональное взаимодействие
- Динамические рабочие группы
- Agile – команды
- Разрушение межфункциональных барьеров
- Вовлечение накопленного опыта и извлечённых уроков
- t и # - компетенции

Рис. 2. Интегрированный социально-технологический алгоритм управления знаниями в организации [11]

К отличительным особенностям цифрового двойника организации как цифровой модели управления знаниями относятся:

- возможность прогнозирования будущего, а также анализ и сопровождение принятия наиболее эффективных управленческих решений;
- универсальность, выражающаяся в сборе и описании знаний из всех функциональных областей;
- систематизация знаний в единую систему причинно-следственных связей;
- социализация, выражающаяся в доступности знаний всем стейкхолдерам организации;
- непрерывная эволюция знаний, выражающаяся в обновлении алгоритмов модели, методов их анализа и экспертизы.

Цифровая модель знаний может стать основой экосистемы организации выстраивая единую кросс-функциональную среду взаимодействия всех участников организации.

Обсуждение и заключение

В настоящее время системы управления знаниями внедряются в организациях с целью облегчения потока знаний внутри организации. Они помогают поддерживать обмен знаниями, обеспечивать их сбор и институционализацию, с целью поддержания долгосрочного конкурентного преимущества и устойчивого развития организации.

Внедрение цифровых систем управления знаниями может существенно повысить эффективность функционирования организации в нестабильной среде и обеспечить ее конкурентоспособность в долгосрочной перспективе. Задача формирования цифровых систем управления знаниями требует от организаций стратегического подхода. Необходимо формирование и поддержание развития цифровой стратегии управления знаниями, которая, в свою очередь, является частью корпоративной стратегии.

Цифровая стратегия управления знаниями – это документально оформленный на уровне организации план долгосрочных мероприятий по внедрению информационных систем, систем интеллектуального анализа и иных программных продуктов поддержки управления знаниями.

Литература

1. Назаревич, С.А. Модели управления знаниями для процессов повышения качества функционирования организационных систем // Метрологическое обеспечение инновационных технологий: Сборник статей V Международного форума, Санкт-Петербург, 02 марта 2023 года / Под редакцией В.В. Окрепилова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2023. – С. 173.
2. Кочнева, О.П. Пошаговый алгоритм создания системы управления знаниями в организации как инструмента стратегического управления // Теория и практика стратегирования: Сборник избранных научных статей и материалов VI Международной научно-практической конференции, Кемерово-Мариинск-Киселевск-Прокопьевск-Гурьевск-Новокузнецк-Москва, 19–21 марта 2023 года / Под научной редакцией В.Л. Квинта. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2023. – С. 230–238.
3. Кауфман, Н.Ю. Трансформация управления знаниями в условиях развития цифровой экономики // Креативная экономика. – 2018. – Т. 12. – № 3. – С. 261–270.
4. Deng H., Duan S.X., Wibowo S. Digital technology driven knowledge sharing for job performance // *Journal of Knowledge Management*. – 2023. – Т. 27. – № . 2. – С. 404–425.
5. Nwankpa J.K., Roumani Y., Datta P. Process innovation in the digital age of business: the role of digital business intensity and knowledge management // *Journal of Knowledge Management*. – 2022. – Т. 26. – № . 5. – С. 1319–1341.
6. Ali I., Golgeci I., Arslan A. Achieving resilience through knowledge management practices and risk management culture in agri-food supply chains // *Supply Chain Management: An International Journal*. – 2023. – Т. 28. – № . 2. – С. 284–299.
7. Масюк, Н.Н. Управление знаниями в условиях цифровых трансформаций / Н.Н. Масюк, М.А. Бушуева, А.А. Герасимова // Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Москва, 28 апреля 2023 года. – Москва: Издательство АЛЕФ, 2023. – С. 133–136.
8. Щербаклова, Д.Н. Информационные риски в управлении деятельностью организации / Д.Н. Щербаклова, С.В. Беликова // *Инновационная наука*. – 2022. – № 9–2. – С. 24–27.
9. Durst S., Zieba M. Mapping knowledge risks: towards a better understanding of knowledge management // *Knowledge Management Research & Practice*. – 2019. – Т. 17. – № . 1. – С. 1–13.
10. Фомин, В.В. Проектный подход в управлении организационным знанием / В.В. Фомин, И.К. Фомина // *Актуальные проблемы экономики и управления*. – 2023. – № 1(37). – С. 49–54.
11. Цифровой двойник организации – основа системы управления знаниями нового поколения. –

URL: <https://ict.moscow/presentation/tsifrovoyi-dvoynik-organizatsii-osnova-sistemy-upravleniia-znaniiami-novogo-pokoleniia> (дата обращения: 24.06.2023).

MODELING THE KNOWLEDGE MANAGEMENT SYSTEM UNDER THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Zimova N.S., Prokhorov A.I.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The article studies the features of the formation of a knowledge management system in an organization in the context of digitalization. It is noted that it is important for any organization to build an effective knowledge management system that contributes to the formation of competitive opportunities and advantages of the organization in the internal and external environment. It is emphasized that the process of the influence of digitalization on knowledge management is ambivalent, creating new opportunities for organizational development, it also produces new risks. One of the topical problems of knowledge management today is the autonomy of the use of social and digital tools in this process, which significantly limits their potential. At present, the formation of an integrated socio-technological algorithm that combines digital and social knowledge management tools seems promising. One of the promising digital technologies that can solve the problem of combining various knowledge management tools is the digital twin of an organization. With the help of software capabilities, the digital twin model is able to describe the most relevant cause-and-effect relationships and dependencies between various elements of the organization.

Keywords: knowledge, knowledge management, knowledge management system, digitalization, organization.

References

1. Nazarevich, S.A. Models of knowledge management for processes of improving the quality of functioning of organizational systems // *Metrological support of innovative technologies: Collection of articles of the V International Forum*, St. Petersburg, March 02, 2023 / Edited by V.V. Okrepilov. – St. Petersburg: St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2023. – P. 173.
2. Kochneva, O.P. Step-by-step algorithm for creating a knowledge management system in an organization as a tool for strategic management // *Theory and practice of strategizing: Collection of selected scientific articles and materials of the VI International Scientific and Practical Conference*, Kemerovo-Mariinsk-Kiselevsk-Prokopyevsk-Guryevsk-Novokuznetsk-Moscow, March 19–21, 2023 / Edited by V.L. Kvint. – Kemerovo: Kemerovo State University, 2023. – P. 230–238.
3. Kaufman, N.Y. Transformation of knowledge management in the context of the development of the digital economy // *Creative economy*. – 2018. – Т. 12. – No 3. – P. 261–270.
4. Deng H., Duan S.X., Wibowo S. Digital technology driven knowledge sharing for job performance // *Journal of Knowledge Management*. – 2023. – Т. 27. – № . 2. – P. 404–425.
5. Nwankpa J.K., Roumani Y., Datta P. Process innovation in the digital age of business: the role of digital business intensity and knowledge management // *Journal of Knowledge Management*. – 2022. – Т. 26. – № . 5. – P. 1319–1341.
6. Ali I., Golgeci I., Arslan A. Achieving resilience through knowledge management practices and risk management culture in agri-food supply chains // *Supply Chain Management: An International Journal*. – 2023. – Т. 28. – № . 2. – P. 284–299.
7. Masyuk N.N., Bushueva M.A., Gerasimova A.A. Actual aspects of the development of science and society in the era of digital transformation: Collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 28, 2023. – Moscow: Limited Liability Company «ALEF Publishing House», 2023. – P. 133–136.
8. Shcherbakova D.N., Belikova S.V. Information risks in the management of the organization's activities / D.N. Shcherbakova, S.V. Belikova // *Innovative science*. – 2022. – № 9–2. – P. 24–27.
9. Durst S., Zieba M. Mapping knowledge risks: towards a better understanding of knowledge management // *Knowledge*

Management Research & Practice. – 2019. – Т. 17. – № 1. – С. 1–13.

10. Fomin, V.V. Project approach in the management of organizational knowledge / V.V. Fomin, I.K. Fomina // Actual problems of economics and management. – 2023. – № 1(37). – P. 49–54.
11. Digital twin of the organization is the basis of the knowledge management system of the new generation. – URL: <https://ict.moscow/presentation/tsifrovoi-dvoinik-organizatsii-osnovasistemy-upravleniia-znaniiami-novogo-pokoleniia> (date accessed: 24.06.2023).

Феномен культуры отмены в повседневном пространстве: социально-философский аспект

Павлова Мария Павловна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры журналистики и социологии, Тольяттинский государственный университет
E-mail: levinamp@mail.ru

В условиях инновационной экономики российская социально – экономическая система находится более двух десятилетий. Единственным прогрессивным источником развития системы в этих условиях и формирования ее конкурентоспособности на международных и внутренних рынках является человеческий капитал, образование которого обеспечивается творческой деятельностью инноватора.

Исследования феномена культуры отмены в инновационном пространстве направлено на выявление допустимых направлений действия и развития этого социального процесса в отношении творческих людей, и определение возможных реакции творца на социальные барьеры, обозначенные культурой отмены.

Структуризация социального процесса «культура отмены», опирается на исследования биографий творческих людей, результаты деятельности которых признаны обществом. При этом отмечено, что процессы культуры отмены невозможно фиксировать в границах малых социальных групп, до тех пор, пока процесс не масштабируется и не станет публичным. В результате исследования отмечается, что авангардизм творчества не позволяет раскрыть «тайну творчества», провоцируя не только возникновение процесса «культуры отмены», но и определяя его постоянство и неизбежность в пространстве повседневности.

Ключевые слова: авангардизм творчества, творческая личность, культура отмены, инновационное пространство.

Введение

Сегодня в инновационном повседневном пространстве фиксируется явление как «культура отмены». Впервые термин «культура отмены» стал использоваться в повседневной речи в 2010 году в Европе как социально – политический термин, обозначающий «прекращение поддержки человека в социальных и профессиональных сообществах». В России термин «культура отмены» стал использоваться как в научном дискурсе с 2022 года, это стало причиной появления большого количества научных работ в базе данных крупнейшего российского информационно – аналитического портала elibrary.ru (2021 г. – 26 ед. работ с ключевым словом «культура отмены», а в 2022 г. – 86 ед.), так и в повседневной жизни россиян [19]. По данным ВЦИОМ «За последние шесть месяцев россияне, знакомых с этим термином, стало заметно больше – на сегодняшний день о нем слышали 43% (vs. 25% в апреле 2022 г., +18 п.п.). Одновременно с этим появилось больше понимания, что собой представляет «культура отмены». Если в апреле на открытый вопрос смогли ответить 62% осведомленных, то в декабре – уже 77%. Чаще «культуру отмены» россияне понимают как исключение личности из социума / ее игнорирование (24% из числа осведомленных)» [6].

Социальный процесс «культура отмены» на инновационной территории безусловно затрагивает всех акторов, но нам интересно исследовать развитие этого процесса в отношении творческих людей, так как они являются гарантом перспективного развития общества в новых инновационных условиях.

Методика

Итак, российская модель инновационного развития социально – экономической системы начала формироваться еще в конце 90 – х годов прошлого века, когда на государственном уровне закрепили ведущую роль НИС в стратегическом развитии территории. Прогрессивное формирование законодательно – правовой базы в области инновационной деятельности и практическая ее реализация в виде формирования инфраструктуры инновационной деятельности и инфраструктуры управления инновационной деятельностью определили ведущую роль российской социально – экономической системы в мировом инновационном пространстве. Постепенно в социуме формируется понимание, что единственным прогрессивным источником развития социально – экономической системы в новых инновационных условиях является человеческий капитал, человеческие ресурсы. Этот процесс наглядно можно проследить, используя данные выборки публикационной активности на информационно – аналитическом портале elibrary.ru с ключевым словом «человеческий капитал»: 1994–1999 гг. количество работ – 17 ед.; 2000–2005 гг. – 227 ед.; 2006–2011 гг. – 1378 ед.; 2012–2017 гг. – 3123 ед.; 2018–2020 гг. – 5249 ед. [10]. Человеческий капитал в поле научного дискурса рассматривается как совокупность знаний, умений, навыков, необходимые для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом. Для социаль-

но – экономической системы источником формирования и накопления человеческого капитала является инноватор, как творческая личность, генерирующая и реализуемая результаты своей инновационной деятельности на территории. Следовательно, социально – экономическая система должна «оберегать» инноваторов, деятельность которых обеспечивает ее конкурентоспособность на международных и внутренних рынках.

Таким образом, в условиях инновационной экономики российская социально – экономическая система находится более двух десятилетий, когда сформированы и оптимизированы сложные взаимосвязи и взаимодействия между субъектами инновационной деятельности, акторами в инновационном повседневном пространстве, но процесс «культуры отмены» творческих людей не останавливается.

Результаты

Действие «культуры отмены» для творческих людей можно фиксировать на протяжении всей истории развития человечества. Почему «отменяют» гениев, талантливых людей? Изучая биографии и патографии творческих личностей В. Эфроимсон приходит к выводу, что «Гениями рождаются» с частотой 1:1000, при этом развития гения до момента, когда его заметят в обществе, происходит с частотой 1: 100 000, но мощные социальные преграды и тормоза дадут реализоваться гению только с частотой 1:10000 000 [20, с. 30]. Творческие люди «видят будущее» через созидания и изменения своего настоящего. Благоприятные комбинации биологических, генетических, социобиологических, социальных факторов, формирующие мощные волевые импульсы, акцентированную целеустремленность и безграничную работоспособность творческого человека позволяют нам увидеть результаты их созидательной творческой деятельности [13]. Нарушая естественные связи между элементами в пространстве, творческий человек приспосабливается к окружающей среде, делая ее комфортной для своей жизнедеятельности. Творческий человек дезориентирован в социуме и как заметил К. Прутков «...подобен флюсу». Ученый В.А. Петровский рассуждает, что творческая личность «неадаптивна», так как ее деятельность активизируется через «...сдвиг побуждений или намерений от групповой цели к индивидуальной» [16]. В биографиях талантливых личностей, часто фиксируется определение их как «сложный человек...он всегда оставался один, в стороне от всяких течений ...». Такая «непохожесть» творческих людей на основную массу человечества и формирует, на наш взгляд, два противоположных отношений к ним, а именно, или признание, или порицание.

В условиях инновационного развития культура отмены для творческих людей выступает как социальная преграда для реализации их творческой деятельности. Сам процесс реализации творческой деятельности провоцируется, по мнению Т. Рибо, богатым и разнообразным опытом, эмоциональными связями, где эмоции проецируются на новые образы бытия, воображением [17]. Ученые психологи дополняют этот перечень мотивацией творческой деятельности. Это сложная динамическая система, где приоритетное положение занимает внутренняя мотивация творческой деятельности, когда творческая деятельность осуществляется ради «...интереса, удовольствия от процесса, решения трудных задач, самореализованности, ощущения собственной компетентности» [18, с. 340]. Внешняя мотивация творческой деятельности достаточно сложный конструкт, здесь мотивационные процессы классифицируются на группы. Первая группа включает «... стремление заслужить уважение, признание собственной

компетентности и принятие со стороны других людей, боязнь потерять любовь, уважение и расположение родителей, педагогов, коллег. Вторая – «...стремление добиться внешних вознаграждений, позитивных оценок, власти, восхищения и публичного признания со стороны окружающих» [18, с. 342]. Культура отмены блокирует внешние положительные мотивы косвенно – необходимые для реализации творческой деятельности.

Обсуждения

Наши исследования биографий талантливых людей, позволили проследить действия социального процесса «культура отмены» на реализацию творческой деятельности. Процесс «культура отмены» синтезирует социальные процессы иницируемый и/ или властью, и/или обществом.

Отметим, что социальный процесс культуры отмены, источником которого является общество, носит временный характер. Например, этот процесс можно проследить в отношении гения – математика Г. Перельмана. В средствах массовой информации отмечено, что «... одним из самых шокирующих событий уходящего года можно считать отказ российского ученого Григория Перельмана от двух престижных научных премий общим размером более одного миллиона долларов» [9]. Эти действия математика вызвали негативную реакцию у населения, в результате чего стали реализовываться технологии «культуры отмены» – хейтерские комментарии, фотографии папарацци, нарушающие этические нормы. Стоит отметить, что действия гения – математика несколько месяцев обсуждали все средства массовой информации. По публикационной активности очевидно, что это вызвало широкий общественный резонанс [14]. Результат ВЦИОМ опроса россиян о современной науке от 19.05.2021 г. зафиксировал интерес к ученому – математику Г. Перельману только в 2011 г. (1% от всех опрошенных) и максимальное значение этого показателя в 2013 г. (2% от всех опрошенных) в период, когда фиксировалась публикационная активность о нем. В 2021 году интерес к Г. Перельману снизился, когда публикационная активность пошла на спад [11].

Социальный процесс «культуры отмены», поддерживаемый властью и/или иницируемый ее, можно рассматривать как радикальную форму остракизма. Этот процесс, с одной стороны, препятствует реализации творческой деятельности. Например, на «очень резкое сочинение» русского поэта, прозаика О. Мандельштама власть отреагировала арестом и ссылкой [15]. Для советского поэта Б. Пастернака, автора «Доктора Живаго», культуру отмены иницировали и власть, и общество. С одной стороны, общественный процесс культуры отмены включал «обличительные речи» на митингах перед рабочими заводами, студентами, на собраниях, негативные коллективные письма, опубликованные в средствах массовой информации. С другой стороны, властные структуры «отменяли» поэта исключая его из Союза писателей, Союза переводчиков, организовывали мероприятия по «высылки» из страны, лишения советского гражданства. «...Травля, которую организовали против него власти и коллеги, окончательно ударила по здоровью поэта» [1]. Ученый – генетик Н. Вавилов «...за продвижение буржуазной лженауки – генетики» отбывал наказание в тюрьме, где и умер [1]. Список гениальных и талантливых ученых, художников, писателей, изобретателей ставшие объектом культуры отмены, организатором которой является власть достаточно велик.

С другой стороны этот процесс, провоцирует наступления периода депрессии и меланхоличного, совер-

шенно непродуктивного в творческом плане существования. Например, у М.М. Зощенко классика советской литературы в 1946 году вышли первые главы автобиографической повести «Перед восходом солнца», которые подверглись резкой критике. «...Автора пытались морально раздавить». Этот социальный процесс отмены поддерживался со стороны власти в лице Сталина и Жданова. В результате, чего М. Зощенко попадает в депрессионный период, что провоцирует прогрессивное ухудшение его общего самочувствие [1]. Известный венгерский врач – акушер И.Ф. Земмельвейс (основоположник метода борьбы с послеродовым сепсисом) «... Постоянная травля довела доктора – новатора до психиатрической больницы, где он и скончался». Ученый – математик Г. Кантора (создатель теории множества) в результате «...резкой критики... называли шарлатаном... в отчаянии впал в депрессию... Кантору пришлось прекратить заниматься математикой» [2]. Такая реакция творческого человека на блокировку творческой деятельности объясняется биохимическими процессами, провоцирующие повышенную умственную активность [20]. Очевидно, что действия культуры отмены сопровождаются изменением эмоционального фона творца, который является одним из источников акта творчества [3]. С одной стороны, всплеск эмоций стимулирует творческую активность, но с другой стороны разрушает ее. В своих работах Ч. Ломброзо отмечает, что «...гениальные люди всегда более чувствительны к социальному поощрению и наказанию, у них наблюдается резкие спады и подъемы активности» [7]. Например, гениальный композитор С.В. Рахманинов становится «объектом» культуры отмены по результатам премьеры своей Первой симфонии. Разгромные лицензии критиков инициируют начало трехлетнего депрессионного состояния, которое не позволяет ему «творить» [1].

Однако, стойкое желание творить сохраняет бесценный дар творца, несмотря на преодоления барьеров, препятствующих развитию и реализации творческой деятельности. Например, С.П. Королев (разработчик ракетно – космических комплексов) объект советской культуры отмены. В спецтюрьме Сергей Павлович запускает легендарный самолета Ту – 2. Затем после освобождения в 1946 году конструктор принимает активное участия в разработке баллистических ракет, а в октябре 1957 года под его руководством был запущен первый в истории человечества искусственный спутник Земли, в апреле 1961 года С.П. Королев вместе с командой отправляют в космос Ю. Гагарина [1]. Основоположник российской военной теории генералиссимус А.В. Суворов был отстранен от военной службы Павлом I на два года за резкую критику павловского «Опыта полевого воинского искусства» и оправлен в свое имение под надзор властей. Суворов демонстрирует активное сопротивление иницируемому недоброжелателями, лавинообразному разнонаправленному процессу культуры отмены (оскорбительная отставка, установлен надзорный, активизировались бессмысленные финансовые тягбы, бесконечные доносы). При этом, находясь «в ссылке», Суворов «творит» стратегию будущей войны с Наполеоном. В 1799 году Суворова восстанавливают и назначают главнокомандующим союзной армией в Италии. В своих работах военный историк А. Петрушевский отмечает, что победный итальянский поход Суворова в 1799 году изменил отношение к великому генералиссимусу, сделав его первую знаменитостью эпохи, любимым героем России, Италии и Англии. К триумфальному чествованию Суворова присоединился и император Павел I и «... повелел, чтобы Суворову оказывались почести подобно отдаваемым особе Его Императорского Величества» [5].

Процессы культуры отмены, запущенные в обществе направлены на «отмену» творца, даже чьи результаты деятельности признаны обществом еще при жизни. Например, гениальные исследования и разработки ученого Н. Вавилова в области генетики, селекции и ботаники, открывающие огромные перспективы для практического применения, приравнивали к «открытию Менделеевым периодической системы элементов в химии». При этом мировой успех в результате действия технологий культуры отмены сменился «сфабрикованным делом Вавилова». Известный писатель М. Зощенко, чья невероятная популярность обеспечивала постоянные встречи с читателями, многотысячные тиражи его произведений, отмеченный правительством СССР в области литературы, за публикацию нескольких глав своей автобиографии подвергся сокрушительной критике. М. Булгакова «отменили» когда он был на пике своей популярности и «...ни одна из книг Булгакова больше не была напечатана» [1].

Разрушительные процессы «отмены» не позволяют творцам получить признание у современников при жизни, но при этом они демонстрируют высокую активность творческой деятельности. Например, австрийский ученый Грегор Мендель (основоположник учения о наследственности). Свои положительные результаты исследований в области генетики Мендель опубликовал и разослал «именитым ботаникам» современности. Исследователи биографии Г. Менделя пишут «ученые отнеслись к его публикации холодно и отстраненно». Но, несмотря на это ученый – монах продолжил свои эксперименты, в результате чего сформулировал известные законы наследования, ставшие основой для классической генетики [1]. Несмотря на критику Н. Лобачевский (создатель неевклидовой геометрии) активно продолжал работать над неевклидовой геометрией и печатать труды по ней [1]. Стендаль (Мари-Анри Бейль), писательский талант которого признали только после его смерти. При жизни писателя, читатели не принимали его романы, они были «...скучными» для них и негативные рецензии на лучшие произведения Стендаля были тому подтверждением [1]. Великий ученый К.Э. Циолковский получил признание науки и государства только за три года до смерти (ученый прожил 78 лет). Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени за заслуги в области изобретений, которые имели огромное значение для экономической мощи и обороны Советского Союза [1]. Ученый – лингвист Ф. де Соссюр, основоположник семиотики и структурной лингвистики среди современников не пользовался популярностью. Его труды считались «...чепухой» и не получили признания в лингвистических кругах. Основная работа учёного «Курс общей лингвистики» была опубликована только через три года после его смерти. И лишь спустя полвека де Соссюр был назван «отцом» лингвистики XX века, основателем Женевской лингвистической школы [1]. Известный детский иллюстратор Ю. Васнецов лауреат Государственной премии СССР в звании народного художника РСФСР «... почти всю жизнь творил в живописи, но критики регулярно обвиняли Юрия в том, что его работы формальны...художник не выставлял своих картин. Увидеть его творчество на выставках стало возможным только после смерти живописца» [1].

Как отмечает в своих работах Т. Визель «...творческие люди после каждого «выброса» творческой энергии пытаются восполнить ее за счет разрушающих допингов». Допинг позволяет достигать наивысшей точки в творчестве. Творцы разрушали свой организм, делая это сознательно [3, с. 27]. Очевидно, что эти процессы не остаются незамеченными и также подвергаются жест-

кой критики со стороны общества, приобретая черты «культуры отмены».

В то же время организаторами «отмены» выступают и сами творческие люди. Например, среди антогонистов известного поэта – хулигана Есенина были Б. Пастернак, М. Цветаева, О. Мандельштам, И. Бунин, они умудрялись «...сочетать восхищение отдельными строчками Есенина с критикой...». А. Ахматова сначала «признала» Есенина как новатора – имажиниста, но потом неоднократно высказывалась «против», запуская «культуру отмены» поэта среди литературного сообщества «сразу стало видно, что он плохой поэт», «совершенно неграмотен», «ничего нет – совсем небольшой поэт.» [8]. Не полученная нобелевская премия Д. Менделеева стало результатом «культуры отмены», организатором которой является шведский физико – химик Сванте Август Аррениус. Ученые вели ожесточенные споры по теории электролитической диссоциации. Как отмечают биографы «...Аррениус рьяно ненавидел Менделеева по всем позициям. При этом он имел весомый голос в Королевской академии наук Швеции». Применяя технологии «культуры отмены» шведский ученый при голосовании на заседании Нобелевского комитета воспользовался своим привилегированным положением в Академии наук. «...Это была месть Аррениуса великому ученому» [12].

При этом, следует отметить, что процессы культуры отмены невозможно фиксировать в границах малых социальных групп, пока процесс не масштабируется и не станет публичным. Например, «культура отмены» для творческой личности в границах семьи. С одной стороны, семья обеспечивает психическое и эмоциональное здоровье членов семьи, выступая поддерживающей средой, где, при поощрении творческих достижений и нестереотипного поведения, развивается творческий потенциал человека [4, 19]. С другой стороны, может «отменить» творческую деятельность члена семьи, в результате чего, «недоразовьется» или «недореализуется» творческий человек.

Заключение

Изложенные выше примеры социальных процессов культуры отмены позволяют проследить допустимые направления их действия и развития в отношении творческих людей, и определить возможные реакции творца на социальные барьеры и в инновационном пространстве. Такие социальные процессы культура отмены классифицированы нами как процессы, иницируемые и контролируемые властью и процессы, иницируемые обществом. При этом процессы культуры отмены, иницируемые властью, можно рассматривать как радикальную форму остракизма, они носят более длительный период действия, чем процессы культуры отмены, иницируемые обществом. Реакции творческого человека на эти процессы развиваются в трех направлениях: полное прекращение созидательной творческой деятельности после действия «культуры отмены»; частичное прекращение созидательной творческой деятельности в период действия «культуры отмены»; прогрессивная динамика созидательной творческой деятельности вне действия процессов «культуры отмены».

Авангардизм творчества не позволяет раскрыть «тайну творчества», провоцируя не только возникновение процесса «культуры отмены», но и определяя его постоянство и неизбежность в инновационном пространстве повседневности.

Литература

1. Биограф.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://biographe.ru/znamenitosti> (дата обращения: 19.04.2023)

2. Великие сумасшедшие // Сайт Союз специалистов в сфере охраны психического здоровья [Электронный ресурс]. URL: <https://mental-health-russia.ru/velikie-sumasshedshie> (дата обращения: 19.04.2023)
3. Визель Т.Г. Нейропсихология творчества. М.: Культура, 2021. 375 с.
4. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. СПб.: Издательство «Перспектива», 2020. 125 с.
5. Замостьянов А. Александр Суворов. «Наука побеждать». М.: Эксмо 2019. 352 с.
6. И снова об «отмене России» // Сайт Акционерное общество «Всероссийский центр общественного мнения» (ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/isnova-ob-otmene-rossii> (дата обращения: 19.04.2023)
7. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. 2-е изд. М.: Академический проект, 2019. 240 с.
8. Лукницкий П.Н. Асумиана: Встречи с Анной Ахматовой: УМСА-press М.: Русский Путь, 1991. 347 с.
9. Миллионер поневоле // Сайт Ежедневная общественно – политической газета «Московский Комсомолец» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2006/12/05/174442-millioner-ponevole>. (дата обращения: 19.04.2023)
10. Научная электронная библиотека eLIBRARY [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 19.04.2023)
11. Научпоп в тренде // Сайт Акционерное общество «Всероссийский центр общественного мнения» (ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauchpop-v-trende> (дата обращения: 19.04.2023)
12. Несостоявшаяся нобелевская премия Менделеева // Сайт Научное периодическое издание «Научная Россия» [Электронный ресурс]. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/nesostoyavshayasya-nobelevskaya-premiya-mendeleeva> (дата обращения: 19.04.2023)
13. Павлова М.П. Авангардизм творчества – стратегический ресурс инновационной экономики // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2022. № 2 (91). С. 96–104.
14. Перельман прервал молчание и объяснил отказ от премии // Сайт Группа компаний «РБК» (ГК «РосБизнесКонсалтинг») [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/01/07/2010/5592988b9a794719538bfa35?ysclid=lgpbkzfv775686135 (дата обращения: 19.04.2023)
15. Персона. Осип Мандельштам // Сайт Гуманитарный просветительский проект Культура РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/persons/9327/osip-mandelshtam> (дата обращения: 19.04.2023)
16. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности / Российский открытый университет. М.: ТОО «Горбунок», 1992. 224 с.
17. Рибо Т.А. Творческое воображение: Пер с фр. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2019. 328 с.
18. Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 736 с.
19. Тихомирова Т.Н. Интеллект и креативность в условиях социальной среды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 230 с.
20. Эфроимсон В.П. Генетика гениальности. Москва: Издательство АСТ, 2019. 480 с.

THE PHENOMENON OF CANCELLATION CULTURE IN EVERYDAY SPACE: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

Pavlova M.P.

Togliatti State University

In the conditions of an innovative economy, the Russian socio-economic system has been for more than two decades. The only progressive source of development of the system in these conditions and the formation of its competitiveness in international and domestic markets is human capital, the formation of which is provided by the creative activity of the innovator.

The study of the phenomenon of cancel culture in the innovation space is aimed at identifying acceptable directions of action and development of this social process in relation to creative people, and determining the possible reactions of the creator to social barriers indicated by cancel culture.

The structuring of the social process «cancel culture» is based on the study of biographies of creative people, the results of which are recognized by society. At the same time, it is noted that the processes of cancel culture cannot be formed within the boundaries of small social groups, until the process is scaled and becomes public. As a result of the study, it is noted that the vanguardism of creativity does not allow to reveal the «secret of creativity», provoking not only the emergence of the process of «cancel culture», but also determining its constancy and inevitability in the space of everyday life.

Keywords: avant-garde creativity, creative personality, cancel culture, innovative space.

References

1. Biographer [Electronic resource]. URL: <https://biographe.ru/znamenitosti> (accessed: 04/19/2023)
2. The Great madmen // Website of the Union of Specialists in the field of mental health [Electronic resource]. URL: <https://mental-health-russia.ru/velikie-sumasshedshie> (accessed: 04/19/2023)
3. Wiesel T.G. Neuropsychology of creativity. M.: Culture, 2021. 375 p.
4. Vygotsky L.S. Imagination and creativity in childhood. St. Petersburg: Perspektiva Publishing House, 2020. 125 p.
5. Zamostyanov A. Alexander Suvorov. "The science of winning." Moscow: Eksmo 2019. 352 p.
6. And again about the "abolition of Russia" // Website of the Joint-Stock Company "All-Russian Center of Public Opinion" (VTsIOM) [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/i-snova-ob-otmene-rossii> (accessed: 04/19/2023)
7. Lombroso Ch. Genius and insanity. 2nd ed. M.: Academic Project, 2019. 240 p.
8. Luknitsky P.N. Acumiana: Meetings with Anna Akhmatova: YM-CA-press Moscow: Russian Way, 1991. 347 p.
9. Millionaire involuntarily // Website of the Daily socio – political newspaper "Moskovsky Komsomolets" [Electronic resource]. URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2006/12/05/174442-millioner-ponevole>. (accessed: 04/19/2023)
10. Scientific electronic Library eLibrary [Electronic resource]. URL: <https://elibrary.ru> (date of address: 04/19/2023)
11. Nauchpop in trend // Website of the Joint-Stock Company "All-Russian Center of Public Opinion" (VTsIOM) [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauchpop-v-trende> (accessed: 04/19/2023)
12. The failed Mendeleev Nobel Prize // Website of the Scientific periodical "Scientific Russia" [Electronic resource]. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/nesostoyavshayasya-nobelevskaya-premiya-mendeleeva> (date of reference: 04/19/2023)
13. Pavlova M.P. Avant-gardism of creativity – a strategic resource of innovative economy // Search: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture: Scientific and Socio-cultural journal. 2022. No. 2 (91). pp. 96–104.
14. Perelman broke the silence and explained the refusal of the award // Website of the Group of companies "RBC" (GC "Ros-BusinessConsulting") [Electronic resource]. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/01/07/2010/5592988b9a794719538bfa35?ysclid=lgpbkzf3ev775686135 (accessed: 04/19/2023)
15. Person. Osip Mandelstam // Website of the Humanitarian educational project Culture of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://www.culture.ru/persons/9327/osip-mandelstam> (date of address: 04/19/2023)
16. Petrovsky V.A. Psychology of maladaptive activity / Russian Open University. Moscow: Gorbunok LLP, 1992. 224 p.
17. Ribot T.A. Creative imagination: Trans. from French Ed. 2-E. M.: LENAND, 2019. 328 p.
18. Creativity: from biological foundations to social and cultural phenomena / Edited by D.V. Ushakov. M.: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", 2011. 736 p.
19. Tikhomirova T.N. Intelligence and creativity in a social environment. M.: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", 2010. 230 p.
20. Efroimson V.P. Genetics of genius. Moscow: AST Publishing House, 2019. 480 p.

Формирование методики структурированного описания хороших и лучших педагогических практик

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-западный институт управления)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Хорошие и лучшие практики сегодня играют важную роль в различных областях деятельности. Существует огромное множество публикаций, посвященных описанию хороших практик. Эти описания (или отчеты о практиках) отличаются большим разнообразием. Статья посвящена методологическим аспектам таких описаний. Дается определение хороших и лучших практик, проводится различие между ними. Предлагается классификация разновидностей публикаций на тему хороших практик в зависимости от поставленных целей. Рассматриваются основные подходы к общим описаниям практик: структурный, процессуальный, проблемно-решающий, интерпретативный. Предлагается обобщенная схема структуризации описаний хороших практик, которая может служить основой для решения более конкретных задач представления практик в различных предметных областях. Структурированное и методологически продуманное описание хороших практик имеет большое теоретическое и практическое значение.

Ключевые слова: хорошие практики, лучшие практики, социальные инновации, методология социальных исследований, социальные практики, прикладные проблемы социальных наук.

В решении прикладных проблем в самых различных областях важнейшую роль играет заимствование передового опыта. Сегодня такой опыт часто представляют в терминах хороших и лучших практик (good practices, best practices), предлагаемых для более широкого использования (распространения, масштабирования, трансфера, диссеминации и т.п.).

Поиск, описание, распространение информации о хороших и лучших практиках стали сегодня популярным направлением деятельности. Примерами могут служить такие области, как: муниципальное управление и местное самоуправление, поддержка предпринимательства, городское благоустройство, развитие альтернативной энергетики, охрана окружающей среды, развитие энергосберегающих технологий и практик, различные направления социальной работы, образование (дошкольное, школьное, высшее), помощь развивающимся странам, общественное здравоохранение и стимуляция здорового образа жизни, развитие сельского хозяйства, модернизация транспортной инфраструктуры и многие другие.

К примеру, сбором и распространением хороших практик в области городского и территориального планирования и развития занимается программа ООН по населенным пунктам (ООН-Хабитат) [1]. В некотором смысле можно даже говорить о своеобразном движении за хорошие и лучшие практики в ряде областей: например, движение за лучшие практики преподавания в сфере образования [2].

Имеется огромная литература по хорошим практикам, которые могут быть восприняты и использованы. С практической и методологической точки зрения немало важно, как именно проводятся описания (представления) хороших практик, которые в разных ситуациях могут иметь вид исследования случая (кейс-стади), неформального описания, изложения результатов интервью, отчета о прямом наблюдении каких-то производственных (управленческих, социальных, политических) и других процессов и т.д.

Разумеется, каких-то единых стандартов для описания хороших практик не может быть из-за великого разнообразия последних. Тем не менее, методологическая строгость (к которой стремятся сегодня все социальные науки) требует достижения большей четкости и структурированности при описании хороших практик. Одновременно это имеет и практическую ценность, так как достаточно структурированное и ясное представление хорошей практики может в значительной мере улучшить ее понимание (ее содержания, сущности, главных и второстепенных аспектов и т.п.), а также облегчить ее дальнейшее внедрение (например, за счет знания ее возможных ограничений или сложностей при ее использовании в другом месте и т.п.).

Прежде всего, следует определить само понятие хорошей практики. Предложим следующее широкое определение данного понятия.

Хорошие практики – это способы деятельности (как правило, новые, отличающиеся от уже имеющихся), обладающие определенными желаемыми характеристиками (в том числе обязательно приносящие зримые поло-

жительные результаты), в связи с чем эти способы деятельности могут быть рекомендованы к более широкому применению в данной практической сфере.

Суждение о практике как о «хорошей» всегда ассоциировано с определенной оценочной системой, которая далеко не всегда эксплицитно выражена (тем более не всегда формализована). Данная оценочная система может базироваться на экспертных оценках, индивидуальных и коллективных мнениях, сложившихся традициях и т.п. Она может иметь высокий удельный вес имплицитных оценочных составляющих, неформальных способов оценивания (то, что известный британский философ М. Полани называл «личностным знанием»).

Выявление хороших практик может происходить в любой сфере деятельности. Однако, как правило, хорошим практикам придается большое значение преимущественно там, где практическая область не может быть в достаточной степени формализована для того, чтобы в ней можно было выделять некие хорошо структурированные и тестированные способы деятельности, которые затем могут стать основой для официальных рекомендаций или инструкций (либо наличие таких рекомендаций не исчерпывает проблему, а оставляет широкое пространство для дальнейших выборов, индивидуального и коллективного совершенствования, принятия решений и т.п.).

С другой стороны, существует также подход к хорошим практикам как вполне стабилизированным, достаточно формализованным, которые становятся стандартами деятельности или по крайней мере рекомендациями официального характера: например, хорошие практики лабораторной деятельности. Но в нашей работе мы будем рассматривать хорошие практики только в первом смысле, т.е. как относящиеся к более «свободным», не стандартизируемым областям деятельности.

Терминологически следует различать хорошие и лучшие практики. Иногда эти понятия используются как синонимы, однако все же имеется определенное различие между этими терминами.

Лучшая практика (best practice) – это способ деятельности, который представляет собой (среди других возможных альтернатив) вариант, отличающийся наиболее высоким значением определенного показателя (показателей), используемого для оценки этого способа и его принятия к практическому применению.

При менее формальных методах оценки лучшая практика рассматривается просто как вид деятельности, очевидным образом превосходящий остальные варианты.

Для оценки лучшей практики в общем случае используются такие термины как: наиболее эффективный (результативный, экономный и др.), а также максимальный, оптимальный и т.п. Иными словами, лучшая практика, как правило, характеризуется некими предельными значениями релевантных оценочных показателей (по крайней мере, на некоторый более-менее длительный период времени, пока на смену не пришли другие лучшие варианты)

Таким образом, лучшую практику можно считать частным (или специальным) случаем хорошей практики.

Выделение лучшей практики из совокупности имеющихся возможно не всегда; видимо, во многих практических ситуациях достаточно идентификации «просто» совокупности хороших практик. Возможность определения наилучшей практики (и потребность в этом) зависит от ряда обстоятельств. Прежде всего, должны присутствовать определенные объективные (или хотя бы более-менее уточненные) критерии «лучшего». С точки зрения самой области (сектора, отрасли, проблемной

ситуации и т.п.), здесь, как правило, должно идти некое постоянное (и часто взаимосогласованное) развитие практик, при котором на определенном этапе какая-то из них может лидировать, занимать место «наилучшей».

Кроме того, сама потребность в лучшей практике зачастую связана с особенностями той или иной области: для данной области необходимы не просто вполне удовлетворительные, но самые лучшие решения, подходы, методы и т.п. В том числе здесь может играть роль некая составительная составляющая, вносящая существенный вклад в развитие этого направления. Примером могут служить отрасли бизнеса, для которых ввиду острой конкуренции характерен постоянный поиск лучших практик (в частности, с помощью процедур бенчмаркинга).

При подготовке статьи на тему хороших (лучших) практик следует определиться с тем, какую цель (цели) будет преследовать данная работа. В этой связи можно предложить следующую (не вполне строгую) классификацию возможных разновидностей публикаций в зависимости от их цели.

1 Общее описание. Это наиболее частый вид отчетов о хороших практиках. Как правило, цели таких публикаций недостаточно определенные и в общем могут охватывать довольно широкий круг вариантов: от задачи просто ознакомить читателя с какой-то (новой) хорошей практикой до цели дать подробное, хорошо проработанное представление данной практики для формирования у аудитории ее довольно ясного и четкого понимания.

Поэтому общие описания могут иметь разную степень формализованности и структурированности.

2 Анализ хорошей практики (аналитическое представление и исследование). Этот вариант отличается от «просто» общего описания тем, что здесь ставится задача дать максимально формализованное и уточненное представление хорошей практики. Аналитическая репрезентация должна способствовать дальнейшему тестированию практики, воспроизведению, улучшению (и, возможно, созданию каких-то новых практик на основе данной схемы).

В аналитическом исследовании четко описана структура практики, ее основные и дополнительные элементы, выделяются релевантные переменные, максимально точно характеризуется производимый результат (результаты), может проводиться измерение эффективности практики в каких-либо единицах и т.д. Иными словами, при аналитическом подходе создается формализованная схема данной практики.

3 Оценочное исследование. Следует отметить, что направление оценочных исследований (evaluative research) в нашей стране пока слабо развито. В этой области сформировались своя терминология, совокупность используемых методов и т.п. Имеются разные варианты эвалюативных исследований: на основе количественных или качественных методов, суммативное и формативное оценивание и т.д. [3], [4].

4 Специализированное представление (исследование). В отличие от общего описания, данный вид статей посвящен каким-либо специальным аспектам хорошей практики.

Например, это могут быть: опыт внедрения хорошей практики в других местах или же проблема внедрения вообще (например, цель публикации – дать рекомендацию по распространению хорошей практики); тема более обширных влияний хорошей практики (влияния на более широкий контекст, рассмотрение различных последствий практики); при высоко инновационном характере практики – обсуждение проблем взаимодействия новой практики с более «старым» окружением; этические вопросы, связанные с новой практикой; экономические

аспекты практики (ее осуществления, внедрения, сравнительный экономический анализ) и т.п.

В отчетах по практике может присутствовать некая комбинация (или смесь) этих разновидностей, или их элементов. Например, с точки зрения сопоставления общего описания и аналитического подхода, возможны различные варианты от (просто) описания (относительно неформального характера) до смеси описания и элементов анализа и до полностью аналитической статьи.

Кроме того, можно выделить описание единичной хорошей практики и обзор (review) хороших практик – который сам по себе может иметь более неформальный (в качестве «коллекции» практик) или систематический вид.

Далее мы остановимся на *общих описаниях* как наиболее частом варианте отчета о практике.

Описание практики может акцентировать те или иные ее аспекты. В этой связи можно выделить следующие подходы к описаниям.

1 Структурный. Здесь в центре внимания находится сама сущность предлагаемой практики, или, условно говоря, *в чем* состоит данная практика *и/или из чего* она состоит. При данном стиле описания могут освещаться: ключевая идея практики; ее основное содержание; основные элементы данного способа деятельности; при необходимости – подробная структура практики и т.п.

2 Процессуальный. В этом случае практика рассматривается как некая темпорально упорядоченная последовательность действий, решений, событий, эффектов и т.п. Как процесс может рассматриваться и сама практика (ее осуществление), и ее внедрение (в качестве инновации), и наблюдение за ней (мониторинг, оценка и т.п.).

3 Проблемо-решающий. Практика рассматривается как прежде всего способ решения определенной проблемы. Поэтому здесь более подробно отражается исходная (проблемная) ситуация; могут быть представлены предыдущие (или текущие) попытки ее решения. Повышенное внимание может уделяться тому, как именно новая практика решает проблему и каковы получаемые результаты (например, имеются ли побочные эффекты, более отдаленные следствия, что представляет собой соотношение затраты – результат и т.п.)

4 Интерпретативный. Отражает восприятие, понимание, оценку практики с разных точек зрения. Например, новая практика в школе может рассматриваться с точки зрения учителей, администраторов, детей-школьников, их родителей.

Часто интерпретативное описание практики базируется на качественных методах исследования (интервью, беседах, фокус-группах и т.п.). Интерпретативный подход важен в связи с тем, что различные участники, включенные в практику, могут по-разному видеть исходную ситуацию, цели, которые необходимо достичь, ценности, на которых должна базироваться данная практика, решаемые проблемы, результаты практики и т.д.

Таким образом, интерпретативный подход позволяет сформировать многосторонний взгляд на данную практику и окружающий ее контекст. С фундаментальной точки зрения, такой подход соответствует современной интерпретативной парадигме социальных наук.

Далее мы предлагаем схему структуризации отчета о практике, которая носит обобщенный характер; в зависимости от конкретных задач, предметной области, используемой методологии, особенностей практики и т.п. эта схема, разумеется, может сильно видоизменяться. Мы предлагаем ее лишь как возможную основу для подготовки хорошо структурированного, методически проработанного отчета.

При подготовке отчета о хорошей/лучшей практике автор должен принять ряд основополагающих решений и произвести определенные выборы. На этой стадии желательно учесть как минимум следующие аспекты.

1 Целевая аудитория. Специалисты-практики, руководители организаций, администраторы, лидеры местных сообществ и т.п.

2 Цель (цели) отчета: например, просто поделиться информацией для заинтересованных лиц (общее ознакомление), представить «вдохновляющий» пример для самостоятельного поиска инновационного решения проблем, детальное описание для возможного внедрения практики в других местах, анализ достоинств и недостатков практики для ее критического восприятия и использования и т.п.

3 Выбор описательного подхода (или их комбинации): структурный, процессуальный и т.д.

Необходимо уточнить также сам *тип* хорошей практики: решение проблемы (успешное, эффективное, удовлетворяющее и т.п.), деятельность, ведущая к улучшению в какой-то области (что означает не решение проблемы, но существенный прогресс), внедрение инновации (например: новые производственные процессы, цифровизация, новый способ вмешательств в регулируемые системы и т.п.), достижение каких-то целей (показателей и т.п.).

Два основных компонента общего описания хорошей практики (или две стратегических задачи такого изложения) состоят в следующем.

1 Описание сущности практики

2 Обоснование (демонстрация) того, что данная практика действительно «хорошая» (или «наилучшая»)

Для решения этих задач необходимо прежде всего определиться со *степенью детальности* описания практики. Как правило, описание должно быть достаточно подробным, чтобы практику можно было (в зависимости от задач): адекватно понять, оценить, и, возможно, попытаться воспроизвести (это уже более далеко идущая цель).

Кроме того, необходимо продумать *способы обоснования* практики (т.е. как продемонстрировать ее полезные результаты и, может быть, другие ценные качества). Обоснование должно быть настолько убедительным, чтобы читатель как минимум заинтересовался данной практикой и оценил ее как перспективную.

Способы обоснования тесно связаны с конкретными особенностями предметной области. Это могут быть: приводимые сравнения новой практики с уже имеющимися; аргументация в пользу данной практики на основе мнений и суждений различных участников, вовлеченных в данный способ деятельности; использование формализованных способов измерения эффективности практики; и т.п.

Далее, общая структура отчета о практике может быть составлена из следующих основных блоков.

1 Вводная информация. Здесь могут быть кратко представлены: проблемная ситуация (или проблемы, возникающие при выполнении текущих практик), современные требования к практикам в данной области (порождающие необходимость в поиске более адекватных и эффективных практик), предыдущие (или текущие) попытки решения проблем и т.п.

2 Описание базисных условий выполнения практики – где это происходило (организация, территория и т.п.), кто выполнял (руководил, принимал иное участие), а также (при необходимости) кто был «объектом» практики (например, более четкое уточнение круга потребителей, клиентов, пациентов, граждан и т.п.).

3 Описание сущности практики – в зависимости от выбранной степени детальности изложения описы-

вается: что конкретно выполнялось, какие методы (техники и т.п.) использовались, при необходимости – были ли корректирующие изменения практики в ходе ее реализации.

Кроме того, необходимо указать временной интервал осуществления практики: как долго выполнялась практика (или она продолжается), какова длительность наблюдения за новой практикой, на каком этапе она оценивалась и т.п. Как отмечалось в литературе, выбор временного горизонта для описания и оценки практики может иметь важные практические и концептуальные следствия [5, р.4].

4 Описание результатов – здесь должны быть представлены эффекты, возникшие непосредственно в ходе практики, конечные (фиксируемые, измеряемые и т.п.) результаты (исходы), побочные эффекты, а также (при необходимости) более широкие влияния, которые оказала практика и т.п. Здесь же могут быть описаны проблемы, появившиеся при реализации практики.

5 Обоснование практики. В принципе, обоснование практики (в качестве «хорошей» или «лучшей») может начинаться уже на стадии описания результатов (или же описание результатов и обоснование могут составлять единую стадию). Однако, с методологической точки зрения, лучше, если четкое обоснование практики будет все же представлено отдельно – в компактном, хорошо обозримом виде.

6 Итоги. Здесь приводятся соображения автора отчета по поводу общей оценки представляемой практики, ее основных достоинств, возможностей ее последующего улучшения, вариантов ее дальнейшего применения, перспектив (или кратких рекомендаций) распространения практики, краткое перечисление недостатков и возникших проблем и т.п.

Таким образом, хорошие (и лучшие) практики (их внедрение, заимствование, распространение) играют огромную роль в различных областях деятельности. В этой связи публикации, посвященные хорошим практикам, имеют важное значение в качестве средства передачи информации заинтересованным лицам. Однако отчеты о хороших практиках должны подчиняться ряду требований, так как они должны представить четкое изложение сущности практики (дающее возможность ее ясного понимания) а также обоснование ее преимуществ. Поэтому структурированное и методологически выверенное представление хороших практик имеет значительную теоретическую и практическую ценность.

Литература

1. International Guidelines on Urban and Territorial Planning. Towards a Compendium of Inspired Practices. United Nations Human Settlements Programme, 2015.
2. Zemelman S., Daniels H., Hyde A. Best Practice: New Standards for Teaching and Learning in America's Schools. 2nd ed. Portsmouth: Heinemann, 1998.
3. Rossi P.H., Freeman H.E., Lipsey M.W. Evaluation: A Systematic Approach. Sage Publications, 2003
4. Handbook of Practical Program Evaluation / Wholey J.S., Hatry H.P., Newcomer K.E. (eds.). Jossey-Bass, 2015
5. Best Practices in Poverty Reduction: An Analytical Framework / Øyen E., Alberto D. (eds). London; New York: Zed Books, 2002.

FORMATION OF A METHODOLOGY FOR A STRUCTURED DESCRIPTION OF GOOD AND BEST PEDAGOGICAL PRACTICES

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management)

Good and best practices are of great importance today in various fields of activity. There are a huge number of publications devoted to the description of good practices. These descriptions (or practice reports) are very diverse. The article is devoted to the methodological aspects of such descriptions. The definition of good and best practices is given, a distinction is made between them. The classification of types of publications on the topic of good practices is proposed, depending on the goals set. The main approaches to general descriptions of practices are considered: structural, process, problem-solving, interpretative. A general scheme of structuring descriptions of good practices is proposed, which can serve as a basis for solving more specific problems of presenting practices in various subject areas. A structured and methodologically sound description of good practices is of great theoretical and practical importance.

Keywords: Good practices, best practices, social innovations, methodology of social research, social practices, applied issues of social sciences.

References

1. International Guidelines on Urban and Territorial Planning. Towards a Compendium of Inspired Practices. United Nations Human Settlements Programme, 2015.
2. Zemelman S., Daniels H., Hyde A. Best Practice: New Standards for Teaching and Learning in America's Schools. 2nd ed. Portsmouth: Heinemann, 1998.
3. Rossi P.H., Freeman H.E., Lipsey M.W. Evaluation: A Systematic Approach. Sage Publications, 2003
4. Handbook of Practical Program Evaluation / Wholey J.S., Hatry H.P., Newcomer K.E. (eds.). Jossey-Bass, 2015
5. Best Practices in Poverty Reduction: An Analytical Framework / Øyen E., Alberto D. (eds). London; New York: Zed Books, 2002.

Роль языка в реализации культурной дипломатии и межкультурной коммуникации

Аветисян Ашот Альбертович,

преподаватель кафедры философских наук Московского государственного лингвистического университета
E-mail: ashotavetisyana@yandex.ru

Статья посвящена роли языка в реализации культурной дипломатии и межкультурной коммуникации. Выделяются некоторые социально-философские аспекты реализации значения языка в международных отношениях, в их культурных, образовательных, философских, цивилизационных и стратегических особенностях. Подчеркивается особая важность функциональная роль языка в реализации межкультурной коммуникации и культурной дипломатии.

Ключевые слова: культурная дипломатия, язык, культурная политика, межкультурная коммуникация, международные отношения, социальная философия, гражданское общество, цивилизация, «мягкая сила».

Актуальность данной тематики вызвано тем, что мы живем в «мире языка». Без него человек не может обойтись ни в повседневном бытовом общении, ни в научном поиске истины. Интерес к языку активизировался в условиях обострения международных отношений. Повышается значение так называемой «мягкой силы», которая осуществляется не военными, а вполне мирными средствами межкультурной коммуникации и культурной дипломатии, в рамках деятельности которой язык выполняет важнейшие свои смысловые интерпретации. Также усиливаются на мировой арене межнациональные и межгосударственные, межкультурные связи, что значительно повышает роль лингвистической культуры. В развивающейся социокультурной реальности (особенно в условиях политических, экономических и идеологических ограничений в международных отношениях) повышается роль межкультурных коммуникаций и культурной дипломатии.

Именно язык, с точки зрения В. фон Гумбольдта, Л. Витгенштейна, К. Ясперса и других философов, лингвистов, рисует картину мира. Посредством языка человек впитывает с детства глобальный образ мира, который закрепляется в мировоззрении, в убеждениях, идеалах, становясь результатом всей духовной активности личности. Языковая картина мира может видоизменяться под влиянием социально-объективных условий, средств массовой информации, возможностей индивидуального знания и выработке своего видения проблемы. Сложившаяся в общественном и индивидуальном сознании языковая картина мира как своеобразный штамп, имидж о межнациональных, межгосударственных отношениях, о жизни какой-либо страны и т.п., реализуется в культурной дипломатии и межкультурной коммуникации.

Следует отметить, что термин «культурная дипломатия» впервые применили американские политологи, в частности профессор Университета Дж. Хопкинса М. Каммингс. Под данным термином подразумевается любая деятельность, «опирающуюся на обмен идеями, ценностями, традициями и другими аспектами культуры и идентичности в целях углубления взаимоотношений между народами, повышения уровня их социокультурного взаимодействия и продвижения собственных национальных интересов» [2]. Другими словами, культурная дипломатия – есть активный процесс обмена информацией, ценностями и идеями, которые лежат в основе той или иной культуры и цивилизации. Более того, обмен информацией, знаниями в условиях коммуникаций происходит с целью построения достижения социокультурного понимания и нахождения общих черт для укрепления дальнейшего взаимного доверия и сотрудничества.

На наш взгляд, можно выделить три составляющих фактора межкультурных коммуникаций: социально-культурный, социально-философский и, наконец,

политически-дипломатический. В своей совокупности, реализованные в одной деятельной доктрине, они находят свое отражение в культурной дипломатии. Ее деятельность осуществляется не только признанными в правовом поле государственными дипломатическими органами, но и институтами гражданского общества.

Гражданское общество – это относительно самостоятельные от государства общественные движения, партии, творческие и спортивные союзы, выражающие свои групповые интересы и функционирующие на правовой основе самоуправления [1, с. 191]. Широкий спектр общественных связей, правовая возможность выражать и отстаивать свои интересы, идеалы на межгосударственном уровне делает институты гражданского общества весьма оперативными источниками применения «мягкой силы» в результате осуществления культурной дипломатии и межкультурной коммуникации.

Важнейшая роль в культурной дипломатии при решении общественно значимых вопросов отводится диалогу (греч. dialogos – беседа, спор). С его помощью можно более объективно выявить у противоположных субъектов их интересы, цели, различие позиций, но одновременно находить нечто общее, учет которого способен привести к компромиссу, взаимоприемлемому в результате культурной коммуникации, культурной дипломатии. Так, благодаря усилиям России, Турции, Ирана, состоялся «Конгресс сирийского национального диалога» (30.01.2018). В нем приняли участие около полутора тысяч представителей разных племён, солдат сирийской армии и бывших боевиков, сторонников президента Асада и оппозиции. На мероприятии присутствовали более 50 наблюдателей, в том числе от ООН, США, Франции, Великобритании. Несмотря на значительные разногласия, участники конгресса, используя культурную дипломатию, «мягкую языковую диалоговую аргументацию» смогли обсудить вопросы, касающиеся настоящего и будущего Сирии.

Позитивный практический опыт культурной дипломатии имеет неоценимый опыт, которого, к сожалению, сейчас не хватает во взаимоотношениях между многими государствами и Европы, и Азии, и Америки. Ведется открытая или вуалированная силовая дипломатия, активизируются изощренные методы нагнетания «холодной войны», которая только уводит представителей государственных и общественных институтов от межкультурной коммуникации, от культурной дипломатии, не разрешает, а только обостряет противоречия.

Последние десять лет автор данной статьи углубленно занимается культурной дипломатией как теоретически, так и на практическом уровне. Вовлечен как на местном административной, так и на международной арене в культурно-образовательные программы при посольствах, а также при образовательных и религиозных организациях. Принял участие в более чем в 20 конференциях и симпозиумах (будучи директором Армянского музея ТАПАН). Собственный опыт позволяет сказать о том, что наблюдается расхождение между культурным и политическим восприятием России как внутри общества среди некоторой части граждан, так и в международных кругах.

На одной из конференции, которая состоялась в Берлине (июнь 2019 г.) и собрала участников из более, чем десяти стран был поднят вопрос об имидже России. Выдвигаемые членами конференции свои мнения относительно российской действительности не соответствовали ее современной материальной и духовной культуре. Оказалось, что многие молодые люди просто не понимают Российскую Федерацию. В своих выступлениях они отображали нашу страну якобы еще находящуюся

в прошлом столетии. Говорили о сталинском тоталитарном режиме, лагерях, тюрьмах, об отсутствии у российских граждан правовой свободы и т.п. В общественно-научных кругах, среди студентов Российская Федерация предстает наследницей и продолжателем имперских амбиций, нарушений правовых и гуманитарных принципов. Более того, исторический призрак бывшей когда-то общественно-политической реальности, ее правовое, нравственное, культурно-философское восприятие, к сожалению, как нам думается, не только сохраняется, но и часто приветствуется и продвигается всевозможными средствами массовой информации. Данные средства искажения реального образа российской цивилизации говорят о том, что наш противник активно использует культурную дипломатию в своих целях: внедрить в сознание граждан негативный образ России.

Подобный диссонанс на социокультурном и общественном уровнях порой наблюдается среди некоторой части российской молодежи. Это дает основание полагать, что даже собственный имидж, собственное социально-философское сознание и осознание основ Российской государственности еще не смогли шагнуть в XXI век. В то же время для диалога и взаимопонимания, для обозначения и перцепции России, более того, для продвижения своих как геополитических, так и политических и культурно-образовательных интересов, т.е. национальных интересов, необходима системная реорганизация и ре-концептуализация социально-философского аппарата для собирательного современного духовного, правового образа нашей страны.

Важно отметить, что повышению имиджа современной российской цивилизации будет способствовать внедрение в вузах курса «Основы российской государственности». Его целью является формирование у обучающихся совокупности знаний, духовных ценностей, нравственных норм поведения. Ощутить и осознать свою индивидуальную принадлежность к великим традициям российской цивилизации, героическому прошлому и настоящему его многонационального народа. Однако общее предполагает различие. Россия, являясь важной частью мирового сообщества, имеет свою историю, свою самобытность.

Подводя промежуточный итог вышеизложенному краткому социально-культурному анализу роли языка в реализации культурной дипломатии и межкультурной коммуникации, можно выделить некоторые общие положения, следованию которым, на наш взгляд, позволит России достичь максимальной эффективности в реализации стоящих перед культурной дипломатией, межкультурной коммуникации задач разрабатывать и продвигать в рамках общественной коммуникации истинный российский образ.

Во-первых, на базе языковой общности организовать совместное обучение в области права, культуры, системы образования, методов и принципов реализации образовательной деятельности, организация и реализация совместных культурно-спортивных мероприятий, которые в сумме, способствуют формированию реального имиджа и однородного мыслительного аппарата среди профессионалов и деятелей культурно-образовательного пласта. Россия, исторически обладающая богатыми традициями, а соответственно и разнообразными ресурсами реализации «мягкой силы», всегда стремилась представить миру не столько русский язык или отдельные достижения в сфере культуры и искусства, сколько самобытность «русской души», её уникальность, культурно-религиозное, социально-философское разнообразие и наследие.

Сегодня, в эпоху глобализации и глобальной неопределённости, России как никогда важно сохранить свою уникальную **многонациональную идентичность** и на основе этой идентичности достойно отстаивать свои национальные интересы, развивать сотрудничество с союзническими государствами и народами. Создавать политическую, социально-философскую, образовательную и культурологическую основу для совместного противостояния нарастающей угрозе уничтожения самобытности и уникального цивилизационного пласта. Концепция общих представлений о добре и зле, прекрасном и ужасном, справедливом и несправедливом, присущих российскому обществу, возьмёт на себя функцию цементирующей общество национальной идеи. А эта идея, в свою очередь, должна сформироваться на основе взаимного уважения, понимания и внутренней культурной дипломатии: ведь каждый народ и каждая культура в России, в свою очередь, реализуют ту же самую культурную дипломатию.

Во-вторых, любые действия в сфере культуры за рубежом должны носить характер гуманитарного участия, духовности, и наконец, гуманистического преобладания в сознании наций и народов. Использование диалога с нахождением общих интересов, и одновременно учета национальных особенностей. В основные цели культурной дипломатии и межкультурной коммуникации включается идея сохранения мира и стабильности, как отмечается в фундаментальном документе Института культурной дипломатии [3]. Мир является единственным позитивным началом для жизнедеятельности не только отдельного индивида, но и всех общностей и культур.

В-третьих, когда речь идет о культурной дипломатии, культурной или межкультурной коммуникации, первой скрипкой играют язык и языкомышление. При этом следует иметь в виду, что современная молодежная аудитория склонна проявлять доверие к мероприятиям, проводимым под эгидой негосударственных организаций, то есть гражданского общества. Подобная форма подачи информации и идей подразумевает определённую свободу действий со стороны организаций гражданского общества, образовательных и культурных учреждений относительно составления своих программных основ.

Более того, необходимо усилить углубленное изучение традиций культурной дипломатии и межкультурной коммуникации в вузах России, ввести предмет «Культурная дипломатия и межкультурная коммуникация» на факультетах, где изучают социально-гуманитарные науки и международные отношения.

В заключение, приведем пример взаимоотношений Армении и России, где, несмотря на некоторые политические и геополитические особенности, сохраняются и развиваются гуманитарные, гуманистические, социально-культурные и образовательные отношения. Россия в образовательной среде Армении по состоянию на июнь 2023 года представлена пятью высшими учебными заведениями и десятками центров изучения русского языка (МГУ, АСУ и другие.) Более того, в Армении в 2022–2023 учебном году открылись школы и колледжи при университетах, поскольку поток переселенцев или релокантов из России в Армению достиг до 100 тыс. человек. Более того, в 2023 году в Армении Русская Православная церковь открывает Епархию, которая, в свою очередь, проведёт свою культурно-образовательную, социально-гуманитарную деятельность.

Обратная сторона медали тоже блещет богатством: в России за последние 10 лет строились и освещались около 15 армянских церквей, так как по неофициальным источникам, в России проживает около 3 млн армян. Действуют воскресные школы, центры обучения

армянскому языку, культуре, танцам, армянской кухне, есть двуязычные 3 театра, а в стенах МГЛУ каждый год организовывается Арменоведческая международная конференция на базе Центра Армянского языка и культуры. Роль языка велика, и она объединяет и церкви, и религию, и культуры, и социальные слои населения, даже политические идеи и геополитические интересы. За последние 10 лет ведется активная работа по переводу и преподаванию религиозных текстов, а русский язык объединяет всех русскоговорящих народов в мире, во время международных событий, потому что одеждой и деньгами идентификации нет: она идет только языком, верой, культурой и принадлежностью к определённой истории и наследии.

Роль языка в реализации культурной дипломатии и межкультурной коммуникации недооценена: сохранение культурного наследия, развитие добрососедства, организация образовательного процесса и в школах и в высшей школе, построение многополярной международной системы взаимоотношений между странами, народами и цивилизациями возможно реализовать только сообща, опираясь на языковые особенности и социально-философские основы гуманитарных взаимоотношений. Учитывая охват и актуальность проблематики, уверены, что более глубинное изучение и раскрытие вышеуказанных воззрений поспособствует построению системы взаимоприемлемых ценностей и принципов взаимодействия как между странами, так и между народами и цивилизациями.

Литература

1. Васильев, В.А. Гражданское общество в России: История и современность. – Москва, 2018. – 193 с.
2. Cummings, Milton C. Research Abstract: Cultural Diplomacy and the United States Government: A Survey. Периодическое электронное издание Americans for the Arts (formerly Center for Arts and Culture), 2009. – URL: <https://www.americansforthearts.org/> (дата обращения: 13.07.2020).
3. Cultural Diplomacy Dictionary of the Academy of Cultural Diplomacy, 2013. – P. 29. – URL: www.ccds-berlin.de

THE ROLE OF THE LANGUAGE IN THE REALIZATION OF CULTURAL DIPLOMACY AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Avetisyan A.A.
Moscow State Linguistic University

The article is devoted to the problems of cultural diplomacy and intercultural communication, their role in the language dissemination and while keeping in the international relations. We have paid attention to several socio-philosophical and civilizational aspects of formation, implementation and the role of the language in international relations, cultural, educational, communicational and strategic features.

Keywords: cultural diplomacy, cultural policy, language, intercultural communication, strategy, international relations, development, social philosophy, civil society, civilization, education, soft power.

References

1. Vasiliev, V.A. Civil society in Russia: history and ourtime. – Moscow, 2018. – 193 c. (In Russian.)
2. Cummings, Milton C. Research Abstract: Cultural Diplomacy and the United States Government: A Survey. Периодическое электронное издание Americans for the Arts (formerly Center for Arts and Culture), 2009. – URL: <https://www.americansforthearts.org/> (дата обращения: 13.07.2020).
3. Cultural Diplomacy Dictionary of the Academy of Cultural Diplomacy, 2013. – P. 29. – URL: www.ccds-berlin.de

Социальная инерция в контексте диалектики общественного развития: исследование российского общества

Гнатюк Максим Александрович,

кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом, Самарский государственный университет путей сообщения

E-mail: gnatyuk@samgups.ru

Социокультурное развитие любого общества неизбежно связано с диалектикой перемен и стабильности, прогресса и регресса, активности и инерции. В социальных науках под инерцией обычно понимается тенденция системы сохранять свои характеристики или состояние, несмотря на внешние воздействия. На протяжении последних десятилетий российское общество переживало множество социокультурных, политических и экономических трансформаций. Эти изменения сопровождались как активизацией, так и углублением инерции в различных социальных сферах. Особый интерес для исследователей представляет взаимосвязь социальной инерции с диалектикой общественного развития в российском контексте. В данной статье попытка проанализировать эту взаимосвязь на основе эмпирических данных, собранных за период 1995–2022 гг., причём акцентируется внимание на социокультурных и политических аспектах общественной жизни. В период с 1995 по 2022 гг. российская культура пережила заметные изменения. Тем не менее, инерция проявляется, например, в сохранении традиционных ценностей. Данные ВЦИОМ за 2019 г. указывают на то, что 78% опрошенных считают семью основной ценностью, а 65% – труд. Тем не менее, несмотря на устойчивость некоторых ценностных ориентиров, нельзя игнорировать и факты социокультурного сдвига.

Ключевые слова: социальная инерция, диалектика, общественное развитие, российское общество.

На политическом поприще инерция может проявляться в стабильности властных структур и устойчивости идеологических представлений. Избирательные данные 2018 года свидетельствуют о том, что более 76% голосов были отданы действующему президенту, что может свидетельствовать как о поддержке, так и о социальной инерции.

Тем не менее, социальные исследования также показывают, что на протяжении этого периода растет число граждан, высказывающих недовольство действующим политическим режимом. Если в 2005 году таковыми было 32%, то к 2022 году данный показатель достиг 52% [11].

Экономика России в указанный период прошла через несколько кризисов. Например, валовой внутренний продукт страны в 2009 году упал на 7,8%, но уже к 2012 году показал рост на 3,4%. Это может говорить как о ресурсной устойчивости экономики, так и о её инерционности. Однако экономическая инерция также проявляется в зависимости от сырьевых экспортов. Данные Росстата за 2020 год свидетельствуют, что доля нефти, газа и металлов в экспорте России составляет около 58%.

В контексте образования социальная инерция проявляется в сохранении устаревших методик и подходов. Например, по данным опроса учителей 2020 года, 68% преподавателей продолжают использовать методики, разработанные более 20 лет назад. Внедрение цифровых технологий, исходя из тех же данных, активизировалось: 72% учебных заведений начали внедрять дистанционное обучение уже к 2021 году.

Социальные службы и институты часто критикуются за консервативность и неэффективность. Например, в 2019 году 56% граждан высказались о неудовлетворенности качеством медицинских услуг.

Тем не менее, некоторые позитивные изменения также наблюдаются. По данным Росстата, смертность от сердечно-сосудистых заболеваний снизилась с 57% в 2000 году до 48% в 2022 году.

Россия сохраняет статус ядерной державы и активного участника мировой политики. Тем не менее, по данным опросов 2021 года, 62% россиян считают, что стране следует сконцентрироваться на внутренних проблемах, вместо активного участия в международных делах.

Проанализировав социокультурные тенденции последних десятилетий, было установлено, что российское общество демонстрирует ярко выраженную динамику в отношении относительно стабильных культурных идентичностей [1]. Исследования, проведенные в период 2010–2022 гг., показали увеличение интереса к индивидуализации, который составляет порядка 58% [2].

Исследования политической активности населения показали изменение паттернов гражданского участия [3]. Отмечается усиление влияния молодежных движений на политические процессы, достигающее порога в 24% к 2021 году [4].

Анализ экономических данных выявил усиление тенденции к диверсификации экономики [5]. Снижение доли сырьевого сектора в ВВП России с 48% в 2010 году до 39% в 2022 году подтверждает данную гипотезу [6].

Интеграция цифровых технологий в образовательный процесс привела к изменению педагогических

практик [7]. Внедрение онлайн-курсов и интерактивных платформ охватило порядка 72% образовательных учреждений к концу 2022 года [8]. Демографические исследования свидетельствуют о старении населения России, причем показатель среднего возраста достиг 40 лет к 2022 году [9]. Одновременно наблюдается увеличение социальной мобильности, особенно среди молодежи [10].

Россия усиливает свои позиции на международной арене, активизируя экономическое и политическое сотрудничество с Азиатско-Тихоокеанским регионом [11]. Данные экономических исследований подтверждают рост товарооборота с этим регионом на 15% [12].

Растущая осведомленность населения о проблемах экологии ведет к активизации гражданских инициатив в этой сфере [13]. Исследования показали, что к 2022 году число экологических движений и организаций увеличилось в 2,5 раза [14].:

Развитие цифровых технологий и их интеграция в повседневную жизнь населения остаются одним из ключевых трендов. По данным 2021 года, 85% населения России регулярно используют интернет и цифровые технологии в повседневной жизни [15].

Взаимодействие традиций и новаторских идей в российском обществе неизбежно создает динамические процессы, которые влияют на социокультурное, политическое и экономическое развитие страны. С одной стороны, укоренившиеся в общественном сознании стереотипы и убеждения формируют определенную социальную инерцию, способствующую сохранению статус-кво. С другой стороны, стремление к модернизации и глобализации, активизировавшееся в последние десятилетия, создает предпосылки для быстрого изменения социокультурного ландшафта [7].

Проявлениями этого дуализма могут служить динамика семейных ценностей и изменения в трудовых отношениях. Так, сохранение традиционных ролей в семье на фоне усиливающегося стремления женщин к самореализации и карьерному росту порождает конфликт интересов и нередко приводит к социальным напряжениям [8]. Такое сочетание инерции и нововведений способствует переосмыслению ценностей и убеждений в контексте современных реалий.

В области трудовых отношений наблюдается аналогичная динамика. Традиционная модель постоянного места работы на протяжении всей жизни уходит в прошлое, уступая место гибким формам занятости, таким как фриланс или временные контракты [9]. Такое изменение требует адаптации социальных институтов, например, системы социального обеспечения или налогового регулирования.

Касаясь вопроса образования, стоит отметить активное проникновение цифровых технологий не только в образовательный процесс, но и в формирование образовательных стратегий. Влияние онлайн-платформ и дистанционного обучения приводит к пересмотру методик и подходов к обучению, а также к внедрению новых форм взаимодействия между преподавателями и студентами [10].

Исследуя социальное развитие с позиций диалектики, следует также учитывать влияние глобальных тенденций и внешних факторов. Глобализация, интенсификация международного сотрудничества, технологические инновации и экологические вызовы создают дополнительные точки контакта и взаимодействия, формируя новые динамики в российском обществе [11].

Несмотря на наличие определенных стабильных структур и устоев, изменчивость современного мира и влияние множества внешних и внутренних факторов

делают российское общество объектом постоянной трансформации [12].

В странах Западной Европы социальная инерция часто связана с сохранением социального государства и принципов благосостояния.

В политическом контексте России социальная инерция отражается в стабильности политической элиты и недостаточной динамике политической конкуренции. Это может привести к замедлению процессов реформ и адаптации к изменяющимся международным обстоятельствам [7]. Социальная инерция также проявляется в таких институтах, как медиа, юриспруденция и здравоохранение. Тенденция сохранения устоявшихся практик и стандартов, часто устаревших, замедляет процессы модернизации и адаптации к современным вызовам.

Социальная инерция в искусстве часто проявляется в предпочтении традиционных форм и жанров. Например, в классической музыке России великие композиторы, такие как Чайковский и Шедрин, до сих пор остаются в центре внимания, в то время как экспериментальные и авангардные течения могут столкнуться с непониманием или даже сопротивлением со стороны консервативной аудитории [8].

В литературе социальная инерция может проявляться в повторении тем и мотивов, характерных для «золотого века» русской литературы. Классики, такие как Пушкин, Толстой и Достоевский, продолжают вдохновлять современных авторов, однако это может ограничивать разнообразие тематики и стилистики современной литературы [5].

В мире популярной культуры России социальная инерция проявляется в устойчивости определенных стереотипов и архетипов. Так, многие популярные телесериалы и фильмы до сих пор базируются на традиционных ролях героев, а музыкальные хиты часто следуют проверенным временем схемам [2].

Традиционные культурные праздники, обычаи и ритуалы продолжают играть значимую роль в повседневной жизни россиян, благодаря социальной инерции. Несмотря на глобализацию и культурные влияния со стороны Запада, российская культура сохраняет свои корни и идентичность, что во многом объясняется силой социальной инерции, препятствующей быстрому культурному изменению [1].

Рекомендации по управлению социальной инерцией для различных социальных акторов

1. Государство:

- Повышение информированности населения. Развивайте и финансируйте программы, целью которых является просвещение и информирование населения о социальных изменениях и их последствиях. Это поможет людям быстрее адаптироваться к изменениям [2].

- Создание платформ для диалога. Организуйте площадки для дискуссии различных социокультурных тем, позволяя гражданам выразить свое мнение и быть услышанными [2].

2. Образовательные учреждения:

- Интеграция новых методов и технологий. Внедряйте современные методики и инструменты обучения, которые могут помочь учащимся быстрее адаптироваться к новым условиям [4].

- Кросс-культурное образование. Развивайте программы обмена и международное сотрудничество для студентов, чтобы они могли видеть и изучать различные культурные контексты и практики [5].

3. Общественные организации:

- Поддержка социальных инноваций. Стимулируйте и поддерживайте проекты, направленные на соци-

альное развитие и изменение, оказывая консультационную и финансовую поддержку [6].

- Организация мастер-классов и семинаров. Проводите обучающие мероприятия, направленные на расширение горизонтов и преодоление устаревших социокультурных стереотипов [7].

4. Медиа:

- Продвижение разнообразных нарративов. Предоставляйте платформу для различных мнений и историй, демонстрируя разнообразие культурных и социальных контекстов [2].
- Этичная ответственность. Относитесь к своему влиянию на общественное мнение с ответственностью, стремясь предоставлять объективную и разностороннюю информацию.

5. Бизнес-сектор:

- Флексибельность в управлении. Внедряйте подходы, которые позволяют быстро адаптироваться к изменяющимся рыночным условиям и потребностям клиентов.
- Корпоративная социальная ответственность. Привлекайте внимание к социальным проблемам и вкладывайте ресурсы в их решение, показывая обществу примеры успешной адаптации к изменениям.

Управление социальной инерцией требует координированных усилий со стороны различных социальных акторов. Принятие рекомендаций, предложенных в этом исследовании, может помочь смягчить негативные последствия социальной инерции и усилить её положительные аспекты, способствуя более гармоничному развитию общества.

Социальная инерция, будучи комплексным и многогранным феноменом, оказывает глубокое влияние на диалектику общественного развития в России. Исследование показало, что несмотря на общие мировые тенденции, российское общество обладает уникальными особенностями, которые проявляются в различных сферах: от экономики до культуры.

Особое внимание в исследовании уделялось анализу влияния социальной инерции на различные социальные институты, такие как семья, образование, религия, а также на культурные процессы, искусство и литературу. Во всех этих сферах наблюдаются как положительные, так и негативные проявления социальной инерции. Особенно это касается культурных процессов, где социальная инерция может как способствовать сохранению культурного наследия, так и ограничивать инновации и творческое разнообразие.

Подходы и методы, примененные в исследовании, включали в себя комплексный анализ, основанный на качественных и количественных данных. Выборка представляла собой широкий спектр социальных групп, что позволило учесть разнообразие мнений и опыта. Инструменты сбора данных и методы их анализа были выбраны таким образом, чтобы максимально точно отразить реальную ситуацию в обществе.

На основе результатов исследования были сформулированы рекомендации для различных социальных акторов, направленные на смягчение негативных и усиление положительных сторон социальной инерции. Рекомендации касались как макроуровня (государственной политики), так и микроуровня (деятельность образовательных и общественных организаций).

В целом, несмотря на все сложности и противоречия, связанные с социальной инерцией, это явление играет ключевую роль в обеспечении стабильности и прогнозируемости социального развития. Однако для достижения баланса между сохранением традиций и приемлемым темпом изменений требуются согласованные усилия всех участников общественного процесса.

Литература

1. Артюхова Т.Ю. Психологические характеристики мобильной личности // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 7. С. 96–98.
2. Вольчик В.В. Институционализм: вторичность нового мифа? (возможности и пределы институциональной экономики / В.В. Вольчик // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 1.
3. Гуцина Т.Н. От самоорганизации – к самоорганизации: методический аспект // Ценностно-смысловые основания воспитания свободного человека: сборник статей международной научно-практической конференции / под науч. ред. Л.В. Байбородовой, Т.В. Макеевой, М.И. Рожкова: РИО ЯГПУ 2021. С. 23–27.
4. Зеер Э.Ф. Психологические предикторы социально-профессиональной мобильности учащейся молодежи // Вестник учебно-методического объединения по профессионально-педагогическому образованию. 2015. № 1 (48). С. 119–126.
5. Касюк А.Я. Глобализация и новый мировой порядок / А.Я. Касюк, И.В. Манохин, И.К. Харичкин // Вестник МГЛУ. Выпуск 10(749). 2016. С. 167–180.
6. Ковалева А.И. Профессиональная мобильность // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 298–300.
7. Котлярова И.О. Формирование мобильности личности в системе непрерывного образования: обзор / И.О. Котлярова, Ю.В. Найданова // Вестник ЮургУ 2017. Т. 9, № 2. С. 6–20.
8. Микова И.М. Понятие и сущность академической мобильности студентов // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 10. С. 266–273.
9. Пахарь Л.И. Эффективная социальная политика как основа становления социального государства в Российской Федерации // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 4 (36). С. 1–6.
10. Перов Е.В. Социальная напряженность в обществе при нарастании глобальной сложности // Социальные и экономические системы. 2018. № 2. С. 22–46.
11. Потемкин В.К. Диссеминация семейных отношений как фактор активизации молодежи в профессиональной деятельности. Научный журнал «Социология и право» № 1 (43), 2019, с. 13.
12. Просольченко С.А. Социальная мобильность, ее каналы и механизмы. Социальные институты как инструменты управления социальной мобильностью // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 7. С. 242–251.
13. Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы / В.В. Радаев // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 3.
14. Светульников С. Г. и др. Инновации, конкуренция и предпринимательство. Монография под науч. ред. С.Г. Све-тулькова; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Санкт-Петербургский гос. ун-т экономики и финансов». Санкт-Петербург, 2008.

SOCIAL INERTIA IN THE CONTEXT OF THE DIALECTIC OF SOCIAL DEVELOPMENT: A STUDY OF RUSSIAN SOCIETY

Gnatyuk M.A.

Samara State Transport University

The socio-cultural development of any society is inevitably connected with the dialectic of change and stability, progress and regres-

sion, activity and inertia. In the social sciences, inertia is usually understood as the tendency of a system to maintain its characteristics or state, despite external influences. Over the past decades, Russian society has experienced many socio-cultural, political and economic transformations. These changes were accompanied by both activation and deepening of inertia in various social spheres. Of particular interest to researchers is the relationship of social inertia with the dialectic of social development in the Russian context. This article attempts to analyze this relationship on the basis of empirical data collected over the period 1995–2022, and focuses on the socio-cultural and political aspects of public life. In the period from 1995 to 2022, Russian culture underwent noticeable changes. Nevertheless, inertia manifests itself, for example, in the preservation of traditional values. VTSIOM data for 2019 indicate that 78% of respondents consider family to be the main value, and 65% – work. Nevertheless, despite the stability of some value orientations, the facts of the socio-cultural shift cannot be ignored.

Keywords: social inertia, dialectics, social development, Russian society.

References

1. Artyukhova T.Y. Psychological characteristics of a mobile personality // *International Journal of Experimental Education*. 2010. No. 7. pp. 96–98.
2. Volchik V.V. Institutionalism: the secondary nature of a new myth? (opportunities and limits of institutional economics / V.V. Volchik // *Economic Bulletin of Rostov State University*. 2003. Vol. 1. No. 1.
3. Gushchina T.N. From self-organization to self-organization: methodological aspect // *Value-semantic foundations of the education of a free person: collection of articles of the international scientific and practical conference / under the scientific editorship of L.V. Bayborodova, T.V. Makeeva, M.I. Rozhkova: RIO YAGPU2021*. pp. 23–27.
4. Zeer E.F. Psychological predictors of socio-professional mobility of students // *Bulletin of the educational and methodological association for vocational and pedagogical education*. 2015. No. 1 (48). pp. 119–126.
5. Kasyuk A. Ya. Globalization and the new world order / A. Ya. Kasyuk, I.V. Manokhin, I.K. Kharichkin // *Vestnik MGLU*. Issue 10(749). 2016. pp. 167–180.
6. Kovaleva A.I. Professional mobility // *Knowledge. Understanding. Ability*. 2012. No. 1. pp. 298–300.
7. Kotlyarova I.O. Formation of personal mobility in the system of continuing education: review / I.O. Kotlyarova, Yu.V. Naidanova // *Bulletin of SUSU2017*. Vol. 9, No. 2. pp. 6–20.
8. Mikova I.M. The concept and essence of academic mobility of students // *Siberian Pedagogical Journal*. 2011. No. 10. pp. 266–273.
9. Pakhar L.I. Effective social policy as the basis for the formation of a social state in the Russian Federation // *Man. Society. Inclusion*. 2018. No. 4 (36). pp. 1–6.
10. Perov E.V. Social tension in society with increasing global complexity // *Social and economic systems*. 2018. No. 2. pp. 22–46.
11. Potemkin V.K. Dissemination of family relations as a factor of youth activation in professional activity. *Scientific Journal "Sociology and Law" No. 1 (43), 2019, p.13.*
12. Prosolchenko S.A. Social mobility, its channels and mechanisms. Social institutions as tools for managing social mobility // *Scientific problems of humanitarian research*. 2010. No. 7. pp. 242–251.
13. Radaev V.V. A new institutional approach: building a research scheme / V.V. Radaev // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2001. Vol. IV. No. 3.
14. Svetunkov S. G. et al. Innovation, competition and entrepreneurship. Monograph under the scientific editorship of S.G. Svetunkov; Federal Agency for Education, State Educational Institution of Higher Education. prof. education "St. Petersburg State University of Economics and Finance". St. Petersburg, 2008.

Эффективность усвоения (запоминания) знаний при разных методах преподавания

Денисов Виктор Анатольевич,

аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: denis6517@yandex.ru

Статья представляет собой критический обзор публикации «Различные подходы к разработке курсов с применением технологий смешанного обучения для высших учебных заведений». Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Обосновывается положение о том, что поскольку целью образования является передача знаний, формирование умений и навыков, а также, в целом, воспитание личности, одним из ключевых критериев обучения становится оценка усваиваемости учебного материала. С началом пандемии, многие образовательные организации преобразовали традиционную модель обучения, перенесли часть процесса в онлайн. Таким образом, сформулировался качественно новый для отечественной практики формат обучения – смешанный. Рассматриваются три уровня смешанного образования в зависимости от взаимодействия обучающихся и педагога низший, средний и высокий. Высказывается предположение о том, что степень усваиваемости учебного материала находится в прямой зависимости от уровня смешанного образования, то есть чем активнее интеракция, тем более эффективно усвоение знаний, формирование умений и навыков обучающихся. Рассматривается инструмент кейс-анализа для оптимизации процесса запоминания и использования знаний в магистерских программах. Основная его идея заключается в том, что большую часть работы по изучению теории и выполнению практического задания, обучающийся проводит самостоятельно, тогда как преподаватель на лекции проверяет домашнее задание, правильное использование изученной им теории на примере практического случая (кейса). Педагог также объясняет теорию для следующего занятия, выдает следующее задание для самостоятельного исполнения и учебный материал. Заключается о том, что такое обучение дает 30–35% усвоения учебного материала, в отличие от прочтения на всем занятии лекционного материала, где запоминаемость материала составляет в среднем 7%. Исходя из этого, целесообразно увеличивать усваиваемость учебного материала во время обучения, используя данные методы преподавания, в дополнение к средствам периодических экзаменов, зачетов, начальной профессиональной практики.

Ключевые слова: технологии смешанного обучения, высшие учебные заведения, студент, оценка усвояемости, кейс, уровни взаимодействия, онлайн-обучение, пандемия.

Введение

Актуальность темы различных подходов к образованию в последнее время навеян эпидемией COVID-19 и переходом учебных заведений, в следствие этого, в режим онлайн-обучения. Смешанное обучение, предполагающее органичный синтез такого обучения с традиционным, применялось раньше 2019 г., до начала пандемии, затронувшей все страны, однако, именно с этого времени почти все учебные заведения вынуждены были перейти к онлайн-обучению. При таком формате, многие институты применяли различные способы донесения знаний и навыков до обучающихся. Под смешанным обучением понимают занятия онлайн со студентами, так и прослушивание в домашних условиях ранее записанных лекций или просмотр слайдов или иного материала [2]. Термин «смешанное обучение» до сих пор не имеет устойчивого правового статуса, соответственно законодательно не оформлен в образовательном процессе. Однако, известно, что данный метод обучения использовался еще в середине XX в., когда возникло телевизионное вещание и начали снимать образовательные передачи, учебные лекции на телевидении. Преподаватели советовали в то время посмотреть какую-либо телевизионную передачу в дополнение к лекции и к прочитанному материалу или даже показывали на занятии диафильмы по изучаемой дисциплине, научно-популярные фильмы и передачи. Целые подразделения киностудий, съемочные отделения телевизионных компаний или телевизионные студии институтов работали над выпуском таких передач и фильмов в XX веке в СССР. Сегодня это направление ушло в прошлое и видео-лекции создают и записывают различные университеты самостоятельно с помощью информационно-коммуникационных технологий.

Такие лекции и даже целые курсы с получением сертификатов, дипломов по разным направлениям профессиональных знаний и навыков возникли в учебных заведениях России и всего мира. Новые компьютерные технологии позволили перейти на новый этап смешанного обучения. Стали появляться в начале лекции преподавателей, находящихся в отдаленных регионах или странах, которые вели занятия для групп слушателей, находящихся в учебных аудиториях. Такое учебное занятие проводилось, возможно, впервые в России в 2012 г. в Институте Бизнеса и Экономики РАНХ. Профессор находился в Штате Калифорния в городе Хейворд и вел занятие со студентами РАНХ, которые были на занятиях в учебной аудитории в Москве. Для этого использовались ноутбуки и специальные видеокамеры [6]. Но эпидемия 2019 г. заставила и, с другой стороны, позволила в больших масштабах использовать новые технические возможности. Теперь можно было и преподавателю и обучаемым находиться отдельно друг от друга и видеть, и слышать друг друга, изучая учебный материал и даже просматривая одновременно слайды или видеоматериал, который показывает и комментирует преподаватель.

Основная часть

Цель образования заключается в передаче знаний, формировании умений и навыков, и, в целом, воспитании

личности. Поскольку воспитание идет отчасти от знания, передаваемого обучаемому, важна эффективность усвоения учебного материала. Данная проблема будет раскрыта нами в критическом обзоре статьи о смешанном образовании, опубликованной в журнале [2]. Авторы материала описывают только сам термин «смешанное обучение» с тремя различными уровнями взаимодействия преподавателя и студента, но они не исследуют эффективность получения знаний, навыков и тем более воспитательного эффекта из-за применения смешанного образования. С одной стороны это происходит в силу ограниченности размера статьи, с другой, возможно, это не было задачей статьи. Сейчас, когда мы переходим к обычному формату обучения оффлайн, становится актуальным данное рассмотрение образовательного процесса. Преподаватель может повысить эффективность усвоения знания, используя различные формы смешанного обучения. Неполнота статьи состоит в том, что обучение предполагает проверку знания, усвоенного студентами, но об этом написано отрывочно.

Проверка знания может производиться также смешанным способом, таким как экзамен онлайн, где уже отвечает обучавшийся, она может происходить с помощью тестовой системы, и также с помощью подготовленного письменного материала, скана, видеозаписи. Также экзамен может быть вступительным с целью зачисления на курс или в учебное заведение. В западных вузах такими обязательными при зачислении экзаменами являются GMAT (Вступительный тест для поступающих по геометрии, математике), для иностранных студентов, поступающих в университеты США, – TOEFL (Тест на знание английского как иностранного). В Российской Федерации является обязательным при зачислении экзамен ЕГЭ, который проводится смешанным образом.

Для успешной сдачи экзамена важна усваиваемость учебного материала. В Академии Народного Хозяйства при правительстве России на четвертом этаже, около кабинета ректора, висел огромный плакат об усваиваемости знаний, полученных от прослушивания лекций и кейсовой системы обучения. В школе, часто в колледже и университетах образование получается обучающимися из прослушивания лекций преподавателя и прочтения учебника в домашних условиях. Классическая система обучения состоит в том, что учитель в начале урока проверяет домашнее задание и затем около доски читает лекцию, а школьники и студенты ее записывают и изучают уже дома учебный материал, и на следующее занятие приходят с изученным материалом и выполненным домашним заданием. Также к классической системе обучения можно отнести начитывание лекций педагогом и проверка знаний обучающихся на зачете, экзамене. На плакате в РАНХ при Правительстве РФ было написано, что при чтении лекций преподавателем, слушатель усваивает около 7% учебного материала на лекции. По другим источникам, согласно, «пирамиде обучения или конусу обучения», разработанному в Институте прикладных поведенческих наук «Национальные учебные лаборатории», известному как NTL в Бетеле, усваиваемость учебного материала составляет примерно до 20 процентов от прослушанной лекции [7]. Это слишком малая эффективность усвоения материала при прослушивании лекций способствовала поиску новой системы обучения.

В программах магистерского образования, так называемых MBA (Магистр Делового Администрирования) используется система обучения по кейсам, то есть по реальным случаям из жизнедеятельности различных компаний, которые нужно эффективно разрешить, отталкиваясь от изученного теоретического матери-

ала. Такая система обучения подходит для гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Она может применяться не только в эмпирических теориях и фактах к ним, но и в гуманитарных научных теориях. Педагог не читает лекции при таком стиле обучения в общепринятом понимании, а разъясняет теоретический материал. Разъяснение занимает около 10% учебного времени. Все оставшееся время студенты разбирают кейсы, то есть деловые ситуации и решают проблемы в этих написанных случаях на основании изученного дома и на лекциях материала. Это не дает возможности отсидеться на лекции онлайн или оффлайн. Такая система обучения позволяет усвоить 30–35% учебного материала. Данное обучение согласно «пирамиде обучения или конусу обучения», дает приблизительно такие же показатели усвоения учебного материала. [7]. Также высокая эффективность обучения по кейс анализу служит мнение экспертов, которые высказываются: «Кейс-метод обеспечивает более эффективное усвоение материала за счет высокой эмоциональной вовлеченности и активного участия обучаемых» [8].

На занятиях педагог дает задание прочитать учебный материал и раздает учебный материал и кейсы. До следующего занятия нужно изучить теорию и решить кейсы. В лучших университетах мира студент изучает самостоятельно до 30–50 страниц учебного материала до следующего занятия. Он должен прочитать кейс, освоить теоретический материал для решения практических задач в этом кейсе (практическом случае). На занятии необходимо уже отвечать в аудитории. Такая изнурительная учебная работа на полной программе MBA с отрывом от производства продолжается два года при шестидневной рабочей неделе и с небольшими каникулами. Именно такая специфика обучения смешанным способом может дать большую эффективность обучению. Такая интенсивность обучения дает большую эффективность усвоения учебных знаний и практических навыков для дальнейшего карьерного роста и увеличения зарплаты [4].

Подобное обучение может происходить с любым низким, средним, высоким уровнем взаимодействия с онлайн средой [6]. Преподавателю необходимо запланировать заранее программу обучения в таком случае. Обучение с высоким уровнем взаимодействия с онлайн средой предполагает почти все обучение проводится онлайн. Поэтому необходимо продумать систему таких занятий с возможностью показывания слайдов, которые сделал преподаватель, дополнительного видеоматериала, домашних заданий и системы тестирования изученного материала. Также возможна сдача всего курса на онлайн площадке и получения оценки за пройденный курс.

Для курса с низким уровнем взаимодействия онлайн есть возможность встретиться в аудитории и объяснить студентам материал, ответить на вопросы. Тем самым достигается большее очное общение студента и преподавателя. Преподаватель может правильно отреагировать на запросы слушателей. Он может показывать слайды и объяснять показанное, просить ответить на свои вопросы, проверяя правильно ли слушатели усвоили учебный материал. Все это вовлекает студентов в учебный процесс и требует большей активности от них.

В подходе со средним уровнем взаимодействия онлайн происходит замена некоторых очных занятий на онлайн занятия, также возможны просмотры и изучение видеоматериалов, слайдов самостоятельно. В таком формате обучения можно дать обучающимся задание изучить тот или иной учебный материал самостоятельно и встретиться затем оффлайн, чтобы обсудить или про-

верить сделанное учебное задание. Обычно при среднем уровне взаимодействия и высоком уровне создается коммуникационный чат на котором преподаватель и студенты обмениваются учебным материалом, задают вопросы и консультируются по поводу обучения. В этих случаях преподаватель должен хорошо разбираться в компьютерных технологиях, в программном обеспечении. Также заранее проверять их применимость заранее до онлайн лекций.

Заключение

Успешность обучения во многом зависит от уровня взаимодействия студента и преподавателя. Очное обучение с применением изобразительного учебного материала: слайдов, видео-лекций, фильмов и возможностью непосредственно видеть реакцию обучаемого, вести диалог более эффективно для усвоения знаний, навыков студентом [3]. При кейс анализе на занятиях, усвоенное дома дает еще большую эффективность в образовании. На занятиях оффлайн преподаватель сможет увидеть и отреагировать на настроения студентов и больше сумеет заинтересовать знаниями. Если он увидит, что студенты не понимают материал или отвлеклись, то сможет постараться разъяснить и ответить на появившиеся вопросы. В онлайн формате обучения, где присутствует большая группа слушателей, менее заметна реакция их на объяснение им учебного материала, меньше возможности повлиять на процесс при чтении лекций или передаче образовательного материала, незаметна степень вовлеченности студентов в учебный процесс.

Эффективность усвоения учебного материала: знаний, навыков и тем более воспитание достигается при низком уровне взаимодействия онлайн студентов и преподавателя. Не случайно при эпидемии многие элитные школы не закрывались в отличие от обычных средних школ. Данные по университетам разнятся, но по имеющимся данным все высшие учебные заведения при так называемой пандемии закрывались и уходили в формат онлайн с высоким уровнем взаимодействия с онлайн средой, что повлияло на подготовку студентов и, безусловно, понизило уровень их подготовки. Данные выпускники высших учебных заведений пришли в компании и государственные учреждения и время проверит их эффективность и успешность.

Литература

1. Кондрякова М.А., Скакун Е.В. Различные подходы к разработке курсов с применением технологий смешанного обучения для высших учебных заведений // Вестник образования и развития науки. РАЕН. 2022. № 26(3). С. 113–116.
2. Рубцов Г.И., Панич Н.В. Смешанное обучение: анализ: трактовки понятия // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 5 (32). С. 102–108.
3. Синагатуллин И.М. Способы педагогического взаимодействия со студентами в эпоху цифровой глобализации // Педагогический журнал Башкортостана. 2022. № 3 (97). С. 105–113.
4. Сулов И.Д., Карабанова О.В. Направления совершенствования организационной структуры онлайн-обучения // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. 2022. № 4 (34). С. 106–116.
5. Хорн М., Стейкер Х. Смешанное обучение. Использование прорывных инноваций для улучшения школьного образования. Сан-Франциско: Jossey-Bass, 2015. – 343 с.

6. Шапошникова Т.Л., Тедорадзе Т.Г., Тедорадзе И.Д. Уровни смешанного обучения // Ученые записки университета Лесгафта. 2022. № 6 (208). С. 415–421.
7. Subramony D.P. Пересмотр конуса Дейла: критический анализ неправильного применения туманной теории для руководства практикой // Образовательные технологии. 2003. № 7–8. С. 25–30.
8. Введение в кейс-метод: что такое кейсы и зачем они нужны // Changellenge. – ULR: <https://changelenge.com/article/chto-takoe-keysy/> (дата обращения 18.08.2023)

EFFICIENCY OF LEARNING (MEMORY) OF KNOWLEDGE UNDER DIFFERENT TEACHING METHODS

Denisov V.A.

Moscow State University

The article is a critical review of the item “Different approaches to the development of courses using blended learning technologies for higher education.” The author substantiates the relevance and significance of the research topic. The proposition is substantiated that since the purpose of education is the transfer of knowledge, the formation of skills and abilities, and, in general, the education of a person, one of the key criteria for learning is the assessment of the assimilation of educational material. With the onset of the pandemic, many educational organizations have transformed the traditional learning model by moving part of the process online. Thus, a qualitatively new format for domestic practice was formulated – mixed. Three levels of mixed education are considered depending on the interaction between students and the teacher: lower, middle and high. It is suggested that the degree of assimilation of educational material is directly dependent on the level of blended education, that is, the more active the interaction, the more effective the assimilation of knowledge, the formation of skills and abilities of students. A case analysis tool is considered to optimize the process of memorization and use of knowledge in master’s programs. Its main idea is that the student performs most of the work on studying the theory and completing the practical task on his own, while the teacher checks the homework at the lecture, the correctness of using the theory he has studied on the example of a practical case (case). The teacher also explains the theory for the next lesson, issues the next task for independent execution and educational material. It is concluded that such training provides 30–35% of the learning material assimilation, in contrast to reading lecture material during the entire lesson, where material assimilation averages 7%. Based on this, it is advisable to increase the assimilation of educational material during training, using these teaching methods, in addition to the means of periodic examinations, tests, and initial professional practice.

Keywords: blended learning technologies, higher education institutions, student, learning assessment, case, interaction levels, online learning, pandemic.

References

1. Kondryakova M.A., Skakun E.V. Different approaches to the development of courses using blended learning technologies for higher educational institutions // Bulletin of Education and Science Development. RANS. 2022. No. 26(3). pp. 113–116.
2. Rubtsov G.I., Panich N.V. Blended learning: analysis: interpretations of the concept // Domestic and foreign pedagogy. 2016. No. 5 (32). pp. 102–108.
3. Sinagatullin I.M. Methods of pedagogical interaction with students in the era of digital globalization // Pedagogical journal of Bashkortostan. 2022. No. 3 (97). pp. 105–113.
4. Suslov I.D., Karabanova O.V. Directions for improving the organizational structure of online learning // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Economy. 2022. No. 4 (34). pp. 106–116.
5. Horn M., Staker H. Blended learning. Using breakthrough innovations to improve school education. San Francisco: Jossey-Bass, 2015. – 343 p.

6. Shaposhnikova T.L., Tedoradze T.G., Tedoradze I.D. Levels of blended learning // Scientific notes of the University of Lesgaft. 2022. No. 6 (208). C. 415–421.
7. Subramony D.P. Dale's Cone Revisited: A Critical Analysis of the Misapplication of Fog Theory to Guide Practice // Educational Technologies. 2003. No. 7–8. pp. 25–30.
8. Introduction to the case method: what are cases and why are they needed // Changellenge. – ULR: <https://changellenge.com/article/chto-takoe-keysy/> (Accessed 08/18/2023)

Заклинский Петр Александрович,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Московского медицинского университета «РЕАВИЗ»
E-mail: zaklinsky@yandex.ru

В статье рассматривается проблема формирования содержания исторической памяти посредством создания текстов священной истории, объединенных в книгу, признанную христианами Священным писанием – Библию. Данная работа исторического сознания имеет целенаправленный характер, поскольку это преднамеренное формирование представлений о соответствующих временах и событиях. Некоторая сложность состоит в однозначном определении того, каким сознанием проведена эта поистине широкомасштабная работа – синкретичным или рационалистическим. Попытки разобраться в целях и результатах этой деятельности предпринимаются на базе широкого исторического материала.

Ключевые слова: историческая память, историческое время, общественное сознание, синкретизм, рационализм, Ветхий Завет, Новый Завет, манускрипт, исторический факт.

Всякий текст создается с какой-то целью. Если отбросить мысль о том, что он (текст) может быть «надиктован» Богом (непосредственно или через ангела, как Коран), то есть записан как бы в забыты, – цель присутствует обязательно. Если речь идет о Библии, то разговор о ее божественном происхождении быть не может, поскольку даже Церковь признает ее лишь *бог вдохновенной*, то есть созданной людьми по вдохновению Божию. Значит, все тексты, из которых состоит Библия, созданы с какой-то целью.

Цели могут быть самые разные, но среди них всегда присутствуют две основные: построить систему информации, а следовательно, сохранить в ней (в системе) что-то для будущего.

Разговор о христианском Священном писании предполагает ряд предварительных замечаний, скорее даже – замечаний-вопросов, которые необходимо обозначить прежде, чем начинать разбираться в сути.

Одна из важнейших целей создания библейских текстов – формирование содержания исторической памяти. В этой связи одним из первых возникает вопрос о целесообразности наличия в них элемента неправдоподобности, особенно, если Библия претендует на роль «Священной истории» (и в самом этом словосочетании – священен сам текст? Исторический процесс? Или это – история священных явлений и фактов?). Нужды нет специально сосредотачивать внимание на таких фрагментах: их очень много. Например, фрагмент Книги Судей, в котором Самсон избивает Филистимлян ослиной челюстью: «Нашел он свежую ослиную челюсть и, протянув руку свою, взял ее, и убил ею тысячу человек». [Судей 15: 15] И раз есть *цель* создания, сразу возникает вопрос – можно ли считать эти тексты литературой? Или это источник? Или – вообще что-то третье?

Все это связано с деятельностью религиозного сознания, поскольку нерелигиозное сознание как явление возникло только в середине XX века, то есть менее ста лет назад, когда человек понял, что можно не только исповедовать любую религию, но и не исповедовать никакой. Значит, вся история человечества связана с существованием религии, поскольку именно ее возникновение свидетельствует об окончательном формировании человека, так как человек отличается от животного наличием сознания (*мышления*), а для того, чтобы списывать непонятные явления на действие потусторонних сил (суть религии), нужно уметь *мыслить*. И тут – еще одно противоречие: религия доказывает существование мышления, но конфликтует со здравым смыслом.

Понятие Священного Писания возникает значительно позже, чем ставшие им тексты. В этой связи интересен и такой вопрос: наличие «в принципе» Священного Писания – это некая духовная опора или смысл здесь тот же, что в кодификации Законов Хаммурапи, который впервые столкнулся с изменением человеческого сознания в сторону уже патологической изворотливости и был вынужден записать законы, чтобы иметь возможность предъявить преступнику, что именно тот нарушил. В этом поступке царь Хаммурапи, несомненно проявляет некую рационалистичность: так может действовать только рациональное сознание, не синкретичное. Разумеется, это никакая не победа рационализма! Более того, здесь она вообще невозможна, поскольку восточный

синкретизм – самый стойкий из трех его видов (перво-бытный, мифологический, восточный) и не разрушается временем. Однако «проблеск рационализма» заставляет задуматься вот о чем: библейские тексты (т.е. тексты будущего Священного Писания) созданы, несомненно, синкретичным сознанием, а признаны таковыми (священными) – рационалистическим (христианским) или еще нет? Попробуем разобраться.

Чтобы понять, как работало «библейское» сознание, необходимо установить время и место написания ветхозаветных текстов. Подавляющее большинство библеистов согласны с тем, что «Родина Библии – Восток Средиземноморья. Почти весь Ветхий завет ... возник на землях, ныне принадлежащих Израилю и Палестине, причем большую его часть, вероятно, написали в Иерусалиме. ... в наше время ученые склонны полагать, что первые книги Ветхого Завета возникли в VIII веке, ... а последняя по времени – Книга Даниила – появилась во II веке до н.э.» [1; с. 37]. Разумеется, главный вопрос здесь – о точности датировки: именно уверенность в ее правильности позволит анализировать мыслительные конструкции. Датировать все крайне сложно, поскольку нет главного «вещественного доказательства»: манускриптов, восходящих к библейским временам, и самые древние источники здесь – свитки Мертвого моря (не ранее II века н.э.). Следовательно, основа датировки текстов – *содержание* библейских книг, их *стиль* и *лексикон*, а не веские доказательства как, например, время создания реальных свитков. И тем не менее, полученные таким методом датирования результаты не есть просто предположение, это – наиболее точное из возможного определение времени написания текстов.

Значит, мы имеем: место создания – Классический Восток (Месопотамия и Палестина) и время создания – I тысячелетие до н.э. Из этого будем исходить, анализируя ментальные и мыслительные конструкции.

Серьезное влияние на формирование сознания, его мыслительных конструкций, а потом и на функционирование их оказывает осознание обществом себя состоявшейся структурой на определенной территории, не на птичьих правах и в постоянном движении, а устойчивой единицей, с возможностью формировать менталитет региона. Это так же важно, как то – велико или мало занимаемое общественное пространство, ведь известно, что у человека, выросшего в мегаполисе и в маленьком городке – разное сознание. Как уже было сказано, большая часть Ветхого Завета была написана в Иерусалиме, а он в XI–X веках до н.э. – в эпоху первых царей (то есть за пару веков до создания текстов) – еще не был большим городом: это наглядно показывают раскопки. И тем не менее, общественное сознание ставит перед собой грандиозную задачу: формирование исторической памяти об эпохе. Опоры поначалу не было никакой. Записями из внешних источников библейские сказания начинают подтверждаться лишь с IX–VIII веков до н.э. Это – ассирийские хроники отношений с Северным Израильским царством. Из сопоставления текстов можно понять, что библейский рассказ достаточно предвзят (Третья Книга Царств), но соприкосновение с исторической действительностью имеется. Первые же достоверные писания (по мнению библеистов) появились только в VIII веке до н.э., поскольку к этому времени относятся ясные исторические свидетельства о жизни Северного Израильского Царства и Иудейского Царства [1; с. 46].

На достижение поставленной цели не влияло ничто, темп жизни и предмет мышления как процесса оставались прежними: «Даже когда по древнему Ближнему Востоку, изменив всю картину мира и власти, лавиной прошла армия Александра Македонского, Библия не от-

реагировала на это ровным счетом никак...» [1; с. 49]. Это – строго целенаправленная мыслительная работа. Именно поэтому книги Ветхого Завета и не возникли как народная литература, а были созданы городской элитой Иерусалима.

Не отказываясь от сказанных выше слов об отсутствии опоры для начала работы и не противореча им, заметим, что это – не полное ее отсутствие. Для формирования исторической памяти необходимы хотя бы какие-то фрагменты знаний об эпохе, продумываемые которые, можно будет возводить аналитические конструкции, воздействующие на сознание будущих эпох. При этом сами эти конструкции много важнее и сильнее того материала, на который они опираются. Таковой основой Ветхого Завета были – государственные архивы (на их подобие ссылаются Книги Царств) и древние устные легенды. При этом, отследить развитие и переход от устной традиции к письменному тексту – наисложнейшая задача библеистики, а перспективы и результаты ее решения – весьма туманны, поскольку нет независимого доступа к какой-либо устной традиции, на которой основан текст.

Построение «конструкций памяти» заставляет задуматься и еще об одном моменте: возникновение книг Ветхого Завета в период с IX по II век до н.э. с одной стороны, вовсе не означает того, что записи о прошлых эпохах – чистый вымысел, но с другой стороны, несомненно, очень трудно принять сообщаемые в них подробности как достойные доверия исторические свидетельства: ведь они могут быть «плотью и кровью» *возведенных* конструкций памяти.

Завершая разговор о древности библейских текстов, следует заметить, что они, будучи не на много древнее большей части греческой литературы, уступают в возрасте литературам Древней Месопотамии и Древнего Египта, а следовательно, Ветхозаветные книги не были первым опытом формирования содержания исторической памяти человечества. Современные же печатные Библии, как правило, основаны на конкретном манускрипте – Ленинградском кодексе, созданном в 1008 году и являющемся самым древним полным манускриптом, которым мы располагаем.

Теперь непосредственно о формировании образа прошлого. Начинать эту работу нужно было с воздействия на религиозное сознание, что, собственно, не представлялось чем-то сверхъестественным, поскольку сознание было только религиозное (нерелигиозное, как уже было сказано выше, появилось лишь в XX веке), но тем сложнее было это осуществить, преодолевая все ментальные установки и сопротивление разрушению сложившегося «правильного» представления о минувшем. Яркий пример давления находим в «Книге Второзакония», которая делает явный акцент на важности уничтожения местных святилищ, мест идолопоклонства, и важности совершения богослужения в одном месте (предположительно, Иерусалим): «Истребите все места, где народы, которыми вы владеете, служили богам своим, на высоких горах и на холмах ... и разрушите жертвенники их, ... и разбейте истуканы богов их, и истребите имя их от места того. Не то должны вы делать для Господа, Бога вашего, но к месту, которое изберет Господь, Бог ваш, из всех колен ваших, чтобы пребывать имени Его там, обращайтесь и туда приходите» [Втор 12: 2–5] Здесь мы видим как бы двойное воздействие: непосредственное указание, как нужно истребить неправильное прошлое (для тех, кто будет исполнять это), и – через помещение этого указания в текст «Книги Второзакония» (для тех, кто будет читать об этом).

Столь же назидателен метод формирования исторической памяти и в Первой и Второй книгах Царств – через рассказы о царях Сауле и Давиде: они изображены геро-

ями, но не лишены недостатков, а следовательно, в итоге они оказываются далеко не лучшим образцом для подражания в плане покорности Богу или свершения моральных деяний. Но вместе с тем следует отметить, что в этих книгах нет «второзаконнической редактуры» – называть царей хорошими или плохими в зависимости от того брались они уничтожать местные языческие святилища или нет.

А вместе с тем, в свете несомненно имеющейся задачи целенаправленного формирования образа прошлого у будущих поколений, в некоторых случаях редактура была бы очень к месту, и даже порой отнюдь не «идеологическая», а простая механическая. Дело в том, что окончательная версия какого-либо текста не была единственной, и подтверждение тому – многочисленные несурзанности, допускаемые переписчиком, когда он составляет текст из разных источников, не замечая противоречий. Вот пример из книги «Исход»: «И Моисею сказал Он: взойди к Господу ты и Аарон, Надав и Авиуд и семьдесят из старейшин Израилевых, и поклонитесь [Господу] издали» [Исх. 24: 1–9]. При дальнейшем внимательном прочтении оказывается, что, многократно восходя на гору, Моисей ни разу не спустился вниз... Кто поднимался на гору вместе с ним, тоже неясно: согласно стихам 1–9 – Аарон, Надав, Авиуд и семьдесят старейшин. Но уже в стихе 13 говорится, что с Моисеем взойшел Иисус Навин (прежде не упомянутый), в то время как Аарон и Ор (тоже прежде не упоминавшийся) остались со старейшинами, которые не пошли с Моисеем. А потом, в стихе 18, Моисей восходит на гору один. Такого рода ляпы подрывают доверие к тексту, а о решении задачи формирования необходимо образа событий уже вряд ли может идти речь.

Отдельную проблему представляют собой события, известные не одному поколению людей как строго отрицательные и, порой, даже возмутительные и необъяснимые, о которых необходимо сформировать совершенно противоположное представление и убедить людей в его правильности. В таких случаях используется богословское решение проблемы (помним, что до середины XX века сознание было только религиозное, а значит, данный способ – действенный). Обоснование божественности исторического процесса происходило, например, следующим образом. Согласно «Четвертой книге Царств» иудейскому царю Манассии нет равных в злодеяниях. Кроме того, он не только поклонялся идолам, но еще и принес собственного сына в жертву на острове. И тем не менее, он царствовал дольше всех иудейских царей – 50 лет [4 Цар 21: 1]. Возникает справедливый вопрос: как Бог такое позволил?! В качестве ответа на него создается рассказ о покаянии Манассии: во Второй книге Паралипоменон военачальники царя Ассирийского уведят закованного Манассию в Вавилон, но...: «И в тесноте своей он стал умолять лице Господа Бога своего и глубоко смирился перед Богом отцов своих. И помолился Ему, и Бог преклонился к нему и услышал моление его, и возвратил его в Иерусалим на царство его. И узнал Манассия, что Господь есть Бог» [2 Пар 33: 12–13]. Стало быть, это не попустительство Бога, а реакция на «искреннее раскаяние».

Данный фрагмент заставляет нас вспомнить и сосредоточить внимание на еще одном очень важном моменте. Дело в том, что Библия создавалась не только с целью формирования определенного содержания исторической памяти, но создавалась она еще и как документ, делающий необходимым существование мыслительного процесса. Читающие библейские тексты неизбежно и планомерно привыкали к тому, что в них нет прямых указаний как жить и как поступать в той или иной ситуации. Это, по сути дела, первая морально-этическая концепция, созданная в форме моральных максим. Мы

видим, что рассказы, собранные в книги, однозначно не были «учением» в нашем понимании. «Возможно, они подавали пример правильной жизни, но для этого ветхозаветные рассказы часто слишком сложны и не помогают напрямую.» [1; с. 80]. Столкнувшись с библейским текстом, человек должен был совершить несколько действий: прочитать, понять, интерпретировать, принять решение и на основе его – совершить поступок. То есть, читая Библию, необходимо было не только самому до всего дойти, но и преодолеть сомнения, которые сознательно сеет текст. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на очень красноречивый пример книги Екклесиаста, в которой мы видим стремление найти глубинный смысл жизни и одновременно – отрицание того, что это возможно. Это – знаменитый отрывок про «всему свое время», только процитировать его нужно с последней строкой, которую обычно опускают:

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру.

Что пользы работающему от того, над чем он трудится?» [Еккл 3: 1–9].

Выходит, что все – суета и бессмыслица. И дело во все не в тщеславии и гордыне, а в том, что все по природе своей напрасно и ни к чему не ведет.

Таким образом, мы видим, что авторы ветхозаветных текстов поставили перед собой и впервые решили наисложнейшую задачу – формирование представлений об эпохе в исторической памяти *самим сознанием, на которое воздействуют тексты* (прочитать, понять, интерпретировать, принять решение и на основе его – совершить поступок), а не путем навязывания извне. Для времен трехтысячелетней давности это очень смелое решение. И, как показала история, работает этот метод безотказно.

Литература

1. Бартон, Дж. История Библии. – Москва: Эксмо, 2021. – 672 с.
2. Библия. – Москва, 2014.
3. Эрман, Б. Иисус до Евангелий. – Москва: Эксмо, 2018. – 384 с.

OLD TESTAMENT TEXTS AS PLACES OF MEMORY

Zaklinsky P.A.

Moscow Medical University «REAVIZ»

The article considers the problem of formation of the content of historical memory through the creation of texts of sacred history, united in a book recognized by Christians as Holy Scripture – the Bible. This work of historical consciousness has a purposeful character, as it is a deliberate formation of ideas about the relevant times and events. It is somewhat difficult to determine unequivocally whether this truly large-scale work is carried out by a syncretistic or a rationalistic consciousness. Attempts to understand the goals and results of this activity are made on the basis of a wide range of historical material.

Keywords: historical memory, historical time, social consciousness, syncretism, rationalism, Old Testament, New Testament, manuscript, historical fact.

References

1. Barton, J. History of the Bible. – Moscow: Exmo, 2021. – 672 с.
2. The Bible. – Moscow, 2014.
3. Ehrman, B. Jesus before the Gospels. – Moscow: Exmo, 2018. – 384 с.

Мамедов Азер Агабала оглы,

д.ф.н., профессор кафедры философии Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева
E-mail: azermamedov@mail.ru

Донских Ксения Юрьевна,

к.ф.н., доцент кафедры философии Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева
E-mail: ks.donskih@gmail.com

Котусов Дмитрий Вячеславович,

к.ф.н., доцент кафедры философии Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева
E-mail: dentor@yandex.ru

В статье анализируются предпосылки духовного влияния, оказанного философом Фридрихом Ницше на русскую интеллектуальную жизнь XIX–XX веков. Обозначаются главные черты его философии и их роль, в произведениях русских философов, писателей, поэтов. Дана критическая оценка влияния идей Ницше на развитие литературных и философских течений указанного периода, в частности, В.П. Преображенского, Н.К. Михайловского, Д. Мережковского, В. Иванова, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского и других.

Ключевые слова: Фридрих Ницше, русская философия, духовность, влияние, критика.

«Властитель наших дум» – так назвал Фридриха Ницше Вячеслав Иванов в своей статье 1904 года. На тот момент имя философа уже было хорошо знакомо русскому кругу читателей. Оригинальные и смелые высказывания Ницше не остались незамеченными в среде российской интеллигенции и повлияли на ее интеллектуальное развитие. Русское восприятие отличалось глубиной проникновения в ницшеанскую философию. Читатели воспринимали Фридриха Ницше как философа и психолога морали. Его сравнивали с Ф. Достоевским, да и сам он считал его своим предшественником и учителем. Пожалуй, именно поэтому немецкий философ с такой легкостью вписался в русскую литературно-философскую традицию морального бунта. Идеи Ницше послужили катализатором для переосмысления этой традиции.

Предпосылками такой симпатии к Ницше, является то чувство, которое можно охарактеризовать как стремление к нравственному и метафизическому бунту. Русские читатели моментально увидели сходство в философии Ницше и литературных персонажей романов середины XIX века. Но тут есть одно различие. В русской традиции герои-нигилисты преданы некоему идеалу и испытывают презрение ко всему земному. Ницше же, наоборот, приветствует иррациональное в природе человека. Он стремится положить его в основу дальнейшего развития. Это ницшеанское прославление «земного» в человеке не утратится, и будет в дальнейшем претворено в образах героев Андреева, Горького и символистов.

Несомненно, Фридрих Ницше оказал значительное влияние на развитие русского философского сознания, определил направления развития различных философских течений XIX–XX вв. Между тем восприятие его идей в российском интеллектуальном сообществе было динамичным и противоречивым, вызывая как поддержку, так и критику.

Ницше выдвигал ряд основных концепций, которые привлекли внимание русских мыслителей. Во-первых, его критика морали и религии, основанная на понятии «смерти Бога» и необходимости создания новых ценностей и нравственных систем. Эта идея стала актуальной в контексте российской интеллектуальной элиты, оспаривающей традиционные ценности и ищущей новые пути развития общества.

Во-вторых, Ницше предложил новый взгляд на понятие власти и самоутверждение индивида. Его концепция «Сверхчеловека» стала источником вдохновения для ряда русских философов и писателей, которые видели в ней потенциал для преодоления традиционных ограничений и достижения высшего существования.

В-третьих, «идея вечного возвращения», впервые появившаяся в эпоху античности, в философии Ницше получает «второе дыхание», и это привлекает внимание таких философов, как В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский и др.

Также, стоит отметить, что Ницше был воспринят в России не только как философ, но и как литературный автор. Его стиль письма и образно-метафорическое изложение идей нашли отклик у русских писателей и поэтов, внося вклад в развитие литературы.

Георг Брандес, датский критик, в 1880-х годах задумал прочитать в России курс лекций о философии Фридриха Ницше. Философ отнесся к этому с большим во-

одушевлением, поскольку проявлял не только большой интерес к русской культуре, но и считал себя близким по духу французам и русским, а не своим современным немецким соотечественникам.

Следует, однако, отметить, что до конца XIX века в России существовали определенные цензурные ограничения, поэтому широкой читательской аудитории того времени фигура немецкого философа была малоизвестна. Кроме того, допускались ошибки в названиях трудов Ницше, да и имя его правильно воспроизвести на русском языке представляло некоторые трудности. Переводов работ Ницше было не так много, а те, что были, имели довольно низкое качество. Позже, хотя и изменилась ситуация с цензурой, пошли определенные послабления в этой сфере, но все же в текстах работ философа нередко встречались искажения, опускались целые фрагменты. С этой целью использовались неточные переводы, особенно в тех местах, где Ницше критиковал христианскую религию. Например, выражение «смерть Бога» у Ницше имело конкретное значение – автор подчеркивал свое категорическое неприятие христианской религии и морали. Но переводчики заменили данное выражение на «смерть богов», т.е. Ницше якобы критиковал основанное на многобожии античное религиозное сознание, и тем самым уводили христианского Бога из-под удара немецкого философа. И это, безусловно, создавало неправильное представление о Ницше у русских читателей. Так, даже в 1913 году, редакция издания «Так говорил Заратустра», извещала читателей: «Ввиду решения Санкт-Петербургского окружного суда по делу о переводе «Так говорил Заратустра», в предлагаемом издании исключены главы: «О священниках», «В отставке», «Праздник осла» и вторая часть главы «Пробуждение». В упомянутых главах Заратустра откровенно говорит о злобности духовенства и лицемерии самого Бога, заодно высмеивая христианские обряды» [1, С. 56]. У российских читателей не было доступа к европейским интерпретациям его работ до 1898 года, поскольку влияние ницшеанских идей воспринималось как опасное для нравственности.

Тем не менее, интерес к философии Ницше в России все-таки стал возрастать. Так, одним из первых, кто открыто поддержал его философию, был литературный критик и философ В.П. Преображенский. Он считал, что только сильные и творческие личности способны двигать человечество вперед. Концепция В. Преображенского не была оценена читателями, и лишь один человек из тех, кто мог открыто выступить поддержал его. Это был Н.К. Михайловский. По его мнению, Ницше зря называют практикующим эгоистом или имморалистом: «До сих пор, мы видим благороднейшего и смелого мыслителя, на иной взгляд – мечтателя, идеалиста, ставящего свои требования с точки зрения чрезвычайно возвышенно понимаемого индивидуализма. Человеческая личность есть для него мерило всех вещей, но при этом он требует для нее такой полноты, жизни и такого противостояния всяким выгодам и условиям, умаляющим ее достоинство, что об эгоизме не в вульгарном смысле слова и об каком бы то ни было «имморализме» не может быть и речи» [2, С. 478]. Энтузиазм Михайловского угасает, когда он замечает близость философии Ницше к идеям Ф. Достоевского и Ч. Дарвина. Он обнаруживает в его произведениях ту жестокость, которую критиковал у Достоевского в своей статье «Жестокий талант». Он сравнивает Ницше с подпольным человеком Достоевского. Оба они, по мнению Михайловского, считают, что в основе природы человека лежат жестокость и властолюбие. В ницшеанской идее сверхчеловека, он увидел претворение принципов естественного отбора

Ч. Дарвина: «Ницше остановился, как на общественном идеале, на таком общественном строе, который способствовал бы выработке «сверхчеловека» за счет человека, иначе говоря, какой-то аристократии за счет массы. Аристократия же здоровых и сильных, должна породить «новую, еще высшую аристократию»» [2, С. 494]. Михайловский находит здесь реализацию дарвиновских принципов, хотя и признает, что Ницше в первую очередь имеет ввиду духовное здоровье и силу. В рассуждениях немецкого философа о физических типах, заключено стремление «отвлечь заботливость общества от слабых и больных и привлечь ее к сильным и здоровым, из среды которых может выработаться сверхчеловек» [2, С. 494].

Михайловский, по сути, относившийся к Ницше благожелательно, был разочарован этими двумя идеями. Тем не менее он как популяризатор оказал большое влияние на радикальную интеллигенцию. Многие признавали его статьи лучшими что было написано на тот момент русскими о Ницше.

Прошло совсем немного времени и книжные магазины России начали предлагать многочисленные работы европейских авторов, посвященные Ницше, и в этом смысле 1900 год стал переломным. То, что накапливалось многие годы, явилось в одночасье. Некоторые с большим опозданием, как например книга Г. Брандеса «Аристократический радикализм». Российские читатели получили доступ к таким работам как «Философия Ницше» Анри Лихтенберже, эссе Г. Зиммеля, П. Гаста, Л. Штейна и другим.

Благодаря этому, многие русские интеллектуалы и писатели оказались очарованы его идеями и влиянием на западную культуру. Философия Ницше оказала существенное влияние на русскую литературу, и его мысли нашли отражение в произведениях таких писателей, как Андрей Белый, Дмитрий Мережковский, Валерий Брюсов, Максим Горький и многие других. Появляются отечественные монографии посвященные его творчеству. Среди критиков и читателей можно назвать С. Франка, Л. Шестова, С. Трубецкого, В. Соловьева, В. Розанова и многих других. Но даже на первый взгляд видно, что это лучшие умы России того времени.

Следующий вклад в популяризацию Ницше в России, был внесен поэтами-символистами. Их концепция осмысления идей немецкого философа весьма своеобразна. При всем различии между поэтами-символистами, их притягивали религиозно-мистические аспекты мысли Ницше. Они не всегда соглашались с его, порой полным отрицанием христианства. Но их манила острая тоска Ницше по перерождению. Дмитрий Мережковский, одним из первых создал контекст экзистенциального поиска, на который в дальнейшем откликнулись уже другие религиозно настроенные символисты.

Как пишет Э. Ключ: «Ницшеанский» период Мережковского обычно ограничивают 1890-ми годами. Утверждается, что Мережковский перенял свою эстетическую, антихристианскую позицию этого времени у Ницше. Однако, когда в 1899 году он испытал религиозный переворот, отрекся от Ницше и вернулся к христианству, но это новое христианство содержало сильный компонент чувственности и индивидуализм!» [1, С. 119].

Не вызывает сомнения, что Мережковский полностью отмежевывается от массового ницшеанства. Тем не менее в 1900 году он говорит о Ницше как о великом европейском мыслителе, но после 1905 года снова осуждает ницшеанство как болезнь: «... болезнь ницшеанства стала детской болезнью, вроде скарлатины и кори, которыми опасно болеть людям в зрелом возрасте» [3, С. 257]. При этом Мережковский не отказывается

от первоисточника. Он критикует вульгаризацию Ницше массами, настаивая на том, что философом подразумевается нечто иное, чем победа дьявольского зла над добром в человеке, тем самым оспаривая точку зрения вульгаризаторов.

Мережковский внес большой вклад в русификацию Ницше. Он соединил наиболее значительные идеи его учения с русской религиозной традицией. Он изображает Ницше одним из многих нравственных бунтарей – которые по большей части русские и среди которых Бакунин и Достоевский. В статье «Революция и религия» Мережковский даже ставит знак равенства между идеей Ницше о Сверхчеловеке и «Богочеловеком» В. Соловьева.

Исследования Ницше в области морали дали Мережковскому мощное орудие для подрыва авторитета его предшественников. По мнению Мережковского – немецкий философ дополнил русскую традицию «земной любовью к неземному».

Другой, не менее важный пропагандист творчества Ф. Ницше в России – Вячеслав Иванов, который пришел к христианско-дионисийскому взгляду на мир независимо от других символистов. Учение Ницше помогло Иванову заново определить свою нравственную позицию, что важнее – концепцию любви.

Когда он впервые в 1890-х годах прочел Ницше, то с энтузиазмом принял сверхиндивидуализм. Но постепенно отверг этот апофеоз «эго», зато обнаружил другой, более глубокий аспект ницшеанской философии: религиозные искания. Он выработал собственную интерпретацию христианского мифа. Процесс творчества по мнению Иванова также является мистическим-оргиастическим опытом поиска Бога в себе. В своей работе «Символика эстетических начал», он заимствует в качестве метафоры духовного ландшафта, геометрические и географические образы, используемые Ницше. Если для Ницше горы и долины, восхождения и спуски, связаны с поиском судьбы и созданием смысла, то для Иванова – восходящая спираль и линии символизируют взаимодействие духа с Богом. Здесь дух проходит три основных стадии: восхождение, возврат к земле и нисхождение в темный хаос.

Итогом мистического ритуала у Иванова оказывается духовное преображение и творческий акт. На его первой стадии «эго» восстает против своего земного состояния. Это своего рода стадия «богоборчества». Здесь человеческое эго бросает вызов Богу. Этот вызов подразумевает собой трагическое стремление принести свое «эго» в жертву Богу: «Возносящий жертву низводит божественное и становится богоносцем. Богоборческий и богоносный пафос восхождения разрешается в жертвенном свершении» [4, С. 824].

Бог отвечает духу тем, что снисходит на землю и становится зримым в обличье красоты. По этому поводу так говорит Заратустра: «Когда власть становится милой и нисходит в видимое – красотой называю я такое нисхождение» [5, С. 85].

Третья стадия – нисхождение в «демоническое» царство Диониса. Это внутреннее царство, соотносимое с идеей Заратустры о великой внутренней силе. Таким образом, творческая воля включает в себя и отказ от «эго» и соединение с Богом.

Эта трактовка породила ответную реакцию другого, не менее известного символиста – Андрея Белого. Он является самым противоречивым и сложным из всех приверженцев Фридриха Ницше.

По его мнению, немецкий философ воссоздал новую породу гения, которую до этого еще не видела европейская цивилизация. Его личность как бы открывает новую

эру. Белый называет Ницше аналитиком, потому что он учит нас стремлению к дальнему. Он приглашает любить страну наших детей, и запрещает смотреть назад. По мнению поэта, Ницше понял, что человек уже не человек, и даже образ бога к нему неприменим. Ницше носил эту тайну в себе, поэтому «Заратустра» насквозь символичен. И эти символы захватывают невыразимую глубину нашей души.

Если Христос распят человечеством, которое не услышало призыва к возрождению, то в Ницше распято само человечество, устремленное к будущему. Невозможно свернуть с этого пути, все мы должны идти к Голгофе нашей души, потому что только с Голгофы открывается нам окрестность будущего.

Однако, не все так положительно относились к ницшеанству. Эта философия вызывал споры и разногласия, как внутри русской интеллигенции, так и в широких кругах общества. Концепция «сверхчеловека» и его критика традиционных ценностей были противоречивыми и вызывали дебаты о смысле и цели человеческой жизни.

Павел Флоренский полагал, что Ф. Ницше всю жизнь тянулся, в сущности, только ко Христу, и только потому отвернулся от христианской религии, что оно было настроено слишком примирительно ко злу [6, С. 434]. Решительно отвергая ницшеанскую «любовь к человеку», выражающуюся в «гибели слабых и неудачников», П. Флоренский, как истинный христианин, «никогда не судит по наружности», а, напротив, испытывает «внутреннюю симпатию к пьяным, нищим, оборванцам». И это есть обратная переоценка ценностей, отвергающая ницшеанскую, провозгласившую высшей ценностью человека увеличение его физических достоинств [7, С. 658]. И В. Соловьев называл языческим взглядом, заблуждением саму идею сверхчеловека, выразившейся в «презрении к слабому и больному человечеству» [8, С. 628]. Религия спасения не может быть лишь религией одних рабов – она есть религия всех, ибо все нуждаются в спасении. И господя, между прочим, тоже умирают и нуждаются в спасении. Показывая несостоятельность культа силы и внешней красоты Ф. Ницше, В. Соловьев утверждает, что христианство вовсе не отвергает эти человеческие качества, ибо «сила и красота божественны; у Него и сила, и красота нераздельны с добром» [9, С. 88–89].

Один из самых известных русских философов, Н.А. Бердяев, также был глубоко заинтересован философией Фридриха Ницше. Он проводил параллели между идеями немецкого философа и русской религиозной мыслью, и считал его одним из величайших философов своего времени. Бердяев активно публиковался на тему ницшеанства и пропагандировал его идеи среди русской интеллигенции.

Философия Ф. Ницше, полагал Н.А. Бердяев, имела огромное значение для судьбы человека: «Он хотел пережить божественное, когда Бога нет, Бог убит, пережить экстаз, когда мир так низок, пережить подъем в высоту, когда мир плоский и нет вершин» [10, С. 121]. По мнению, Н.А. Бердяева, явление философии Ницше, его идеи сверхчеловека привело к разрыву христианской и гуманистической морали, переходу гуманизма в антигуманизм.

Во время советского периода отношение к философии Ницше было крайне негативным. Официальная идеология считала его идеи враждебными и опасными для социалистического строя. Ницше и его философия были объявлены «реакционными» и «буржуазными», и их публичное изучение и обсуждение были запрещены.

В 1921 году, после Октябрьской революции, на инициативу Ленина был создан «Институт Красной Профес-

суры» для изучения марксизма-ленинизма и подготовки новых кадров. Философия Ницше была отвергнута как «порочная» и «идеологически вредная», а ее изучение было запрещено в институте.

Официальные органы контроля и цензуры пресекали любые попытки публикации или распространения работ немецкого философа. Тем не менее, несмотря на запреты и ограничения, некоторые интеллектуальные круги продолжали интересоваться и изучать творчество Ницше. Однако публичное выражение поддержки его идей было опасно. Допускалось знакомство с философией Ницше через литературу идеологического характера. Ярким тому примером выступает написанная скорее в духе политического памфлета, нежели добротного историко-философского исследования работа С.Ф. Одуева «Тропами Заратустры», главным выводом из которой для советского читателя должны были являться следующие строки: «Кризис капиталистического способа производства сопровождается упадком буржуазной культуры, декадансом буржуазного сознания. Ницшеанство является, вероятно, наиболее ярким проявлением этого перманентно углубляющегося кризиса буржуазного духа, идеологическим отражением и констатацией его бессилия, неспособности остановить процесс духовной деградации, нравственного и интеллектуального распада капиталистического общества» [11, С. 412].

С развитием перестройки и распадом Советского Союза интерес к философии Ницше возродился. Переводы его работ стали доступными, а исследования и дискуссии о его философии получили новый импульс. Но, все же, дискуссии вокруг выражения «наследие» оставили свой отпечаток – в сквозной нумерации томов серии «Философское наследие» под номером 125 значатся одновременно и первый том Ницше, и первым том Д. Юма, что, на наш взгляд, едва ли можно считать случайностью.

В современной России изучение философии Ницше имеет свою аудиторию и интерес со стороны различных кругов. Вузы и академические институты предлагают курсы, посвященные философии Ницше, в рамках общего курса по истории западной философии или как отдельный предмет. Студенты, особенно в гуманитарных и философских факультетах, изучают его работы, анализируют его идеи и философскую методологию.

Кроме того, существует также ряд научных исследовательских центров, ассоциаций и обществ, которые занимаются изучением философии Ницше и проводят конференции, симпозиумы и другие мероприятия, связанные с его наследием.

Однако, стоит отметить, что отношение к Ницше в современном российском обществе неоднозначно. Есть те, кто воспринимает его философию как важный вклад в западную мысль и ученые, которые проводят серьезные исследования его трудов. В то же время, некоторые критики и общественные деятели относятся к Ницше с опаской, считая его идеи разрушительными и несовместимыми с традиционными ценностями нашего общества. И это особенно актуально в свете развернувшейся в настоящее время идеологической атаки на наши духовные скрепы, составляющие основы российской цивилизации.

Литература

1. Ключ, Э. Ницше в России // Революция морального сознания – Санкт-Петербург: Академический проект, 2001. – 240 с.
2. Михайловский, Н. Литературные воспоминания и современная смута: Собрание сочинений: в 2 т.

Т. 2. – Санкт-Петербург: Издательство А.Ф. Маркса, 1900. – 213 с.

3. Мережковский, Д.С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 12. – Москва; Санкт-Петербург: «Вольф», 1911. – 224 с.
4. Иванов, В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. – Брюссель: Аб Ово, 1971. – 864 с.
5. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра // Ницше, Ф. Сочинения в двух томах. Том 2 (Философское наследие). – Москва: Мысль, 1996. – 829 с.
6. Флоренский, П. Сочинения в четырех томах. Том 3. Часть 2 (Философское наследие). – Москва: Мысль, 2000. – 624 с.
7. Флоренский, П. Сочинения в четырех томах. Том 1 (Философское наследие). – Москва: Мысль, 1994. – 798 с.
8. Соловьев, В. Сочинения в двух томах. Том 2 (Философское наследие). – Москва: Мысль, 1990. – 823 с.
9. Соловьев, В. Сочинения в двух томах. Том 1 (Философское наследие). – Москва: Мысль, 1990. – 893 с.
10. Бердяев, Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – Москва: Наука, 1990. – 527 с.
11. Одуев, С.Ф. Тропами Заратустры. – Москва: Мысль, 1971. – 429 с.

THE STUDY OF THE PHILOSOPHICAL HERITAGE OF F. NIETZSCHE IN RUSSIA

Mamedov A.A., Donskikh K. Yu., Kotusov D.V.

Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev

The article examines the background of the spiritual research provided by the philosopher Friedrich Nietzsche on the Russian intellectual life of the 19th-20th centuries. The main features of philosophy and their role in the works of Russian philosophers, writers, poets are indicated. Critical evaluation of influence of the ideas of Nietzsche on development of literary and philosophical trends of the specified period, in particular, of V.P. Preobrazhensky, N.K. Mikhaylovsky, D. Merezhkovsky, V. Ivanov, V.S. Solovyov, N.A. Berdyaev, P.A. Florensky and others is given.

Keywords: Friedrich Nietzsche, Russian philosophy, spirituality, influence, criticism.

References

1. Klyus, E. Nitsche v Rossii // Revolyutsiya moralnogo soznaniya – St. Petersburg: Akademicheskyy proyekt, 2001. – 240 p.
2. Mikhaylovsky, N. Literaturnye vospominaniya i sovremennaya smuta: Sobraniye sochineny: v 2 t. T. 2. – St. Petersburg: Izdatelstvo A.F. Marksa, 1900–213 p.
3. Merezhkovsky, D.S. Polnoye sobraniye sochineny: v 24 t. T. 12. – Moscow; St. Petersburg: «Volf», 1911. – 224 p.
4. Ivanov, V. Sobraniye sochineny: v 6 t. T. 1. – Bryussel: Ab Ovo, 1971. – 864 p.
5. Nitsche, F. Tak govoril Zaratustra// Nitsche, F. Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 2 (Filosofskoye naslediyе). – Moscow: Mysl, 1996. – 829 p.
6. Florensky, P. Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 3. Chast 2 (Filosofskoye naslediyе). – Moscow: Mysl, 2000. – 624 p.
7. Florensky, P. Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 1 (Filosofskoye naslediyе). – Moscow: Mysl, 1994. – 798 p.
8. Solovyev, V. Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 2 (Filosofskoye naslediyе). – Moscow: Mysl, 1990. – 823 p.
9. Solovyev, V. Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 1 (Filosofskoye naslediyе). – Moscow: Mysl, 1990. – 893 p.
10. Berdyaev, N.A. Russkaya ideya // O Rossii i russkoy filosofskoy kulture. Filosofyy russkogo posleoktyabrskogo zarubezhya. – Moscow: Nauka, 1990. – 527 p.
11. Oduyev, S.F. Tropami Zaratustrы. – Moscow: Mysl, 1971. – 429 p.

Функциональная матрица евразийско-общерусской цивилизации, её природно-географическая, экономическая и этнологическая специфика

Циткилов Петр Яковлевич,

д.и.н., профессор кафедры социальных технологий Южного федерального университета
E-mail: petrcitkilov@yandex.ru

В статье дан научный анализ отдельным особенностям функциональной матрицы евразийско-общерусской цивилизации. Показано, что её функциональной особенностью является наличие единого природно-климатического ареала территории Севера-Востока Евразии. Следующей функциональной матрицей евразийско-общерусского цивилизационного мира является особая роль в экономике государственного и общинно-коллективного хозяйственных укладов. Показано, что этнологическая специфика нашей цивилизации заключается в наличии евразийского суперэтнуса, состоящего из различных народностей и национальностей, объединённых единой исторической судьбой вокруг государствообразующего общерусского народа (русских, украинцев и белорусов).

Ключевые слова: цивилизация, функциональная матрица, евразийско-общерусская идентичность, природная специфика, хозяйство, этнология.

Вопрос о цивилизационной принадлежности России приобрёл особую актуальность после трагического распада великой советской державы. Новая российская власть и обслуживающая её интеллектуальная элита поспешили констатировать крах прежнего цивилизационного вектора развития нашего общества. Тогда в российское массовое сознание стал активно внедряться тезис о возврате нашей страны в своё «естественное лоно» западного (европейского) цивилизационного мира. Эта мировоззренческая установка исторически не была нова.

В дореволюционный период значительная часть общерусской интеллигенции разделяла позицию цивилизационной принадлежности России к западному миру. Её представители всячески пытались доказать Западу, что «мы свои», поэтому признавайте нас такими и принимайте в свой европейский цивилизационный дом. Во второй половине XIX в. Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев и др. крупные мыслители считали унижительным для нашего народа угоднически проситься в чуждую по духу цивилизационную общность.

В современной России ни прозападный, ни православно-имперский векторы стратегического развития не стали в мировоззренческом отношении консолидирующей силой для возрождения нашей страны и движения в направлении преодоления ею цивилизационного надлома, произошедшего в конце XX в. Данные цивилизационные версии – есть отражение интересов влиятельных, но лишь отдельных групп общества. *В первом случае* – это интересы крупного, особенно сырьевого и банковского капитала, встроенного в глобальный, преимущественно западный мир, а также властных элит, сросшихся с этим капиталом, и многочисленных городских обывателей, воспитанных на западных ценностных принципах индивидуализма и потребительства. *Во втором случае* – это интересы части производственного капитала, властных управленцев-государственников, простых граждан православно-патриотической направленности, выступающих за возрождение национальной России.

Как свидетельствует исторический опыт, на территории Северо-Востока Евразии *проблематично обеспечить консолидацию общества на основе либеральных или узко национальных приоритетов*. Сомнительным является и соединение таких сил для успешного взаимодействия в интересах большинства общества. Но вполне возможно объединение сторонников *национального патриотизма* как «осознанного проявления инстинкта самосохранения нации в условиях острого исторического кризиса» [1], *православного патриотизма*, укрепляющего духовно-метафизический потенциал общества, с *подлинно левым (коммунистическим, социалистическим) патриотизмом*. Как верно заметил современный русский философ А.Е. Молотков, без такого объединения невозможно раскрытие патриотического духа общества, а значит и возрождение исторической России.

Молотков полагал, что даже при полной «гегемонии» православия и «диктатуре» национализма, но «без опоры на ту великую правду Советской цивилизации, которая заявила себя в идеологических формах социа-

лизма», будущее нашей страны «будет принципиально уродливым» [1]. Этот социальный прогноз учёного по сути дела реализовался сегодня в Украине. Тамшний «патриотизм» агрессивно отвергает не только великую советскую правду социализма, но и правду тысячелетней канонической Украинской Православной Церкви. В результате их «патриотизм» обернулся «диктатурой воинствующего национализма», который поддерживается значительными слоями цивилизационно дезориентированного украинского общества.

Экономическая мощь, нравственное оздоровление и величие нашего большого Отечества могут стать реальностью тогда, когда большинству удастся подняться над узконациональными устремлениями и индивидуалистско-мещанскими настроениями во имя социальной справедливости, созидания, сохранения своей национальной культуры и духовно-нравственных норм бытия. Тогда на просторах Северо-Востока Евразии будет обеспечена безопасная, во многом самодостаточная и благополучная жизнь. Это и есть наше цивилизационное естество, наша *евразийско-общерусская цивилизационная идентичность*.

Устойчивость цивилизации во многом зависит от *силы патриотического духа её народного субъекта*. Философ А.Е. Молотков полагал, что общерусский патриотизм в идеологическом отношении предстаёт «как сочетание левого патриотизма социалистического толка и правого патриотизма православного фундаментализма» [1]. Применительно ко всей евразийско-общерусской цивилизации дух патриотизм народа, которым исторически является евразийский суперэтнос, формируют не только социалистическая и православная, но и исламско-буддистская ценностная устремлённость.

Своеобразие евразийско-общерусской цивилизации может быть конкретизировано базовыми особенностями, формирующими её матрицу. В зависимости от критериев можно определить два основных матричных уровня – функциональный и ценностный. Если руководствоваться *функциональными особенностями*, то правомерно выделить следующие матричные характеристики евразийско-общерусского цивилизационного мира:

во-первых, наличие *единого* природно-климатическом ареала *Севера-Востока Евразии*, состоящего из больших просторов, многочисленных климатических зон с территориями преимущественно рискованного земледелия и огромного количества полезных ископаемых;

во-вторых, приоритет в экономике *государственного и общинно-коллективного хозяйственных укладов* при мобилизационном характере обеспечения прорывных технологий;

в-третьих, наличие в этнологическом отношении *евразийского суперэтнуса*, состоящего из многочисленных народностей и национальностей, объединённых единой исторической судьбой вокруг государствообразующего общерусского народа (русских, украинцев и белорусов);

в-четвёртых, образование и развитие *евразийско-общерусской культуры*, правдолюбивой, высоко духовной по содержанию и многоэтнической по форме;

в-пятых, наличие на Северо-Востоке Евразии *феномена православно-исламско-буддистской комплементарности* при особой роли православного мирозозерцания;

в-шестых, историческая потребность народов Северо-Востока Евразии в *справедливой, персонифицированной и сильной центральной власти*, способной возродить и сохранять великодержавный статус нашего исторического Отечества;

в-седьмых, отсутствие традиции безусловного подчинения правовым установлениям, их избирательный

характер с учетом приоритета начал нравственности и справедливости.

В данной статье проанализированы первые три особенности функциональной матрицы евразийско-общерусской цивилизации. Системное рассмотрение последующих цивилизационных характеристик функционального уровня будет дан в отдельной публикации.

Формирование евразийско-общерусской цивилизации во многом было обусловлено *природной предпосылкой*. Три великие равнины на территории Северо-Востока Евразии (восточноевропейская¹, западно-сибирская и туркестанская) по географической природе близки и существенно разнятся от равнины Западной Европы. Последнюю отличает широкое разнообразие форм поверхности, «перегороженных и защищённых горными хребтами» [2, с. 438]. Это в совокупности с тёплым Гольфстримом обеспечивает относительно мягкий климат. Восточноевропейская же равнина преимущественно холмиста и не защищена горами от ветров Северного ледовитого океана. Поэтому в нашей природной зоне более холодная зима и короче по своему теплу лето.

По словам одного из классиков евразийства П.Н. Савицкого, три равнины Северо-Востока Евразии, «вместе с возвышенностями, отделяющими их друг от друга (Уральские горы, и так называемый «Арал-Иртышский» водораздел) и окаймляющими их с востока, юго-востока и юга (горы русского Дальнего Востока, Восточной Сибири, Средней Азии, Персии, Кавказа, Малой Азии), представляют собой особый мир, единый в себе и географически отличный как от стран, лежащих к западу, так и от стран, лежащих к юго-востоку и югу от него» [3, с. 353]. Данные равнины сформировали несущую конструкцию территориального ареала евразийско-общерусской цивилизации.

Наряду с большими равнинными просторами нашу цивилизацию в природном отношении объединяет и *значительная степная полоса*, протянувшаяся от низовий Дуная до Байкала и окраин Дальнего Востока. Исторически она именуется Великой степью. Данный пояс степей стал своеобразным транзитным коридором для перемещения людей, различных ресурсов, товаров, идей. Всё это создавало естественные условия для образования близких хозяйственно-культурных типов и складывания единого цивилизационного мира.

В географическом отношении еще одной особенностью евразийско-общерусской цивилизации являются *разветвлённые бассейны главных рек*. Речные системы близко располагаются между собой [2, с. 438]. В рамках каждой из них наблюдается ситуация, когда притоки больших рек текут в разные стороны. Это создаёт благоприятные условия не только для расселения людей, но и для их хозяйственного, культурного и торгового взаимодействия. Именно реки, будучи значимыми торговыми артериями, обеспечивали на территории Северо-Востока Евразии определённое единство хозяйственных связей, способствуя формированию и упрочению государственности.

В своём ландшафтном своеобразии различные народы нашего территориально-цивилизационного ареала не только хозяйственно, культурно взаимодействовали, но и взаимно дополняли друг друга. Как писал видный отечественный этноисторик Л.Н. Гумилёв, каждому из них находилось «приемлемое и милое ему место: рус-

¹ Исторические евразийцы русского зарубежья 1920–1930-х гг. часто называли восточноевропейскую равнину беломорско-кавказской, подчёркивая тем самым отличное от европейской (западной) цивилизации территориальный ареал нашей цивилизации.

ские осваивали речные долины, финно-угорские народы и украинцы – водораздельные пространства, тюрки и монголы – степную полосу, а палеоазиаты – тундру» [4, с. 298]. Само географическое разнообразие нашего цивилизационного ареала делало жизненно необходимой интеграцию народов Северо-Востока Евразии. Однако не всегда удавалось в должной мере обеспечить её, что на определённое время ставило некоторых из них в зависимое положение от близких и дальних соседей, ослабляя их внутриевразийскую суверенность и созидательный потенциал.

Классик евразийства П.Н. Савицкий в климатическом отношении определил вполне определённые границы России-Евразии от Западной Европы. По мнению этого видного русского географа, они проходят по изотерме января. Как пояснял это Л.Н. Гумилёв, на восток январская изотерма отрицательна, «что имеет следствием сильные и продолжительные морозы, а на запад она положительна – оттепели» [5, с. 26].

Природно-климатические условия Руси-России-Евразии создавали *сложности в развитии сельскохозяйственного производства*, требуя больших затрат по сравнению с Западной Европой. По причине более суровых климатических условий продуктивность экосистем у нас вдвое меньше, чем в ведущих государствах Запада [6, с. 379]. Следствием этого являются и более низкие средние показатели урожайности в Российской Федерации и ряде стран СНГ.

Наше нахождение преимущественно в зоне рискованного земледелия накладывало свой отпечаток не только на хозяйственную деятельность, но и на ритм жизни, на повседневный быт, на привычки и ментальное восприятие жизни. Именно с этим связан «русский авось». Но его не следует воспринимать как стремление всё делать как-нибудь, без особого старания и качества. Такое понимание ошибочно.

Верное толкование наклонности части наших соотечественников поступать «на авось» было дано историком В.О. Ключевским. Он справедливо писал, что суровые природно-климатические условия приводили к засухам и неурожаям, оборачивавшимся периодами массового голода. Такая ситуация нередко обманывала даже скромные ожидания многих простых людей. «Привыкнув к этим обманам, – писал Ключевский, – расчётливый великоросс любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадёжное и нерасчётливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта наклонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великороссий авось» [7, с. 105]. Следовательно, такой «авось» вовсе не означает, что нашему народу свойственно стремление поступать спустя рукава, то есть халтурить. Русский «авось» – это «каприз собственной отваги», намерение сделать то, что многим не под силу, используя природную сообразительность и способность мобилизовать свои силы и ресурсы.

К числу особенностей природного ареала евразийско-общерусской цивилизации следует отнести и обладание нашим народом огромными ресурсами полезных ископаемых и сырья. Например, лес занимает около 45% территории России и составляет около 24% запасов всей планеты. Российская Федерация по запасам газа (25% от мировых запасов) [8], никеля (33%) занимает 1-е место в мире, а по добыче алмазов – второе [9]. Прогнозные ресурсы России по золоту (более 25 тыс. т) – вторые в мире по величине (после ЮАР, 60 тыс. т) [8]. По углю и урану мы занимаем третье место в мире. Если же сюда отнести и минеральные ресурсы других стран СНГ, то общий сырьевой потенциал всей территории нашего

исторического Отечества будет ещё более значительным, а в цивилизационном отношении уникальным.

Образно говоря, природа распорядилась так, что риски и сложности, связанные с преобладанием в нашей стране зоны рискованного земледелия и более затратными капитальными вложениями в производство и строительство, в определённой мере компенсируются несметными полезными ископаемыми и сырьевыми ресурсами. Это в географическом отношении существенно отличает нас от западной и ряда других цивилизаций.

Второй особенностью нашего цивилизационного мира является **приоритет в экономике государственного и общинно-коллективного укладов**. С учётом объективно обусловленного экономического отставания исторической России от Запада, *развитие прорывных технологий осуществлялось у нас преимущественно при мобилизационном характере общества*.

В течение веков в нашем большом Отечестве доминирующим был общинный принцип бытия. Именно он формировал отношение людей к экономической деятельности и праву собственности. Евразийско-общерусская соседская территориальная община строилась на единстве хозяйственной жизни и *неприятии частной собственности* на пашенные земли, луга и прочее.

Отрицание доминирования роли частной собственности можно проследить на примере анализа некоторых статей Русской Правды – сборника правовых норм периода Древнерусского государства. Здесь содержались основные положения уголовного, обязательственного, наследственного, семейного и процессуального права. Отношение к собственности в этом нормативном сборнике эпохи Киевской Руси отличались от подходов, содержащихся в западноевропейских подобных правовых документах. В 12 статье краткой редакции Русской Правды сказано: «Если кто возьмет чужого коня, оружие или одежду, а владелец опознает пропавшего в своей общине, то ему взять свое, а 3 гривны за обиду» [10]. Схожий проступок был оговорён и в статье 29. «Кто украдет коня или вола, – отмечалось там, – или обкрадет клеть (П.Ц. – кладовую), если он был один, то он платит гривну и 30 резан; если же их было и 10, то каждый из них платит по 3 гривны и по 30 резан» [10]. За покушение же на личное достоинство наказания в Древней Руси были в несколько раз выше, чем за имущество, собственность человека. В 3 статье прописано, что в случае «удара палкой, жердью, ладонью, чашей, рогом или тылом оружия, платить 12 гривен». Такая же значительная сумма в 12 гривен была предусмотрена 7 статьей Русской Правды за повреждение обидчиком усов или бороды. Как верно заметил по этому поводу современный историк Е.Ю. Спицын, чувство собственного достоинства личности ценилось на Руси в 4 раза выше, чем собственность, а в Западной Европе было наоборот [11].

По Салической правде (конец V – начало VI в.), штрафы за кражу для салических франков, обосновавшихся на территории Римской Галлии, были значительно выше, чем на Руси. В частности, за кражу быка или коровы с теленком присуждалась уплата в 35 солидов [12]. Лицо, уличённое в ограблении свободного человека, присуждалось к уплате 63 солидов. А вот за физическое воздействие на человека, за оскорбление его достоинства у франков наказания предусматривалось существенно ниже, чем за посягательство на собственность и личное имущество. Как указано в Салической правде, если «кто ударит другого по голове так, что обнаружится мозг и выпадут 3 кости, лежащие поверх самого мозга, присуждается к уплате 30 солидов» [12]. То есть по сути дела за смертельное ранение полагался штраф всего в 30 солидов, то есть меньше, чем за кражу быка, ко-

ровы. За оторванные ухо наказание составляло только 15 солидов. А если какой-нибудь свободный франк наносил палкой удар другому человеку без пролития крови, то наказание равнялось лишь 3-м солидам. При этом за попытку кражи имущества человека на дороге, похититель обязывался уплатить потерпевшему 63 солида [12]. Таковы были реалии западноевропейского права, которое, действительно, отличалось от древнерусского права.

Приоритет общинной собственности на пастбища, пашни устанавливался не только на территории Руси, но и на всём ареале Северо-Востока Евразии. Подтверждением тому является казахский свод законов «Жеты Жаргы» («Семь уложений») [13]. Он был разработан при правителе объединенного Казахского ханства Тауке в конце XVII – начале XVIII вв. По действующему тогда праву, устанавливалась общинная собственность на пастбища и пахотные земли, которая здесь сочеталась с семейной собственностью на скот.

О том, что абсолютный характер частной собственности в исторической России всегда отрицался писал и видный русский философ Н.А. Бердяев. «Для русского сознания, – продолжал он, – важно не отношение к принципу собственности, а отношение к живому человеку» [14, с. 50]. Такое отношение было характерно и для всего евразийского суперэтнуса.

Известные дореволюционные мыслители (Л.Н. Толстой, К.Н. Леонтьев и др.) полагали, что в нашем Отечестве земля, крестьянские пашни не могут быть товаром и частной собственностью. Леонтьев в конце XIX в. писал, что сохранение неотчуждаемости крестьянских земель является «национальным русским идеалом» [15, с. 470]. Схожие мысли высказывал и Л.Н. Толстой. Он считал, что важнейшим актом восстановления справедливости в России должно стать «освобождение земли от частной собственности» [16, с. 127]. В советскую эпоху так и произошло. Земля, леса, недра, промышленные и инфраструктурные объекты стали общенародным достоянием.

Доминирование государственной и кооперативной собственности позволило обеспечить высокие темпы роста советской экономики, ускоренное проведение индустриализации, создание новых отраслей промышленности. Был обеспечен военный паритет с нашими геополитическими противниками.

После распада СССР, знаменовавшего собой надлом евразийско-общерусской цивилизации, на большей части постсоветского пространства произошло упразднение общенародной собственности и тотальное насаждение частнособственнических отношений. Тогда нашим гражданам внушали, что это якобы приведёт к кратному росту эффективности хозяйствования и значительному повышению благосостояния народа. Однако реалии оказались другими. В Российской Федерации за последние 30 лет не удалось обеспечить ни должных темпов экономического развития, ни возрождения индустриально-го потенциала, ни действенного социального развития, ни демографической устойчивости.

В постсоветскую эпоху произошло кратное свёртывание государственного сектора экономики. Только за 1990-е гг. балансовая стоимость основных фондов, находящихся в государственной собственности, сократилась более чем в два раза (с 91% до 42%) [17, с. 303]. И процесс этот продолжился в последующие два десятилетия. По данным МВФ в 2019 г. долю всего государственного сектора в Российской Федерации составляла менее 33% [18]. В этот процент была включена и система государственного управления, не связанная с производством. Доля же госпредприятий составляла тогда 19,3%

[18]. Это существенно ограничивало возможности государства оперативно влиять на процессы в экономике.

На конец 2021 г. доля российского государства (суммарная доля федеральных органов власти, органов власти субъектов РФ и муниципалитетов) в общем объеме уставных капиталов всех организаций (юридических лиц), действовавших в экономике, равнялась всего 23% [18]. Да и процент этот усреднённый по экономике. Если же брать ключевые её сектора, то доля государственной собственности составляла там всего несколько процентов. В частности, в том же 2021 г. в обрабатывающей промышленности доля государства в уставных капиталах равнялась 4,2%, а в добывающей промышленности – 0,5% [18]. Государство оказалось по сути дела удалено в важнейших секторах экономики современной России.

Критическое ослабление роли государства в хозяйственной деятельности недопустимо применительно к евразийско-общерусскому цивилизационному ареалу. Территория нашей страны охватывает многие тысячи километров суши, находящейся в зоне рискованного земледелия, в условиях холодного климата и мерзлоты. А это объективно требует не ослабления, а усиления роли государства в регулировании тарифов на энергию, топливо, транспортные перевозки и др. Ещё в нулевые годы XXI в. видный российский социолог, член-корр. РАН М.Н. Руткевич (1917–2009) справедливо писал по этому поводу, что географические особенности нашей страны требуют в несколько раз больших, чем в США и Западной Европе, энергетических затрат на производство продукции, на перемещение товаров и людей, на обогрев и освещение жилых и производственных площадей, на питание, одежду и т.д. «Отсюда следует, – продолжал учёный, – что тарифы на газ, нефтепродукты и другие виды топлива, а также на все виды транспорта у нас должны поддерживаться государством на низком уровне. Иначе продукция промышленности и сельского хозяйства становится неконкурентоспособной на мировом и внутреннем рынке» [19, с. 58]. Неизбежным следствием игнорирования таких реалий становится свёртывание многих отечественных производств и трагическая для будущего страны деиндустриализация. Во многом так и произошло в нашей стране. Ведь крупного частного волнует прибыль, а не общегосударственные задачи и перспективы хозяйственного развития.

Конечно, частная инициатива может быть полезной для нашего общества, применяемая в сфере услуг и мелкого производства. Однако приоритетными хозяйственными укладами, обеспечивающими на территории Северо-Востока Евразии не только необходимые темпы экономического роста, но и принципы суверенности, справедливости, являются государственный и коллективно-кооперативный.

За постсоветские десятилетия вместе с государственным сектором экономики произошло существенное сокращение и коллективно-кооперативного вида хозяйственной деятельности. Если в 2003 г. в Российской Федерации сельскохозяйственных кооперативов насчитывалось 14,409, то в 2015 г. их стало 4,488 [20, с. 107]. Такой спад объясняется, *во-первых*, отсутствием у большинства сельских жителей страны собственных средств, необходимых для создания кооператива и начала производственной деятельности. *Во-вторых*, низкая инвестиционная привлекательность кооперативной формы хозяйствования. Ведь демократический принцип управления, в рамках которого у каждого члена кооператива лишь один голос, затрудняет инвестору определять и единолично контролировать производственную, иную деятельность кооператива.

Исторически общинный, коллективно-кооперативный вид хозяйственной деятельности является одним из приоритетных экономических укладов, характерных для нашей цивилизации. Особой ролью общинно-коллективистского уклада бытия жители России и всего Северо-Востока Евразии отличались не только от Запада, но и от Востока. Как подметил ещё в середине XIX в. русский мыслитель А.И. Герцен, личность большинства граждан исторической России была поглощена общиной, деятельными членами которой они являлись. «Когда как на Востоке, — отмечал он, — личность человека было без остатка поглощена племенем или государством, в жизни которых он принимал лишь пассивное участие» [21, с. 156].

Крестьянская община в Западной Европе, например, у германцев, французов строилась не столько на общинно-коллективных, сколько на подворных (участковых), собственнических принципах хозяйствования. Как писал известный дореволюционный публицист, один из организаторов кооперативного движения в России, князь А.И. Васильчиков (1818–1881), в Германии и Франции «каждому семейству наделялись коренные земли, пашня, луга и усадьба отдельно; распорядителем, владельцем состояло по каждому участку одно лицо, старшее в семье, и право его, какое бы оно ни было, полное как собственника, или подначальное как крепостного, оставалось за ним пожизненно и переходило по наследству к одному сыну, или по разделу ко всем домочадцам» [22, с. 703]. Следовательно, западноевропейская община тяготела к частнособственническому принципу хозяйствования каждого двора. Это было не свойственно для России и в целом для общинной жизнедеятельности Северо-Востока Евразии.

В дореволюционной России сельские общины, кооперативы, различные производственные артели играли важнейшую роль в сфере хозяйствования. Крестьянская община была основой аграрной экономики. По состоянию на 1900 г., в Российской империи 22 млн десятин находились в частной собственности крестьян, а 122 млн десятин оставались в общинной собственности [23]. Такое соотношение не смогла существенно изменить и столыпинская аграрная реформа, призванная ускорить разрушение общинной формы хозяйствования. Однако абсолютное большинство крестьян не пожелало выходить из общины.

Производственная и потребительская кооперация получила массовое развитие в дореволюционной России рубежа XIX–XX вв. Если на начало 1901 г. число кооперативных объединений составило 1,625, то на 01 января 1917 г. их количество выросло до 47,187 кооперативов. В российском кооперативном движении тогда участвовало 14 млн человек, а с членами их семей — 84 млн. [24, с. 322–323]. Это означало, что членами различных кооперативов было охвачено более половины населения страны. По количеству кооперативов тогдашняя Россия вышла на первое место в мире.

Дальнейшее развитие кооперация получила в советскую эпоху. Тогда сельские производственные кооперативы производили 49% зерна, 83% сахарной свеклы, 71% семян подсолнечника, 35% молока и шерсти, 32% мяса [25, с. 108]. Они получали поддержку от государства и кроме производственных задач выполняли различные социальные функции, помогая членам производственного объединения и их семьям.

В Российской империи были распространены и *промысловые артели*. Они функционировали на многих заводах и фабриках, включая предприятия по выплавке чугуна, железа. Артели были задействованы в рудной добыче, дорожном строительстве и др. хозяйственных

сферах. Они активно применялись в ходе строительства Сибирской железной дороги.

Артели сохранялись и в советский период истории. Немалую роль они играли в СССР в рыболовстве, овощеводстве, в производстве товаров массового спроса, в добыче золота (старательские артели) и в других сферах экономики.

Обеспечения прорывных технологий в нашей стране зачастую требовало необходимой поддержки со стороны государства, а порой и *мер мобилизационного характера*. Они проявлялись в создании необходимых условий для активного творческого труда коллективов учёных, инженеров, рабочих, включая создание закрытых научных городков (секретных лабораторий) с повышенным уровнем обеспечения. Для оперативной апробации важных разработок и стимулирования длительного напряжённого труда коллективная деятельность порой оформлялась в виде специальной артельной формы хозяйствования.

В постсоветские годы многие исследовательские коллективы России были лишены необходимого государственного финансирования. Они принуждались «зарабатывать деньги» продажей за рубеж своих интеллектуальных разработок, оригинальных идей, а порой и технологий. Так, для использования в своих интересах творческих способностей российских авиастроителей западноевропейский концерн «Airbus» в нулевые годы XXI в. создал в Москве Центр инженерных технологий.

Западные «партнёры» страны в постсоветские годы всячески стремились выявить перспективные российские технологии, чтобы задёшево скупить их. При этом перед нашими разработчиками часто ставились жесткое условие — больше никогда не заниматься данной проблемой. Именно на таких условиях в 2003 г. американцы и немцы намеривались выкупить российскую технологию получения новых биоккомпозиционных материалов для восстановления утраченных функций тканей организма (конструирование протезов из живой ткани и др.) [26]. Российские учёные тогда отказались от продажи этой технологии, пытаясь применять её результаты в нашей стране.

В современной России из-за деиндустриализации экономики, отсутствия должного уровня поддержки науки и нежелания управленцев использовать мобилизационные способы обеспечения прорывных технологий, хорошо апробированные в прошлом, многие отечественные разработки не внедряются. В частности, не получила широкого применения технология высокотемпературного плазменного пиролиза бытовых отходов. Она была разработана Институтом проблем электрофизики РАН. Финансирование на эту разработку шло из-за рубежа [27]. Там её и стали внедрять, но не в нашем Отечестве. Схожая ситуация возникла и с внедрением разработки российского скоростного поезда, подготовленной оборонным предприятием «Рубин». По всем основным параметрам и прежде всего по обеспечению безопасности он не имел себе аналогов в мире. Но до сих пор отечественный скоростной поезд не поставлен в серийное производство. И подобных печальных примеров можно перечислять большое количество, что свидетельствует об отступлении властных элит от функциональных основ нашей цивилизации. Это стало следствием либерального реванша рубежа XX–XXI вв. и цивилизационной дезориентацией значительных слоёв общества.

Третья функциональная специфика евразийско-общерусской цивилизации заключается в **наличии евразийского суперэтнуса**. Он состоит из различных народностей и национальностей, объединённых единой исторической судьбой вокруг государствообразующего общерусского народа (русских, украинцев и белорусов).

Евразийский суперэтнос является интегральным этническим субъектом нашей культурно-цивилизационной общности. Он представляет собой группу этносов, возникших почти одновременно в одном регионе. По словам выдающегося этноисторика Л.Н. Гумилёва, евразийская суперэтническая общность проявила себя «в истории как мозаичная целостность» [28, с. 134]. Ядром этой общности является общерусский народ. Истоки его уходят к древнерусскому народу Киевской и Новгородской Руси. С появлением наций из него выделились великорусы или русские, малорусы или украинцы и белорусы. Вместе они составляют единый народ Святой Руси, оказавший важнейшую роль в формировании нашей цивилизации.

Наряду с общерусским народом евразийский суперэтнос формировали и туранские или, говоря словами видного российского мыслителя первой половины XX в. Н.С. Трубецкого [29, с. 136–138], урало-алтайские народы. К их числу можно отнести тюрков (татар, азербайджанцев, балкарцев, карачаевцев, кумыков, башкиров, киргиз, туркменов, казахов, узбеков, алтайцев, якут, тувинцев, чувашей, хакассов, ногайцев, гагаузов и др.), представителей алтайской языковой общности (калмыков, бурят, эвенков, тунгусов, нанайцев) и др. Кроме того, в состав единого евразийского суперэтноса входят и другие неславянские народы, включая этносы республик Северного Кавказа, а также грузины, армяне и др. Самой исторической судьбой они создали этническое многоцветье нашей цивилизации, её неповторимый этнологический облик.

Однако отдельные авторы, идеологически подыгрывая нашим геополитическим противникам (осознанно или неосознанно), полагали, что «нет никакого единого евразийского суперэтноса». В частности, писатель А.И. Солженицын в своей во многом провокационной статье «Как нам обустроить Россию» (1990) называл его «разнопёстрым сплавом» [30]. В его понимании, евразийский суперэтнос в лице советского народа был конгломератом разно цивилизационных народов, распад которого якобы естественен и желателен. Близкие к этому высказывал суждения историк-диссидент М.Я. Гефтер (1918–1995). Он полагал, что евразийский суперэтнос – временное, конъюнктурное этническое образование, тормозящее этногенез отдельных народов и наций. Он опасался, что советская держава может «на горе другим и себе застрять в суперэтносе» [31, с. 15]. А значит надо всячески содействовать его расчленению, что естественно вело к распаду великого союзного Отечества и обернулось трагическим надломом евразийско-общерусской цивилизации. Враги России за рубежом могли лишь мечтать о таком исходе, который идейно и организационно готовили некоторые наши соотечественники, являясь пятой колонной или выполняя её функции.

Евразийский суперэтнос вовсе не «конъюнктурное» и не «надуманное» межэтническое образование, а объективная реальность, формировавшаяся длительно. К основным признакам евразийского суперэтноса можно отнести: этническую близость и комплементарность; общность исторических судеб народов этого суперэтноса; близость культуры и менталитета наших народов, включая схожесть их психологического склада; единое языковое пространство благодаря наличию языка межнационального общения (русского); схожесть, а в отдельные исторические периоды и общность экономической жизни. Всё это объединяло нас в единую суперэтническую общность, сложившуюся исторически.

Сегодня, спустя более 30 лет после распада Советского Союза, наша суперэтническая общность продолжает своё существование. Её низовая, протонарод-

ная среда всячески противится окончательной дезинтеграции и этнически чуждой ассимиляции, что далеко не всегда можно сказать о правящих и интеллектуальных элитах, приложивших усилия к распаду большого союзного Отечества. В настоящее время, несмотря на дезинтеграционные, а порой и трагические события на постсоветском пространстве, в культурном и человеческом отношении между многими людьми Северо-Востока Евразии сохраняется «подсознательная взаимная симпатия» [28, с. 235]. Говоря словами Л.Н. Гумилёва, эта неосознанная взаимная тяга людей евразийского суперэтноса даёт надежды на возрождение нашего культурно-цивилизационного, территориального и геополитического единства.

Исторически сложилось так, что в мироощущении общерусского народа (русских, украинцев, белорусов) присутствует и восточное ментальное, генетическое начало. Оно идёт от времён активного взаимодействия восточных славян со степными кочевниками Великой степи, от их смешанных браков. «Трудно найти великоросса, – писал в 1920-е гг. философ Н.С. Трубецкой, – в жилах которого так или иначе не текла бы и туранская кровь..., та же туранская кровь (от древних степных кочевников) в значительной мере течёт и в жилах малороссов» [32, с. 136].

Формируя единый евразийский суперэтнический сплав, этносы, составляющие его, вовсе не теряли своей национальной специфичности. Напротив, они получали дополнительные возможности для развития национальной литературы, театра, искусства. Творения представителей отдельных национальностей в рамках суперэтнической культурной общности становились достоянием миллионной аудитории в Советском Союзе и за рубежом.

Евразийская суперэтническая общность вовсе не отменяла и не умаляла национальные особенности каждой нации, входившей в неё. Даже в рамках общерусского народа есть определённые различия между, например, русскими и украинцами. В целом украинец ментально более бережлив, более расчетлив в труде, чем русский человек, который несколько превосходит в быту украинца своей простотой и великодушием. Казахи, узбеки и другие тюркские представители нашего евразийско-общерусского цивилизационного мира по-восточному острее чем, например, русские, украинцы, белорусы, воспринимают несправедливость и незаслуженные обиды. Но при этом они более, чем общерусский народ, неприхотливы в быту, очень гостеприимны, глубже ценят дружбу, братство, не приемлют предательство.

Следовательно, каждый из народов (национальностей) евразийского суперэтноса уникален по-своему. Но при этом очень многое ментально объединяет их. Волею исторической судьбы отдельные черты национального характера русских (добродушие, долготерпение, доверчивость) были восприняты не только украинцами, белорусами, но и казахами, узбеками, киргизами, азербайджанцами, грузинами и др. В свою очередь от этих, родственных нам по духу народов, многое было воспринято русским народом. Не случайно выдающийся философ Н.А. Бердяев прямо писал, что «русский народ по своей душевной структуре народ восточный» [14, с. 7]. Вопреки нашей цивилизационной специфичности западные идеи и ценностные установки ассимилировались преимущественно верхним культурным слоем общерусского народа и в целом евразийского суперэтноса. Такая тенденция не только сохраняется, но усугубляется в настоящее время. Влиятельная часть властной и интеллектуальной элит на постсоветском пространстве не просто сама стремится стать частью Запада, но и ци-

визационно дезориентируют широкие пласты простого народа. Наиболее зримо это проявилось в Украине и стало вполне очевидным после начала в феврале 2022 г. на её территории активной фазы глобального противостояния России и Запада.

Отказ от естественной евразийской цивилизационной принадлежности привел к кризисным проявлениям и противостоянию не только в Украине, но и в ряде других постсоветских государств. По мнению грузинского политолога Ю.С. Сулаберидзе, «Грузия, являясь одной из стран евразийского культурно-политического ландшафта», оказалась подвержена либерально-демократической модели модернизации, которая вызвала девальвацию «традиционных гуманистических ценностей, поразив корневые структуры национального менталитета» [33, с. 116]. Учёный с опасением утверждал, что под влиянием атлантическо-европейской цивилизации Грузия может превратиться в «порубежную маргиналию» между Западом и Востоком. В значительной мере так и произошло. В основе этого – отказ правящего элит и определённых слоёв общества от своей исторической евразийско-общерусской цивилизационной общности. Следует признать, что вина за такое развитие событий во многом принадлежит и российской властной элите, которая за последние три десятилетия не только цивилизационно дезориентировала своё население, экономически ослабляла Российскую Федерацию, но и отстранялась от проблем в постсоветских республиках, ища в отношениях с ними лишь конъюнктурную выгоду.

Таким образом, можно сформулировать некоторые выводы. К числу основных из них правомерно отнести:

во-первых, ни прозападное, ни православно-имперское направления стратегического развития не стали в постсоветской России консолидирующей силой, способной объединить общество и обеспечить возрождение созидательного, державного потенциала страны;

во-вторых, сила духа народа нашего исторического Отечества во многом определяется *чувством евразийско-общерусского патриотизма*, основными содержательными компонентами которого являются социалистический, православный и исламско-буддистский ценностные векторы развития;

в-третьих, функциональной особенностью нашей цивилизации является наличие *единого природно-климатического ареала* территории Севера-Востока Евразии;

в-четвёртых, важной функциональной матрицей евразийско-общерусской цивилизации является *особая роль в экономике государственного и общинно-коллективного (кооперативного) хозяйственных укладов*;

в-пятых, из-за объективного отставания исторической России от Запада в экономической сфере развитие прорывных технологий осуществляется у нас преимущественно *при мобилизационном характере развития*;

в-шестых, этнологическая специфика нашего цивилизационного мира заключается в наличии *евразийского суперэтнуса*, состоящего из различных народностей и национальностей, объединённых единой исторической судьбой вокруг государствообразующего общерусского народа (русских, украинцев и белорусов);

в-седьмых, евразийская суперэтническая общность не умаляла национальные особенности каждой нации, входящие в неё, а способствовала их развитию и культурному взаимовлиянию.

Рассмотренные в данной статье особенности евразийско-общерусской цивилизации не позволяют дать целостную историко-социологическую картину её функциональной матрице. Необходим научный анализ

и культурно-религиозных, политических, нравственно-правовых функциональных характеристик нашей цивилизационной общности, что станет предметом исследования в следующей публикации автора.

Литература

1. Молотков, А.Е. Миссия России. Православие и социализм в XXI веке. – Москва: Русский остров, 2008. – 395 с. – URL: <https://refdb.ru/look/1135851-pall.html> (дата обращения: 13.05.2022).
2. Патракова, В.Ф., Черноус, В.В. Русская (Российская) цивилизация. В кн.: Российская историческая политология. Отв. Ред. С.А. Кислицын. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 608 с. – С. 438.
3. Савицкий, П.Н. Евразийство. В кн.: Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей / сост. Е.А. Васильев; Предисловие А.В. Гулыги. – Москва: Айрис-пресс, 2002. – 512 с. – С. 353.
4. Гумилев, Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. Послел. С.Б. Лаврова. – Москва: Экспресс, 1994. – 336 с. – С. 298.
5. Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава... Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Предислов. С.Б. Лаврова. – Москва: Экспресс, 1993. – 576 с. – С. 26.
6. Климат и экономика. В кн.: Москаленко А.П. Управление природопользованием. Механизмы и методы: учебное пособие / А.П. Москаленко, С.А. Москаленко, Р.В. Ревунов. – Санкт-Петербург: Лань, 2019. – 392 с. – С. 379.
7. Ключевский, В.О. О русской истории: [Сборник] / Сост., авт. предисл. и примеч. В.В. Артёмов; Под ред. В.И. Буганова. – Москва: Просвещение, 1993. – 576 с. – С. 105.
8. Полезные ископаемые России. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%B%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D0%B5%D0%BC%D1%8B%D0%B5_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 27.03.2023).
9. Богатства России: какими уникальными ресурсами обладает наша страна, 21 мая 2022 г. – URL: <https://cyrillitsa.ru/actual/180162-bogatstva-rossii-kakimi-unikalnymi.html> (дата обращения: 25.03.2023).
10. Русская Правда в краткой редакции, создана около 1072 г. – URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1000dok/pravda72.php?ysclid=lid8x09lf1745416242> (дата обращения: 01.06.2023).
11. Нужна ли нам национальная идея и в чём она? Е.Ю. Спицын на радио Аврора в программе Аврора на линии, 29 мая 2023 г. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=olfLJdBTunA> (дата обращения: 31.05.2023).
12. Салическая правда. – Москва, Образц. тип. им. Жданова, 1950. (Моск. гос. пед. ин-т им. Ленина. Ученые записки, т. LXII). Перевод Н.П. Грацианского. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/salic.htm> (дата обращения: 01.06.2023).
13. Жеті Жарғы. Основные сведения о «Жеті Жарғы» (своде законов хана Тауке). История Казахстана: имена события, факты. – URL: <https://www.tarikh.kz/kazahskoe-hanstvo-feodalnaya-razdroblennost/zheti-zhargy-y-zakony-hana-tauke/?ysclid=lif0i9kpu354026351> (дата обращения: 01.06.2023).
14. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – Москва: Наука, 1990. – 224 с. – С. 50.

15. Леонтьев, К.Н. Кто правее? Письмо к Вл.С. Соловьеву. О национализме политическом и культурном. В кн.: Леонтьев К.Н. Грядущие судьбы России. – Москва: Изд.-во «Э», 2017. – 640 с. – С. 470.
16. Толстой, Л.Н. Царю и его помощникам. Второе обращение, 1905 г. В кн.: Лев Толстой и русские цари. Составитель Н. Попова. – Москва: Культ.-просветит. фирма «КСТАТИ», 1995. – 192 с. – С. 127.
17. Российский статистический ежегодник. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. – Москва: Госкомстат России, 2002. – 690 с. – С. 303.
18. Катасонов, В.Ю. Много ли государства в экономике России? 18 ноября 2022 г. – URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/11/18/mnogo-li-gosudarstva-v-ekonomike-rossii-57710.html?ysclid=lg8c2dwur1934051536> (дата обращения: 08.04.2023).
19. Руткевич, М.Н. Основное социальное противоречие современного российского общества // Социс. 2001. № 4. 49–60 с. – С. 58.
20. Минаков, И.А. Сельскохозяйственные производственные кооперативы и перспективы их развития в России // Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности. АПК продукты здорового питания. 2017. № 3. 105–113 с. С. 107.
21. Герцен, А.И. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. Собр. соч. в 30 томах. Т. 7. – Москва: Изд.-во. Акад. Наук СССР, 1956. – 467 с. – С. 156.
22. Васильчиков, А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. [В 2-х т.]. Т. 2. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1876. – 565–1008 с. – С. 703–703.
23. Катасонов, В.Ю. Артель и сельскохозяйственная община. Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма. – URL: <https://econ.wikireading.ru/23366?ysclid=lg8fet8fpi879737416> (дата обращения: 05.04.2023).
24. Канакина, В.А. Развитие кооперации в России. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2014. № 21 (80). 322–326 с. С. 322–323.
25. Минаков, И.А. Сельскохозяйственные производственные кооперативы и перспективы их развития в России // Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности. АПК продукты здорового питания. 2017. № 3. 105–113 с. С. 108.
26. Краснополская Ирина. Человек меняет кожу // Рос-сийская газета. 2003. 14 марта.
27. За чашкой чая – о глобальном // Российская научная газета. Приложение к «Российской газете». 2002. 17 декабря.
28. Гумилёв, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Москва: Эксмо, 2007. – 760 с. – С. 134.
29. Трубецкой, Н.С. О туранском элементе в русской культуре. В кн.: Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – Москва: Аграф, 2000. – 560 с. – С. 136–138.
30. Солженицын, А.И. Как нам обустроить Россию. По- сильные соображения, июль 1990 г. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=70172&p=1> (дата обращения: 31.03.2023).
31. Гефтер, М.Я. Россия: диалоги вопросов. Первая книга. – Москва: Утопос, 2000. – 88 с. – С. 15.
32. Трубецкой, Н.С. К проблеме русского самопознания. О туранском элементе в русской культуре. В кн.: Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – Москва: Аграф, 2000. – 560 с. – С. 136.
33. Сулаберидзе, Ю.С. Грузинский политический театр: сценарий, режиссёры, актёры // Полис. 2001. № 4. 114–121 с. С. 116.

THE FUNCTIONAL MATRIX OF THE EURASIAN-ALL-RUSSIAN CIVILIZATION, ITS NATURAL-GEOGRAPHICAL, ECONOMIC AND ETHNOLOGICAL SPECIFICITY

Tsitkilov P. Ya.

South Federal University

The article provides a scientific analysis of certain features of the functional matrix of the Eurasian-All-Russian civilization. It is shown that its functional feature is the presence of a single natural and climatic area of the territory of the North-East of Eurasia. The next functional matrix of the Eurasian-all-Russian civilizational world is a special role in the economy of the state and communal-collective economic structures. It is shown that the ethnological specificity of our civilization lies in the presence of a Eurasian superethnos, consisting of various nationalities and nationalities, united by a single historical destiny around the state-forming all-Russian people (Russians, Ukrainians and Belarusians).

Keywords: civilization, functional matrix, Eurasian-all-Russian identity, natural specificity, management, ethnology.

References

1. Molotov, A.E. Mission of Russia. Orthodoxy and socialism in the XXI century. – Moscow: Russian island, 2008. – 395 p. – URL: <https://refdb.ru/look/1135851-pall.html> (accessed: 05.13.2022).
2. Patrakova, V.F., Chernous, V.V. Russian (Russian) civilization. In: Russian historical political science. Rep. Ed. S.A. Kislytsyn. – Rostov-on-Don: Phoenix, 1998. – 608 p. – P. 438.
3. Savitsky, P.N. Eurasianism. In the book: Russian idea: Collection of works of Russian thinkers / comp. E.A. Vasiliev; Foreword by A.V. Gulygi. – Moscow: Iris-press, 2002. – 512 p. – P. 353.
4. Gumilyov, L.N. From Rus' to Russia: essays on ethnic history. Afterword S.B. Lavrov. – Moscow: Ekopros, 1994. – 336 p. – P. 298.
5. I'll tell you a secret that if Russia is saved, then only as a Eurasian power ... Gumilyov L.N. Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations / Foreword. S.B. Lavrov. – Moscow: Ekopros, 1993. – 576 p. – P. 26.
6. Climate and economy. In the book: Moskalenko A.P. Nature management. Mechanisms and methods: textbook / A.P. Moskalenko, S.A. Moskalenko, R.V. Revunov. – St. Petersburg: Lan, 2019. – 392 p. – P. 379.
7. Klyuchevsky, V.O. On Russian history: [Collection] / Comp., author. foreword and note. V.V. Artyomov; Ed. IN AND. Buganova. – Moscow: Education, 1993. – 576 p. – P. 105.
8. Minerals of Russia. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%B%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D0%B5%D0%BC%D1%8B%D0%B5_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (accessed: 03.27.2023).
9. The wealth of Russia: what unique resources our country has, May 21, 2022 – URL: <https://cyrillitsa.ru/actual/180162-bogatstva-rossii-kakimi-unikalnymi.html> (accessed: 03.25.2023).
10. Russkaya Pravda in a brief edition, created around 1072 – URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1000dok/pravda72.php?ysclid=lid8xo9lf1745416242> (accessed: 06/01/2023).
11. Do we need a national idea and what is it? E. Yu. Spitsyn on Aurora radio in the Aurora on Line program, May 29, 2023 – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=olfJdJbtunA> (accessed: 05.31.2023).
12. Salic truth. – Moscow, Obrazts. type. them. Zhdanova, 1950. (Moscow State Pedagogical Institute named after Lenin. Scientific notes, vol. LXII). Translation by N.P. Gratsiansky. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/salic.htm> (accessed: 06.01.2023).
13. Zheti Zhargy. Basic information about “Zheti Zhargy” (code of laws of Khan Tauke). History of Kazakhstan: names of events, facts. – URL: <https://www.tarikh.kz/kazahskoe-hanstvo-feodalnaya-razdroblennost/zheti-zharg-y-zakony-hana-tauke/?ysclid=lif0i9kepu354026351> (accessed: 06.01.2023).

14. Berdyaev, N.A. The origins and meaning of Russian communism. – Moscow: Nauka, 1990. – 224 p. – P. 50.
15. Leontiev, K.N. Who is more right? Letter to V.I.S. Solovyov. About political and cultural nationalism. In the book: Leontiev K.N. Future destinies of Russia. – Moscow: Publishing house "E", 2017. – 640 p. – P. 470.
16. Tolstoy, L.N. The king and his assistants. Second appeal, 1905. In the book: Leo Tolstoy and the Russian Tsars. Compiled by N. Popova. – Moscow: Cult.-educate. firm "BY THE WAY", 1995. – 192 p. – P. 127.
17. Russian Statistical Yearbook. 2002: Stat. / Goskomstat of Russia. – Moscow: Goskomstat of Russia, 2002. – 690 p. – P. 303.
18. Katasonov, V. Yu. Are there many states in the Russian economy? November 18, 2022 – URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/11/18/mnogo-li-gosudarstva-v-ekonomike-rossii-57710.html?ysclid=lg8c2dwur1934051536> (accessed: 08.04.2023).
19. Rutkevich, M.N. The main social contradiction of modern Russian society // Sotsis. 2001. No. 4. 49–60 pp. – P. 58.
20. Minakov, I.A. Agricultural production cooperatives and prospects for their development in Russia // Technologies of the Food and Processing Industry. APK healthy food products. 2017. No. 3. 105–113 pp. P. 107.
21. Herzen, A.I. On the development of revolutionary ideas in Russia. Works of 1851–1852. Sobr. op. in 30 volumes. T. 7. – Moscow: Publishing House. Acad. Sciences of the USSR, 1956. – 467 p. – P. 156.
22. Vasilchikov, A.I. Land ownership and agriculture in Russia and other European countries. [In 2 volumes]. T. 2. – St. Petersburg: Type. MM. Stasyulevich, 1876. – 565–1008 p. – P. 703–703.
23. Katasonov, V. Yu. Artel and agricultural community. Religion of money. Spiritual and religious foundations of capitalism. – URL: <https://econ.wikireading.ru/23366?ysclid=lg8fet8fpi879737416> (accessed: 04.05.2023).
24. Kanakina, V.A. Development of cooperation in Russia. Text: direct // Young scientist. 2014. No. 21 (80). 322–326 pp. – pp. 322–323.
25. Minakov, I.A. Agricultural production cooperatives and prospects for their development in Russia // Technologies of the Food and Processing Industry. APK healthy food products. 2017. No. 3. 105–113 pp. P. 108.
26. Krasnopolskaya Irina. Man changes skin // Rossiyskaya Gazeta. 2003. March 14.
27. Over a cup of tea – about the global // Russian scientific newspaper. Supplement to the "Rossiyskaya Gazeta". 2002. December 17.
28. Gumilyov, L.N. Ethnogenesis and biosphere of the Earth. – Moscow: Eksmo, 2007. – 760 p. – P. 134.
29. Trubetskoy, N.S. On the Turanian element in Russian culture. In the book: Trubetskoy N.S. Legacy of Genghis Khan. – Moscow: Agraf, 2000. – 560 p. – P. 136–138.
30. Solzhenitsyn, A.I. How can we equip Russia. Feasible considerations, July 1990 – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=70172&p=1> (accessed: 03.31.2023).
31. Gefter, M. Ya. Russia: dialogues of questions. First book. – Moscow: Utopos, 2000. – 88 p. – P. 15.
32. Trubetskoy, N.S. To the problem of Russian self-knowledge. On the Turanian element in Russian culture. In the book: Trubetskoy N.S. Legacy of Genghis Khan. – Moscow: Agraf, 2000. – 560 p. – P. 136.
33. Sulaberidze Yu.S. Georgian political theater: script, directors, actors // Polis. 2001. No. 4. 114–121 pp. P. 116.

О взаимоотношениях науки и религии

Раджабов Осман Раджабович,

д.ф.н., профессор, зав. кафедрой философии и истории
ДагГАУ им. М.М. Джамбулатова
E-mail: filek08@rambler.ru

Гусейханов Магомедбаг Кагирович,

д.ф.-м.н., профессор кафедры общей физики Дагестанского
государственного университета

Раджабов Раджаб Османович,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики Дагестанского государственного
университета

В статье рассматривается проблема взаимоотношений науки и религии, которая вызывает в настоящее время немалый интерес, особенно в России после возрождения религиозных идей в постсоветский период. Авторы подчеркивают, что наука и религия по некоторым вопросам дополняют друг друга и создают целостное восприятие окружающего мира, хотя исторически они противостояли друг другу.

Ключевые слова: наука, религия, мировоззрение, взаимоотношения, конфликт, теология.

Анализ взаимоотношения науки и религии показывает, что в различные исторические периоды они не были безоблачными. Иногда борьба за мировоззренческое лидерство между ними принимала довольно жесткие и даже жестокие формы. В Средние века политическая и духовная власть принадлежала религии, и это влияло на развитие науки. Вот что писал в книге «Философия культуры и социальной истории нового времени» русский историк и философ Н.И. Кареев о взаимоотношении науки и религии в то время: «На человеческую мысль была наложена церковью самая строгая опека: занятие наукой и ее преподавание поручалось только церковникам, за которыми, однако, власти бдительно следили... Церковь считала себя вправе силою приводить человека к истине и предавать его светской власти для казни «без пролития крови», если он упорствовал... Крайне аскетический взгляд на знание приводил даже к отрицанию какой бы то ни было науки как суетного знания, ведущего к гибели» [1].

Наука в основном должна была служить иллюстрацией и доказательством теологических истин. Как писал Дж. Бернал в книге «Роль науки в жизни общества», «вплоть до XVIII века наука продолжала интересоваться главным образом небом». Но именно изучение неба и привело к последующему могуществу науки. Еще Коперник понимал, что наука не то, что теология и обыденное знание [4].

В эпоху Возрождения господство религии и церкви было подорвано как изнутри, так и снаружи. Философские и религиозные усилия по созданию общезначимых знания и веры, приносящих людям счастье, не имели успеха, но потребность в систематизации и единстве знаний и счастья осталось, и теперь наука дала надежду на ее реализацию.

Произошел великий поворот в развитии культуры – наука поднялась на высшую ступень. Классическая наука сформировалась в XVI–XVIII вв., и тогда же ей удалось одержать победу над другими отраслями культуры, прежде всего над господствовавшей в то время религией. Эту доминирующую роль наука сохраняет до наших дней. Своей победой наука обязана прежде всего естествознанию, которое лежит в фундаменте научного знания. Значение науки для общества неуклонно возрастает, и эта вера в науку поддерживается её огромными достижениями, обеспечивающими прогресс человеческого общества. Современное естествознание – «дорогое удовольствие». Например, строительство атомной, термоядерной установки, получение энергии синхротрона, коллайдера необходимого для проведения исследований в области физики элементарных частиц, проведение космических исследований требуют миллиардные и триллионные вложения. В развитых странах на науку ежегодно затрачивается 2–3% валового национального продукта. Но без этого невозможно обеспечить обороноспособность страны и её производственное могущество, дальнейший прогресс всего человечества.

Современная наука развивается по экспоненте: объемом научной деятельности и научной информации в XXI удваивался каждые 10 лет. Растет число ученых и научных отраслей. В 1900 г. в мире было 100 тыс. ученых, сейчас – более 5 млн. Наши современники составляют 90% всех ученых, когда-либо живших на планете. Причем процесс дифференциации научного знания привел к тому, что сейчас существует более 15 тысяч научных дисциплин. Фундаментом этих научных исследований является естествознание.

Сегодня необходим диалог между научным и религиозным мировоззрениями, важно сгладить конфликт между ними. В настоящее время церковная догматика не опровергает научные гипотезы так категорично, как раньше. Католическая церковь даже официально признала эволюционную теорию происхождения человека.

Некоторые современные учёные утверждают, что обвинения в атеизме и отрицании религии некоторых противников эволюционного учения основаны в известной мере на непонимании природы научного знания: в науке никакая теория, в том числе и теория биологической эволюции, не может ни подтвердить, ни отвергнуть существование таких потусторонних субъектов, как Бог (хот бы потому, что Бог при творении живой природы мог использовать эволюцию, как утверждает богословская доктрина «теистической эволюции»).

Наука очень динамична. Она соответствует развитию человеческого разума и способна приносить пользу обществу. Но чтобы не навредить, она должна двигаться в рамках, установленных религией. Рамки эти не жестки, они должны столь же динамично развиваться, как наука. Если наука призвана сообщать знания о мире, то религия должна быть мудрой и нравственной, чтобы эти знания о мире направлялись духовными целями. Три главных вопроса, в решении которых должны объединиться наука и религия: как и зачем проявился мир? в чем смысл человеческого существования? как радикально продлить человеческую жизнь? Человечество возникло в результате действия духа, и оно должно идти к духу. Уклонение от этого тесного пути ведет к кризису (в настоящую эпоху всевысаянности государств – к глобальному духовному кризису) [3].

Обсуждение множества мировоззренческо-философских вопросов сопровождало становление и развитие современной науки и было необходимой формой осознания особенностей как самой науки, так и той цивилизации, в рамках которой научное отношение к миру стало возможным. Сегодня эти вопросы стоят особенно остро. Это связано прежде всего с той ситуацией, в которой оказалась современная цивилизация. С одной стороны, выявились невиданные перспективы науки и основанной на ней техники. Современное общество вступает в информационную стадию развития, рационализация всей социальной жизни становится не только возможной, но и жизненно необходимой. «Но сегодня мы уже видим родовые схватки новой цивилизации I типа, основанной на науке и процветании. Мы видим, как каждый день на наших глазах зреют семена этого судьбоносного перехода. Уже рождается единый планетарный язык. Да и сам интернет не что иное, как телефония I типа. Так что интернет – первая из технологий I типа, появившаяся на свет» [7]. С другой стороны, обнаружились пределы развития цивилизации односторонне технологического типа в связи с глобальным экологическим кризисом и как невозможность тотального управления социальными процессами. Эти вопросы требуют философского обоснования. Взаимоотношения научного и религиозного мировоззрений сегодня особенно актуальны. Нужен диалог между всеми видами

мировоззрения. Мир предстает перед нами как единая целостная единица, несводимая к механическому разложению его на составляющие части. Этот результат, имеющий глубокое мировоззренческое значение, является едва ли не самой удивительной страницей в истории физики и имеет далеко идущие перспективы по развитию телепортационных способов передачи информации. XX в. по всей видимости станет веком квантовой телепортации [6].

Диалог мировоззрений не означает отказа каждой из сторон от своих принципов, он нацелен на поиск тех вопросов, в решении которых имеет место совпадение или близость позиций. Наука и религия представляют собой отрасли духовной культуры, различающиеся по объекту, предмету, целям, задачам, языку, методологии и т.п. Объект науки – наш эмпирический мир, объект религии – универсум как единство духовного и материальных миров. Эти различия существуют в рамках единого культурного целого. Наука обеспечивает комфортное биологическое существование человека, обороноспособность государства. Научные открытия позволяют по-новому взглянуть на Бога и его атрибуты. Религия обеспечивает связь человека с бесконечностью и вечностью, приобщение к высоким нравственным ценностям и идеалам. Этот принцип применим и для отношений религиозного и научного мировоззрений.

Какие условия необходимы для того, чтобы совершился переход к диалогу мировоззрений?

В последней четверти XX века все более нарастало осознание того, что над всеми жителями Земли, независимо от мировоззренческих различий, нависла общая угроза гибели от возможной термоядерной войны, от экологической катастрофы, и отвести эти угрозы, найти выход возможно только совместными усилиями всех. Путь насильственного решения споров, в том числе мировоззренческих, в современных условиях недопустим. Общей основой для диалога религиозного и научного мировоззрений могут служить принципы гуманизма, интересы человека. Признание того, что высшей ценностью является человек, может и должно служить основой диалога сторонников любых мировоззрений. «В настоящее время актуален вопрос о соединении научных и религиозных представлений в единую целостную картину мира на основе принципов: 1) единства творения, единой цели и плана творения; 2) руководящей и управляющей роли духа в творении и развитии Вселенной; 3) постепенного расширения духовных возможностей человека. В конечном счете все истины – научные, философские, религиозные – соединяются в одну целостную истину как всеединство, и в достижении ее человек обретает полноту своего познания и существования» [2].

Диалог не предполагает нивелирования или отказа от различий. Наоборот, понимание этих различий, в том числе и принципиальных, их глубокое знание, неискаженное видение есть одно из условий корректного диалога. В научной среде существует мнение, что стремление свести к соединению научного и религиозного мировоззрения равносильно объединению в одну точку полюса магнита (северный и южный). Известный ученый-эволюционист Р. Докинз утверждает, что идея эволюции в науке предполагает атеизм. «Вера – прекрасная отговорка, замечательное оправдание для того, чтобы избежать необходимости думать и оценивать доказательства. Она – убежденность вопреки отсутствию доказательств, а может быть даже по причине их отсутствия... Вера, будучи убежденностью, не основанной на доказательствах, является главным злом всякой религии» [2]. Существует и другое мнение: религиозное и научное мировоззрения уживаются друг с другом. Ведущий амери-

канский генетик Ф. Коллинз отметил, что «вера в Бога может быть результатом сознательного выбора в рамках рационализма, а ее принципы фактически дополняют те, на которые опирается наука» [5]. Например, онтологические вопросы в религиозном и научном мировоззрениях решаются по-разному. В определенных случаях это различие носит принципиальный характер. Но в реальной жизни более важными оказываются конкретные трактовки, практические следствия применительно к жизненным ситуациям и конкретно-историческое применение этих принципов. И здесь наблюдается интересная тенденция: в аксиологическом аспекте, в частности применительно к улучшению условий жизни людей, позиции сближаются. Аналогично обстоит дело и с отношением к закономерностям, законам, действующим в мире. Если наука исходит из того, что закономерности внутренне присущи миру и познаваемы, а сторонники религиозного мировоззрения считают их божественными принципами, мыслями, вложенными в мир, то различие сводится к пониманию природы законов. Общим же оказывается признание их независимого от человека существования.

Таким образом, возможности и пределы диалога определяются тем, как религиозные и научное мировоззрения отражают один и тот же реально существующий мир, в какой степени ориентированы на интересы и благополучие человека, на утверждение гуманизма, справедливости, мира, на создание общества, достойного человека.

Литература

1. Бернал, Дж. Роль науки в жизни общества. – Москва, 1957.
2. Горелов, А.А., Горелова, Т.А. Наука и религия: Перспективы синтеза. Изд. стереотип. – Москва: Книжный дом «Либроком», 2016. – С. 354.
3. Dawkins, R. Is Science a Religion? // The Humanist. 1997. No. 57. – Ph. 26–29.
4. Кареев, Н.И. Философия культуры и социальной истории нового времени. – Санкт-Петербург, 1893. – С. 65.
5. Коллинз, Ф. Доказательство Бога: аргументы ученого. – Москва, 2009. – С. 10.
6. Раджабов, О.Р., Гусейханов, М.К. История и философия естественных наук. – Москва: Канон+, 2021. – 496 с.

7. Гусейханов, М.К. Научное и религиозное мировоззрение. – Lap Lambert, 2017. – 281 с.
8. Грибов, Л. Наука и религия: от конфронтации к дополнительности// Высшее образование в России. 1997. № 1. С. 26–31. 353 с.
9. Митио, Каку. Будущее человечества: Колонизация Марса, путешествия к звездам и обретения бессмертия: пер. с англ. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2021. – С. 343.

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN SCIENCE AND RELIGION

Radjabov O.R., Huseykhanov M.K., Radzhabov R.O.

DagGAU named after M.M. Dzhambulatov, Dagestan State University

The article deals with the problem of the relationship between science and religion, which is currently of considerable interest, especially in our country after the revival of religious ideas in the post-Soviet period. The author finds out that science and religion, although historically opposed to each other, but at the same time on some issues in some way complement and create a holistic worldview in relation to the surrounding world.

Keywords: science, religion, worldview, relationships, conflict, theology.

References

1. Bernal, J. The role of science in society. – Moscow, 1957.
2. Gorelov, A.A., Gorelova, T.A. Science and Religion: Synthesis Perspectives. Ed. stereotype. – Moscow: Librokom Book House, 2016. – P. 354.
3. Dawkins, R. Is Science a Religion? // The Humanist. 1997. No. 57. – Ph. 26–29.
4. Kareev, N.I. Philosophy of culture and social history of modern times. – St. Petersburg, 1893. – P. 65.
5. Collins, F. The Proof of God: A Scientist's Argument. – Moscow, 2009. – P. 10.
6. Radjabov, O.R., Guseykhanov, M.K. History and philosophy of natural sciences. – Moscow: Kanon +, 2021. – 496 p.
7. Guseykhanov, M.K. Scientific and religious outlook. – Lap Lambert, 2017. – 281 p.
8. Gribov, L. Science and religion: from confrontation to complementarity// Higher education in Russia. 1997. No. 1. P. 26–31. 353 p.
9. Michio, Kaku. The future of mankind: Colonization of Mars, travel to the stars and gaining immortality: Per. from eng. – Moscow: Alpina non-fiction, 2021. – P. 343.

Исторические аспекты возникновения и использования термина «информационная война»

Кандалов Вадим Иванович,

к.э.н., доцент, доцент Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: kandalovvi@yandex.ru

Молодцов Игорь Николаевич,

к.п.н., директор Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: INMolodtsov@fa.ru

В статье рассмотрены исторические события, проанализированы труды мыслителей, ученых и практический опыт в сфере военного дела, политики, экономики, психологии, кибернетики, позволяющие автору внести определенные уточнения в дискуссионный вопрос появления и использования термина «информационная война».

Ключевые слова: пропаганда, информация, информационные операции, психологические операции, психологическая война, информационная война, информационное пространство.

История войн и вооруженных конфликтов показывает важную роль информационной составляющей в достижении поставленных целей. В современных военных и межгосударственных конфликтах акторы активно используют информационно-коммуникативное пространство для реализации информационных атак и диверсий.

Проведенный автором контент-анализ ряда как отечественных, так и зарубежных источников, а также научных работ и служебных документов по исследуемой проблематике констатирует достаточно широкое использование следующих терминов: «информационные операции», «психологические операции», «информационная война», «психологическая война», «информационное противостояние», «информационное пространство», «информационно-психологическое противоборство».

В данной статье предпринимается попытка преодоления противоречий различных подходов к выше перечисленным терминам, при этом основное внимание уделяется рассмотрению вопросов связанных с возникновением и использованием термина «информационная война».

Формированию термина «информационная война» в современном его понимании предшествовал целый ряд исторических событий, а также труды и практический опыт деятелей и ученых в области политики, экономики, психологии, управления и военного искусства.

В исторической ретроспективе весомая роль в обобщении опыта информационного воздействия на врага принадлежит трудам китайского полководца Сунь-цзы (VI век до нашей эры). Мыслитель в своих работах писал: «Одержать сотню побед в сражениях – это не предел искусства. Покорить противника без сражения – вот венец искусства» [1, с. 8–9]. Стратегом подчеркивается важность совокупности действий противников, основу которых составляют сведения особого назначения: «Война – это путь обмана. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; ... вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем сомнение...» [1, с. 38–39]. Следует подчеркнуть, что основной труд Сунь-цзы «Искусство войны» являлся на протяжении тысячелетий одним из главных трактатов военно-научной мысли.

Так, с VIII столетия ярким примером применения стратегий разработанных Сунь-цзы выступает военная история Японии [2].

Известным историческим фактом является использование Мао Цзэдуном идей Сунь-цзы в работах описывающих события противостояния китайского народа японским захватчикам на протяжении тридцатых и сороковых годов двадцатого столетия [3, 4, 5].

Ослаблению морального духа врага уделялось серьезное внимание в работах как русских полководцев – А. Суворова, М. Кутузова, П. Румянцева, П. Нахимова, так и зарубежных, в частности западно-европейских – К. фон Клаузевица, Ж. Жоффра и других [6].

Даже в современных отечественных и зарубежных исследовательских работах стратегии Сунь-цзы представляют собой катализатор острых научных дискуссий [7, 8, 9]. Особый интерес вызывают методы информационного воздействия на врага, которые впоследствии послужили основой для описания явления и трактовки термина «психологическая война».

Предшествующим современным терминам «психологическая война» и «информационная война» явился термин «пропаганда», вошедший в широкое употребление с начала Первой мировой войны с подачи английских исследователей [10, 11]. Историческим примером служат широкомасштабные пропагандистские мероприятия стран Антанты (Великобритания, Франция и др.) с 1914 по 1918 г., заключающиеся в сбросах на военные позиции гитлеровской Германии и населенные пункты трех десятков миллионов печатной продукции (листовок, брошюр и газет) [12]. Именно с этого исторического периода термин «пропаганда» закрепляется в медийном обиходе. При этом стоит заметить, что простейшие способы и приемы пропаганды уже проявлялись в ходе Британской экспансии в Африке (вторая англо-бурская война), в развязанной США войне на Филиппинах (с 1899 по 1902 г.), в войне двух империй – Российской и Японской в период с 1904 по 1905 г.

Принято считать, что идею и термин «психологическая война» ввел британский военный мыслитель и историк Дж. Фуллер в 1920 году. В своем труде «Танки в великой войне 1914–1918 годов» он отмечает, что «... внушение воли одного человека другому может в свою очередь привести к чисто психологической войне, при которой даже не будет употребляться оружие», чем подчеркивается значение психологического воздействия на противника как действенного инструмента на поле боя [13, с. 262].

В США первое упоминание термина «психологическая война» принадлежит анонимному автору статьи «Психологическая война и как ее вести» опубликованной в январе 1940 года в журнале «Current History and Forum» [14].

Как компонент психологической войны термин «психологические операции» впервые использовал Эллис Захариас (начало 1945 года), офицер ВМС США, координирующий операцию по капитуляции Японии [15].

Создание главнокомандующим генералом Д. Эйзенхауэром в структуре штаба объединенных сил союзников в Европе новой структуры под наименованием «Управление по вопросам печати и психологической войны» (февраль 1944 г.) способствовало окончательной фиксации военными структурами США и Великобритании термина «психологическая война».

Классическим трудом, где раскрывается сущность и содержание пропаганды, а также инструментарий психологической войны выступает работа «Психологическая война: теория и практика обработки массового сознания», принадлежащая П. Лайнбарджеру, американскому психологу и политологу [16].

После Второй мировой войны проблематика как пропагандистских, так и психологических войн становится предметом анализа военных специалистов, ученых и практиков различных стран мира [17, 18, 19].

Результатами многочисленных исследований становятся – разносторонний понятийно-категориальный аппарат, методы и технологии психологической войны, которые впоследствии послужили теоретико-прикладным основанием возникновения термина «информационная война» в условиях формирования и развития мировой информационной инфраструктуры.

Вместе с тем, появление термина «информационная война» остается дискуссионным, требующим определенного уточнения.

Аллен Даллес в своей работе «Тайная капитуляция» описывая историю создания Управления стратегических служб в июне 1942 года (Указ президента США), раскрывает новые полномочия данной структуры – «планировать и осуществлять специальные операции...», которые на языке разведки означали информационную войну [20, с. 9].

С именами Дж. Кеннана и Д. фон Неймана соотносят появление термина «информационная война» (1951). Дж. Кеннан обратил внимание на то, что использование информации, включая пропаганду и дезинформацию, может быть мощным оружием для достижения политических целей и манипулирования общественным мнением. Д. фон Нейман был одним из основателей теории информации и кибернетики, придавал большое значение роли информации в вычислительных системах и коммуникационных сетях.

В 1976 году Томас Рона в первый раз применил термин «информационная война» в отчете «Системы вооружения и информационная война» выполненного согласно заказа Министерства обороны США [21]. Следует обратить внимание, что в данном отчете Томас Рона рассматривает термин «информационная война» через призму киберпространства, а не медиaproстранства в современном его понимании.

В начале 90-х годов XX столетия итоги проведенной США и их союзниками в Ираке операции «Буря в пустыне» способствовали активизации использования термина «информационная война» как военными, так и гражданскими структурами. И в декабре 1992 года Министерство обороны США директивой TS3600.1 закрепляет анализируемый термин в документальном обороте, начинается период его формирования.

Впервые определение информационной войны дается в документе Министерства обороны США – «Совместная доктрина информационных операций» в 1998 году: «информационные операции, проводимые в период кризиса или конфликта для достижения или поддержки конкретных целей против конкретного противника или противников» [22]. В дальнейшем шел процесс совершенствования вышеуказанного документа, в результате чего были конкретизированы определения информационной операции и информационной войны. Так информационная операция определялась как «действия, предпринимаемые с целью затруднить сбор, обработку, передачу и хранение информации информационными системами противника при защите собственной информации и информационных систем», а информационная война имело следующее определение – «комплексное воздействие (совокупность информационных операций) на систему государственного и военного управления противостоящей стороны, ее военно-политическое руководство, которое уже в мирное время приводило бы к принятию благоприятных для стороны-инициатора информационного воздействия решений, а в ходе конфликта полностью парализовало бы функционирование инфраструктуры управления противника» [22].

В нулевые годы вышеуказанная доктрина была подвергнута существенной корректировке. По исследуемой проблематике необходимо отметить, что штаб-квартира Министерства обороны США усиливает акцент на обновленном содержании информационных операций и прекращает использование термина «информационная война» в силу политических соображений, в частности, устранения причин и обстоятельств объявления Вашингтона источником развязывания вооруженных конфликтов и агрессии в глобальном информационном

пространстве, что вызывает в массовом сознании ассоциации с войной [23].

Также в новой доктрине уточняется понятие «информационное пространство»: «совокупность объектов (систем), осуществляющих разведку, наблюдение, сбор данных и обмен ими, принятие и реализацию решений» [23]. Структура информационного пространства представляет собой следующие взаимосвязанные сегменты: физический – включает информационные системы; информационный – основой является информация; когнитивный – выработка и принятие решений органами управления и их реализация подчиненными.

Вооруженные конфликты последних трех десятилетий показывают, что в ходе их проведения информационные операции имеют большое значение в достижении поставленных целей и демонстрируют устойчивый рост их применения в военной обстановке и в мирных условиях. При этом приоритетным вектором выступает управление информационным пространством и его контроль в целях достижения информационного превосходства.

Таким образом, мы можем констатировать, что термин «информационная война» появился во второй половине XX века и был введен для описания конфликтов, в которых средства массовой информации и информационные технологии используются как оружие.

Литература

1. Сунь-цзы, У-цзы. Трактаты о военном искусстве / Пер. с китайского. Предисловие и комментарии Н.И. Конрада. – Москва: АСТ: Астрель; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2011. – 606 с.
2. Масахи, Хирато. Как читать Сунь-цзы. – Токио, 2009. – 204 с.
3. Мао, Цзэдун. Стратегические вопросы революционной войны в Китае. Избранные произведения. Том 1. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1952. – 536 с.
4. Мао, Цзэдун. Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков. Избранные произведения. Том 2. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1953. – 476 с.
5. Мао, Цзэдун. О затяжной войне. Избранные произведения. Том 2. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1953. – 476 с.
6. Дубровин, Н. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1882. – 691 с.
7. Военный колледж ВМС США. – URL: <https://usnwc.edu/Publications>
8. Военное обозрение (2018). Геоэкономика от полковника Джон Ф. Трокселл. Профессиональный журнал армии США. Том 98. № 1. С. 4–19.
9. Кокошин, А.А. Актуальные вопросы трактата Сунь-цзы «Искусство войны». – Москва: ФГБУН ИСПИРАН, 2017.
10. Барабаш, В.В., Бордюгов, Г.А., Котеленец, Е.А. Государственная пропаганда и информационные войны. – Москва: Ассоциация исследователей российского общества, 2015. – 400 с.
11. Понсонби, Артур. Ложь во время войны: Пропагандистская ложь времен Первой мировой войны. – Лондон: Джордж Аллен и Анвин, 1928. – 95 с.
12. Волкогонов, Д. Психологическая война. – Москва: Воениздат, 1983. – 288 с.
13. Фуллер, Дж. Танки в великой войне 1914–1918 гг. / Пер. с англ. под редакцией проф. В.Ф. Новицкого. – Москва: Высший военный редакционный совет, 1923. – 264 с.
14. Психологическая война и способы ее ведения, Текущая история и форум, LI. Январь 1940. С. 52–53.
15. Захариас, Э.М. Капитан морской пехоты США, Секретные миссии: История офицера разведки. – Нью-Йорк: Сыновья Г.П. Путнэма, 1946. – 433 с.
16. Лайнбарджер, Пол М.А. Психологическая война: международная пропаганда и коммуникации, 1948. Переработанное второе издание. – Дуэлл, Слоун и Пирс, 1954. – 318 с.
17. Батлер, Эван. Агент-любитель: история «черной» пропаганды во время Второй мировой войны. – Джордж Г. Харрап и Ко. Лтд., 1963. – 240 с.
18. Винклер, Аллан М. Политика пропаганды, Управление военной информации, 1942–1945. – Издательство Йельского университета, 1978. – 230 с.
19. Тейлор, Джон А. Тайные сестры Блетчли Парка: психологическая война во Второй мировой войне. Книжный замок, 2005. – 160 с.
20. Даллес, А. Тайная капитуляция. – «Центрполиграф», 2004.
21. Рона, Томас П. Системы вооружения и информационная война. Boeing Aerospace Co. – Сиэтл; Вашингтон, 1976. – 50 с.
22. Совместная доктрина информационных операций. Совместные публикации 3–13 // Министерство обороны Соединенных Штатов, 1998. – URL: <http://www.c4i.org/jp3-13.pdf>
23. Директива Министерства обороны № 3600.1 «Информационные операции». Октябрь 2001; JP 3–13, Информационные операции. 13 февраля 2006 года.

HISTORICAL ASPECTS OF THE EMERGENCE AND USE OF THE TERM «INFORMATION WAR»

Kandalov V.I., Molodtsov I.N.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines historical events, analyzes the works of thinkers, scientists and practical experience in the field of military affairs, politics, economics, psychology, cybernetics, allowing the author to make certain clarifications to the debatable issue of the emergence and use of the term «information war».

Keywords: information, propaganda, information operations, information warfare, psychological warfare, information space.

References

1. Sun Tzu, Wu Tzu. Treatises on the art of war / Per. from Chinese. Foreword and comments by N.I. Conrad. – Moscow: AST: Astrel; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2011. – 606 p.
2. Masahi, Hirato. How to read Sun Tzu. – Tokyo, 2009. – 204 p.
3. Mao, Zedong. Strategic questions of the revolutionary war in China. Selected works. Volume 1. – Moscow: Publishing house of foreign literature, 1952. – 536 p.
4. Mao, Zedong. Questions of the strategy of guerrilla warfare against the Japanese invaders. Selected works. Volume 2. – Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1953. – 476 p.
5. Mao, Zedong. About a protracted war. Selected works. Volume 2. – Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1953. – 476 p.
6. Dubrovin, N. Patriotic War in the Letters of Contemporaries (1812–1815). – St. Petersburg: type. Imp. Acad. Sciences, 1882. – 691 p.
7. US Navy War College. – URL: <https://usnwc.edu/Publications>
8. Military review (2018). Geoeconomics by Colonel John F. Troxell. Professional journal of the US Army. Volume 98. No. 1. P. 4–19.
9. Kokoshin, A.A. Topical issues of Sun Tzu's treatise "The Art of War". – Moscow: FGBUN ISPIRAN, 2017.
10. Barabash, V.V., Bordyugov, G.A., Kotelenets, E.A. State propaganda and information wars. – Moscow: Association of Researchers of the Russian Society, 2015. – 400 p.

11. Ponsonby, Arthur. Lies in Time of War: Propaganda Lies of the First World War. – London: George Allen and Unwin, 1928. – 95 p.
12. Volkogonov, D. Psychological warfare. – Moscow: Military Publishing House, 1983. – 288 p.
13. Fuller, J. Tanks in the Great War 1914–1918. / Per. from eng. edited by prof. V.F. Novitsky. – Moscow: Supreme Military Editorial Council, 1923. – 264 p.
14. Psychological warfare and how it is waged, Current History and Forum, LI. January 1940. – pp. 52–53.
15. Zaharias, E.M. USMC Capt., Secret Missions: The Story of an Intelligence Officer. – New York: Sons of G.P. Putnam, 1946. – 433 p.
16. Linebarger, Paul M.A. Psychological Warfare: International Propaganda and Communications, 1948. Revised second edition. – Duell, Sloan and Pierce, 1954. – 318 p.
17. Butler, Evan. The Amateur Agent: A History of “Black” Propaganda in World War II. – George G. Harrap & Co. Ltd., 1963. – 240 p.
18. Winkler, Allan M. The Politics of Propaganda, Office of War Information, 1942–1945. – Yale University Press, 1978. – 230 p.
19. Taylor, John A. The Secret Sisters of Bletchley Park: Psychological Warfare in World War II. Book Castle, 2005. – 160 p.
20. Dulles, A. Secret surrender. – Centerpolygraph, 2004.
21. Rona, Thomas P. Weapon systems and information warfare. Boeing Aerospace Co. – Seattle; Washington, 1976. – 50 p.
22. Joint doctrine of information operations. Joint Publications 3–13 // United States Department of Defense, 1998. – URL: <http://www.c4i.org/jp3–13.pdf>
23. Directive of the Ministry of Defense No. 3600.1 «Information Operations». October 2001; JP 3–13, Information Operations. February 13, 2006.

Киселёв Кирилл Константинович,

аспирант Института общественных наук, кафедра политологии РАНХиГС
E-mail: kirknstkis@gmail.com

Статья исследует влияние политического давления на деятельность центральных банков. Существуют различные формы давления, которые могут быть оказаны на центральные банки, такие как назначение правления центрального банка, изменение мандата центрального банка, ограничение его автономности и т.д. Автор отмечает, что независимость центральных банков – это ключевой фактор в обеспечении стабильности экономики. Она позволяет банку принимать решения, основанные на фундаментальных экономических факторах, а не на политических мотивах. Кроме того, центральный банк может более эффективно бороться с инфляцией и поддерживать экономический рост, если он может свободно управлять монетарной политикой. Однако, политическое давление на национальные банки продолжает возрастать. Это может происходить из-за несогласия с монетарной политикой, которую проводит центральный банк, или из-за желания правительства получить доступ к дополнительным финансовым ресурсам. Такое давление может нанести серьезный ущерб независимости регулятора, что может привести к ухудшению экономической ситуации страны. В статье описывается несколько случаев, когда политическое давление на центральные банки привело к негативным последствиям для экономики. Например, правительство может потребовать от центрального банка устанавливать уровень ключевой ставки или печатать больше денег, чтобы финансировать свои программы, что приведет к инфляции. Кроме того, давление на нацбанк может вызвать отток капитала из страны и ухудшение кредитного рейтинга. В заключение, автор отмечает, что политическое давление на центральные банки – это серьезная проблема, которая может нанести ущерб экономике. Правительства должны уважать независимость центральных банков и позволять им свободно управлять монетарной политикой в соответствии с экономическими факторами. Только так можно обеспечить стабильность и рост экономики в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: Центральный банк, регулятор, политика, денежно-кредитная политика, политическое давление, политическая независимость, экономика, право, ключевая ставка, инфляция.

Центральные банки отвечают за денежно-кредитную политику, регулирование деятельности финансовых учреждений и управление валютой страны. Они играют важнейшую роль в поддержании финансовой стабильности и содействии экономическому росту. В большинстве демократических стран центральный банк независим от политического влияния, что дает ему свободу принимать решения в интересах национальной экономики. Однако иногда правительства могут оказывать политическое давление, которое влияет на независимость центральных банков для достижения политических целей. Это политическое давление может проявляться в различных формах, например, в виде направления политики, введения ограничений, смены правления или требования разрешения на принятие ключевых решений [9].

В последние годы было известно несколько случаев, когда правительства пытались вмешаться в деятельность своих национальных банков. Одним из примеров является неоднократная критика бывшим президентом США Дональдом Трампом председателя Федеральной резервной системы Джерома Пауэлла и его политики процентных ставок, которая, по его мнению, может замедлить экономический рост¹. Аналогичным образом, президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган неоднократно оказывал давление на центральный банк страны с целью заставить его снизить процентные ставки, что привело к потере независимости этого учреждения².

Эти примеры подчеркивают опасность политического давления на национальные регуляторы и его потенциальные негативные последствия. Такое давление может привести к искажению целей денежно-кредитной политики, поскольку центральные банки могут быть вынуждены отдавать предпочтение краткосрочным целям экономической эффективности вместо долгосрочной оптимизации [9]. Такой подход может привести к потере доверия общества к центральным банкам и росту инфляционных ожиданий.

В данной статье рассматривается концепция политического давления на центральные банки и его потенциальное влияние на их деятельность. Понимание важности независимости центральных банков необходимо для поддержания финансовой стабильности и содействия экономическому росту. Следовательно, важно определить механизмы, посредством которых такое политическое давление может влиять на институт, и возможные решения для противостояния такому влиянию, которые будут обсуждаться далее в данной статье.

Центральные банки подвергались политическому давлению на протяжении всей истории во многих странах и в разные периоды времени. Далее представлен обзор некоторых примеров политического вмешательства и их влияния на экономику.

¹ Jeanna Smialek, Jim Tankersley and Alan Rappeport (March 19, 2020). How Trump's Attacks on the Fed Have Made Its Job Harder. The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/19/business/economy/fed-powell-trump-mnuchin-response-coronavirus.html> (дата обращения: 31.05.2023).

² Onur Ant and Beril Akman (01 февраля 2023 г.). Erdogan Pledges Rate Cuts in Bid for Pre-Election Economic Boost. Bloomberg. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-02-01/erdogan-pledges-rate-cuts-in-bid-for-pre-election-economic-boost> (дата обращения: 31.05.2023).

1. Один из самых ранних примеров политического вмешательства в деятельность центральных банков произошел в Германии в 1920-х и 1930-х годах. Правительство оказывало давление на Рейхсбанк с целью обеспечить финансирование инфраструктурных проектов, что в конечном итоге привело к гиперинфляции и краху немецкой экономики [8].
2. Аналогичным образом, во время Великой депрессии в США президент Франклин Д. Рузвельт оказал давление на Федеральную резервную систему с целью снижения процентных ставок, что дало краткосрочный эффект, но привело к инфляции в долгосрочной перспективе [12].
3. Правительство Аргентины регулярно вмешивается в автономию центрального банка, назначая управляющих, которые лояльны к экономической политике правительства, тем самым усугубляя положение дел с вновь набравшей обороты инфляцией¹.
4. Кроме того, в Турции президент Реджеп Тайип Эрдоган пытался контролировать политику процентных ставок центрального банка, что привело к инфляции и ослаблению турецкой лиры [7].

Последствия политического вмешательства в деятельность центральных банков могут быть серьезными и долговременными. В случаях, когда национальные банки поддаются политическому давлению и отступают от своей главной цели – поддержания стабильности цен, это может привести к инфляции. Кроме того, политическое вмешательство может подорвать доверие общества к центральному банку, что в свою очередь может помешать эффективности денежно-кредитной политики. В крайних случаях политическое вмешательство может привести к полному экономическому краху, что продемонстрировала гиперинфляция в Германии в 1920-х и 1930-х годах.

Следует отметить, что политическое вмешательство в деятельность центральных банков – это давняя проблема, которая может иметь значительные экономические последствия. Страны должны работать над обеспечением независимости своих центральных банков для поддержания финансовой стабильности и предотвращения преобладания политического влияния над соображениями денежно-кредитной политики. Регуляторы, действующие независимо, с большей вероятностью достигнут своих целей по содействию долгосрочному экономическому росту и стабильности при минимизации влияния краткосрочных политических целей.

Нацбанки часто подвергаются различным формам политического давления, которое может ограничить их независимость и изменить их приоритеты. Ниже описаны некоторые механизмы, с помощью которых оказывается политическое давление на центральные банки, а также реальные ситуации, в которых эти механизмы использовались.

Одним из наиболее прямых способов оказания политического давления на регулятор являются правовые механизмы. Правительства могут принимать законы, ограничивающие независимость центральных банков, например, предоставляя себе право смещать должностных лиц или ограничивая возможности центрального банка самостоятельно устанавливать процентные ставки. Так произошло в Пакистане, где правительство приняло закон о лишении Государственного банка Пакистана его автономии, что позволило правительству диктовать денежно-кредитную политику банка.

¹ Diana Mondino (March 15, 2023). What can we learn from Argentina's financial system? International Banker. – URL: <https://internationalbanker.com/finance/what-can-we-learn-from-argentinas-financial-system/> (дата обращения: 31.05.2023).

Еще один механизм, с помощью которого политическое давление может оказываться на институт, заключается в изменении приоритетов банка. Например, правительство может поставить во главу угла экономический рост, а не борьбу с инфляцией, оказывая давление на центральный банк с целью проведения экспансионистской денежно-кредитной политики, такой как низкие процентные ставки и увеличение ликвидности. Подобный случай был в Южной Корее в 1970-х и 1980-х годах, где правительство постоянно оказывало давление на центральный банк, требуя проведения политики, способствующей экономическому росту, даже в ущерб контролю инфляции [1].

Политики также могут оказывать прессинг посредством публичной критики или давления в СМИ. Публичные заявления политиков могут повлиять на общественное восприятие действий центрального банка, что может сказаться на его авторитете и подорвать его независимость [10]. Как было упомянуто ранее, в США президент Дональд Трамп публично критиковал Федеральную резервную систему за повышение процентных ставок, оказывая косвенное давление на регулятор с целью заставить его проводить более благоприятную денежно-кредитную политику.

Кроме того, политики могут косвенно воздействовать, назначая правление, разделяющее их интересы и приоритеты, а не тех, кто компетентен и обладает опытом в области денежно-кредитной политики. Такие назначения могут привести к политизации центрального банка, когда чиновники отдают приоритет политическим интересам, а не экономическим основам, что в конечном итоге может привести к экономической нестабильности и инфляции [10]. Это произошло в Венесуэле, где правительство назначило в национальный банк чиновников, не обладающих достаточным экономическим опытом, что привело к плохой работе банка и его окончательному краху².

Таким образом, существуют различные способы оказания политического давления, включая правовые механизмы, изменение приоритетов, общественную критику и назначение должностных лиц с политическими интересами. Такой диктат может ограничить независимость центральных банков и негативно повлиять на их способность поддерживать финансовую стабильность и способствовать экономическому росту. Центральным банкам важно сохранять свою независимость, чтобы они могли предпринимать необходимые действия для стабилизации экономики и обеспечения долгосрочного роста, не подвергаясь влиянию краткосрочных политических интересов [11].

Регуляторы играют важнейшую роль в защите экономической стабильности, контролируя инфляцию и стабилизируя валюту. Однако эта роль создает напряженность между центральными банками и политиками, интересы которых могут расходиться. Эта напряженность поднимает вопросы о надлежащем балансе между политическим вмешательством и независимостью центрального банка.

В дополнение к прозрачной коммуникации и подходу, основанному на правилах, центральные банки могут использовать и другие варианты сохранения независимости, несмотря на политическое давление. Одним из вариантов является создание независимых государственных агентств, которые отвечают за мониторинг реализации денежно-кредитной политики.

² Pedro Romero Alemán (2020). Venezuela's Hyperinflation is One of the Worst Cases in the World. Universidad San Francisco de Quito. – URL: [file:///Users/mac/Downloads/21Emerics_article_Venezuela_Pedro+Romero%20\(2\).pdf](file:///Users/mac/Downloads/21Emerics_article_Venezuela_Pedro+Romero%20(2).pdf) (дата обращения: 31.05.2023).

Эти агентства могли бы предоставлять правительству информацию о денежно-кредитной политике и результатах деятельности центрального банка, одновременно обеспечивая буфер между центральным банком и политиками. Этот буфер может помочь обеспечить принятие решений по денежно-кредитной политике на основе экономических соображений, а не политического давления [3].

Другим вариантом является введение многоцелевого режима денежно-кредитной политики. При многоцелевом режиме цели центрального банка выходят за рамки традиционной цели ценовой стабильности и включают, например, максимальную занятость или равенство доходов [3]. Этот вариант повысит ответственность института перед благополучием экономики в целом, а не только финансового сектора, и может снизить вероятность политического вмешательства, демонстрируя способность банка реагировать на социальные и экономические задачи.

Кроме того, центральные банки могут вырабатывать программные документы для обеспечения прозрачности будущих политических решений. Такой подход может помочь закрепить рыночные ожидания и снизить вероятность политического вмешательства, обеспечивая определенность и предсказуемость будущего направления политики центрального банка.

Наконец, центральные банки могут способствовать популяризации своих решений для завоевания доверия. Открыто рассказывая о своей политике, обеспечивая прозрачность процесса принятия решений и последовательно выполняя объявленную политику, регуляторы могут повысить доверие общественности к своим способностям принимать решения [4]. Это доверие может иметь решающее значение для сохранения независимости центрального банка.

Хотя политическое вмешательство в деятельность центрального банка остается сложной и постоянной проблемой, существуют варианты обеспечения независимости института и поддержания экономической стабильности. Независимые правительственные агентства, многоцелевые режимы денежно-кредитной политики, программные документы и укрепление доверия – все это подходы, которые могут укрепить независимость центрального банка и сохранить его способность принимать политические решения на основе экономических соображений. Правильное управление балансом между политическим вмешательством и независимостью центрального банка будет иметь решающее значение для обеспечения долгосрочной экономической стабильности.

Вопрос о политическом давлении на центральные банки – сложная и многогранная тема, с обоснованными аргументами с обеих сторон. Хотя политическое вмешательство может поддержать демократические идеалы, оно также может привести к снижению экономической стабильности в долгосрочной перспективе. С другой стороны, независимость регулятора может привести к повышению экономической стабильности, но при этом может ограничить возможности правительства в проведении социальной и экономической политики.

В статье мы рассмотрели возможности баланса между сторонниками политического вмешательства и противниками такого вмешательства, а также способы, с помощью которых центральные банки могут сохранить независимость, несмотря на политическое давление. Мы отметили, что прозрачная коммуникация, подход, основанный на правилах, использование независимых государственных органов, многоцелевые режимы денежно-кредитной политики, разработанная стратегия

и укрепление доверия – все это подходы, которые могут помочь поддержать независимость центрального банка.

Один из ключевых вопросов, который остается открытым, – это надлежащий баланс между преимуществами независимости регулятора и потенциальными издержками, связанными с ограничением возможностей правительства проводить социальную и экономическую политику. Хотя независимость центрального банка ассоциируется с большей экономической стабильностью, в некоторых случаях это приводит к негативным последствиям в области распределения, таким как неравный доступ к кредитам или финансовая изоляция для маргинализированных групп населения.

Еще один ключевой вопрос – роль центральных банков в условиях кризиса. Пандемия COVID-19 усилила экономические и социальные проблемы, стоящие перед политиками во всем мире, и центральные банки оказались в авангарде ответных мер. Хотя независимость центральных банков сыграла важную роль в поддержании доверия к финансовой системе и смягчении экономических последствий пандемии, заинтересованные стороны также оказывали давление на центральные банки, заставляя их предпринимать действия, выходящие за рамки их традиционных полномочий [4].

В заключение следует отметить, что вопрос политического давления на центральные банки является одновременно сложным и важным. Противоречие между независимостью центрального банка и политическим вмешательством является постоянной темой в дебатах о денежно-кредитной политике, и, скорее всего, в ближайшие годы эта тема будет оставаться одной из центральных. Хотя варианты, которые мы обсудили в этой статье, дают центральным банкам возможность сохранить независимость, несмотря на политическое давление, внимание к коммуникации, прозрачности, экономическим и социальным целям также будет иметь решающее значение для политиков, чтобы сбалансировать конкурирующие требования правительства и мандаты центральных банков.

Литература

1. Akhand, Akhtar Hossain. *The Evolution of Central Banking and Monetary Policy in the Asia-Pacific*. Monograph Book, 2015. DOI: <https://doi.org/10.4337/9780857937810>
2. Allen, F., Carletti, E., & Gale, D. Money, financial stability and efficiency. *Journal of Economic Theory*, 2014. DOI: 10.1016/j.jet.2013.02.002
3. Arnone, M., Dalsgaard, T., & de Serres, A. Central bank independence and economic performance: a review of the evidence. *OECD Journal: Economic Studies*, 2016(1), 27–62.
4. Baldwin, R., & Weder di Mauro, B. *Economics in the Time of COVID-19*. Centre for Economic Policy Research. DOI: 10.2139/ssrn.3560338.
5. Daniyar, Nurbaev. The rule of law, central bank independence and price stability. *Journal of Institutional Economics*, Volume 14, Issue 4, August 2018, pp. 659–687. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137417000261>
6. Galip, Yalman, Thomas, Marois, Ali, Rıza, Güngen. *The Political Economy of Financial Transformation in Turkey*. 1st Edition, 2019.
7. Hakan, Yilmazkuday. *Drivers of Turkish Inflation*, Working Papers 2204, Florida International University, Department of Economics, 2022.
8. Holtfrerich, C.L. *The German inflation 1914–1923: Causes and effects in international perspective*. Springer, 1986.

9. Lastra, R. Central Bank Independence and Financial Stability. *Revista de Estabilidad Financiera* vol. 18. 2010. 49–66.
10. Lastra, R., Goodhart, C. Populism and Central Bank Independence. *Open Economics Review*. DOI: 10.1007/s11079-017-9447-y
11. Peter, Conti-Brown. *The Power and Independence of the Federal Reserve*. Princeton University Press, 2016. DOI: 10.2307/j.ctvc777nw
12. Wicker, E. *The Banking Panics of the Great Depression*. Cambridge University Press, 2009.

POLITICAL PRESSURE ON CENTRAL BANKS

Kiselev K.K.
RANEPA

This article explores the impact of political pressure on central banks. There are various forms of pressure that can be exerted on central banks, such as appointing central bank board, changing the mandate of a central bank, limiting its autonomy, etc. The author points out that the independence of central banks – is a key factor in ensuring the stability of the economy. It allows the bank to make decisions based on fundamental economic factors rather than on political motives. Also, a central bank may be more effective in controlling inflation and supporting economic growth if it is free to manage monetary policy. However, political pressure on central banks continues to grow. This may be because of disagreement with the monetary policy pursued by the central bank, or because of the government's desire to gain access to additional financial resources. These pressures can severely damage the independence of the central bank, which can lead to a worsening of the country's economic situation. This paper describes several instances in which political pressure on central banks has had negative consequences for the economy. For example, the government could require the central bank to set a key rate or issue more money to finance its programs, leading to inflation. Also, pressure on the central bank may cause capital outflows from the country and deterioration of credit ratings. In conclusion, the author points out that political pressure on central banks – is a serious problem that can be detrimental to the economy. Governments must respect the independence of central

banks and allow them the freedom to manage monetary policy according to economic factors. This is the only way to ensure stability and growth of the economy in the long run.

Keywords: Central bank, regulator, policy, monetary policy, political pressure, political independence, economy, right, key rate, inflation.

References

1. Akhand, Akhtar Hossain. *The Evolution of Central Banking and Monetary Policy in the Asia-Pacific*. Monograph Book, 2015. DOI: <https://doi.org/10.4337/9780857937810>
2. Allen, F., Carletti, E., & Gale, D. Money, financial stability and efficiency. *Journal of Economic Theory*, 2014. DOI: 10.1016/j.jet.2013.02.002
3. Arnone, M., Dalsgaard, T., & de Serres, A. Central bank independence and economic performance: a review of the evidence. *OECD Journal: Economic Studies*, 2016(1), 27–62.
4. Baldwin, R., & Weder di Mauro, B. *Economics in the Time of COVID-19*. Centre for Economic Policy Research. DOI: 10.2139/ssrn.3560338.
5. Daniyar, Nurbaev. The rule of law, central bank independence and price stability. *Journal of Institutional Economics*, Volume 14, Issue 4, August 2018, pp. 659–687. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137417000261>
6. Galip, Yalman, Thomas, Marois, Ali, Rıza, Güngen. *The Political Economy of Financial Transformation in Turkey*. 1st Edition, 2019.
7. Hakan, Yilmazkuday. *Drivers of Turkish Inflation*, Working Papers 2204, Florida International University, Department of Economics, 2022.
8. Holtfrerich, C.L. *The German inflation 1914–1923: Causes and effects in international perspective*. Springer, 1986.
9. Lastra, R. Central Bank Independence and Financial Stability. *Revista de Estabilidad Financiera* vol. 18. 2010. 49–66.
10. Lastra, R., Goodhart, C. Populism and Central Bank Independence. *Open Economics Review*. DOI: 10.1007/s11079-017-9447-y
11. Peter, Conti-Brown. *The Power and Independence of the Federal Reserve*. Princeton University Press, 2016. DOI: 10.2307/j.ctvc777nw
12. Wicker, E. *The Banking Panics of the Great Depression*. Cambridge University Press, 2009.

Механизм и технологии цифровой политики Российской Федерации в здравоохранении: «цифровые песочницы» и эксперименты как политические инновации

Романец Елена Алексеевна,

Соискатель ученой степени по специальности 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии», кафедра политологии и прикладной политической работы, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
E-mail: Romanec9@mail.ru

Актуальность исследования предопределяют потребности научно обеспечения государственной политики Российской Федерации процессов цифровой трансформации сферы здравоохранения в России, происходящих в связи с широким применением цифровых технологий как в практической медицине, так и в государственном управлении всей системой здравоохранения. Пандемия COVID-19 повысила спрос на цифровые механизмы и технологии в здравоохранении, применение которых позволило органам государственной власти оперативно принимать политические решения по сложнейшим задачам в борьбе с распространением заболевания. В то же время специфика здравоохранения заставляет уделять пристальное внимание существующим рискам использования современных цифровых технологий в данной сфере и необходимости обеспечения гарантии конфиденциальности данных о состоянии здоровья пациентов, врачебной тайны. Это требует тщательной проработки принимаемых политических решений по вопросам цифрового развития отрасли, разработки и внедрения в практику принятия политических решений новых механизмов и технологий цифровой политики в сочетании с рационально усовершенствованными традиционными формами и методами организации функционирования отрасли.

Объект исследования – механизм и технологии цифровой политики в здравоохранении Российской Федерации. *Предмет исследования* – предпосылки, факторы, технологии, используемые механизмом цифровой политики Российской Федерации. *Цель исследования* – выявление потенциала механизма и технологий цифровой политики Российской Федерации в здравоохранении для трансформации отрасли. *Методами исследования* является структурно-функциональный анализ, контент-анализ, вторичный анализ статистических и социологических данных.

Научная новизна заключается в применении теоретико-методологических основ политологического исследования и использовании политологических знаний о государственной (публичной) политике, процессах ее формирования, механизмах реализации, к происходящим в здравоохранении трансформационным процессам, выявлению тенденции проникновения в традиционную политику в сфере здравоохранения механизмов и технологий цифровой политики и их потенциала. *Практическая значимость* работы заключается в разработке предложений по формированию направлений государственной политики в сфере здравоохранения с учетом цифровой повестки, совершенствования практики регулирования и применения новых отдельных механизмов и технологий цифровой политики.

Ключевые слова: государственная политика в сфере здравоохранения, цифровые инновации, механизм цифровой политики Российской Федерации в здравоохранении, технологии цифровой политики Российской Федерации в здравоохранении, цифровая трансформация здравоохранения, экспериментальный правовой режим.

Введение

В основе принятия политических решений решающее значение имеет научный анализ фактических данных. Такой анализ необходим для определения целесообразности политического вмешательства, оценки степени одобрения и принятия такого вмешательства со стороны общественности, для повышения подотчетности, объективности, эффективности и результативности политических действий. Спрос на данные и средства измерения для принятия политических решений порождает перенос технологических инструментов, широко применяемых в экономических областях и повседневной жизни, в политическую сферу, процессы и институты.

Начало XXI ознаменовало вступление человечества в цифровую эпоху. Под воздействием цифровых технологий беспрецедентным изменениям подверглись практически все области экономической и социальной сферы. Для здравоохранения, как ключевой отрасли социальной сферы, переход на массовое внедрение цифровых инструментов ускорился в связи с пандемией COVID-19, которая потребовала оперативных решений и механизма их точной реализации на всех уровнях, координации и контроля, изменений самих политических отношений с учетом цифровой повестки.

Переход инновационных процессов в трансформационные на основе цифровых технологий получил устойчивое терминологическое обозначение в науке как «цифровая трансформация». Несмотря на отсутствие единства в определении данного термина, существует обобщенное его понимание, которое дают исследователи Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», как «качественные изменения в бизнес-процессах и моделях деятельности, прежде всего возникающие в рамках цифровых платформ, и значительные социально-экономические эффекты от их реализации» [1, стр. 11]. Цифровую трансформацию можно рассматривать как фактор формирования механизмов и технологий цифровой политики, так как политика не может оставаться статичной в контексте происходящих технологических изменений общественной жизни. При этом цифровая политика Российской Федерации в здравоохранении – это разрабатываемая и реализуемая публичными органами государственной власти с активным участием общественных формирований и иных институтов гражданского общества совокупность целевых установок и задач в сфере здравоохранения. Для разработки и реализации этой политики государство создает специализированный механизм цифровой политики Российской Федерации в здравоохранении, который является частью политической системы России.

Литературный обзор

Вопросам формирования и реализации механизма и технологий политики уделяется внимание в рамках гуманитарных исследований проблем политического воздействия на общественные отношения. В зарубежной ли-

тературе данная тематика рассматривается в контексте изучения публичной политики, которой соответствует термин на английском языке – publicpolicy.

В 1927 году вышла монография Д. Дьюи «Общество и его проблемы», в которой раскрыты подходы и различия между частным, приватным и общественным, публичным, при этом под публичным понимается область взаимодействия между людьми, когда последствия такого взаимодействия выходят за рамки только тех, кто взаимодействует и затрагивают интересы многих [5, с. 13]. Рассматривая вопрос политической демократии, автор привел примеры механизмов, обслуживающих практику правления в демократических государствах: всеобщее избирательное право, избранные представители, правление большинства, и отметил, что основная их суть – направленность на усиление роли общественных интересов, как главных ориентиров и критериев деятельности правительства [5, с. 106]. В середине XX века немецкий философ Ю. Хабермас сформулировал концепцию публичной сферы и теорию коммуникационного действия. Ю. Хабермас выделял два типа социального действия: стратегическое (воздействие на при помощи угрозы применения санкций или наоборот, вознаграждения) и коммуникативное (согласование и координация действий в целях достижения согласия) [17, с. 92]. Совокупность условий, обеспечивающих коммуникативный консенсус, обозначается понятием «этика дискурса» и рассматривается ученым в качестве инструмента публичной политики. Упрощенное, на наш взгляд, понимание публичной политики выражено в концепции Томаса Р. Дая, согласно которой «государственная политика – это то, что правительства решат делать или не делать» [22, с. 1].

Следует отметить, что на развитие политической мысли оказали влияние фундаментальные направления системного подхода, положенные в основу понятийного аппарата и принципов функционирования политических систем. Л. фон Берталанфи, основоположник общей теории систем сформулировал определение системы как комплекса взаимодействующих элементов [20, с. 143]. В 1948 г. Н. Винер опубликовал работу «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» [3], ставшая началом «кибернетики» – науки об управлении системами. Т. Парсонс применил идею системного подхода для сферы политики в работе «О социальных системах» [14, с. 211], которая вышла в 1951 г., а в 1957 г. Д. Истон издал работу, в которой, политическая система общества представлена в виде «черного ящика» с входами, выходами и обратной связью [7, с. 319].

Идеи концепции публичной политики в отечественной политической науке стали популярны с конца 90-х годов XX века, начала XXI века. Основные работы российских политологов концентрируются на общей теории политики и на политических технологиях. Особый вклад в развитие политической мысли внесли такие политологи, как Ю.А. Красин, Л.И. Никовская, В.Н. Якимец, Н.Ю. Беляева, Л.В. Сморгун и другие. Ю.А. Красин отмечает роль государства, как общенационального института, которое по определению призвано представлять публичные интересы общества [11, с. 10]. Л.И. Никовская, В.Н. Якимец определяют публичную политику как особое качество государственного управления, предполагающей отказ от традиционной иерархической структуры управления в пользу горизонтальных отношений с активным гражданским участием и соответствующими процедурами в принятии властных решений [13]. Н.Ю. Беляева обратила внимание на проблему понимания публичной политики в политической практике в России, отличного от зарубежного теоретического толко-

вания, не как деятельности по защите общественных интересов, а как медийности, информационной открытости в политическом пространстве [2, с. 24]. Л.В. Сморгун выделил цифровое публичное управление, определяя его как «институционально-процедурная система осуществления перформативных функций государства, организуемая на основе сочетания технополитических принципов рекурсивности, рефлексивной координации, интероперабельности, соучастия и обеспечивающая справедливость решений в сложных (контингентных) контекстах.» [15, с. 12].

Несмотря на значительное количество работ по общим вопросам публичной политики, вопрос формирования и реализации механизма и ее технологий в предметно-отраслевой специфике политической науки недостаточно освещен. Это связано с тем, что данная тематика является предметом изучения в рамках социальных механизмов современных исследований социологического познания. Из имеющихся работ в области политики можно выделить исследование А.В. Козловой, которая под механизмом понимает совокупность неких структур, определенным образом взаимодействующих между собой в целях изменения состояния или положения социума или его отдельных образований и сторон [8, с. 29]. При таком определении имеются основания для отождествления понятий «механизм» и «система». Структуру как механизма, так и системы образуют относительно самостоятельные элементы, которые можно вычленять из целого при структурно-функциональном анализе. Все элементы механизма и системы взаимосвязаны совместной деятельностью по реализации общих стратегических целей сохранения определенного состояния объекта воздействия или его преобразования. Принципиальное отличие механизма от системы обнаруживается в том, что механизм создается под внешним воздействием, а система может самостоятельно организовываться. Поэтому механизм должен приобретать системные качества для самостоятельной регенерации утраченных элементов или из замены без внешнего вмешательства. Разновидностью социальных механизмов, имеющих ту или иную степень близости с политикой, как совокупностью политических отношений по поводу политической власти, являются политические механизмы. Как научная категория данный термин нашел свое закрепление лишь в отдельных политических энциклопедиях и трактуется как совокупность инструментов реализации политической власти [9, с. 1228]. Здесь следует обратить внимание на использование понятия «инструмент». Вместе с тем, в политологии используется также термин «политическая технология». В трактовке О.Ф. Шаброва «политическая технология определяется как «целенаправленно сконструированная совокупность приемов и способов достижения результата, использование которых затрагивает государство и несовпадающие интересы значимых социальных групп» [18, с. 238]. Как форму деятельности политических субъектов, направленную на достижение политического результата и предполагающую совокупность алгоритмизированных действий, процедурных приемов, определяет политическую технологию О.В. Тимофеев. Автор отмечает особую актуальность использования интернет-технологий в социальном управлении и регулировании политических процессов, а также выделяет понятие «политические интернет-технологии», как самостоятельное явление [16, с. 46]. В настоящее время, вместо термина «интернет-технологии» чаще используется «цифровые технологии», так как последний является более актуальным и включает не только технологию «Интернет», но и современные востребованные разработки на осно-

ве дополненной реальности и 3D-печати, с принципиально новым механизмом взаимодействия человека и робототехники, беспилотного управления механизмами по радиосвязи.

Таким образом, публичная политика рассматривается как более широкое понятие, включающее в себя деятельность не только институционально-властных структур государства по решению общих проблем, но и общественных. Реализация такой деятельности осуществляется посредством инструментов и технологий политики, с помощью которых политические идеи достижения поставленных целей деятельности обретают конкретные политические формы. Совокупность таких структур, инструментов и технологий формирует механизм политики, объединяющий цели и результаты.

Одной из центральных проблем исследований в области публичной политики является вопрос возникновения новых идей и предложений в конкретных направлениях и областях, формализующийся в принятие политического решения. Эта проблема стоит на стыке разработок в других областях научных знаний, таких как экономика (экономическое развитие) и менеджмент (правление инновациями).

Исследование проблемы инновационного развития рассматривается в работах ученого-экономиста, политолога, социолога и историка экономической мысли Й. Шумпетера, в частности, его книга «Теория экономического развития» [19]. С работами Э. Роджерса связывают обобщение и систематизацию знаний по вопросам внедрения инноваций и вхождение в научный дискурс понятия диффузии инноваций, процесса их распространения [21]. Несмотря на то, что понятия инновации, инновационного развития и диффузии инноваций вошли в научную мысль экономики и наиболее часто исследуются в поле менеджмента и маркетинга, сегодня в академических кругах сложился большой интерес к растущей области понимания политических инноваций и к вопросу роли политики в разработке инновационных решений социальных проблем, особенно под влиянием кризиса проводимых административных реформ начала 1990-х – 2000-х годов, глобальных угроз, связанных с пандемией COVID-19 и повсеместной цифровизацией и ухода в «цифру» привычной общественной жизни.

В зарубежном исследовательском поле актуальны вопросы понимания и управления инновациями в сфере государственных услуг (К. Браун, С. Осборн, Е. Соренсен, Дж. Торфинг), исследования демократических инноваций, создания институтов гражданского участия, вплетения политических инноваций в существующие демократические системы (Г. Смит, А. Михелс, Й. Майр и другие). В отечественной науке можно встретить работы по темам сетевого политического управления и «совместного управления» в аспекте новых технологий политического участия (Л.В. Сморгун), инновационного типа развития общества и политических систем (Ю.А. Красин), политических нововведений (Е.В. Головацкий), политических инноваций (Н.Н. Ильчук, Е.Г. Кирсанова, А.Ю. Сунгуров, В.М. Кононов).

В широком смысле политические инновации рассматриваются как существенные изменения в политической системе, мотивированные новыми идеями о политике. В.М. Кононов предлагает следующее определение понятию «политические инновации»: «Таким образом, под политическими инновациями мы будем понимать целенаправленную деятельность государства, ориентированную на повышение эффективности и транспарентности политической системы путем нововведений в различных направлениях государственной политики» [10, с. 118]. При этом автор под инновационной политикой понима-

ет самостоятельное направление деятельности государства, охватывающее все сферы общественной жизни, в области генерации, трансформации и использования инноваций, а под политическими инновациями – структурное явление, которое может проявляться в отдельно взятых областях и направлениях государственной политики. В качестве примера политических инноваций можно привести институт электронного предварительного голосования в представительные органы власти, институт общественных советов при органах исполнительной власти, проектные офисы и ситуационные центры при органах власти – технологические центры управления регионами (платформы ЦУР), порталы обратной связи и сбора инициатив от граждан («Активный гражданин» г. Москва, «Добродел» Московская область, «Народный контроль» Республика Татарстан и др.).

Политической инновацией является так же экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций, как особая политическая технология, элемент механизма реализации цифровой политики, позволяющая установить правовое регулирование, отличное от действующего, на определенный период времени, с целью тестирования, проверки эффективности и востребованности технологии для решения социальных проблем с помощью данной цифровой инновации (технологии), которая при минимальных инвестициях и затратах на ее создание и внедрение несет максимальный положительный эффект без рисков для общественного и индивидуального благополучия, нарушения прав и интересов всех участников регулируемых отношений.

Основными инструментами экспериментальных правовых режимов являются: – регуляторные «песочницы» (regulatory sandbox); – правовые акты с указанным сроком окончания действия (sunset provision); регуляторные изъятия (regulatory waivers) [6, с. 131]. Наименование «песочница» экспериментальных правовых режимов не является институционально закрепленным понятием, а используется в научном и прикладном обиходе в качестве устойчивых выражений «регулятивная песочница», «цифровая песочница». Е.А. Куклина, анализируя государственную политику в аспекте реализации цифровой повестки, отметила основное назначение «песочницы» – обеспечение взаимодействия стейкхолдеров, создание демонстрационной среды, обмен знаниями [12, с. 265].

Принято считать, что впервые опыт «песочниц» был отработан в Великобритании в 2014 г. для финансового рынка в программе взаимодействия с финтех-компаниями и их поддержки. Подобные политические методы апробации цифровых инноваций активно применяются в Австралии, Сингапуре, ОАЭ и ряде других стран [4, с. 52–55]. В России в 2021 г. вступил в силу разработанный Министерством экономического развития Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [23], который позволяет апробировать технологии в условиях правового ландшафта, не прописанного в действующем законодательстве или в рамках регулирования, отличающегося от установленного законом. Механизм экспериментального правового режима (ЭПР) заключается в применении для круга субъектов – участников ЭПР на установленный период времени и на определенной территории специального регулирования, устанавливаемого программой экспериментального режима, утверждаемой Правительством Российской Федерации, для каждого такого ЭПР. Всего законом определено 8 ключевых направлений (сфер) тестирования новых технологий, в которых предлагается применять цифровые инновации, включая медицину.

Результаты

Внедрение для практического применения в различных областях цифровых инноваций производится неравномерно, с разными темпами и затратами, с участием административных институтов или без их вовлечения. К примеру, в бизнесе и производстве товаров, работ и услуг достаточно примеров, когда фирмы, только за счет смены бизнес-модели и внедрения инновационных и прорывных, для своего времени, подходов к ведению бизнеса (без существенных изменений самого продукта) получили долгосрочную прибыль и конкурентное преимущество, а также широкую аудиторию потребителей. В то же время во многих гуманитарных областях процессы внедрения цифровых инноваций сопряжены с довольно высокими затратами, обусловленными в том числе и спецификой самой отрасли, наличием жесткого правового регулирования, сопряженным с особо чувствительными зонами личностных интересов, безопасности и защиты жизни, здоровья, нематериальных сторон жизни потребителя. Одной из таких сфер является здравоохранение. В здравоохранении внедрение цифровых инноваций сопряжено с рядом рисков, начиная от угрозы жизни и здоровью в случае применения незрелых технологий, создающих вероятность врачебных ошибок при излишнем доверии врачебного персонала такой технологии, до злоупотреблений использованием персональных данных особой категории, к которым относится информация о здоровье пациента. Вот почему внедрение цифровых нововведений в здравоохранении не остается без усиленного внимания со стороны государства и требует особого регулирования.

Для государственных институтов цифровизация и цифровая трансформация создают необходимость решения двух параллельных задач. С одной стороны, необходимо своевременно создавать четкое регулирование, «правила игры» в случае широкого применения новой технологии в практике медицинской помощи в целях недопущения возникновения в реальной жизни потенциальных угроз пользователям технологии, а с другой – обеспечить гибкость регулирования, оперативно снимать цифровые регуляторные барьеры там, где подтверждена устойчивость технологии и ее востребованность, получено одобрение большинства участников взаимодействия о ее актуальности и пользе в решении той или иной проблемы здравоохранения в быстро меняющихся условиях.

Таким образом, механизм цифровой политики Российской Федерации в здравоохранении представляет собой совокупность взаимосвязанных публичных органов власти и институтов гражданского общества, участвующих в разработке и реализации с использованием цифровых технологий целей наиболее полного обеспечения прав человека и гражданина на гарантированных статьей 41 Конституции РФ охрану здоровья и медицинскую помощь, оказываемую системой здравоохранения, развитие которой, согласно Конституции РФ, поощряется государством. Особое место в механизме цифровой политики Российской Федерации в здравоохранении занимают технологии апробации цифровых инноваций. Экспериментальный правовой режим, как технология апробации цифровых инноваций, на первый взгляд может выступить не плохим способом решения обозначенной выше двойственной задачи по цифровой трансформации отрасли, однако, для полноценного такого вывода следует оценить практику реализации и промежуточные результаты ее применения.

Начиная с февраля 2021 года Минэкономразвития РФ ведется реестр экспериментальных правовых режимов в соответствии с принятым федеральным законом,

а также инициатив для их установления. По состоянию на 1 апреля 2023 года в реестр включено 141 инициативных предложений от инициаторов (органов власти, коммерческих и государственных организаций) об установлении экспериментальных правовых режимов. Из них в области здравоохранения – 44 инициативы (31%), для 14 инициатив из числа относящихся к здравоохранению принято решение об отказе в установлении режима на стадии первичного рассмотрения инициативы Минэкономразвития, в отношении 15 инициатив принято решение о возможности установления режима при условии устранения замечаний, в отношении оставшихся 15 инициатив принято решение об отказе по итогам рассмотрения инициативы регулирующим органом (Минздравом России). Основные инициативы направлены на расширение нормативного регулирования и апробации механизмов телемедицинских консультаций и дистанционного мониторинга состояния здоровья пациентов (Таблица 1)¹.

Таблица 1. Перечень направлений и количества инициативных предложений для установления ЭПР в здравоохранении

П.п.	Направления	Количество инициатив
1.	Расширение возможностей проведения телемедицинских консультаций и расширения возможностей дистанционного наблюдения за состоянием здоровья пациентов	36
2.	Организация проведения предрейсовых медицинских осмотров в дистанционном формате с использованием специализированных диагностических комплексов	4
3.	Разрешение дистанционной торговли рецептурными лекарственными препаратами	2
4.	Использование искусственного интеллекта для анализа цифровых медицинских изображений, детектирования объектов и интерпретации результата	2

Составлено автором на основе данных Реестра экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций

За 1,5 года реализации федерального закона из общего количества инициатив (141) одобрение получено только в отношении 7, в том числе 1 в сфере здравоохранения. Правительством РФ установлен экспериментальный правовой режим (постановление от 9 декабря 2022 г. № 2276) [24], которым предлагается осуществлять дистанционное наблюдение за состоянием здоровья пациентов с использованием информационной си-

¹ Выборка произведена на основе данных Реестра экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций (далее соответственно – реестр, ЭПР) (за исключением направлений разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций в сфере финансового рынка) ведется Минэкономразвития России и размещается на официальном сайте Минэкономразвития России в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 19 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ. https://economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovyh_rezhimov/ (Дата обращения 01.04.2023 г.)

стемы «Персональные медицинские помощники», где будут осуществляться прием, обработка, хранение и передача в медицинские информационные системы медицинских организаций информации о состоянии здоровья пациентов, зафиксированной медицинскими изделиями.

Из данного анализа следует вывод, что технология ЭПР не придает скорости апробации инноваций в здравоохранении. Время, необходимое на подачу инициативы, ее рассмотрения и утверждения соразмерно времени разработки нового правового регулирования (более года), а сроки проведения таких режимов (в основном 3 года) не соответствуют жизненному циклу самой инновации и ее актуальности в практическом применении. Так же сложность реализации ЭПР связана с тем, что инициаторы проектов должны уже на стадии подготовки и внесения инициативного предложения иметь технологическое воплощение предмета инициативы, а также экспериментальные проекты должны запускаться без бюджетного финансирования. Таким образом, практика реализации новой политической технологии внедрения инноваций подлжет дальнейшему изучению и совершенствованию.

Второй технологией апробации новых инициатив в целях последующего нормативного закрепления сформированных бизнес-процессов является принятие правовых актов с указанным сроком окончания действия или так называемые отраслевые «эксперименты». Запрос в системе «Консультант Плюс» по виду нормативного акта «Федеральный закон» и «эксперимент» выдал 27 федеральных законов, устанавливающих особый режим в форме эксперимента. 10 федеральных законов относятся к вопросам цифровой трансформации. Сфера здравоохранения также получила особое регулирование в форме «эксперимента». Федеральный закон от 20.10.2022 г. № 405-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств»» [25] установил проведение в период с 1 марта 2023 года до 1 марта 2026 года в городе федерального значения Москве, в Белгородской и Московской областях эксперимента по осуществлению розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом. Такой формат продажи лекарственных препаратов предполагает использование цифровых технологий, в том числе технологию «электронного рецепта».

Сам по себе вопрос о дистанционной торговле лекарственными препаратами имеет долгую предысторию. Пандемия коронавируса и принятые ограничительные меры, в том числе социального дистанцирования и режима изоляции, вызвали беспрецедентный спад деловой, экономической и социальной активности, но в то же время повысили удельный вес дистанционных каналов восполнения социальных потребностей в товарах и услугах, в том числе в сфере здравоохранения и лекарственного обеспечения. Меры предосторожности, которые применялись для лиц старше 65 лет, совсем не учитывали потребности лиц с хроническими заболеваниями. Обеспечение таких лиц лекарствами стало наисложнейшей проблемой, которую регионы решали кто как мог. В течение всего 2020 года представители аптечных сетей и сообщества пациентов, нуждающихся в лекарственной терапии, неоднократно заявляли о невозможности покупки лекарств в условиях ограничений, введенных в связи с коронавирусной инфекцией. Жалобы пациентов поступали не только на отсутствие самих лекарств в аптеках, но и на несовершенство механизмов их получения и покупки.

17 марта 2020 г. Президент РФ В.В. Путин подписал Указ № 187 «О розничной торговле лекарственными

препаратами для медицинского применения» [28], согласно которому Федеральным законом от 3 апреля 2020 г. № 105-ФЗ [27] приняты изменения Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [26], разрешившие дистанционную (через сеть Интернет) розничную торговлю лекарственными препаратами, кроме отпускаемых по рецепту. Подзаконным актом постановлением Правительства РФ от 16.05.2020 г. № 697 утвержден порядок осуществления такой торговли [29]. После снятия регуляторных ограничений стали формироваться новые цифровые отношения классической триады участников (врач – пациент – аптека) с: маркетплейсами агрегаторами службой доставки.

Новый этап расширения дистанционной торговли лекарственными препаратами связан с реализацией поручения Президента Российской Федерации от 3 февраля 2022 г., данного по итогам встречи с членами Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», о проведении эксперимента по розничной торговле лекарственными препаратами для медицинского применения, отпускаемыми по рецепту на лекарственный препарат, дистанционным способом [30], а в октябре 2022 г. – принятие федерального закона, устанавливающего его проведение [25].

Приведенный пример показал, что на запуск экспериментального правового режима с соблюдением всех требуемых бюрократических процедур в среднем требуется более 1,5 лет, а на продвижение инновации через новые политические технологии прямого взаимодействия с главой государства и реализацию его поручений посредством запуска отраслевого эксперимента – около 6 месяцев.

Наличие правового регулирования и формы проведения «эксперимента», высокая скорость запуска инноваций свидетельствует о том, что законодательство о «цифровых песочницах» сложно применимо в здравоохранении, в связи с чем регуляторы в лице высших органов государственной власти и управления сферой экономики, финансов и здравоохранения прибегают к политическим технологиям внедрения в практику инноваций, позволяющих оперативно апробировать социально необходимую технологию, «пилотные проекты» с закрепленными параметрами их проведения в подзаконных отраслевых нормативных актах.

Обсуждения

В целом, приведенные примеры эксперимента и ЭПР отвечают признакам политических технологий, точнее, новых технологий цифровой политики. Они направлены на решение общественных проблем, возможность запуска закреплена в том числе и за негосударственными структурами (инициатором может любое юридическое лицо, индивидуальный предприниматель), а значит благодаря им обеспечивается политическое участие в решение общих проблем представителей от общественных структур, возможность соучастия одобрения обществом сложных политических решений.

Специфика отрасли здравоохранения создает определенные ограничения, связанные с внедрением инноваций и новых цифровых технологий. Врачебная тайна и отнесение сведений о здоровье к специальным персональным данным, высокий риск врачебных ошибок, влияющих на жизнь и здоровье пациентов, требуют тщательной проработки принимаемых решений. В целом, тестирование и апробация новых технологий в медицине, например, таких как эксперимент по дистанционной продаже рецептурных лекарств, можно считать оправдан-

ным, но сами применяемые формы такой апробации требуют дальнейшего совершенствования.

Необходимо при проведении эксперимента или при запуске ЭПР заложить следующие ключевые параметры.

1) Правила проведения эксперимента или ЭПР, включая вопросы доступа к данным о медицинских назначениях, и далее экспериментальное отраслевое регулирование не должны содержать условий, влияющих на качество их проведения: территориальные ограничения, условия, усложняющие подключение к эксперименту дополнительных регионов, перенос правового регулирования порядков проведения на региональный уровень без установок единых правил для всех регионов.

2) Все разрешительные механизмы допуска участников к эксперименту не должны содержать избыточных требований и барьеров, создавать необоснованные издержки для бизнеса, побуждающие отказаться от участия в нем.

3) Расширению границ реализации эксперимента должна предшествовать проверка цифровой готовности государственных информационных систем к информационному обмену всех участников.

4) Используемые в эксперименте технологии и сам эксперимент не должны создавать «цифровое неравенство» для основных потребителей – пациентов, особенно по критерию территориального проживания, доступа к цифровым услугам и сервисам с государственным участием.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что с развитием цифровых технологий в сфере публичной политики появляются и новые технологии цифровой политики, такие как экспериментальные правовые режимы и отраслевые эксперименты, как особые политико-правовые адаптационные инструменты, призванные обеспечить гибкость и быстроту реакции правительства на новые глобальные вызовы и требования общества по решению социальных проблем с соблюдением охранительной и защитной функции государства, сочетание политики управления и поддержки устойчивости с политикой развития. Данные технологии следует рассматривать и как возможность выявления цифровых инноваций, их стимулирования и развития, предоставления возможности инициаторам инноваций получить доступ к публичной сфере и влиять на правовое регулирование с учетом имеющегося опыта создания и применения инновации.

К сожалению, экспериментальные правовые режимы отягощены излишней бюрократизацией, длительностью запуска и проведения и могут создавать риски. Основные области таких рисков – антимонопольная, информационная безопасность, защита персональных данных. Большой доступ к инициации и проведению проектов ЭПР, а значит и к быстрому доступу к новым сферам рынка и областям монетизации бизнеса, могут иметь наиболее крупные и длительно работающие компании, чем новые участники рынка, так как первые обладают большими ресурсами, в том числе административного лобби. Эта проблема требует дальнейшей проработки и освещения.

Литература

1. Абдрахманова Г. И., Быховский К.Б., Веселитская Н.Н., Вишневецкий К.О., Гохберг Л.М. и др. Цифровая трансформация отраслей: стартовые ус-

ловия и приоритеты: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 239 с.

2. Беляева Н.Ю. Публичная политика в России: сопротивление среды. – Полис. Политические исследования. 2007. № 1. С. 22–32. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.01.03>. (дата обращения 11.07.2023).
3. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Пер. с англ. И.В. Соловьева и Г.Н. Поварова; Под ред. Г.Н. Поварова. 2-е издание. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.
4. Достов В.Л., Шуст П.М., Леонова А.В. Внедрение «регулятивных песочниц» на финансовом рынке Великобритании – первый опыт // Ученые записки Международного банковского института. Вып. № 4 (22) / Под науч. ред. М.В. Сиговой. – СПб.: Изд-во МБИ, 2017. – 184 с.
5. Дьюи Дж. Общество и его проблемы / Пер. с англ. И.И. Мюрберг, А.Б. Толстова, Е.Н. Косиловой. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 160 с.
6. Завьялова Е.Б., Крыканов Д.Д., Патрунина К.А. Механизм регуляторных «песочниц» для внедрения цифровых инноваций: опыт внедрения экспериментальных правовых режимов на национальном и наднациональном уровне // Право и управление XXI век // № 4(53) / 2019. С. 130–136.
7. Истон Д. Категории системного анализа политики // Политология: Хрестоматия. Сост.: проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. С. 319–331. URL: <http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt27.htm#s>. (дата обращения 11.07.2023).
8. Козлова А.В. Политические механизмы обеспечения безопасности государства в экономической сфере: автореф. дис. д-ра полит. наук. М., 2009. 357 с.
9. Колобова Г.А. Политический механизм: анализ категории // Вестник Башкирск. ун-та. 2010. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-mehanizm-analiz-kategorii> (дата обращения: 12.07.2023).
10. Кононов В.М. Инновационная политика и политические инновации как фактор состоятельности и конкурентоспособности современного государства // Вестник ТГУ. 2014. № 11 (139). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-politika-i-politicheskie-innovatsii-kak-faktor-sostoyatelnosti-i-konkurentnosposobnosti-sovremennogo-gosudarstva> (дата обращения: 19.06.2023).
11. Красин Ю.А. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении // Полития. 2004. № 3. С. 5–23.
12. Куклина Е. А. «Регулятивные песочницы» как эффективный механизм реализации цифровой повестки // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. № 2–1. С. 265–267. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulyativnye-pesochnitsy-kak-effektivnyy-mehanizm-realizatsii-tsifrovoy-povestki> (дата обращения: 14.06.2023).
13. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Особенности публичной политики в регионах России: состояние и современные вызовы // ПОЛИТЭКС. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-publichnoy-politiki-v-regionah-rossii-sostoyanie-i-sovremennye-vyzovy> (дата обращения: 12.07.2023).
14. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Блановского. М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.

15. Сморгун Л.В. Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: Коллективная монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 349 с.
16. Тимофеев О.Ф. Понятийные проблемы политических интернет-технологий: поиск адекватной интерпретации // Власть. 2011. № 7. С. 157–163. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiynye-problemy-politicheskikh-internet-tehnologiy-poisk-adekvatnoy-interpretatsii> (дата обращения: 14.07.2023).
17. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. С.В. Шачин; отв. ред. Б.В. Марков. СПб.: Наука, 2006. 377 с.
18. Шабров О.Ф. Политические технологии // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 328–330.
19. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. С. 132–133.
20. Bertalanffy L. von. General System Theory – A Critical Review // General Systems. Vol. VII. 1962. Перевод Н.С. Юлиной. URL: http://grachev62.narod.ru/bertalanffy/bertalanffy_1.html (дата обращения 11.07.2023).
21. Rogers E.M. Diffusion of innovations (4 th. ed.). N. Y.: The Free Press, 1995. P.236.
22. Thomas R. Dye Understanding public policy / Thomas R. Dye, McKenzie Professor of Government Emeritus, Florida State University. – Fifteenth edition. 2016. <https://handoutset.com/wp-content/uploads/2022/06/Understanding-public-policy-Dye-Thomas-R.pdf>. (дата обращения: 11.07.2023).
23. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ (редакция от 02.07.2021 г.) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/
24. Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности с применением технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозов граждан в отношении реализации инициативы социально-экономического развития Российской Федерации «Персональные медицинские помощники: Постановление Правительства РФ от 09.12.2022 № 2276 (ред. от 01.03.2023) URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1591190/> (Дата обращения 01.04.2023 г.)
25. О внесении изменений в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств»: Федеральный закон от 20.10.2022 г. № 405-ФЗ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429415/ (Дата обращения 01.04.2023).
26. Об обращении лекарственных средств: Федеральный закон от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99350/ (Дата обращения 01.04.2023).
27. О внесении изменений в статью 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств». Федеральный закон от 03.04.2020 г. № 105-ФЗ [Интернет]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349322/ (Дата обращения 01.04.2023).
28. О розничной торговле лекарственными препаратами для медицинского применения. Указ Президента РФ от 17.03.2020 г. № 187 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347818/ (Дата обращения 01.04.2023).
29. Об утверждении Правил выдачи разрешения на осуществление розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом, осуществления такой торговли и доставки указанных лекарственных препаратов гражданам и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом. Постановление Правительства РФ от 16.05.2020 №697 (ред. от 31.05.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352724/ (Дата обращения 01.04.2023).
30. Перечень поручений по итогам встречи с членами Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», состоявшейся 3 февраля 2022 года. (от 26 апреля 2022 года № Пр-740). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/68298/print>

THE MECHANISM AND TECHNOLOGIES OF THE DIGITAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN HEALTHCARE: “DIGITAL SANDBOXES” AND EXPERIMENTS AS POLITICAL INNOVATIONS

Romanets E.A.
Russian State Social University

The relevance of the study is predetermined by the needs of scientific support of the state policy of the Russian Federation for the processes of digital transformation of the healthcare sector in Russia, occurring in connection with the widespread use of digital technologies both in practical medicine and in public administration of the entire healthcare system. The COVID-19 pandemic has increased the demand for digital mechanisms and technologies in healthcare, the use of which has allowed public authorities to quickly make political decisions on the most difficult tasks in the fight against the spread of the disease. At the same time, the specifics of health care make it necessary to pay close attention to the existing risks of using modern digital technologies in this area and the need to ensure the confidentiality of patient health data and medical confidentiality. This requires a thorough study of the political decisions made on the digital development of the industry, the development and implementation in the practice of political decision-making of new mechanisms and technologies of digital policy in combination with rationally improved traditional forms and methods of organizing the functioning of the industry.

The object of the study is the mechanism and technologies of digital policy in the health care of the Russian Federation. The subject of the study is the prerequisites, factors, technologies used by the digital policy mechanism of the Russian Federation. *The purpose of the study* is to identify the potential of the mechanism and technologies of the digital policy of the Russian Federation in healthcare for the transformation of the industry. *The research methods* are structural and functional analysis, content analysis, secondary analysis of statistical and sociological data.

Scientific novelty lies in the application of the theoretical and methodological foundations of political science research and the use of political science knowledge about state (public) policy, the processes of its formation, implementation mechanisms, to the transformational processes taking place in healthcare, identifying the trend of penetration into traditional healthcare policy of the mechanisms and technologies of digital policy and their potential. *The practical significance* of the work lies in the development of proposals for the formation of state policy directions in the field of healthcare, taking into account the digital agenda, improving the practice of regulation and the application of new individual mechanisms and technologies of digital policy.

Keywords: state policy in the field of healthcare, digital innovations, mechanism of the digital policy of the Russian Federation in healthcare, technologies of the digital policy of the Russian Federation in healthcare, digital transformation of healthcare, experimental legal regime.

References

1. Abdrakhmanova G. I., Bykhovskiy K.B., Veselitskaya N.N., Vishnevsky K.O., Gokhberg L.M. et al. Digital transformation of industries: starting conditions and priorities: Dokl. to XXII Apr. intl. scientific conf. on Problems of Development of the Economy and Society, Moscow, 13–30 April. 2021; National research University “Higher School of Economics”. – M.: Ed. house of the Higher School of Economics, 2021. – 239 p.
2. Belyaeva N. Yu. Public policy in Russia: environmental resistance. – Polis. Political studies. 2007. No. 1. S. 22–32. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.01.03>. (accessed 11.07.2023).
3. Viner N. Cybernetics, or Control and Communication in the Animal and the Machine / Per. from English. I.V. Solovyov and G.N. Povarova; Ed. G.N. Povarov. 2nd edition. M.: Nauka; Main edition of publications for foreign countries, 1983. – 344 p.
4. Dostov V.L., Shust P.M., Leonova A.V. The introduction of “regulatory sandboxes” in the UK financial market – the first experience // Scientific notes of the International Banking Institute. Issue. No. 4 (22) / Under scientific. ed. M.V. Sigova. – St. Petersburg: MBI Publishing House, 2017. – 184 p.
5. Dewey J. Society and its problems / Per. from English. I.I. Murb-erg, A.B. Tolstova, E.N. Kosilova. – M.: Idea-Press, 2002. – 160 p.
6. Zavyalova E.B., Krykanov D.D., Patrunina K.A. The mechanism of regulatory “sandboxes” for the introduction of digital innovations: the experience of implementing experimental legal regimes at the national and supranational levels // Law and Management XXI century // No. 4 (53) / 2019. P. 130–136.
7. Easton D. Categories of system analysis of politics // Political Science: Reader. Comp.: prof. M.A. Vasilyk, Assoc. M.S. Vershinin. M.: Gardariki, 2000. S. 319–331. URL: <http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt27.htm#s>. (Accessed 07/11/2023).
8. Kozlova A.V. Political mechanisms for ensuring the security of the state in the economic sphere: author. dis. Dr. Polit. Scienc-es. M., 2009. 357 p.
9. Kolobova G.A. Political mechanism: category analysis // Bulletin of Bashkirsk. university 2010. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-mehanizm-analiz-kategorii> (Date of access: 07/12/2023).
10. Kononov V.M. Innovation policy and political innovations as a factor of viability and competitiveness of the modern state // Bulletin of TSU. 2014. No. 11 (139). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-politika-i-politicheskie-innovatsii-kak-faktor-sostoyatelnosti-i-konkurentnosposobnosti-sovremennogo-gosudarstva> (date of access: 06/19/2023).
11. Krasin Yu.A. Public sphere and public policy in the Russian dimension // Politiya. 2004. No. 3. S. 5–23.
12. Kuklina E. A. “Regulatory sandboxes” as an effective mechanism for implementing the digital agenda // Greater Eurasia: development, security, cooperation. 2019. No. 2–1. pp. 265–267. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulyativnye-pesochnitsy-kak-effektivnyy-mehanizm-realizatsii-tsifrovoy-povestki> (Date of access: 06/14/2023).
13. Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. Peculiarities of public policy in the regions of Russia: current state and challenges // POLITEKS. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-publichnoy-politiki-v-regionah-rossii-sostoyanie-i-sovremennye-vyzovy> (Date of access: 07/12/2023).
14. Parsons T. On social systems / Ed. V.F. Chesnokova and S.A. Blанovsky. M.: Academic Project, 2002. – 832 p.
15. Smorgunov L.V. Public policy: Institutions, digitalization, development: Collective monograph / Ed. L.V. Smorgunova. – M.: Aspect Press, 2018. – 349 p.
16. Timofeev O.F. Conceptual problems of political Internet technologies: the search for an adequate interpretation // Power. 2011. No. 7. pp. 157–163. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiynye-problemy-politicheskikh-internet-tehnologiy-poisk-adekvatnoy-interpretatsii> (date of access: 07/14/2023).
17. Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action / per. with him. S.V. Shachin; resp. ed. B.V. Markov. St. Petersburg: Nauka, 2006. 377 p.
18. Shabrov O.F. Political technologies // Knowledge. Understanding. Skill. 2012. No. 4. pp. 328–330.
19. Schumpeter J.A. Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy. M.: Eksmo, 2007. S. 132–133.
20. Bertalanffy L. von. General System Theory – A Critical Review // General Systems. Vol. VII. 1962. Translation by N.S. Yulina. URL: http://grachev62.narod.ru/bertalanffy/bertalanffy_1.html (accessed 07/11/2023).
21. Rogers E.M. Diffusion of innovations (4th ed.). N. Y.: The Free Press, 1995. P. 236.
22. Thomas R. Dye Understanding public policy / Thomas R. Dye, McKenzie Professor of Government Emeritus, Florida State University. – Fifteenth edition. 2016. <https://handoutset.com/wp-content/uploads/2022/06/Understanding-public-policy-Dye-Thomas-R.pdf>. (date of access: 07/11/2023).
23. On experimental legal regimes in the field of digital innovation in the Russian Federation. Federal Law No. 258-FZ of July 31, 2020 (as amended on July 2, 2021) URL:
24. On the establishment of an experimental legal regime in the field of digital innovations and the approval of the Program of the experimental legal regime in the field of digital innovations in the field of medical activity using technologies for collecting and processing information about the state of health and diagnoses of citizens in relation to the implementation of the initiative for the socio-economic development of the Russian Federation “Personal medical assistants: Decree of the Government of the Russian Federation of December 9, 2022 No. 2276 (as amended on March 1, 2023) URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1591190/> (Accessed on April 1, 2023)
25. On Amendments to the Federal Law “On the Circulation of Medicines”: Federal Law No. 405-FZ of October 20, 2022.
26. On the circulation of medicines: Federal Law No. 61-FZ of April 12, 2010 https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99350/ (Accessed on April 1, 2023).
27. On Amendments to Article 15.1 of the Federal Law “On Information, Information Technologies and Information Protection” and the Federal Law “On the Circulation of Medicines”. Federal Law No. 105-FZ of April 3, 2020 [Internet]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349322/ (Accessed 04/01/2023).
28. On retail trade in medicines for medical use. Decree of the President of the Russian Federation of March 17, 2020 No. 187 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347818/ (Accessed on April 1, 2023).
29. On Approval of the Rules for Issuing a Permit for Remote Retail Sale of Medicinal Products for Medical Use, Such Trade and Delivery of the Said Medicinal Products to Citizens, and Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation Concerning Remote Retail Sale of Medicinal Products for Medical Use. Decree of the Government of the Russian Federation of May 16, 2020 N697 (as amended on May 31, 2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352724/ (Accessed 04/01/2023).
30. List of instructions following the meeting with members of the All-Russian public organization “Business Russia”, held on February 3, 2022. (dated April 26, 2022 No. Pr-740). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/68298/print>

Влияние основных направлений политики периода Мэйдзи на развитие населения Японии 1850–1912 гг.

Фэн Шидэ,

аспирант, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Институт Китая и современной Азии, Российская академия наук
E-mail: 373845357@qq.com

В статье рассматриваются основные политики эпохи Мэйдзи и их влияние на развитие населения Японии. Анализ политик и соответствующих данных из различных периодов эпохи Мэйдзи, включая политические системы, экономику и законы, раскрывает их влияние на население. В течение этого периода Япония продемонстрировала структуру населения, характеризующуюся более высокими показателями рождаемости и более низкими показателями смертности, по сравнению с предыдущим периодом. Реформы в политической системе и внедрение технологий непрерывно способствовали повышению производительности, стимулируя быстрый экономический рост и постепенно увеличивая общественную способность Японии вмещать свое население. Сочетание стремительного экономического развития, нарастающей производительности и устойчивого роста населения сыграло существенную роль в быстром подъеме Японии за короткий период времени.

Ключевые слова: период Мэйдзи, политика, население.

Введение

В конце XIX века начались реформы Мэйдзи, переходя от закрытого феодального общества к модернизированной нации. Эта эпоха отметила не только политические и общественные трансформации, но также изменения в паттернах развития населения. В течение этого периода Япония столкнулась с рядом значимых политических реформ, которые не только сформировали будущее нации, но также имели большие последствия для роста населения и социальной структуры. Эта статья исследует влияние основных политик эпохи Мэйдзи на развитие населения Японии и стремится раскрыть паттерны роста населения в это время. По мере того, как Япония преодолевала этот трансформационный период, эти политики сыграли решающую роль в переформировании траектории страны и создании нового демографического облика.

1850 период Бакумацу

Кульминация этой эпохи прослеживается до начала эпохи Мэйдзи, которая ознаменовала конец политики изоляционизма (сакоку) периода Эдо. Эта политика завершилась подписанием Договора Канагава Мэтью К. Перри в 1854 году и последующим его прибытием, заложившим основу для позднего периода Эдо. В последующие годы иностранный торговый оборот и международные взаимодействия постепенно расширялись. Сёгунат Токугава подписал неравные торговые договоры с западными нациями, что вызвало чувство национального унижения. Это привело к внутреннему чувству враждебности внутри сёгуната и одновременно подпитало настроение «сонно дзёи» (почитай императора, изгони варваров), анти-иностранный движения. Интенсификация иностранной торговли и взаимодействий привела к эскалации напряженности. Неравные договоры и влияние иностранных держав вызвали внутреннее недовольство, породив настроение «сонно дзёи». По мере углубления напряженности, в 1863 году Император Японии выпустил «Приказ об изгнании варваров», что дополнительно усугубило напряженные отношения между сёгунатом и иностранными державами. В 1863 и 1864 годах иностранные суда подверглись нападению, и иностранные силы обстреляли японские города, что привело к напряженной обстановке. В оппозиции к Токугавскому сёгунату возникло союзное движение Сатсума-Чошу.

В 1867 году произошла смена режима, когда Император Мэйдзи взошел к власти, положив конец правлению сёгуната. Во время этого периода Император Мэйдзи объявил о восстановлении полной императорской власти, и войска Сатсума заняли Императорский дворец, положив конец правлению Токугавского сёгуната. Политические потрясения и общественные изменения периода Бакумацу положили значительное основание для модернизации Японии.

В заключение, политические, экономические и общественные изменения в поздний период Эдо оказали многогранные воздействия на население. Эти изменения тесно связаны с изменяющимися временами и процессом национальной модернизации. Во-первых, на фоне расширенной иностранной торговли и усиленных международных взаимодействий города, такие как Йокогама и Кобе, стали процветающими торговыми центрами. Это привело к быстрому городскому развитию, привлекающая значительный приток населения в поисках бизнеса и трудовых возможностей. Однако одновременные общественные потрясения также были заметной чертой этой эпохи. Неустойчивость внутреннего политического состояния привела к социальным беспорядкам. Конфликты и политические потрясения вынудили многих покинуть свои места жительства, дополнительно усиливая явление миграции населения.

С изменением политической власти от Токугавского сёгуната к правительству Мэйдзи, период Бакумацу стал свидетелем передачи власти. Вероятно, это перераспределило политические и административные структуры в разных регионах, перераспределяя власть и влияние на население и общественные тенденции в некоторой степени. Кроме того, период Бакумацу характеризовался волной реформ и модернизации. Япония начала реформы в военной, политической, образовательной и правовой сферах. Эти реформы, вероятно, оказали влияние на население, например, усиливая развитие талантов через образовательные реформы или увеличивая вербовку солдат через военные реформы.

Экономически неравные договоры и увеличенная иностранная торговля оказали влияние на экономическую структуру. Некоторые регионы процветали благодаря расцвету иностранной торговли, тогда как другие сталкивались с трудностями из-за ограничений неравных договоров. Это могло привести к миграции населения, так как люди искали более благоприятные экономические возможности. В целом политические, экономические и общественные изменения периода Бакумацу оказали далеко идущее воздействие на население на разных уровнях, начиная от городского развития до мобильности населения. Эти изменения тесно переплетались с процессом модернизации Японии.

1868–1873 Ранний период Мэйдзи

Восхождение Императора Мэйдзи на трон в 1868 году ознаменовало конец феодальной системы позднего периода Эдо и начало новой капиталистической правительственной структуры. Эта эра, охватывающая период с 1868 по 1873 год, известна как начальный этап Мэйдзи Реставрации. В течение этого времени Япония претерпела ряд политических, социальных и экономических реформ. В 1870 году реальный ВВП на душу населения составлял 1580 долларов (в ценах 2011 года), который вырос до 1607 долларов (в ценах 2011 года) к 1874 году. Этот плавный и устойчивый экономический рост свидетельствовал о том, что Япония начинала переживать улучшение и рост экономики на раннем этапе Мэйдзи Реставрации.

Одновременно в этот период также произошел значительный рост населения, с 32 миллионов до 34,1 миллиона человек, с темпом роста 0,4883%. Этот рост населения, вероятно, переплетался с социальными и экономическими реформами, а также с политическими изменениями, внося новые демографические динамики страны. В стремлении к модернизации Япония начала принимать западные политические, военные и экономические системы, параллельно с рядом движений по за-

падной интеграции. Эти усилия включали изучение и заимствование передовых опытов из Запада для стимулирования национального развития и укрепления. Одновременно правительство Мэйдзи начало вести открытую внешнюю политику, устанавливая формальные дипломатические отношения с иностранными странами, чтобы способствовать международному взаимодействию и сотрудничеству. Важная дипломатическая миссия, Миссия Ивакура, была отправлена правительством Мэйдзи для изучения западных обществ. Кроме того, иностранные эксперты и техники были привлечены в Японию, предоставив критическую поддержку процессу модернизации. Эти взаимодействия и связи с остальным миром положили основу для будущих трансформаций Японии.

В период Реставрации Мэйдзи была упразднена старая феодальная сёгунская система, и для достижения модернизации правительство Мэйдзи ввело ряд значимых реформ. Среди этих реформ была политика «Упразднение Хан и Создание Префектур», которая централизовала власть, преобразовывая региональные административные деления феодальных владений в префектуры, таким образом, укрепляя контроль центрального правительства. Кроме того, правительство Мэйдзи внедрило систему меритократии, выбирая талантливых людей для занятия государственных должностей, обеспечивая эффективное функционирование правительства.

Во-первых, в 1871 году Япония внедрила политику «Упразднение Хан и Создание Префектур», полностью уничтожив старую феодальную систему владений. Эта мера перестроила Японию в ряд префектур и установила централизованную политическую систему. Целью этой реформы было ослабить власть феодальных лордов, одновременно укрепляя контроль центрального правительства. Упразднение системы владений лишило Японию автономии местных феодальных лордов и создало условия для центрального правительства внедрять политику и администрирование на всей территории страны. Во-вторых, в этот период центральное правительство усилило свой контроль над местным управлением, внедряя меры централизации. Была создана новая административная структура, гарантирующая власть и эффективность правительства. Этот централизованный подход к управлению помог обеспечить последовательность в принятии решений на разных уровнях правительства и улучшить эффективность внедрения политики.

В 1872 году правительство Мэйдзи сделало решающий шаг в области образования, учреждая совершенно новую систему образования. Эта новая система образования черпала вдохновение из образовательных моделей западных стран и стремилась выращивать более современных специалистов, отвечая потребностям национальной модернизации. Подражая западным методам образования, Япония стремилась воспитать более всесторонне развитых и способных личностей, предоставляя крепкую поддержку процессу модернизации страны. Кроме того, для внедрения модернизированной системы образования правительство Мэйдзи создало новую западно-стилизованную систему образования. Студентов отправляли в Соединенные Штаты и Европу для обучения, вводя западные науки, математику, технологии и языковое образование. Тысячи студентов отправились на образовательные поездки за границу, и более 3000 иностранных учителей (известных как «О-ятои гайкокудзин») были наняты в Японию, чтобы передать знания в сфере современной науки, математики, технологий и языков. Этот обширный обмен знаниями и импорт знаний принесли значительные изменения в интеллектуальное

уклад Японии, способствуя повышению технологического и культурного уровня нации.

В 1873 году правительство Мэйдзи ввело систему призыва и создало современную национальную армию, заменив частные вооруженные силы. Эта инициатива имела цель обеспечить политическую стабильность и усилить национальную безопасность. Эта реформа имела глубокое воздействие на социальную структуру и статус, создавая новые возможности трудоустройства, вызывая миграцию населения и сдвиги в профессиональной деятельности. Введение формальных систем призыва и призыва, вместе с профессиональным военным образованием, повлияло на участие молодых людей и предоставило возможности для социальной подвижности обычных людей, переформатируя общественную классовую структуру. Эта реформа не только создала мощную национальную армию и поддерживала социальную стабильность, но и положила основу для роста населения Японии.

В период Мэйдзи Япония претерпела ряд экономических реформ, включая изменения в системах налогообложения и земельных отношений, которые оказали положительное влияние на рост населения. Особенно важной была реформа земельного налога, введенная правительством Мэйдзи. Согласно «Закону о реформе земельного налога», налоги взимались на основе стоимости земли, пропорционально её производительности. Эта реформа разрушила систему владения землей феодальных лордов и установила право владения землей для арендаторских фермеров, тем самым повышая сельскохозяйственную продуктивность. В период Эдо сёгунат и владения ограничивали жизнь людей, что привело к обеднению большинства фермеров. Однако с развитием сельского хозяйства в эпоху Мэйдзи, условия жизни фермеров улучшились, обеспечивая материальную основу для роста населения. Реформа земельного налога привела к расширению обрабатываемых земель, увеличению производства риса и стимулированию сельскохозяйственной продуктивности. В итоге, реформа земельного налога периода Мэйдзи стимулировала развитие сельского хозяйства, улучшила условия жизни и создала благоприятные условия для роста населения. В 1881 году правительство Мэйдзи ввело реформу арендной платы за землю и реформу стоимости земли. Переопределив владение землей и стоимость земли, правительство увеличило налоговые поступления и способствовало балансу интересов между землевладельцами и фермерами. Эти реформы в совокупности способствовали модернизации экономики и улучшению качества жизни, что сыграло роль в поддержке роста населения.

Правительство одновременно стабилизировало социальное развитие через правовые реформы. «Уставная Присяга» (Гокадзю но Госэймон) установила принципы уважения Императора и обеспечения справедливости и правосудия, положив основу для основных политик правительства. «Указ о Восстановлении Власти» (Хайтоури) упразднил систему феодальных владений, укрепляя центральную власть и достигая централизации. «Указ об Уничтожении Мечей» (Хайчоури) ослабил власть сословия самураев и усилил контроль центрального правительства над вооруженными силами. Упразднение традиционных правовых кодексов и введение западных правовых принципов установили современную правовую систему на основе равенства. «Нормы года Коуву» и «Закон о Регистрации Семей» способствовали учету населения и модернизировали учет в домохозяйствах, улучшая административное управление. Реформа арендной платы за землю облегчила современное

использование земли. Эти законы установили порядок и положили начало движения Японии в сторону модернизированного общества. После Реставрации Мэйдзи новое японское правительство упразднило феодальную социальную иерархию, стремясь к более равноправному обществу. Через концепцию «Си-но-ко-сё» были устранены различия социального статуса. К мерам относилось позволение обычным людям использовать фамилии, лишение привилегии самураев носить мечи, политика «все граждане – солдаты» для устранения монополии самураев на силу, постепенное сокращение стипендий самураев для уменьшения привилегий и снятие ограничений с обычных граждан. Эти действия устраняли различия в социальном статусе, равномерно распределяли социальные ресурсы, увеличивали возможности для социального участия среди населения и способствовали мобильности населения и социальному развитию. Эти меры способствовали увеличению социальной разнообразности и подвижности, оказывая положительное воздействие на население.

Японская экономика прошла через трансформационные изменения, включая внедрение политики «обогащать страну, укрепить вооруженные силы», промышленное развитие и взаимодействие между правительством и частными предприятиями. Эти реформы положили основу для индустриализации Японии. Мэйдзи-правительство активно преследовало политику «обогащать страну, укрепить вооруженные силы» для стимулирования капиталистической индустриализации. С помощью различных мероприятий и вливаний государственных средств, особенно в легкие отрасли, такие как текстиль, правительство поощряло накопление капитала, постепенно способствуя подъему промышленной революции. Сначала упор делался на легкие отрасли, такие как текстиль, чтобы достичь капиталистической индустриализации. Затем тяжелые промышленности начали быстро развиваться, внутренние отрасли росли, и национальный доход увеличивался из года в год. Правительство сыграло ключевую роль в поощрении развития частных предприятий, введя ряд политик, способствующих торговле, и создав благоприятную деловую среду. Несмотря на то что правительство играло роль в распределении ресурсов и планировании, чтобы помочь частным предприятиям в индустриализации, оно также подчеркивало, что частный сектор лучше всего подходит для стимулирования экономического роста. Правительство действовало как руководитель, в то время как предприятия становились фактическими производителями. В начальной стадии государственных промышленных предприятий постепенно прошли приватизацию, превратившись в крупные корпорации и даже конгломераты. Во-первых, индустриализация способствовала росту населения. По мере расширения отраслей промышленности рост возможностей для работы привлек значительную миграцию из сельской местности в города, стимулируя рост населения и приводя к резкому увеличению городского населения. Во-вторых, индустриализация ускорила процесс урбанизации. Создание промышленных центров привело к формированию и расширению городов. Японские фермеры мигрировали в города в поисках лучших возможностей для работы и жизни, ускоряя концентрацию населения. Кроме того, индустриализация привнесла изменения в социальную структуру. Необходимость рабочей силы в процессе индустриализации привела к вовлечению женщин и детей в фабричную работу, изменяя традиционные рабочие паттерны и роли в семье. Этот сдвиг оказал глубокое влияние на гендерные роли в обществе и на структуру семьи.

В 1872 году был опубликован «Указ об образовании», акцентирующий внимание на развитии основного образования и поощрении создания школ и набора учеников. Правительство эпохи Мэйдзи активно проводило планы по всестороннему распространению образования. Целью этой инициативы было выращивание трудовой силы, обладающей современными знаниями и навыками, необходимыми для поддержки индустриализации и модернизации страны. Правительство внедрило западные концепции и предметы в образование, такие как наука, математика и социальные науки. Это внедрение помогло Японии постепенно приблизиться к международным стандартам и повысить свой технологический уровень. Образование также использовалось как платформа для поощрения национализма и патриотизма, при этом школы подчеркивали преданность нации и уважение к имперской семье, способствуя формированию всеобщего единого набора ценностей. Правительство эпохи Мэйдзи также выступило за гендерное равенство в образовании, поощряя женщин получать современное образование. Это заложило основу для последующего повышения статуса женщин. Образовательные реформы вызвали изменения в структуре рабочей силы, предоставив больше возможностей для приобретения новых профессиональных навыков. Рабочая сила перешла от сельского хозяйства к промышленности и услугам, отходя от традиционных сельских занятий и переходя к современным городским отраслям. Образовательные реформы также расширили социальную подвижность. Путем преодоления традиционных социальных иерархий и ограничений социального статуса образование позволило людям получить более высокие профессии и социальные статусы, тем самым увеличивая социальную подвижность. К 1874 году реальный ВВП на душу населения Японии составлял 1607 долларов (по данным 2011 года). В последующем, к 1885 году этот показатель вырос до 1729 долларов (по данным 2011 года). В то же время население увеличилось с 35,07 миллионов до 37,11 миллионов, с темпом роста населения 0,682%. В этот период Япония не только достигла роста реального ВВП на душу населения, но и поддерживала рост населения, демонстрируя двойную тенденцию экономического и демографического расширения.

1889–1912 Поздний период Мэйдзи

В 1889 году Япония учредила «Конституцию Японской Империи», введя систему конституционной монархии, которая определила политическую структуру, распределение власти, права и обязанности граждан нации. Эта конституция внесла конституционную основу, ограничила полномочия Императора и передала власть парламенту, что стало шагом к модернизации и стандартизации политической системы. В то же время произошли значительные реформы в административном праве и судебной системе.

Были созданы современные административные институты, разработано административное право, и была создана комплексная судебная система, основанная на европейской правовой системе, включающая разные уровни судов. В 1898 году был принят «Гражданский кодекс», опирающийся на европейское гражданское право, для регулирования индивидуальных прав, прав собственности, контрактов и семейных отношений, что заложило основу для современной системы гражданского права. В 1907 году был принят «Уголовный кодекс», адаптированный из европейской уголовной правовой системы, чтобы установить современную структуру уголовной юстиции. В этот период Япония

перешла от разрозненной правовой системы к стандартизированной.

Эти правовые нормы способствовали социальной справедливости и предоставили гражданам права, улучшив социальную стабильность и повысив эффективность развития, обеспечивая стабильность для экономического роста. Эти реформы способствовали движению к более справедливому обществу и предоставили правовую основу, которая усилила права граждан, улучшила социальную стабильность и повысила эффективность развития, таким образом способствуя экономическому развитию.

В период Мэйдзи с 1890 по 1912 год в Японии произошли резкие изменения в политике. После нормализации страны Япония начала стремиться к расширению. Япония активно приняла на вооружение западные технологии и знания, одновременно стимулируя внутренние инновации. Этот импорт и инновации в области технологий привели к быстрому развитию таких сфер, как металлургия, механическое производство и химическая промышленность. Значительные средства, включая репарации, полученные после войн, были вложены в промышленное развитие, ускоряя процесс модернизации. Обладая прочной промышленной базой, правительство активно способствовало индустриализации, поощряя инвестирование и инновации, акцентируя внимание на росте производства, горнодобычи и инфраструктуры. Строительство железных дорог, телекоммуникаций и электроэнергетической инфраструктуры расширило рыночные возможности и транспортную сеть, создав благоприятные условия для промышленного роста. Возникли новые отрасли, такие как сталь, уголь и судостроение, среди прочих. Развитие этих отраслей не только побудило экономический рост страны, но и заложило основу для будущего военного расширения Японии.

В период Мэйдзи Япония приняла стратегию продолжительных военных действий и вступила в Юго-Западную войну, поощряя население участвовать в военной подготовке для возможных нужд. Это потенциально привело к тому, что молодые мужчины вступали в армию, что не навлекло чрезмерных ограничений на рост населения. В течение этого периода Япония пережила ряд значительных войн. Первая китайско-японская война (1894–1895 гг.) и Русско-японская война (1904–1905 гг.) подчеркнули военную мощь Японии и ее международное влияние. Первая китайско-японская война продемонстрировала подъем Японии, победившей в конфликте с Китаем и получившей территории, такие как Тайвань. Это укрепило региональное положение Японии и заложило основу для ее будущей внешней политики и территориального расширения. Русско-японская война целью имела спор о контроле над Маньчжурией и Кореей, и победа Японии укрепила ее лидерство на Восточной Азии. Эти войны позволили Японии получить ресурсы за счет поражения других наций, приобретая землю и ресурсы Кореи и Тайваня. Эти приобретения дополнительно усилили производственные возможности Японии, позволив ей принять больше населения. В 1890 году реальный ВВП на душу населения Японии составлял 1854 доллара (по данным 2011 года). К 1912 году реальный ВВП на душу населения еще вырос до 2420 долларов (по данным 2011 года). В это время Япония продолжала проводить реформы в экономическом и социальном секторах, стремясь к индустриализации, модернизации и технологическому инновационному развитию. Этот устойчивый экономический рост свидетельствует о значительных достижениях Японии в этот период.

Что касается населения, с 1890 по 1912 год население Японии увеличилось с 40,07 миллиона до 50,94

миллиона человек, с темпом роста 1,091%. Этот рост населения свидетельствует об улучшении уровня жизни японского общества в процессе модернизации, с факторами, такими как здравоохранение, санитария и питание, вероятно, положительно влияющими на рост населения.

Заключение

После Мэйдзи-реставрации Япония претерпела быстрые и всесторонние преобразования в политической, экономической, социальной и культурной сферах. Период Мэйдзи можно разделить на ранний этап реформ, средний этап корректировки политики и поздний этап постепенной стабилизации и развития. В это время улучшение продуктивности за счет политической реструктуризации и внедрения технологий привело к быстрому экономическому росту, и способность Японии обеспечивать свое население постепенно увеличивалась. Увеличение населения, повышение продуктивности и экономическое развитие были среди ключевых факторов, способствующих быстрому взлету Японии за короткий период. После Мэйдзи-реставрации экономический рост Японии был одним из самых быстрых среди мировых капиталистических стран. Многочисленное население могло поддерживать трудоемкие отрасли, а сочетание низких заработных плат и хорошо образованной рабочей силы значительно облегчило экспортные отрасли Японии. Постепенное улучшение системы здравоохранения повысило физическое благополучие населения, приводя к структуре населения с высоким уровнем рождаемости и низкой смертности. Это привело к непрерывному росту населения, в конечном итоге приведшему к перенаселению в более поздние периоды. В результате значительное число японцев переехало в районы вдоль Тихоокеанского побережья.

Литература

1. Чжэн Яньань (2014 г.) Историческое исследование современной демографической политики Японии (докторская диссертация, Нанкайский университет).
2. Умемура М. (1965). Сельское хозяйство и предложение рабочей силы в Японии в эпоху Мэйдзи. *Развивающиеся экономики*, 3(3), 269–285.
3. KABASAWA, T. (1977) Исследование исторической демографии в Бусю до эпохи Мэйдзи, *Японский журнал здоровья и экологии человека*, 43(3–4), 83–90.

4. Фрумкин Г. (1938). Демографический рост Японии в свете статистического анализа. *Социологическое обозрение*, 30(1), 1–28.
5. Моск, К. (1978). Плодовитость, детоубийство и потребление пищи в Японии. *Исследования по экономической истории*, 15(3), 269–289.
6. Хироси Кито. *Иллюстрированная история Японии по населению* [М]. Киото: лаборатория РНР, Институт, 2007.
7. Чжэн Яньань (2023 г.) Проблема народонаселения и зарубежная экспансия современной Японии // *Журнал Лоянского педагогического университета* (06), 46–50. doi:10.16594/j.cnki.41–1302/g4.2023.06.010.

THE INFLUENCE OF THE MAIN POLICIES OF THE MEIJI PERIOD ON THE DEVELOPMENT OF THE POPULATION OF JAPAN 1850–1912

Feng Shide

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO)

This article discusses the main policies of the Meiji era and their impact on the development of the population of Japan. An analysis of policies and related data from various periods of the Meiji era, including political systems, economics, and laws, reveals their impact on the population. During this period, Japan exhibited a population structure characterized by higher birth rates and lower death rates compared to the previous period. Reforms in the political system and the introduction of technology have continuously boosted productivity, spurring rapid economic growth and gradually increasing Japan's social capacity to accommodate its population. The combination of rapid economic development, rising productivity and steady population growth played a significant role in Japan's rapid rise in a short period of time.

Keywords: Meiji period, politics, population.

References

1. Zheng Yan'an (2014) A Historical Study of Japan's Contemporary Population Policy (Ph.D., Nankai University).
2. Umemura M. (1965). Agriculture and labor supply in Meiji Japan. *Emerging Economies*, 3(3), 269–285.
3. KABASAWA, T. (1977) A study of historical demographics in Bushu before the Meiji era, *Japanese Journal of Human Health and Ecology*, 43(3–4), 83–90.
4. Frumkin G. (1938). The demographic growth of Japan in the light of statistical analysis. *Sociological Review*, 30 (1), 1–28.
5. Mosk, K. (1978). Fertility, infanticide, and food consumption in Japan. *Studies in Economic History*, 15(3), 269–289.
6. Hiroshi Kito. *An Illustrated History of Japan by Population* [M]. Kyoto: PHP Lab, Institute, 2007.
7. Zheng Yan'an (2023) Population problem and foreign expansion of modern Japan // *Journal of Luoyang Normal University* (06), 46–50. doi:10.16594/j.cnki.41–1302/g4.2023.06.010.

Глобальное политическое противостояние США и Китая в Юго-Восточной Азии: на примере Индонезии

Короткова Лия Георгиевна,

магистрант, политика и экономика стратегического партнерства Россия-АСЕАН, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО)
E-mail: lianonezi55@gmail.com

Свечников Дмитрий Денисович,

магистрант, политика и экономика стратегического партнерства Россия-АСЕАН, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации
E-mail: Svechnikov_2001@mail.ru

В настоящей статье рассматривается глобальное противостояние США и Китая в ЮВА на примере Индонезии. Отдельное внимание уделяется методам наращивания экономического и политического влияния в Индонезии. Была сделана попытка проанализировать выявить основные направления и тенденции контактов между Индонезией и США в военно-политической, экономической и гуманитарной сферах в период президентства Дж. Видодо (2014–2022 гг.). Делается вывод, что, с одной стороны, Индонезия максимально стремится сохранить нейтралитет, а, с другой – все более попадает в орбиту китайского влияния. В своей внешней политике правительство Индонезии опирается на государственную идеологию «Панчасила» и принципы «активной и независимой» внешней политики. Дана оценка эффективности внешней политики Индонезии для сохранения мира и стабильности в регионе Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: Индонезия, КНР, ЮВА, политическое сотрудничество, инвестиции, идеология «Панчасила», Движение Неприсоединения.

Введение

О многогранности и неоднозначности данной проблематики свидетельствует и сама история отношений между этими странами. Сразу после получения независимости и до начала эпохи направляемой демократии (1957 г.) Индонезия в своей внешней политике во многом опиралась на США, которые одними из первых признали суверенитет республики и поддержали проводимые там демократические реформы. С другой стороны, Вашингтон активно спонсировал антиправительственные восстания военных на Суматре в 1958 г., что до сих пор трактуется как вмешательство США во внутренние дела молодой республики. Уже в тот период правительство Сукарно обвиняло США в гегемонизме и «неоколониализме». Такие заявления зачастую можно услышать и от современных индонезийских политиков различного уровня.

В конце пятидесятых – начале шестидесятых Индонезия заявляет о себе как об одном из лидеров Движения Неприсоединения (конференции в Бандунге в 1955 г. и Белграде – 1961 г.), но при этом идет на сближение с КНР. Ситуация кардинально меняется после государственного переворота 1965 г, когда Сухарто обвинил Пекин в поддержке и инспирировании «коммунистического мятежа». Кроме того, режиму «нового порядка» были важны западные инвестиции и технологии, что предопределило особую роль США в социально-экономическом развитии страны. Отношения же с коммунистическим Китаем были восстановлены лишь к концу 1980-ых годов. По причине дискриминации китайского населения Индонезии (не редки были и случаи антикитайских погромов) до этого момента плохо развивались даже торгово-экономические и гуманитарные контакты, не говоря уже о политическом диалоге. Тем не менее, уже в 1990-ые годы была открыта новая страница в истории индонезийско-китайских отношений.

В эпоху реформации (1998–2004) страна, в основном, была занята внутренними проблемами, а во внешней политике Джакарта отдавала приоритет региональной безопасности, демократизации в странах АСЕАН и углублению интеграции на базе этого объединения. На фоне общего тренда на экономическую и политическую либерализацию активно развивались отношения с США. Президент Индонезии Мегавати Сукарно Путри в 2001 г. даже выступила с поддержкой операции сил НАТО «Незакрушенная свобода» в Афганистане. Позитивную роль сыграло и предоставление в 2002 г. независимости Восточному Тимору. Отношения же с КНР, напротив, проходили не лучший этап в своей истории: ситуацию усугубляла проблема положения уйгуров-мусульман в Китае и «хуацяо» в Индонезии.

Президентство Сусило Бамбанг Юдойоно было отмечено общим ростом напряженности в АТР. В этих условиях была модифицирована внешнеполитическая концепция государства, а Индонезия начала играть более активную роль в региональных и глобальных процессах,

активно подчеркивая свое желание выступить посредником в урегулировании региональных конфликтов. Как и прежде, во главу угла ставились сохранение территориальной целостности страны, соблюдение нейтралитета, неучастие в военных блоках и прагматичный подход к отношениям со всеми государствами.

Таким образом, отношения Индонезии с КНР и США и внешняя политика самого государства за свою более чем 75-летнюю историю прошли разные этапы, однако на каждом историческом отрезке скорее речь могла идти о преобладающем влиянии лишь одной великой державы. На данный момент, напротив, у Индонезии впервые за долгое время появилась возможность выбора. Современный период ознаменовался новыми глобальными вызовами (пандемия COVID-19, рост протекционистских тенденций и милитаризация района ЮКМ) и потребовал от Индонезии активизации ее внешнеполитических усилий, нацеленных на поиск баланса между двумя важнейшими мировыми акторами в сфере политики, безопасности и экономики.

Суть американско-китайского противостояния в ЮВА и индонезийские интересы

В последние годы именно Индо-Тихоокеанский регион стал основной ареной противоборства ключевых мировых игроков, в том числе Китая и США. ЮВА же является наиболее важной составной частью, поскольку именно здесь проходит кратчайший путь из Индийского океана в Тихий и находится важнейшая торговая артерия – Малаккский пролив, который имеет для Пекина решающее значение как основной маршрут морских поставок нефти из арабских стран. Что касается США, то их военно-политическое присутствие в регионе имело место еще с 1950-ых годов 20 века до сих пор продолжает оставаться одним из важнейших факторов, влияющих на международные отношения в ИТР, хотя в последнее время произошел некоторый спад их влияния [1]. Связано это, в первую очередь, со все более решительной и наступательной политикой КНР в период председательства Си Цзиньпина и стремительным развитием НОАК, особенно ее военно-морской компоненты (по индексу огневой мощи Global fire power в 2022 г. Китай почти сравнялся с Россией) [2]. Китай все активнее продвигает инициативу Морского шелкового пути, что, по мнению Белого дома, ставит страны АСЕАН в зависимое от Пекина положение и сильно вредит интересам Вашингтона в регионе, поскольку Китай получил доступ к важнейшим объектам инфраструктуры. Помимо этого, Китай, несмотря на сохраняющиеся принципиальные противоречия с рядом стран «десятки», продолжает наращивать активное торгово-экономическое сотрудничество со странами АСЕАН. Конечно, подобные успехи КНР ставят США перед необходимостью выдвигать свои инициативы, однако они на данный момент не способны бросить вызов китайским [3]. Кроме того, Китай фактически претендует на 80% акватории Южно-Китайского моря и занимается строительством военной инфраструктуры и искусственных островов, тем самым стремясь максимально усложнить развертывание 7-го флота ВМС США на рубежах КНР [4]. Эти обстоятельства заставляют США переосмысливать свою Индо-тихоокеанскую стратегию и вновь отдавать приоритет экономическим интеграционным проектам, тогда как в 2017–2021 гг. после выхода США из ТТП основной акцент был сделан на силовую компоненту, всеобъемлющее сдерживание КНР и укрепление отношений с традиционными союзниками США в регионе – Филиппинами и Таиландом. Впрочем, и в новой, «байденской» индо-тихоокеанской стратегии США

зафиксировано особое положение этих государств [5]. Кроме того, американским проектам все же свойственна антикитайская направленность и крен в сторону сотрудничества по вопросам безопасности, с чем страны АСЕАН не могут согласиться в силу своей экономической зависимости от Китая (товарооборот между странами АСЕАН и КНР в 2022 г. составил 970 млрд долларов [6]), а также практической привлекательности пекинских инициатив (МШП, ВРЭП, ВАС).

Нельзя не упомянуть и о сугубо двустороннем аспекте американско-китайских противоречий в торговле, поскольку именно Китай и США с большим отрывом являются основными торговыми партнерами Индонезии. Торговая война между КНР и США началась сразу же после победы Д. Трампа на президентских выборах в США. Американский президент сразу же обвинил Китай в краже интеллектуальной собственности, технологий и недобросовестной тарифной политике, и летом 2018 г. объявил о повышении тарифов на целый ряд китайских товаров с целью выровнять торговый баланс в отношениях между двумя странами, что вызвало настороженную реакцию в Индонезии, поскольку такие ограничительные меры подрывали стабильность экономического сотрудничества в рамках ИТР. Впрочем, после прихода к власти Дж. Байдена интенсивность американско-китайской торговой войны несколько снизилась. В следующих пунктах этой главы будет подробно рассмотрено влияние торгового конфликта КНР и США на Индонезию.

Индонезийская сторона в первую очередь исходит из того, что жизненно важными интересами государства являются сохранение национального суверенитета и субъектности в международных отношениях, уважение территориальной целостности других стран, а также свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион. В этом плане взгляды индонезийских руководителей не противоречат концепциям, генерирующимся в Вашингтоне. Для Индонезии, которая ни по каким параметрам не может конкурировать с США и Китаем жизненно важно жестко отстаивать свои интересы, но при этом лишней раз не критиковать Вашингтон и Пекин, чтобы избежать с их стороны односторонних действий, на которые у Джакарты не найдется адекватного ответа. Именно по этой причине может сложиться ощущение, что Джакарта поддерживает как Китай, так и США, но при этом не занимает чью-либо сторону. Такая позиция является уникальной для стран Юго-Восточной Азии (поскольку у остальных стран во внешней политике все же прослеживается крен в сторону США или КНР) и заслуживает подробного рассмотрения.

Позиция Индонезии по ключевым для американской и китайской дипломатии вопросам международной повестки

Представляется, что наиболее логичным будет провести анализ позиции Индонезии по первостепенным для США и КНР внешнеполитическим вопросам, как глобальным, так и региональным. Для получения более полной картины рассмотрим не только проблемы ЮКМ и ИТР, но и кризис в Мьянме, арабо-израильский конфликт и Тайваньский вопрос. Это позволит сделать вывод о месте Индонезии в глобальной схватке Пекина и Вашингтона.

На протяжении двух последних лет наиболее взрывоопасным местом в ИТР остается отнюдь не Южно-Китайское море, а Тайваньский пролив, куда ВМС КНР неоднократно посылали свои корабли в ходе отработки имитационного удара по Тайваню. США, на бумаге признавая принцип «одного Китая», в действительности по-

ставляют оружие Китайской республике в рамках «Закона об отношениях с Тайванем» (1979 г.).

Индонезия в этом вопросе занимает нейтральную позицию и, как это часто бывает, воздерживается от каких-либо конкретных комментариев. Любопытно здесь то, что по поводу принципа «одного Китая» в мировом сообществе давно сложился консенсус, так что США вряд ли бы смогли что-либо противопоставить «антиамериканской» позиции Индонезии по этому вопросу. Тем более, интересы непосредственно Джакарты в данном случае никак не затрагиваются. Но даже в такой, казалось бы, бесприоритетной ситуации, официальные представители индонезийского МИДа, заявляя о нерушимости принципа «одного Китая» [7], не осуждают напрямую действия США и не поддерживают Китай в конкретно этой ситуации, а лишь призывают стороны к сдержанности и соблюдению мира. Для Дж. Видодо важно, чтобы ни у Китая, ни у США не было повода усомниться в индонезийском нейтралитете, а еще лучше – одновременной дружбе Джакарты с Пекином и Вашингтоном. Именно поэтому, индонезийские власти, даже если хотят обвинить в чем-то своих важнейших партнеров, делают это не напрямую, а через ссылки на международное право и призывы поддерживать мир в регионе. Так, министр иностранных дел Индонезии Ретно Марсуди, комментируя нарушение китайскими рыбаками судами ИЭЗ Индонезии отметила, что «Южно-Китайское море должно оставаться стабильным и мирным, а международные законы должны соблюдаться и выполняться» [8]. Правда, как мы уже писали, порой реакция Индонезии на действия Китая в ЮКМ может быть более жесткой. На наш взгляд, именно решительные действия Пекина по укреплению своего военно-политического присутствия в ЮКМ и претензии к странам – партнерам Джакарты по АСЕАН предопределяют сдержанную позицию кабинета Дж. Видодо в отношении тайваньского вопроса, поскольку Индонезия ценит свое текущее положение в АСЕАН и на международной арене и не хочет слишком тесной ассоциации с Пекином, с которым и так сильно связана экономически. И все же в данном случае, с юридической точки зрения, за эскалацию больше ответственны Соединенные штаты, поскольку они оказывают военную помощь государственному образованию, признанному лишь 14 странами. Таким образом, в случае с Тайванем, несмотря на свою нейтральность и непредвзятость, позиция Индонезии ближе к китайской.

Наиболее тяжелым испытанием для АСЕАН за последнее время (помимо COVID-19) стал военный переворот в Мьянме в 2021 г. Кризис продолжает быть головной болью стран «десятки», в том числе и Индонезии, особенно в свете ее председательства в АСЕАН в 2023 г. Трагические события в Мьянме поставили страны ЮВА перед непростой дилеммой: С одной стороны, АСЕАН выступает за демократию и мир в регионе, а события в Мьянме не способствуют ни первому, ни второму. С другой стороны, основополагающим принципом АСЕАН является невмешательство во внутренние дела стран-членов, что не позволяет «десятке» выработать эффективные способы разрешения кризиса. В этой связи Джакарте ничего не остается, кроме как призывать стороны воздерживаться от насилия и отдавать приоритет мирному урегулированию [9]. При этом позиции КНР и США по мьянманской проблеме выглядят более последовательными, пусть и являются диаметрально противоположными: Пекин сделал ставку на всемерную поддержку военного режима, а США обвиняют новые власти в геноциде собственного народа и выступают за восстановление в Мьянме гражданского правления.

На этом фоне подход Индонезии выглядит более взвешенным и непредвзятым, однако, не способствующим урегулированию кризиса, поскольку военные не готовы к диалогу с гражданским правительством. Тем не менее, Индонезия однозначно осуждает войсковые операции военного режима против мирного населения и предпочитает видеть во главе Мьянмы независимых, «проамериканских», а не прокитайских руководителей. Таким образом, позиция Джакарты по мьянманскому кризису скорее ближе к американской интерпретации событий, пусть и является куда менее радикальной, чем господствующая в Вашингтоне взгляды.

Теперь рассмотрим вопросы, имеющие для Индонезии экзистенциальное значение – безопасность в ЮКМ и архитектура политического и экономического взаимодействия в рамках ИТР. Территориальный конфликт в ЮКМ является наиболее острой проблемой в регионе и вынуждает Индонезии мобилизовать все возможные дипломатические средства, чтобы не допустить перерастания противоречий в конфликт. Несмотря на то, что Джакарта делает ставку на развитие национальных вооруженных сил, которые по совокупной мощи занимают в регионе 3-место после Китая и Японии [10], военных ресурсов Индонезии все еще недостаточно для защиты своих внешнеполитических интересов, поэтому Джакарта делает ставку на экономику и мягкую силу [11]. Например, в рамках концепции «Морская ось мира», которая может быть сопряжена с китайской инициативой «Морского шелкового пути» и затухать проблему морских границ в ЮКМ. Тем не менее, противоречия в отношениях с Китаем сохраняются, хотя Джакарта в рамках АСЕАН избегает антикитайской риторики по вопросам спорных территорий и искусственных островов и в лучшем случае ограничивается осторожной критикой без упоминания конкретных сторон. Новые вызовы, связанные с ростом амбиций Китая и рядом инцидентов в ИЭЗ Индонезии с участием китайских рыбаков и патрульных судов вынуждают Джакарту искать более тесного сотрудничества с Соединенными штатами. Представляется, что в случае с Индонезией КНР сама немало этому способствует, поскольку основной фронт противостояния в ЮКМ все же проходит по китайским морским границам с Вьетнамом и Филиппинами, так что в нарушении национального суверенитета Индонезии никакой нужды нет. С другой стороны, США тоже ничего не сделали для консолидации позиции стран АСЕАН касательно споров в ЮКМ и, следовательно, разрешения самого спора [12]. Это вызывает в Джакарте серьезную обеспокоенность, поскольку ставит под сомнение приоритетность АСЕАН в индо-тихоокеанской политике США и желание Вашингтона реально содействовать решению территориальной проблемы, а не подменять этими действиями свои намерения по сдерживанию Китая. Таким образом, территориальный спор в ЮКМ напрямую не затрагивает Индонезию, но вынуждает это нейтральное государство укреплять военное сотрудничество с Пекином и Вашингтоном для «хеджирования» рисков в отношении этих держав.

Именно отношения между Китаем и США определяют динамику развития ИТР и ЮВА [13], поэтому индонезийская дипломатия вынуждена в первую очередь реагировать на проекты регионального переустройства, предлагаемыми именно этими двумя игроками. В целом, Джакарта не имеет ничего против американской концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (*Free and Open Indo-Pacific*), а ранее Дж. Видодо поддерживал идею Транс-Тихоокеанского партнерства, продвигаемую Б. Обамой. Кроме того, Джакарта позитивно воспринимает увеличение роли Индии и саму «смыч-

ку» регионов Индийского и Тихого океанов, поскольку Индонезия контролирует основные водные артерии, связывающие два этих океана. Впрочем, далеко не все в Индо-Тихоокеанской концепции США встречает понимание в индонезийских правящих кругах. Отметим три наиболее важных аспекта: упор на военно-политические связи, а не экономическую интеграцию [14] (интенсификация взаимодействия по линии QUAD и, особенно, создание в 2021 г. AUKUS только усилили недовольство), не завуалированная антикитайская направленность проекта, а также недостаточная артикуляция принципа «асеаноцентричности». Надо сказать, что в рамках ТТП АСЕАН также не наделялась «функциями координатора» отношений в рамках интеграционного объединения. С другой стороны, существует мнение, что со временем американская FOIP получит все больше признания в АСЕАН.

Такой тезис можно считать спорным, поскольку основные выгоды страны АСЕАН получают именно от торговли с Пекином и многосторонних форматов взаимодействия с ним (АСЕАН + 3, ВАС, ВРЭП, АРФ). Американские проекты по части экономики пока не могут конкурировать с китайскими [15]. С другой стороны, Индонезия, как уже отмечалось, стремится избежать полного подчинения Китаю, пусть даже и в рамках экономически выгодного проекта «Морской шелковый путь».

В целом, идеальным для Индонезии является вариант с параллельным участием во всех возможных интеграционных структурах, что и предполагается в рамках собственно индонезийской концепции ИТР, выдвинутой встрече глав МИД «десятки» в январе 2018 г. и фактически одобренной АСЕАН в 2019 г. Индонезийское видение региона ставит во главу угла принцип центральности АСЕАН (КНР и США тоже декларируют этот принцип, но на практике далеко не всегда его придерживаются), соблюдение норм международного права, а также (что наиболее важно) подключение к проекту как Китая, так и США. Кроме того, еще в 2013 г. Индонезия выступила с инициативой подписания Индо-Тихоокеанского договора о дружбе и сотрудничестве, однако его перспективы все еще остаются весьма туманными. Итак, индонезийская концепция ИТР является своеобразным «третьим путем» и представляет собой переосмысление позиций КНР и США [16]. Е.В. Колдунова отмечает, что Индо-Тихоокеанские концепции Индии и Индонезии являются наиболее инклюзивными и нейтральными, однако у этих стран нет экономических ресурсов для реализации своих инициатив [17].

Выводы

Таким образом, для того чтобы сделать Индонезию по-настоящему глобальным игроком, Дж. Видодо и его преемнику нужно лавировать между Пекином и Вашингтоном, тем самым повышая свою ценность в глазах каждого из них. Джакарта получает возможность находиться над схваткой и выступать в любимой для себя роли медиатора. К примеру, продвигая свое видение Индо-Тихоокеанского региона, синтезирующее американский и китайский подходы. Уникальность положения Индонезии в отличие от других стран АСЕАН состоит в том, что она одновременно: а) обладает наиболее большим из всех стран ЮВА экономическим потенциалом; б) не имеет с Пекином территориальных споров; в) остается действительно нейтральной, а ее дипломатические ресурсы позволяют выдвигать собственные концепции регионального развития; г) является одним из важнейших партнеров в ЮВА как для Пекина, так и для Вашингтона. Можно предположить, что целями индонезийской дипломатии по-

сле прихода к власти нового президента в 2024 г. останутся социально-экономическое развитие страны с упором на китайский капитал, сохранение военно-технических и политических связей с США, а также поддержка принципов полицентричного мироустройства. Также, скорее всего, будет расти зависимость от Китая, однако о новой итерации оси «Джакарта-Пекин» речи быть не может: в политическом плане Индонезия продолжит опираться на принципы «асеаноцентричности», невмешательства и нейтрализма.

Литература

1. Локшин Г.М. Стратегическое соперничество Китая с США в Южно-Китайском море [Электронный ресурс] // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития – 2019 г. № 1–2 (42–43) – С. 54–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-sopernichestvokitaya-s-ssha-v-yuzhno-kitayskom-more?ysclid=lj1pii8jxob692738271> (дата обращения: 02.04.2023)
2. Армия Китая обошла всех в мире, флот наращивает мускулы со стремительной скоростью. // Rambler – 2023. – 14 мая. – URL: <https://news.rambler.ru/troops/50730832armiya-kitaya-oboshla-vseh-v-mire-flot-naraschivaet-muskuly-so-stremitelnoy-skorostyu/> (дата обращения: 03.04.2023)
3. Колдунова Е.В. Юго-Восточная Азия перед вызовами Индо-Тихоокеанских концепций. [Электронный ресурс] // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития – 2019 г. № 2 (43) – С. 42–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yugo-vostochnaya-aziya-peredvyzovami-indo-tihookeanskih-kontseptsiy/viewer> (дата обращения: 12.05.2023)
4. Власов Н.В. Современная политика Китайской народной республики в Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] // Международные отношения. – М.: Вестник МГИМО Университета, 2015. – С. 60–67. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-politika-chnr-v-yugo-vostochnoy-azii> (Дата обращения: 05.05.2023)
5. Indo-Pacific Strategy of the United States. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 02.05.2023)
6. Trade between China and ASEAN grows 15% in 2022, first year of RCEP's enforcement. // Global Times – 2023. – 13 января. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202301/1283779.shtml> (дата обращения: 10.05.2023)
7. Apakah Indonesia Mengakui Taiwan sebagai Negara? (Признает ли Индонезия государственность Тайваня?). // CNN Indonesia – 2022–2 сентября – URL: <https://www.cnnindonesia.com/internasional/20220901165502-113-842050/apakah-indonesiamengakui-taiwan-sebagai-negara> (дата обращения: 18.05.2023)
8. Концептуальные основы внешней политики Индонезии: Монография / Н.С. Куклин. – М.: Издательство «Аспект Пресс», – 2023. – 117 с.
9. Posisi Indonesia Harus Jelas Tanggapi Isu Myanmar. (Необходимо прояснить позицию Индонезии в Мьянманском вопросе) // IDN times – 2023–31 января – URL <https://www.idntimes.com/news/world/sonya-michaella/posisi-indonesia-harus-jelas-tanggapiisu-myanmar?page=all> (дата обращения: 17.05.2023)
10. 2023 Military Strength Ranking. GFP Annual Ranking. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения: 27.04.2023)

11. Muhammad Budiana, Muhammad Fedryansyah, Yusa Djuyandi, Ramadhan Pancasilawan. Indonesia Military Power under the Increasing Threat of Conflict in the South China Sea // *Central European Journal of International and Security Studies* 13, no. 4: pp. 259–274.
12. Е.А. Канаев. Взаимодействие США с АСЕАН по проблеме Южно-Китайского моря. [Электронный ресурс] // *Россия и АТР* – 2018 г. № 2 – С. 101–117. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystviy-ssha-s-asean-po-probleme-yuzhno-kitayskogomorya/viewer> (дата обращения: 13.05.2023)
13. Песцов С.К. Концепция свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона: общее в многообразии интерпретаций. [Электронный ресурс] // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право* – 2021 г. № 4 – С. 111–131. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-svobodnogo-i-otkrytogo-indo-tihookeanskogoregiona-obschee-v-mnogoobrazii-interpretatsiy/viewer> (дата обращения: 15.05.2023)
14. Рогожина Н.Г. Региональная безопасность в Юго-Восточной Азии в контексте американского проекта «Индо-Тихоокеанский регион» [Электронный ресурс] // *Вестник РУДН* – 2020 г. № 4 (12) – С. 338–353. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnayabezopasnost-v-yugovostochnoy-azii-v-kontekste-amerikanskogo-proekta-indo-tihookeanskiyregion/viewer> (дата обращения: 17.04.2023)
15. Юношкина А.С., Шаповалова К.А., Кудакев Р.Ф., Понька Т.И. Позиции Китая и США в Индо-Тихоокеанского региона. [Электронный ресурс] // *Международные отношения* – 2020 г. № 2 – С. 34–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsii-kitaya-i-ssha-v-indotihookeanskom-regione/viewer> (дата обращения: 11.05.2023)
16. Андропова Л.А., Ван Чаолин. Позиции США, Китая и Индии по поводу формирования нового Индо-Тихоокеанского региона. [Электронный ресурс] // *Вестник Томского государственного университета* – 2019 г. № 60 – С. 90–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsii-ssha-kitaya-i-indii-po-povodu-formirovaniya-novogoindo-tihookeanskogo-regional/viewer> (дата обращения: 11.05.2023)
17. Колдунова Е.В. Юго-Восточная Азия перед вызовами Индо-Тихоокеанских концепций. [Электронный ресурс] // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития* – 2019 г. № 2 (43) – С. 42–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yugovostochnaya-aziya-peredvyzovami-indo-tihookeanskiy-kontseptsiy/viewer> (дата обращения: 12.05.2023)

GLOBAL POLITICAL CONFRONTATION BETWEEN THE US AND CHINA IN SOUTHEAST ASIA: THE EXAMPLE OF INDONESIA

Korotkova L.G., Svechnikov D.D.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

This article examines the global confrontation between the United States and China in SEA using Indonesia as an example. Special attention is paid to the methods of building up economic and political influence in Indonesia. An attempt was made to analyze the identification of the main directions and trends of contacts between Indonesia and the United States in the military-political, economic and humanitarian spheres during the presidency of J. Widodo (2014–2022). It is concluded that, on the one hand, Indonesia seeks to preserve neutrality as much as possible, and, on the other hand, is increasingly falling into the orbit of Chinese influence. In its foreign policy, the Indonesian government relies on the state ideology of

“Panchasila” and the principles of “active and independent” foreign policy. The effectiveness of Indonesia’s foreign policy in preserving peace and stability in the Southeast Asian region is assessed.

Keywords: Indonesia, PRC, SEA, political cooperation, investment, Panchasila ideology, Non-Aligned Movement.

References

1. Lokshin G.M. Strategic rivalry between China and the United States in the South China Sea [Electronic resource] // *South-east Asia: topical problems of development* – 2019 No. 1–2 (42–43) – P. 54–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-sopernichestvokitaya-s-ssha-v-yuzhno-kitayskom-more?ysclid=1j1pii8jxo692738271> (date of reference: 02.04.2023)
2. China’s army has surpassed everyone in the world, the navy is building muscle at a rapid pace. // *Rambler* – 2023. – May 14. – URL: <https://news.rambler.ru/troops/50730832armiya-kitaya-oboshla-vseh-v-mire-flot-naraschivaet-muskulyi-sostremitelnoy-skorostyu/> (date of address: 03.04.2023)
3. Koldunova E.V. Southeast Asia facing the challenges of Indo-Pacific concepts. [Electronic resource] // *South-east Asia: actual problems of development* – 2019 No. 2 (43) – P. 42–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yugovostochnaya-aziya-peredvyzovami-indo-tihookeanskiy-kontseptsiy/viewer> (date of access: 12.05.2023)
4. Vlasov N.V. Modern policy of the People’s Republic of China in Southeast Asia [Electronic resource] // *International relations*. – M.: Bulletin of MGIMO University, 2015. – С. 60–67. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennayapolitika-knr-v-yugovostochnoy-azii> (Date of reference: 05.05.2023)
5. Indo-Pacific Strategy of the United States. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (Date of reference: 02.05.2023)
6. Trade between China and ASEAN grows 15% in 2022, first year of RCEP’s enforcement. // *Global Times* – 2023. – January 13. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202301/1283779.shtml> (accessed on 10.05.2023)
7. Apakah Indonesia Mengakui Taiwan sebagai Negara? (Will Indonesia recognize Taiwan’s statehood?). // *CNN Indonesia* – 2022 – September 2 – URL: <https://www.cnnindonesia.com/internasional/20220901165502-113-842050/apakah-indonesiamengakui-taiwan-sebagai-negara> (Date accessed: 18.05.2023)
8. Conceptual foundations of Indonesia’s foreign policy: Monograph / N.S. Kuklin. – Moscow: Aspect Press, – 2023. – 117 c.
9. Posisi Indonesia Harus Jelas Tanggapi Isu Myanmar. (It is necessary to clarify the position of Indonesia in the Myanmar issue) // *IDN times* – 2023 – January 31 – URL <https://www.idntimes.com/news/world/sonya-michaela/posisi-indonesia-harus-jelas-tanggapiisu-myanmar?page=all> (date of address: 17.05.2023).
10. 2023 Military Strength Ranking. GFP Annual Ranking. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (date of access: 27.04.2023)
11. Muhammad Budiana, Muhammad Fedryansyah, Yusa Djuyandi, Ramadhan Pancasilawan. Indonesia Military Power under the Increasing Threat of Conflict in the South China Sea // *Central European Journal of International and Security Studies* 13, no. 4: pp. 259–274.
12. E.A. Kanaev. U.S. Interaction with ASEAN on the Problem of the South China Sea. [Electronic resource] // *Russia and the APR* – 2018 No. 2 – P. 101–117. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystviy-ssha-s-asean-po-probleme-yuzhno-kitayskogomorya/viewer> (date of address: 13.05.2023)
13. Pestsov S.K. Concept of free and open Indo-Pacific region: common in the diversity of interpretations. [Electronic resource] // *Asia-Pacific region: economy, politics, law* – 2021 № 4 – P. 111–131. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-svobodnogo-i-otkrytogo-indo-tihookeanskogoregiona-obschee-v-mnogoobrazii-interpretatsiy/viewer> (date of address: 15.05.2023)
14. Rogozhina N.G. Regional Security in Southeast Asia in the Context of the American Project “Indo-Pacific Region”. [Electronic resource] // *Vestnik RUDN* – 2020 № 4 (12) – P. 338–353. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnayabezopasnost-v>

- yugo-vostochnoy-azii-v-kontekste-amerikanskogo-proekta-
indo-tihookeanskiyregion/viewer (date of address: 17.04.2023)
15. Yunyushkina A.S., Shapovalova K.A., Kudakaev R.F., Ponka T.I. Positions of China and the USA in the Indo-Pacific region. [Electronic resource] // International relations – 2020 № 2 – P. 34–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsii-kitaya-i-ssha-v-indotihookeanskom-regione/viewer> (date of address: 11.05.2023)
 16. Andropova L.A., Wang Chaolin. Positions of the USA, China and India on the formation of a new Indo-Pacific region. [Electronic resource] // Bulletin of Tomsk State University – 2019 No. 60 – P. 90–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsii-ssha-kitaya-i-indii-po-povodu-formirovaniya-novogoindo-tihookeanskogo-regiona/viewer> (date of address: 11.05.2023)
 17. Koldunova E.V. Southeast Asia before the challenges of Indo-Pacific concepts. [Electronic resource] // Southeast Asia: actual problems of development – 2019 № 2 (43) – P. 42–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yugo-vostochnaya-aziya-perevzovami-indo-tihookeanskih-kontseptsiy/viewer> (date of access: 12.05.2023)

Подход США к применению вооруженных сил за рубежом в условиях мирного времени после холодной войны

Щербун Владимир Олегович,

преподаватель кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России

Цель данной статьи – проследить эволюцию подхода США к применению вооруженных сил за рубежом в условиях мирного времени в период с 1990 до 2022 г. Автор приходит к выводу, что концепция применения вооруженных сил США прошла два этапа развития: фазовый (1993–2018) и фазово-нелинейный (2018 – н.в.). Фазовый подход (англ. phasing construct) подразумевает несколько фаз, в частности, Фазу 0 – «формирование или подготовка ТВД», когда усилия ВС США направлены на подготовку ТВД к военным действиям, которые происходят в ходе Фаз I–V. С середины 2010-х гг. на фоне появления концепций «гибридных войн» и «операций в серых зонах», перед США встал вопрос об адаптации фазового подхода. К началу 2020-х гг. данный подход принял черты нелинейности, при котором применения вооруженных сил подчас не доходит до последних фаз (войны), постоянно возвращаясь в зону конкуренции.

Ключевые слова: военная стратегия США, формирование обстановки, формирование ТВД, военное сотрудничество, серые зоны, гибридные войны.

С завершением холодной войны усилия США остаются направлены на создание благоприятного для себя соотношения сил в ключевых регионах мира и недопущения появления стран-гегемонов в Евразии [15]. Одну из главных ролей в этом процессе играют вооруженные силы¹, используемые наряду с остальными инструментами государственной мощи в рамках интегрированной военной-политической стратегии (т.н. Большой стратегии – англ. Grand Strategy). При этом интегрированный характер внешнеполитической и военной деятельности стал одной из определяющих черт американской стратегии к началу 2020-х гг., воплотившуюся в концепции «гибридных войн», «операций в серых зонах», и «непрерывающейся конкуренции» (англ. competition continuum).

С исчезновением великодержавной угрозы со стороны СССР, на фоне успеха операции «Буря в пустыне» и наступившего т.н. «однополярного момента» в начале 1990-х гг. перед американскими стратегами встал вопрос о необходимости выработки нового подхода к ответу на вызовы международной среды – региональные и трансграничные угрозы. Ответом стал разработанный в 1990-х гг. и модифицированный в 2000-х гг. «фазовый подход» (англ. phasing construct), подразумевающий несколько фаз, во время которых вооруженные силы США решают различные задачи по реализации национальных интересов или конкретных военных целей. С середины 2010-х гг. в ситуации активного применения великими и региональными державами вооруженных сил в формате «гибридных войн» и «операций в серых зонах», перед американскими военными встал вопрос об адаптации фазового подхода. К началу 2020-х гг. данный подход принял черты нелинейности, при котором применения вооруженных сил подчас не доходит до последних фаз (конфликта высокой интенсивности), постоянно возвращаясь в зону «постоянной конкуренции».

Теоретическая основа исследования

Исследование военной стратегии США в данном исследовании опирается на теоретические наработки неоклассического реализма и стратегических исследований (англ. strategic studies). Неоклассический реализм, представителями которого выступали Н.М. Рипсман, Дж.У. Талиферр и С.И. Лобелл [58], позволяет рассматривать внешнеполитическую деятельность США, в частности, применение вооруженных сил, с точки зрения существования органов исполнительной власти в некой структуре, которая характеризуется необходимостью выживания и обеспечения собственной безопасности в условиях анархии, о чем ещё писали представители классического Дж. Моргентау [42] и структурного реализма К. Уолтц [66], С. Уолт [65] и Дж. Миршаймер [39]. При этом применение вооруженных сил в мирное время позволяет государству

¹ В американской стратегии инструментальной продвижения интересов опирается на концепцию DIME (diplomacy, information, military, and economics) – использование дипломатии, информационных операций, вооруженных сил и экономики для реализации стратегических целей. Подробнее об этом см.: [33, pp. 204–205].

формировать международную среду, создавая структуру (баланс сил) или стимулы для государств-патронов или государств-конкурентов, о чем писали такие исследователи внешней стратегии государств в сфере безопасности как Т. Шеллинг [60], К. Яри-Мило, А. Ланожа и З. Купер [69].

Традиционно, главным способом формирования среды великими державами было создание союзов или поставки вооружений странам-партнерам в рамках отношений т.н. военно-политического союзничества или сотрудничества¹. В данной работе речь пойдет об обоих типах взаимодействия, но преимущественно о *международном военном сотрудничестве или сотрудничестве в сфере безопасности* (англ. *security cooperation*) – согласование действия как государств, так и вовлекаемых в него негосударственных акторов, преследующее достижение военно-политических целей и реализуемое через систему международных режимов и механизмов, обеспечивающую необходимую политическую координацию [4]².

В исследованиях военного сотрудничество дискуSSIONным остается вопрос о том, какие цели могут преследовать подобные военно-политические институты, особенно в условиях неопределенности, трансформации мирового порядка и конкуренции великих держав. Ответом может служить концепция «*формирования среды безопасности*» (англ. *shaping the security environment*), предложенная во времена администрации У. Клинтона как конкретный подход к использованию вооруженных сил и впоследствии используемая американскими экспертами и военными на протяжении 2000–2020-х гг.³

Институционализованное военно-политическое сотрудничество может использоваться для формирования благоприятной международной среды посредством *изменения формата отношений с партнерами или самих характеристик стран-партнеров* (рис. 1).

сильное навязывание ценностей «военное вовлечение»		Степень влияния на внутриполитическое устройство	
		слабое навязывание ценностей «военное сотрудничество»	
Объект формирования	отношения со страной-партнером	смена внешнеполитических предпочтений	повышение уверенности в гарантиях безопасности
	характеристики страны-партнера	трансформация внутривнутриполитического устройства – ценностей и практик	повышение фактического оборонного потенциала

Рис. 1. Логика проведения операций «формирования среды безопасности»⁴

¹ Подробнее о союзничестве см.: [5, 61, 65].

² В военной терминологии США в период с 1991 по 2022 г. были представлены несколько терминов, обозначающих применение ВС в мирное время: вовлечение/участие мирного времени (*peacetime engagement*), операции формирования (*shaping operations*), военные операции, кроме войны (*military operations other than war*), превентивная оборона (*preventive defense*), совместная безопасность (*cooperative security*), сотрудничество в области безопасности (*security cooperation*) и военное вовлечение/участие (*military engagement*). К 2022 г. наиболее употребляемым осталось «военное сотрудничество / сотрудничество в области безопасности» (*security cooperation*).

³ Подробнее о концепции «формирования среды безопасности» см.: [56, 57, 67, 68].

⁴ Взято из: [68, p.23].

Исследователь из Академия Вест-Поинта и майор от пехоты К. Волфли выделяет четыре основные логики проведения операций формирования, используя термины «привлечения», «социализации», «делегирования», «заверения» (англ. *attraction, socialization, delegation, assurance*): 1) изменение предпочтений стран-партнера; 2) преобразование роль стран-партнеров в обеспечении региональной безопасности; 3) делегирование стране-партнеру ответственности за обеспечение собственной или региональной безопасности; 4) уменьшение неуверенности страны-партнера в гарантиях безопасности и управлять её поведением в сфере безопасности [68, p. 20].

Используя первый тип операций (привлечения), великие державы убеждают нейтральные государства вступить в оборонный союз или многонациональную коалицию и вбить клин между ними и конкурентом. Второй тип операций позволяет великой державе посредством обучения или военного взаимодействия навязать свои ценности, нормы или практики вооруженным силам страны-партнера⁵. Третий тип операций связан с ситуациями, когда великая держава передает ответственность за безопасность военным страны-партнера – продажа вооружений, обучение и другие форм военной помощи. Четвертый тип операций связан с действиями великой державы, направленными на то, чтобы уменьшить чувство уязвимости страны-партнера, обещая защиту в случае нападения или размещая своих вооруженные силы и военные объекты.

Фазовый подход 1990–2016 гг.: «формирование среды», «нулевая фаза конфликта», сотрудничество в области безопасности

С исчезновением советского центра силы перед американскими стратегами администраций Дж. Буша-старшего и У. Клинтона встал вопрос о модернизации военной стратегии, а именно применении ВС США для решения более широкого перечня задач, включавшего *продвижение демократии, поддержание региональной стабильности, сохранение благоприятного баланса сил*. Адаптация военной стратегии во многом опиралась на стратегическую цель США по сохранению гегемонистских позиции и расширению т.н. либерального международного порядка, закрепленную в Стратегиях национальной безопасности (СНБ) администраций Дж. Буша-ст. и У. Клинтона.

Первоначальные основы будущей стратегии были изложены президентом Дж. Бушем в Аспене 02 августа 1990 г. Перед ВС США ставились задачи, которые слабо отличались от задач времен холодной войны [54]⁶. Вооруженные силы США должны были обеспечивать: 1) Стратегическое сдерживание и оборону (англ. *Strategic Deterrence and Defense*); 2) Передовое присутствие (англ. *Forward Presence*); 3) Кризисное реагирование (англ. *Crisis Response*); 4) Восстановление (англ. *Reconstitution*). Американские стратеги считали, что несмотря на улучшение отношений между Востоком и Западом и смеще-

⁵ Подробнее о передаче норм и практик посредством военно-политического взаимодействия см.: [6, 9, 51].

⁶ Исключением из задач времен холодной войны стало «Восстановление» (англ. *Reconstitution*) – формирование, обучение и развертывание новых подразделений, а также мобилизацию имеющихся резервных сил и активизацию промышленной базы. В мирное время восстановление включает в себя сохранение боевого превосходства вооруженных сил за счет сохранения технологических преимуществ и поддержания высокой подготовки нынешних сил. Подобная задача приобретала большую актуальность в условиях резкого сокращения вооруженных сил и оборонного бюджета.

ние акцента с глобальной войны на региональные кризисы и необходимость сдерживания агрессии будут находиться в сфере жизненно важных интересов США.

В выступлении перед Конгрессом в феврале 1991 г. министр обороны Д. Чейни озвучил концепцию «вовлечения мирного времени» (англ. peacetime engagement), сформулировав ее как подход к сдерживанию конфликтов низкой интенсивности и продвижению стабильности в странах Третьего мира, который при этом основывается на сочетании политических, экономических и военных действий [35, p.19]¹. Данная концепция легла в основу новой Национальной военной стратегии 1992 года (далее – НВС), куда, на волне успехов операции «Буря в пустыня», была заложена идея в духе Доктрины К. Пауэлла о «стремительном решительном разрешении регионального конфликта» (англ. decisively resolve a regional military conflict) [48, p.13]. При этом, условием достижения данной решительной победы должна быть подготовка благоприятной военно-политической обстановки и поддержание боеготовности ВС США.

Идея *формирования обстановки (среды)*² как цели ВС США была оформлена при администрации У. Клинтона в Национальной военной стратегии 1995 года, в которой говорилось о том, что США и их вооруженные силы будут «гибко и выборочно участвовать/вовлекать» (англ. Flexible and Selective Engagement), а в НВС 1997 года прямо декларировалась цель – «*формировать международную среду*, отвечать на международные вызовы и готовиться к неопределенному будущему» (англ. Shape, Respond, Prepare). Как отмечалось в данных документах, формирование среды опирается на дополняющие друг друга стратегические концепции: присутствие за рубежом (англ. oversea presence), проецирование силы (power projection) и решающую мощи (англ. decisive force) [45, p. 11]. *Зарубежное присутствие*, по мнению американских стратегов, принимало форму постоянного и временного дислоцирования сил, при этом сниженная численность сил потребовала возросшего потенциала проецирования сил (англ. power projection). В Концепции будущих совместных операций 1997 года отмечалось, что зарубежное присутствие имеет «стабилизирующий эффект», который позволяет участию в мирное время положительно влиять на окружающую среду [14, p. 11]. К началу 2000-х гг. операции формирования включали целый ряд активностей, которые Пентагон совместно с другими ведомствами, мог проводить для формирования благоприятной для США обстановки (рис. 2).

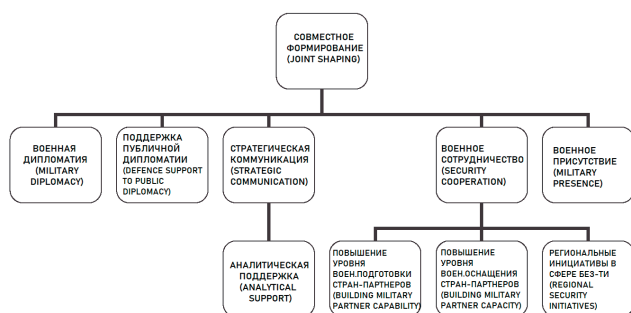

Рис. 2. Компоненты операций формирования военно-политической обстановки³

¹ Подробнее о дискуссии в военных кругах США об операциях мирного времени в начале 1990-х гг. см.: [23, 32].

² Данная работа учитывает подход Министерства обороны России, где международная среда чаще рассматривается как военно-политическая обстановка [2], но оба термина будут использоваться взаимозаменяемо.

³ Взято из: [57, p. 6]. О каждом компоненте операций формирования обстановки см.: [57].

Составные компоненты операций формирования включали 1) военную дипломатию (часто в форме прямых контактов между военными); 2) поддержку публичной дипломатии со стороны военных; 3) военное сотрудничество (военное финансирование, учения войск, передовое развертывание военно-морских сил, передача технологий, доступ к специальному оружию США и различные формы экономической, политической и военной помощи), стратегическую коммуникацию и военное присутствие⁴.

Параллельно с развитием концепции формирования среды в Пентагоне разрабатывался новый подход для планирования и организации данной деятельности – т.н. «*фазовая концепция*» (англ. phasing construct), первоначально обозначенная в Обзоре вооруженных сил 1993 год (Bottom-Up Review)⁵. Опираясь на описание потенциального регионального конфликта, в документе были выделены 4 фазы конфликта и применения ВС: Фаза I – удержание наступления агрессора силами передового развертывания, Фаза II – прибытие основных сил, Фаза III – «решительная победа над противником», Фаза IV – вывод сил и обеспечение поствоенной стабильности [7, pp. 15–16]. В 1995 году в обновленной версии Руководства по проведению совместных операций (англ. Joint Operations 3–0)⁶ Фаза I рассматривалась как предвоенные действия (англ. prehostilities) – такие как демонстрация силы, которая может сдержать (англ. deter) конфликт. В обновленном Руководстве 2001 года действия Фазы I начали включать усилия по сдерживанию, например, путем демонстрации силы и были переименованы в «Вовлечь/Сдержать» (англ. Engage/Deter). Фаза 2 начала включать любые военные действия как удержание фронта или начало наступления. Фазы 3–4 остались неизменны до середины 2000-х гг. [27, p. 73].

Основные положения военной стратегии 1990-х гг. остались в начале 2000-х гг. Операции «участия/вовлечения мирного времени» при Дж. Буше-мл. были переименованы в «операции по обеспечению стабильности» (англ. stability operations) [47, p. 11], содержательно включали те же компоненты, что и операции формирования⁷. При этом их роли в военной стратегии США существенно выросла к завершению президентства Дж. Буша-мл.

С учетом событий 11 сентября 2001 г. военные специалисты США начали излагать свои идеи по организации

⁴ Для ознакомления с перечнем и задачами операций мирного времени в начале 1990-х см.: [22].

⁵ Об истории формирования фазового концепта см.: [20].

⁶ Объединенный комитет начальников штабов США готовит т.н. Публикации совместной доктрины (англ. Joint Doctrine Publications) – основополагающие принципы, которыми руководствуются вооруженных сил США в скоординированных и интегрированных действиях для достижения общей цели. Публикации включают Основополагающую доктрину (англ. Capstone Doctrine), а также серии 1–0, 2–0, 3–0, 4–0, 5–0, посвященные различным вопросам организации ВС США. В данной работе преимущественно рассматриваются документы серии JP3–0 – основополагающие принципы и руководство для проведения совместных кампаний и операций, а также JP5–0 – принципы планирования военной деятельности [26, 31].

⁷ Как указывалось в Полевом уставе (англ. Field Manual) сухопутных сил 2001 г. подобные операции, наряду с наступательными и оборонительными, включали миротворческие действия, содействие в обеспечении внутренней обороны стран-партнеров, содействие в обеспечении безопасности, предоставление гуманитарной и гражданской помощи, поддержку повстанцев, поддержку операций по борьбе с наркотиками, операции по борьбе с терроризмом, небоевые эвакуационные операции, контроль над вооружениями, а также демонстрацию силы. Подробнее о каждом типе операций см.: [19]. Для ознакомления с перечнем Полевых уставов для сухопутных сил США с 1939 по 2022 г. см.: [17].

операций превентивного характера. Использование вооруженных сил вне боевых действий фактически увеличилось в то же время, когда традиционное использование вооруженных сил имело место в Ираке и Афганистане [56, р. 32]. Как отмечал американский исследователь из Военного колледжа ВМС США Д. Реверон, «вплоть до 2005 года руководство вооруженных сил рассматривали эти (невоенные – прим. автора) операции как отвлечение внимания от своей основной функции – сражаться и побеждать в войнах» [Ibid, р. 33]. После операций в Ираке и Афганистане министр обороны Р. Гейтс отметил, что «один из наиболее важных уроков (этих – прим. автора) войн это важность операций в сфере безопасности» [55]. В Национальной стратегии обороны 2005 года снова повторялась долговременная задача по «...созданию условия для благоприятной международной системы...», а также указывалось на то, что сотрудничество в области безопасности воспринималось как одно из «превентивных действий», способствующих созданию «активной эшелонированной обороны» [44, р. 15]. В Стратегии национальной безопасности 2006 года была озвучена аналогичная мысль: «Мы сражаемся с нашими врагами за границей вместо того, чтобы ждать, пока они придут в нашу страну. Мы стремимся формировать мир, а не просто быть им сформированными; влиять на события к лучшему, а не быть в их власти» [49, р. 3].

В духе данных размышления концепция четырех фаз была расширена до концепции шести фаз. Генерал Ч. Уолд, заместитель командующего Европейским командованием США (USEUCOM), в 2006 году описал новый подход к проведению операций формирования, добавив концепцию «передача власти гражданским властям», а также «нулевую фазу», которая предшествовала бы боевым действиям, что позволило бы предотвратить необходимость дорогостоящего военного вмешательства после террористического акта [64, pp. 72–73] (рис. 3).

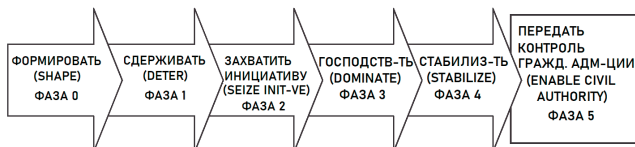

Рис. 3. Фазы проведения военной операции¹

На нулевом этапе ВС США должны наращивать потенциал стран-партнеров, который позволит им сотрудничать (с США – прим. автора), обучаться и быть готовыми помочь (США – прим. автора) предотвращать или ограничивать конфликт» [65]. Уже в Руководстве по проведению совместных операций 2006 г. была зафиксирована «нулевая фаза», в ходе которой ВС США должны добиться «укрепления международной легитимности», «обеспечения многонационального сотрудничества» и «обеспечения успеха путем формирования восприятия и влияния на поведение как противников, так и союзников» [28, р. 146]. На практике операции формирования уже реализовывались как вспомогательные компоненты операции «Несокрушимая свобода» на Филиппинах, в районе Африканского рога, Сахары и Грузии, а также отдельно – в Колумбии². Главными задачами для ВС в этих операциях было достижения сотрудничества с местными правительствами или осуществление мер по борьбе с негосударственными угрозами.

¹ Взято из: [57, р. 3].

² Подробнее об оценке операции формирования с участием сухопутных сил США в Колумбии в начале 2000-х см.: [12].

В течение данного периода происходило уточнение содержания и переименование концепта «формирования». В 2008 году Объединенным комитетом начальников штабов был опубликован Совместный оперативный концепт: «Вклад вооруженных сил в кооперативную безопасность» (англ. Joint Operating Concept: Military Contributions to Cooperative Security), который более детально описывал задачи и описывал «формирование» как обеспечение «кооперативной безопасности» (англ. cooperative security) – «набор непрерывных, долгосрочных интегрированных, всеобъемлющих действий широкого круга американских и международных правительственных и неправительственных партнеров, которые поддерживают или укрепляют стабильность, предотвращают или смягчают кризисы и позволяют проводить операции в случае возникновения кризисов [40]. При этом, как отмечали некоторые авторы, например полковник морской пехоты К. Чоржельски, изучавший международное сотрудничество США в АТР, многие из рекомендаций или задач, указанных в Концепте, уже реализовывались Тихоокеанским командованием до публикации документа [13, р. 4].

К началу 2010-х гг. концепция формирования легла в основу применения вооруженных сил на глобальном, региональном, оперативном и тактическом уровнях³ (рис. 4).

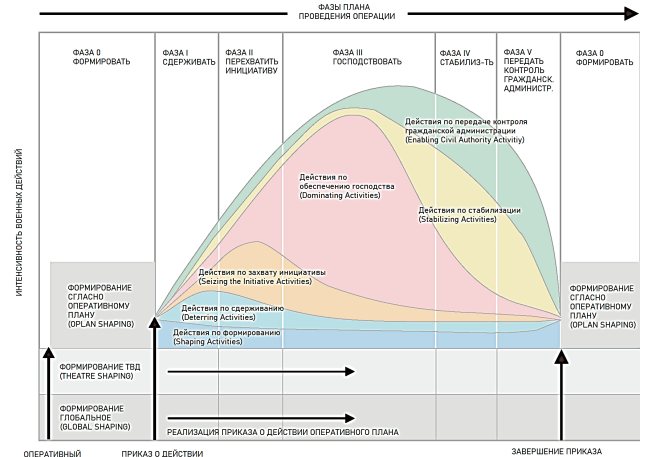

Рис. 4. Фазы планирования военной операции согласно Руководству по проведению объединенных операций (JP 3–0) 2011 года [29, р. 112.]

Рис. 5. Типы военных операций согласно Руководству по проведению объединенных операций 2011 года [29, р. 29]⁴

³ Если в Полевых уставах (англ. Field Manual) 1993 г. или 2001 г., операции делились на глубокие, близкие и тыловые (Deep, Close, Rear), то в Полевом уставе 2008 года операции были заменены на решающие, формирующие и поддерживающие (англ. decisive, shaping, sustaining). Подробнее о необходимости перехода к новым типам операции в 1999 г. писал майор пехоты Д. Мур [см. 41].

⁴ *Мир, спектр конфликта, война, диапазон военных операций; **Крупные военные операции и кампании; ***Кризисное

Примечательно также то, что уже с 2011 года в военных кругах США начала появляться идея продолжающегося конфликта/спектра конфликта (англ. conflict continuum), при которой существуют такие конфигурации военно-политической обстановки, которые характеризуются конкуренцией и конфликтом ниже уровня войны (рис. 5).

Последним нововведением данного периода стало появление нового концепта в середине 2010-х гг. – «подготовка театра военных действий» (англ. setting the theatre), который по своему смыслу подразумевал операции формирования, но уже с активным прицелом на последующее проведение военных действий в конфликте высокой интенсивности [21, 53] и который в 2022 году был внесен в новую версию Полевого устава сухопутных сил США [18].

Циркулярный подход 2017–2022 гг.: операции в «серых зонах» и гибридный конфликт, интегрированное ведение кампаний, постоянная конкуренция, формирование ТВД

С середины 2010-х гг. в военном планировании США началось развитие идей о том, что противника США будут действовать в формате конкуренции ниже уровня военного конфликта или на уровне т.н. «операций в серых зонах»¹². Американские стратеги исходили из допущения, что Россия и Китай, а также Иран и КНДР, будут стремиться изменить международные нормы и региональный баланс сил, избегая вооруженного столкновения с США, при этом пользуясь *всей полнотой национальной мощи*. В перспективной оперативной Концепции американских сухопутных войск 2014 года под названием «Победить в сложном мире» (англ. Win in a Complex World), подготовленной Командованием доктрин и подготовки армии США (U.S. Army Training and Doctrine Command – TRADOC), было сказано, что Россия развернула и сосредоточила *дипломатические, информационные, военные и экономические усилия*, чтобы проводить «нелинейные операции» [63, р. 11]³.

Применение Россией неопознанных вооруженных сил в Крыму, деятельность Ирана в районе Персидского залива, а также действия Китая в Южно-Китайской море, стали катализатором обсуждения гибридных конфликтов и т.н. «операций в серых зонах». В июне 2015 г. американский исследователь С. Бакич написал, что военная конкурентная среда будет в первую очередь отмечена столкновениями в «зоне между войной и миром, [и] Соединенные Штаты должны быть в состоянии выполнять множество различных типов миссий в этой зоне» [8]. В «Национальной военной стратегии» 2015 г.

реагирование и ограниченные операции; ****Военное участие (вовлечение), военное сотрудничество, сдерживание.

¹ Под «серыми зонами» понимаются области, где правительства проводят геополитические, экономические, военные, кибер– и информационные операции (кибер), выходящие за рамки обычной дипломатической и экономической деятельности и ниже применения кинетической военной силы. Аналогичный смысл западными экспертами вкладывается в понятия «все действия, кроме войны» (all measures short of war) или «операции на низком уровне» (low-level operations). Подробнее о «серых зонах» см.: [1, 34, 36].

² Стоит отметить, что подобные конфликты не являются чем-то новым в международных отношениях на современном этапе. Об участии ВМС США в конфликтах ниже уровня войны (англ. Low Level Warfare) в период с 1944 по 1966 г. см.: [11]. Об использовании ВС США в качестве политического инструмента в годы холодной войны см.: [10].

³ Подробнее о гибридных войнах см.: [3, 23].

«гибридные конфликты» были обозначены как одна из форм конфликта, которая характеризуется неопределенностью, чтобы создать двусмысленность, предназначенную для того, чтобы сбить с толку общественное мнение, парализовать принятие политических решений, подрвать правовые рамки и избежать пересечения порога военного ответа [46, р. 4]. В Стратегии национальной безопасности 2017 года отмечалось, что «противники и конкуренты научились действовать ниже порога открытого военного конфликта и на грани международного права» [50, р. 32]. Как писали авторы доклада «Оперативная среда (2021–2030): конкуренция великих держав, кризис и конфликт» (англ. The Operational Environment (2021–2030): Great Power, Competition, Crisis, and Conflict). Также подготовленного Командованием доктрин и подготовки армии, «пока Соединенные Штаты участвовали в операциях по борьбе с повстанцами в Ираке и Афганистане, наши противники изучали нас и пришли к выводу, что лучший способ победить Соединенные Штаты – это *победить, не вступая в бой*» [62, р. 4].

Для эффективной конкуренции с Китаем и Россией к концу 2010-х гг. была оформлена концепция «интегрированного ведения кампаний» (англ. integrated campaigning), которая делала больший упор на невоенное измерение военной деятельности [59]. В Стратегии национальной безопасности 2017 года была заложена идея «продолжающейся конкуренции» или «непрерывной конкуренции» (англ. continuous competition), согласно которым арена великодержавного противостояния – это непрерывная конкуренция между состояниями войны и мира [50, р. 28]. В Национальной военной стратегии 2018 года была упомянута идея продолжающегося (непрерывного) конфликта (англ. conflict continuum) [16, р. 3], которая была развернуто описана в опубликованном в 2018 году докладе ОКШН «Совместная концепция интегрированного ведения кампаний» (англ. Joint Concept for Integrated Campaigning). В докладе было предложено новое расширенное представление об операционной (де-факто международной) среде, в основе основу американские эксперты окончательно вложили понятие «непрерывной конкуренции» (англ. competition continuum) [19, 24, р. 7].

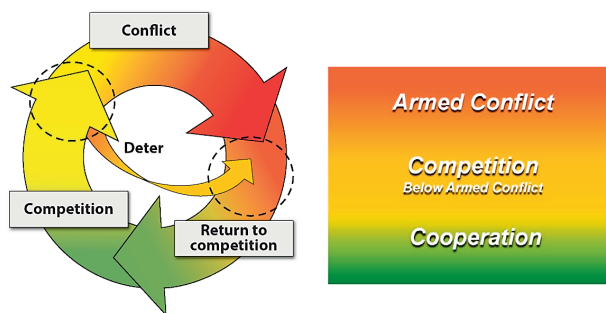

Рис. 6. Схема постоянной конкуренции⁴

Подобная концепция означала отход от бинарной системы «мир/война», начатые в 2000-х (идеи «нулевой фазы»), в сторону новой модели совмещения сотрудничества и конкуренции ниже уровня вооруженного конфликта и войны. При этом, если в Концепции интегрированных кампаний представлена довольно линейная схема, существующая с 2010-х гг., то в статье годом ранее действующий на тот момент Глава Командования

⁴ Conflict (Armed Conflict) – вооруженный конфликт, Competition (Below Armed Conflict) – конкуренция ниже уровня открытого конфликта, Cooperation – сотрудничество, Deter – сдерживать, Return to Competition – Возврат к конкуренции.

доктрин и подготовки армии США генерал Д. Пёркинс, ответственный за публикацию Концепции, представил циклическая схему конкуренции [52, р. 10], о которой впоследствии писали и другие авторы [38] (рис. 6).

Данная концепция определяет *интегрированную кампанию* как усилия объединенных сил и межорганизационных партнеров, направленные на достижение и поддержание целей политики путем интеграции военной деятельности и согласования невоенной деятельности достаточного масштаба, одновременности и продолжительности в нескольких областях [24, р. 6]. Примечательно, что в самом документе делается упор на ведение кампании (глагол) по сравнению с кампанией (существительное), чтобы подчеркнуть устойчивое качество конкуренции. В рамках интеграции региональные командования, например, Индо-тихоокеанское командование (англ. INDOPACOM), разрабатывают кампании для поддержки глобальной кампании и *формируют операционную среду* таким образом, чтобы реализовывать стратегические цели [31, pp. 204–205]. Они проводят свои кампании с помощью *военного вовлечения, операций формирования, и других действий*, направленных на достижение национальных целей США, защиту национальных интересов США и *предотвращение необходимости прибегать к вооруженному конфликту*, создавая условия для перехода к военным операциям в чрезвычайных ситуациях, когда это необходимо¹.

В Концепции предполагаются три формата взаимодействия между великими державами: вооруженный конфликт, конкуренция ниже уровня вооруженного конфликта, сотрудничество. В вооруженном конфликте применение насилия является основным средством, с помощью которого актор пытается удовлетворить свои интересы. Конкуренция ниже уровня вооруженного конфликта существует, когда два или более участников международной системы имеют несовместимые интересы, но ни один из них не стремится к вооруженному конфликту. Сотрудничество включает взаимовыгодные отношения между стратегическими субъектами со схожими или совместимыми интересами. Как отмечают авторы, хотя интересы стран редко совпадают полностью, отношения, основанные на сотрудничестве, стратегически важны для Соединенных Штатов, поскольку они позволяют США поддерживать американоцентричный международный порядок, разделяя бремя с другими странами, укрепляют коллективную безопасность, обеспечивают доступ в необходимые районы ТВД и предотвращают региональные конфликты [24, р. 8].

Согласно Руководству по ведению интегрированных кампаний, основные механизмы конкуренции включают: 1) меры укрепления (англ. strengthen), которые направлены на развитие альянсов и партнерских отношений, вознаграждение акторов за то, что они встали на сторону США; 2) меры по формированию или сохранению обстановки (англ. create/preserve), которые направлены на создание или поддержание обстановки, которая в самом широком смысле будет положительно повлиять на достижение национальных интересов; 3) меры по ослаблению конкурента (англ. weaken) с помощью создания определенных стимулов к поведению, используя физические и информационные аспекты власти; 4) меры по повышению доступа к информации о состоянии обстановки (англ. position), которые может включать использование разведывательной деятельности, обмен информацией с партнерами, частое ротационное развертывание сил во время учений и эффективное позиционирование

передовых сил и средств; 5) меры по информированию (англ. inform) с помощью разработки и распространения общей точки зрения с партнерами, а также определение областей, в которых сотрудничество было бы взаимовыгодным, а также донесения до конкурента информации о пределах допустимого поведения; 6) меры убеждения – программирование действий партнеров и поведения конкурентов [24, pp. 15–16]. Таким образом, военные действия должны формировать благоприятную психологическую, политическую и материально-техническую динамику и условия в координации и сотрудничестве с другими компонентами государственной мощи.

Существенная роль в интегрированных кампаниях отводится военному сотрудничеству. Еще в 2017 году ОКНШ опубликовал доктринальный документ «Военное сотрудничество» (англ. Joint Publication 3–20: Security Cooperation), который определял то, как ВС США должны осуществлять военное сотрудничество [30]. Как отмечалось во введении, «действия в сфере военного сотрудничества, многие из которых относятся к категории «формирующих» (англ. shaping), жизненно важны для достижения целей национальной безопасности и внешней политики [30, р. 11]. По мнению авторов, операции могут решать три задачи: 1) повышать военный потенциал стран-партнеров в интересах США; 2) обеспечивать США доступ к информации, передовому базированию, технологическим ресурсам стран-партнёров; 3) обеспечить США поддержку своих интересов странами-партнерами.

Операции по повышению потенциала стран-партнеров должны позволить им присоединиться к многонациональным силам с участием США, участвовать в миротворческих операциях, вести антитеррористическую и антипреступную деятельность, участвовать в спасении лиц, устранение последствий стихийных бедствий. Кроме того, операции данной категории должны создавать ситуацию, когда стран-партнер преследует взаимовыгодные с США цели и/или повышает оперативную совместимость с США и многонациональными силами (например, участвует в системе противоракетной обороны, развивает возможности ведения подводных боевых действий или расширяет возможности ведения нерегулярных боевых действий). *Операции по получении доступа* подразумевают в первую очередь получение США возможности передового развертывания, доступ к информационным и технологическим ресурсам стран-партнеров, информации по угрозам внутренней безопасности, тренировочным объектам. *Операции по поддержке усилий США* подразумевает создание такой среды, при которой страна-партнер поддерживает интересы США в ООН, на региональных форумах или в двусторонних отношениях, придерживается верховенства (международного – прим. автора) права, защите прав человека, гражданского контроля над вооруженными силами, соглашается поддерживать усилия США по сокращению вооруженные силы или ОМУ других стран [30, р. 14].

Особенностью интегрированных кампаний является их привязка к информационно-когнитивному измерению международных дел. Как отмечается в Концепции, интегрированные кампании, основанные на координации военных и невоенных действий, должны оказывать выгодное психологическое воздействие на дружественных, нейтральных и враждебных субъектов внешней среды. Совместные вооруженные силы должны разрабатывать и проводить операции по поддержанию легитимности действий США и партнеров в глазах общественности, одновременно дискредитируя, подрывая и/или атакуя усилия противников по установлению их легитимности. Согласование военной и невоенной деятельности долж-

¹ О восприятии роли сухопутных сил США в военно-политической конкуренции в конце 2010-х гг. см.: [37, 43].

но быть направлено на то, чтобы внушить противнику, что нет места, где он был бы в безопасности от США и партнеров. [24, р. 27]. Помимо механизмов конкуренции кампания предполагает механизмы сотрудничества, которые классифицируются по нисходящей шкале: сотрудничество, укрепление, вдохновение, установление, расширение, усиление и контроль, которые могут применяться одновременно¹.

Заключение

США вошли в XXI век с обновленной стратегией применения вооруженных сил, положив в её основу идею активного невоенного использования вооруженных сил для достижения национальных интересов. Американскими стратегами в середине 1990-х гг. была разработана концепция «формирования» обстановка, которая предложила инструментарий по реализации конкретных внешнеполитических целей. Несмотря на терминологическое разнообразие, связанное с применением вооруженных сил в мирное время, концепция «формирования военно-политической среды» представляет собой полезный теоретико-концептуальный инструмент для анализа деятельности великих держав в военно-политической конкуренции, охватывая весь спектр данной деятельности, который другие подходы, например военная дипломатия, могут опускать.

Адаптация США к великодержавной конкуренции в середине 2010-х гг. привела к тому, что на смену бинарным представлениям о войне и мире, лежавших в основе «фазового подхода», в США приняли концепции интегрированного сдерживания и постоянной конкуренции, обладающие нелинейными и циркулярными характеристиками. С приходом к власти Дж. Байдена концепции конца 2010-х гг. легли в основу новых Стратегий национальной безопасности, Национальной стратегии обороны, документов более низкого уровня. При этом можно ожидать, что подобный подход к применению вооруженных сил можно будет увидеть в военных стратегиях союзников США, в особенности, в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Литература

1. Бартош А.А. «Серые зоны» как ключевой элемент современного операционного пространства гибридной войны // Военная мысль. – 2021. – № 3. – С. 25–37.
2. Военно-политическая обстановка. // Словарь Министерства Обороны. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=4416@morfDictionary> (дата обращения: 08.08.2023).
3. Манойло А.В., Гончаренко, А.Р. «Доктрина Герасимова»: российский ответ на западные концепции гибридной войны // Научные труды ученых 1 отделения – Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук. С. 80–90.
4. Пономарев Н.В. Механизмы военного сотрудничества во внешней политике США // Международные процессы. – 2012. – № 1. – С. 95–105.
5. Стратегии союзничества в современном мире: военно-дипломатический инструментарий международно-политической конкуренции: монография / А.А. Байков, И.В. Болгова, И.А. Истомин [и др.]; под редакцией И.А. Истомина, Н.Ю. Силаева, А.А. Сушенцова; – Москва: МГИМО–Университет, 2021. – 371 с.
6. Adler E. The Spread of Security Communities: Communities of Practice, Self–Restraint, and NATO’s Post–Cold War Transformation. // European Journal of International Relations. – 2008. – Vol. 14 – No. 2. – pp. 195–230.
7. Aspin L. Report on the Bottom–Up Review. // U.S. Department of Defense, October 1993. – [Электронный ресурс]. – URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/dod_reforms/Bottom-upReview.pdf – pp. 15–16. (дата обращения: 08.08.2023).
8. Bakich S. Can Cooler Heads Prevail in the U.S. – China Military Relations? //The Bridge. 19 June 2015. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://thestrategybridge.org/the-bridge/2015/12/13/can-cooler-heads-prevail-in-us-china-military-relations> (дата обращения: 08 августа 2023).
9. Blair D. C. (ed.). Military Engagement: Influencing Armed Forces Worldwide to Support Democratic Transitions. – Brookings Institution Press, 2013. – 157 p.
10. Blechman B., Kaplan S. Force Without War: U.S. Armed Forces as a Political Instrument. – Washington, DC: Brookings Institution, 1978. – pp. 71–129.
11. Cady R.H. et al. United States Naval Operations in Low Level Warfare. Volume 1: Summary and Main Tasks. // Bendix Aerospace Systems Division, 1968. – 180 p. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://apps.dtic.mil/sti/citations/AD0864489> (дата обращения: 08.08.2023).
12. Casiano M.L. Shaping the Security Environment: Incorporating Human–Centered Design Within Security Cooperation Planning // US Army School for Advanced Military Studies Fort Leavenworth United States. – 2018. – 70 p.
13. Chorzelewski C.A. US Pacific Command Theater Security Cooperation: A Building Block to Cooperative Security in the Asia Pacific Region. – 2010. – 35 p.
14. Concept for Future Joint Operations: Expanding Joint Vision 2010. – Washington, DC: The Joint Staff, May 1997. – 96 p.
15. Defense Planning Guidance, FY1994–1999. // U.S. National Archives. 16 April 1992. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2008-003-docs1-12.pdf> (дата обращения: 08.08.2023).
16. Description of the National Military Strategy of the United States of America 2018. // U.S. Department of Defense. Joint Chiefs of Staff. 2018. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/UNCLASS_2018_National_Military_Strategy_Description.pdf (дата обращения: 08.08.2023).
17. Doctrine: Army Operations: FM 100–5 and FM 3–0. // Combined Arms Research Library. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://carlscg.libguides.com/c.php?g=1227111&p=8979297> (accessed: 08.08.2023).
18. Field Manual 3–0 Operations. // Department of the Army. Headquarters. March 2022. – [Электронный ресурс]. – URL: https://armypubs.army.mil/epubs/DR_pubs/DR_a/ARN36290-FM_3-0-000-WEB-2.pdf (дата обращения: 08.08.2023).
19. Field Manual 3–0 Operations. // Department of the Army. Headquarters. 14 June 2001. – [Электронный ресурс]. – URL: https://carlscg.libguides.com/ld.php?content_id=66068857 (дата обращения: 08.08.2023).
20. Fish L. Painting By Numbers: A History Of The U.S. Military’s Phasing Construct // War On The Rocks. 01 November 2016. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://warontherocks.com/2016/11/painting-by-numbers-a-history-of-the-u-s-militarys-phasing-construct/> (дата обращения: 08.08.2023).

¹ Подробнее о каждом из механизмов сотрудничества см.: [30, р. 20].

21. Gaines K.R., Snell R.L. Setting and Supporting the Theater // Army Sustainment Magazine. – 2015. – Vol. 47. – Pp. 8–15.
22. Groth C.H., Berliner D.T. Peacetime Military Engagement: A Framework for Policy Criteria. – Logistics Management Institute, 1993. – 46 p.
23. Hoffman F.G. Conflict in the 21st century: The Rise of Hybrid Wars. – Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. – 72 p.
24. Joint Concept for Integrated Campaigning // U.S. Joint Chiefs of Staff. 16 March 2018. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/concepts/joint_concept_integrated_campaign.pdf?ver=2018-03-28-102833-257 (дата обращения: 08.08.2023).
25. Joint Doctrine Note 1–19, Competition Continuum. // U.S. Joint Chiefs of Staff. 03 June 2019. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/jdn_jg/jdn1_19.pdf (accessed: 08.08.2023).
26. Joint Doctrine Publications // U.S. Joint Chiefs of Staff. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jcs.mil/Doctrine/Joint-Doctrine-Pubs/> (дата обращения: 08.08.2023).
27. Joint Publication 3–0 Doctrine for Joint Operations. // The Joint Chiefs of Staff. 10 September 2001. – [Электронный ресурс]. – URL: https://webharvest.gov/peth04/20041020215226/http://www.dtic.mil/doctrine/jel/new_pubs/jp3_0.pdf (дата обращения: 08.08.2023).
28. Joint Publication 3–0. Joint Operations. // The Joint Chiefs of Staff. 17 September 2006. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.globalsecurity.org/jhtml/jframe.html#https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/dod/joint/jp3_0_2006.pdf || Joint%20Pub%203–0:%20Joint%20Operations (дата обращения: 08.08.2023).
29. Joint Publication 3–0. Joint Operations. // The Joint Chiefs of Staff. 11 August 2011. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.globalsecurity.org/jhtml/jframe.html#https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/dod/joint/jp3_0_2011.pdf || Joint%20Pub%203–0:%20Joint%20Operations (дата обращения: 08.08.2023).
30. Joint Publication 3–20. Security Cooperation. // The Joint Chiefs of Staff. 23 May 2017. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/jp3_20_20172305.pdf (дата обращения: 08.08.2023).
31. Joint Publication 5–0. Joint Planning. // The Joint Chiefs of Staff. 01 December 2020. – [Электронный ресурс]. – URL: https://irp.fas.org/doddir/dod/jp5_0.pdf (дата обращения: 08.08.2023).
32. Kingseed C.C. Peacetime Engagement: Devising the Army's Role // The US Army War College Quarterly: Parameters. – 1992. – Vol. 22. – No. 1. – P. 96–102.
33. Lasswell H.D. Politics: Who Gets What, When, How. – New York: Meridian Books, 1958. – 222 p.
34. Lin B. et al. A New Framework for Understanding and Countering China's Gray Zone Tactics. // RAND Corporation. 2022. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RBA594-1.html (дата обращения: 08.08.2023).
35. Lloyd M.R. et al. Fundamentals of Force Planning, Vol. II: Defense Planning Cases. – Newport, R.I.: Naval War College. 1991. – 672 p.
36. Mazarr M. Mastering the Gray Zone. – Carlisle, U.S. Army War College Press, December 2015. – 158 p.
37. McConville J. The Army in Military Competition: Chief of Staff Paper #2. // Washington, DC: Headquarters, Department of the Army, 1 March 2021. – 31 p.
38. McCoy K. In The Beginning, There Was Competition: The Old Idea Behind The New American Way Of War // The Modern War Institute at West Point. 04 November 2018. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://mwi.westpoint.edu/beginning-competition-old-idea-behind-new-american-way-war/> (дата обращения: 08.08.2023).
39. Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York: Norton, 2001. – 592 p.
40. Military Contribution to Cooperative Security (CS) Joint Operating Concept Version 1.0. // U.S. Department of Defense. 19 September 2008. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/concepts/joc_cooperativesecurity.pdf?ver=2017-12-28-162014-213 (дата обращения: 08.08.2023).
41. Moore D.R. Decisive, Shaping, and Sustaining Operations: An Operational Organization for the Contemporary Mission Environment. – School of Advanced Military Studies, US Army Command and General Staff College, 1999. – 48 p.
42. Morgenthau H. Politics among Nations; the Struggle for Power Peace. – New York, Higher Education, 1948. – 489 p.
43. Myers S.K. The Theater Army's Central Role in Integrated Deterrence // Military Review. – May–June 2022. – Vol. 102. – No. 3 – pp. 77–89.
44. National Defense Strategy of the United States of America // U.S. Department of Defense. March 2005. – [Электронный ресурс]. – URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nds/2005_NDS.pdf?ver=tFA4Qqo94ZB0x_S6uL0QEg%3d%3d (дата обращения: 08.08.2023).
45. National Military Strategy of the United States 1995. A Strategy of Flexible and Selective Engagement // U.S. Department of Defense. Joint Chiefs of Staff. 1995. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA327956.pdf> (дата обращения: 08.08.2023).
46. National Military Strategy of the United States of America 2015. // U.S. Department of Defense. Joint Chiefs of Staff. June 2015. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf (дата обращения: 08.08.2023).
47. National Military Strategy of the United States. A Strategy for Today; A Vision for Tomorrow // U.S. Department of Defense. Joint Chiefs of Staff. 2004. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA327956.pdf> – P.ii. (дата обращения: 08.08.2023).
48. National Military Strategy of the United States.// U.S. Department of Defense. Joint Chiefs of Staff. January 1992. – [Электронный ресурс] – URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nms/nms1992.pdf?ver=2014-06-25-123420-723> (дата обращения: 08.08.2023).
49. National Security Strategy of the United States of America. // The White House. March 2006. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA327956.pdf> (дата обращения: 08.08.2023).
50. National Security Strategy of the United States of America.// The White House. December 2017. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 08.08.2023).
51. NATO in the «New Europe»: The Politics of International Socialization After the Cold War. – Stanford: Stanford University Press, 2005. – 357 p.

52. Perkins D.G. Multi-Domain Battle: The Advent of Twenty-First Century War // *Military Review*. – 2017. – Vol. 97. – No. 6. – pp. 8–13.
53. Perna G. Setting the Theater: Planning Today Provides Options for Tomorrow // *Army Sustainment*. – 2016. – Vol. 47. – pp. 2–3.
54. Remarks at the Aspen Institute Symposium in Aspen, Colorado. // George H.W. Bush Presidential Library and Museum. Public Papers. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://bush41library.tamu.edu/archives/public-papers/2128> (дата обращения: 08.08.2023).
55. Remarks by Secretary of Defense Gate Robert Gates. // Kansas State University, Landon Lecture. 26 November 2007. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.k-state.edu/media/newsreleases/landonlect/gates-text1107.html> (дата обращения: 08.08.2023).
56. Reveron D.S. *Exporting Security: International Engagement, Security Cooperation, and the Changing Face of the US military*. – Georgetown University Press, 2016. – 208 p.
57. Reveron D.S. *Shaping the Security Environment*. – US Naval War College Press, 2007. – 111 p.
58. Ripsman N.M., Taliaferro J.W., Lobell S.E. *Neoclassical Realist Theory of International Politics*. – Oxford University Press, 2016. – 209 p.
59. Schaus J. et al. *An Army Transformed: USINDOPACOM Hypercompetition and US Army Theater Design*. – US-AWC Press, 2020. – 122 p.
60. Schelling T.C. *Arms and Influence*. – Yale University Press, 2020. – 336 p.
61. Snyder G. *Alliance Politics*. – Cornell University Press, 1997. – 432 p.
62. The Operational Environment (2021–2030): Great Power, Competition, Crisis, and Conflict. // TRADOC. 26 May 2021. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://oe.tradoc.army.mil/2021/10/04/the-operational-environment-2021-2030-great-power-competition-crisis-and-conflict-2/> (дата обращения: 08.08.2023).
63. TRADOC Pamphlet 525–3–1. *The U.S. Army Operating Concept. Win in a Complex World*. // TRADOC. 07 October 2014. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://usacac.army.mil/publication/us-army-operating-concept> (дата обращения: 08.08.2023).
64. Wald C.F. *New Thinking at USEUCOM: The Phase Zero Campaign* // *Joint Force Quarterly*. – 2006. – Vol. 43. – pp. 72–75.
65. Walt S. *The Origins of Alliances*. – Ithaca. London, Cornell University Press, 1987. – 321 p.
66. Waltz K.N. *Theory of International Politics*. – Long Grove, Illinois, Waveland Press, 1979. – 251 p.
67. Wolfley K.J. *Military Statecraft and the Rise of Shaping in World Politics*. – Rowman & Littlefield, 2021. – 203 p.
68. Wolfley K. *Military Power Reimagined: the Rise and Future of Shaping* // *Joint Force Quarterly*. – 2021. – Vol. 102. – No. 3. – pp. 20–28.
69. Yarhi-Milo K., Lanoszka A., Cooper Z. *To Arm or to Ally? The Patron's Dilemma and the Strategic Logic of Arms Transfers and Alliances* // *International Security*. – 2016. – Vol. 41. – No. 2. – pp. 90–139.

US APPROACH TO FOREIGN MILITARY OPERATIONS IN POST-COLD WAR PEACETIME

Shcherbunov V.O.
MGIMO MFA of Russia

The article aims to analyze the evolution of the U.S. approach to the peacetime military force employment between 1990 to 2022. The author concludes that the concept of the use of the US armed forces has gone through two stages of development: phasing (1992–2018)

and phasing-non-linear (2018–2022.). The phase approach implies several phases, in particular, Phase 0 – «shaping or setting the theater», when the efforts of the U.S. Military are aimed at preparing the theater for military operations that occur during Phases I–V. Since the mid-2010s in the wake of the emergence of concepts of «hybrid wars» and «gray zone operations», the U.S. faced the question of modernizing the phasing construct. By the beginning of the 2020s this approach has taken on the features of non-linearity, in which the use of military sometimes does not necessarily reach the last phases (war), returning to the zone of competition.

Keywords: US military strategy, shaping environment, shaping theater, military cooperation, grey zones, hybrid warfare.

References

1. Bartosh A.A. “Gray zones” as a key element of the modern operational space of hybrid war // *Military Thought*. – 2021. – No. 3. – P. 25–37.
2. Military-political situation. // *Dictionary of the Ministry of Defense*. – [Electronic resource]. – URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=4416@morfDictionary> (date of access: 08.08.2023).
3. Manoilo A.V., Goncharenko A.R. “The Gerasimov Doctrine”: Russian response to Western concepts of hybrid war // *Scientific works of scientists of the 1st department – Department of general problems of war, peace and the army of the Academy of Military Sciences*. pp. 80–90.
4. Ponomarev N.V. Mechanisms of military cooperation in US foreign policy // *International processes*. – 2012. – No. 1. – P. 95–105.
5. Alliance strategies in the modern world: military and diplomatic tools of international political competition: monograph / A.A. Baykov, I.V. Bolgova, I.A. Istomin [and others]; edited by I.A. Istomina, N. Yu. Silaeva, A.A. Sushentsova; – Moscow: MGIMO-University, 2021. – 371 p.
6. Adler E. *The Spread of Security Communities: Communities of Practice, Self-Restraint, and NATO's Post-Cold War Transformation*. // *European Journal of International Relations*. – 2008. – Vol. 14-No. 2.-pp. 195–230.
7. Aspin L. *Report on the Bottom-Up Review*. // U.S. Department of Defense, October 1993. – [Electronic resource]. – URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/dod_reforms/Bottom-upReview.pdf – pp. 15–16. (date of access: 08.08.2023).
8. Bakich S. *Can Cooler Heads Prevail in the U.S. – China Military Relations?* // *The Bridge*. 19 June 2015. – [Electronic resource]. – URL: <https://thestrategybridge.org/the-bridge/2015/12/13/can-cooler-heads-prevail-in-us-china-military-relations> (accessed 08 August 2023).
9. Blair D. C. (ed.). *Military Engagement: Influencing Armed Forces Worldwide to Support Democratic Transitions*. – Brookings Institution Press, 2013. – 157 p.
10. Blechman B., Kaplan S. *Force Without War: U.S. Armed Forces as a Political Instrument*. – Washington, DC: Brookings Institution, 1978. – pp. 71–129.
11. Cady R.H. et al. *United States Naval Operations in Low Level Warfare. Volume 1: Summary and Main Tasks*. // Bendix Aerospace Systems Division, 1968. – 180 p. – [Electronic resource]. – URL: <https://apps.dtic.mil/sti/citations/AD0864489> (accessed 08.08.2023).
12. Casiano M.L. *Shaping the Security Environment: Incorporating Human-Centered Design Within Security Cooperation Planning* // *US Army School for Advanced Military Studies Fort Leavenworth United States*. – 2018. – 70 p.
13. Chorzelewski C.A. *US Pacific Command Theater Security Cooperation: A Building Block to Cooperative Security in the Asia Pacific Region*. – 2010. – 35 p.
14. *Concept for Future Joint Operations: Expanding Joint Vision 2010*. – Washington, DC: The Joint Staff, May 1997. – 96 p.
15. *Defense Planning Guidance, FY1994–1999*. // U.S. National Archives. 16 April 1992. – [Electronic resource]. – URL: <https://www.archives.gov/files/declassification/isicap/pdf/2008-003-docs1-12.pdf> (accessed 08.08.2023).
16. *Description of the National Military Strategy of the United States of America 2018*. // U.S. Department of Defense. Joint Chiefs of Staff. 2018. – [Electronic resource]. – URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/UNCLASS_2018_National_Military_Strategy_Description.pdf (accessed 08.08.2023).

17. Doctrine: Army Operations: FM 100–5 and FM 3–0. // Combined Arms Research Library. – [Electronic resource]. – URL: <https://carlscgsc.libguides.com/c.php?g=1227111&p=8979297> (accessed: 08/08/2023).
18. Field Manual 3–0 Operations. // Department of the Army. headquarters. March 2022. – [Electronic resource]. – URL: https://armypubs.army.mil/epubs/DR_pubs/DR_a/ARN36290-FM_3-0-000-WEB-2.pdf (accessed 08.08.2023).
19. Field Manual 3–0 Operations. // Department of the Army. headquarters. 14 June 2001. – [Electronic resource]. – URL: https://carlscgsc.libguides.com/ld.php?content_id=66068857 (accessed 08/08/2023).
20. Fish L. Painting By Numbers: A History Of The U.S. Military’s Phasing Construct // War On The Rocks. 01 November 2016. – [Electronic resource]. – URL: <https://warontherocks.com/2016/11/painting-by-numbers-a-history-of-the-u-s-militarys-phasing-construct/> (accessed 08/08/2023).
21. Gaines K.R., Snell R.L. Setting and Supporting the Theater // Army Sustainment Magazine. – 2015. – Vol. 47.-Pp. 8–15.
22. Groth C.H., Berliner D.T. Peacetime Military Engagement: A Framework for Policy Criteria. – Logistics Management Institute, 1993. – 46 p.
23. Hoffman F.G. Conflict in the 21st century: The Rise of Hybrid Wars. – Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. – 72 p.
24. Joint Concept for Integrated Campaigning // U.S. Joint Chiefs of Staff. 16 March 2018. – [Electronic resource]. – URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/concepts/joint_concept_integrated_campaign.pdf?ver=2018-03-28-102833-257 (accessed 08/08/2023).
25. Joint Doctrine Notes 1–19, Competition Continuum. // U.S. Joint Chiefs of Staff. 03 June 2019. – [Electronic resource]. – URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/jdn_jg/jdn1_19.pdf (accessed: 08/08/2023).
26. Joint Doctrine Publications // U.S. Joint Chiefs of Staff. – [Electronic resource]. – URL: <https://www.jcs.mil/Doctrine/Joint-Doc-Doc-Pubs/> (accessed 08/08/2023).
27. Joint Publication 3–0 Doctrine for Joint Operations. // The Joint Chiefs of Staff. 10 September 2001. – [Electronic resource]. – URL: https://webharvest.gov/peth04/20041020215226/http://www.dtic.mil/doctrine/jel/new_pubs/jp3_0.pdf (accessed 08/08/2023).
1. 2.8 Joint Publication 3–0. joint operations. // The Joint Chiefs of Staff. 17 September 2006. – [Electronic resource]. – URL: https://www.globalsecurity.org/jhtml/jframe.html#https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/dod/joint/jp3_0_2006.pdf (Accessed: 08/08/2023).
28. Joint Publication 3–0. joint operations. // The Joint Chiefs of Staff. 11 August 2011. – [Electronic resource]. – URL: https://www.globalsecurity.org/jhtml/jframe.html#https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/dod/joint/jp3_0_2011.pdf (Accessed: 08/08/2023).
29. Joint Publication 3–20. security cooperation. // The Joint Chiefs of Staff. 23 May 2017. – [Electronic resource]. – URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/jp3_20_20172305.pdf (accessed 08.08.2023).
30. Joint Publication 5–0. joint planning. // The Joint Chiefs of Staff. 01 December 2020. – [Electronic resource]. – URL: https://irp.fas.org/doddir/dod/jp5_0.pdf (accessed 08.08.2023).
31. Kingseed C.C. Peacetime Engagement: Devising the Army’s Role //The US Army War College Quarterly: Parameters. – 1992. – Vol. 22.-No. 1. – P. 96–102.
32. Lasswell H.D. Politics: Who Gets What, When, How. – New York: Meridian Books, 1958. – 222 p.
33. Lin B. et al. A New Framework for Understanding and Countering China’s Gray Zone Tactics. // RAND Corporation. 2022. – [Electronic resource]. – URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RBA594-1.html (accessed 08.08.2023).
34. Lloyd M.R. et al. Fundamentals of Force Planning, Vol. II: Defense Planning Cases. – Newport, R.I.: Naval War College. 1991. – 672 p.
35. Mazarr M. Mastering the Gray Zone. – Carlisle, U.S. Army War College Press, December 2015. – 158 p.
36. McConville J. The Army in Military Competition: Chief of Staff Paper #2. // Washington, DC: Headquarters, Department of the Army, 1 March 2021. – 31 p.
37. McCoy K. In The Beginning, There Was Competition: The Old Idea Behind The New American Way Of War // The Modern War Institute at West Point. 04 November 2018. – [Electronic resource]. – URL: <https://mwi.westpoint.edu/beginning-competition-old-idea-behind-new-american-way-war/> (accessed 08/08/2023).
38. Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York: Norton, 2001. – 592 p.
39. Military Contribution to Cooperative Security (CS) Joint Operating Concept Version 1.0. // U.S. Department of Defense. 19 September 2008. – [Electronic resource]. – URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/concepts/joc_cooperativesecurity.pdf?ver=2017-12-28-162014-213 (accessed 08/08/2023).
40. Moore D.R. Decisive, Shaping, and Sustaining Operations: An Operational Organization for the Contemporary Mission Environment. – School of Advanced Military Studies, US Army Command and General Staff College, 1999. – 48 p.
41. Morgenthau H. Politics among Nations; the Struggle for Power Peace. – New York, Higher Education, 1948. – 489 p.
42. Myers S.K. The Theater Army’s Central Role in Integrated Deterrence // Military Review. – May–June 2022. – Vol. 102.-No. 3.-pp. 77–89.
43. National Defense Strategy of the United States of America // U.S. Department of Defense. March 2005. – [Electronic resource]. – URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nds/2005_NDS.pdf?ver=tFA4Qqo94ZB0x_S6uL-0QEg%3d%3d (accessed 08.08.2023).
44. National Military Strategy of the United States 1995. A Strategy of Flexible and Selective Engagement // U.S. Department of Defense. Joint Chiefs of Staff. 1995. – [Electronic resource]. – URL: <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA327956.pdf> (accessed 08.08.2023).
45. National Military Strategy of the United States of America 2015. // U.S. Department of Defense. Joint Chiefs of Staff. June 2015. – [Electronic resource]. – URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf (accessed 08.08.2023).
46. National Military Strategy of the United States. A Strategy for Today; A Vision for Tomorrow // U.S. Department of Defense. Joint Chiefs of Staff. 2004. – [Electronic resource]. – URL: <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA327956.pdf> – P.ii. (date of access: 08.08.2023).
47. National Military Strategy of the United States.// U.S. Department of Defense. Joint Chiefs of Staff. January 1992. – [Electronic resource] – URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nms/nms1992.pdf?ver=2014-06-25-123420-723> (Accessed: 08.08. 2023).
48. National Security Strategy of the United States of America. // The White House. March 2006. – [Electronic resource]. – URL: <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA327956.pdf> (accessed 08.08.2023).
49. National Security Strategy of the United States of America.// The White House. December 2017. – [Electronic resource]. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 08/08/2023).
50. NATO in the “New Europe”: The Politics of International Socialization After the Cold War. – Stanford: Stanford University Press, 2005. – 357 p.
51. Perkins D.G. Multi-Domain Battle: The Advent of Twenty-First Century War // Military Review. – 2017. – Vol. 97.-No. 6.-pp. 8–13.
52. Perna G. Setting the Theater: Planning Today Provides Options for Tomorrow //Army Sustainment. – 2016. – Vol. 47.-pp. 2–3.
53. Remarks at the Aspen Institute Symposium in Aspen, Colorado. // George H.W. Bush Presidential Library and Museum. public papers. – [Electronic resource]. – URL: <https://bush41library.tamu.edu/archives/public-papers/2128> (accessed 08.08.2023).
54. Remarks by Secretary of Defense Gate Robert Gates. // Kansas State University, Landon Lecture. November 26, 2007. – [Electronic resource]. – URL: <https://www.k-state.edu/media/news-releases/landonlect/gatetext1107.html> (accessed 08.08.2023).
55. Reveron D.S. Exporting Security: International Engagement, Security Cooperation, and the Changing Face of the US military. – Georgetown University Press, 2016. – 208 p.

56. Reveron D.S. Shaping the Security Environment. – US Naval War College Press, 2007. – 111 p.
57. Ripsman N.M., Taliaferro J.W., Lobell S.E. Neoclassical Realist Theory of International Politics. – Oxford University Press, 2016. – 209 p.
58. Schaus J. et al. An Army Transformed: USINDOPACOM Hypercompetition and US Army Theater Design. – USAWC Press, 2020. – 122 p.
59. Schelling T.C. Arms and Influence. – Yale University Press, 2020. – 336 p.
60. Snyder G. Alliance Politics. – Cornell University Press, 1997. – 432 p.
61. The Operational Environment (2021–2030): Great Power, Competition, Crisis, and Conflict. //TRADOC. 26 May 2021. – [Electronic resource]. – URL: <https://oe.tradoc.army.mil/2021/10/04/the-operational-environment-2021-2030-great-power-competition-crisis-and-conflict-2/> (Accessed: 08.08 .2023).
62. TRADOC Pamphlet 525–3–1. The U.S. Army Operating Concept. Win in a Complex World. // TRADOC. 07 October 2014. – [Electronic resource].–
63. URL: <https://usacac.army.mil/publication/us-army-operating-concept> (date of access: 08/08/2023).
64. Wald C.F. New Thinking at USEUCOM: The Phase Zero Campaign //Joint Force Quarterly. – 2006. – Vol. 43.-pp. 72–75.
65. Walt S. The Origins of Alliances. – Ithaca. London, Cornell University Press, 1987. – 321 p.
66. Waltz K.N. Theory of International Politics. – Long Grove, Illinois, Waveland Press, 1979. – 251 p.
67. Wolfley K.J. Military Statecraft and the Rise of Shaping in World Politics. – Rowman & Littlefield, 2021. – 203 p.
68. Wolfley K. Military Power Reimagined: the Rise and Future of Shaping // Joint Force Quarterly. – 2021. – Vol. 102.-No. 3.-pp. 20–28.
69. Yarhi-Milo K., Lanoszka A., Cooper Z. To Arm or to Ally? The Patron's Dilemma and the Strategic Logic of Arms Transfers and Alliances //International Security. – 2016. – Vol. 41.-No. 2.-pp. 90–139.

Неологизмы в английском языке в контексте глобальных трансформаций, вызванных неолиберальной глобализацией в период формирования однополярного мира (*Pax Americana*)

Кузнецова Татьяна Анатольевна,

к.э.н., доцент кафедры английского языка, МГИМО МИД России

E-mail: tkostetsky@gmail.com

В данной научной статье анализируется актуальность интеграции неологизмов в современный лексический аппарат. Исследуются позиции экспертов разных дисциплин: языковедения, культурологии и филологии. Особое внимание акцентируется на преимуществах и возможных рисках применения новых лексем в рамках глобальных изменений и технологического развития. Подборка языковых примеров помогает в визуализации обсуждаемых сценариев. Исследование также касается вопросов социокультурной роли новообразований и их вклада в формирование лингвистической картины мира. Данный материал представляет ценность для профессионалов в сфере языковедения, студентов-филологов и всех, кто стремится понять воздействие языковых новшеств на динамику современного сообщества.

Ключевые слова: неологизмы, глобализация, лингвистика, социокультурная динамика, технологический прогресс, языковые инновации, языковая идентичность, культурология, филология, языковое разнообразие.

Современные тенденции развития общества характеризуются быстрыми и радикальными переходами в разнообразных областях. Этот динамизм непосредственно проявляется в эволюции языка, который мгновенно отзывается на текущие события. Слова и выражения, возникающие в ответ на новые явления, помогают человеку адаптироваться в быстро меняющемся мире, описывая свежие идеи и концепции.

Центральными понятиями настоящего исследования являются следующие.

- *Неологизмы* – лексические единицы, возникшие в ответ на социокультурные, технологические и другие изменения в обществе [16].
- *Неолиберальная глобализация* – концепция, основанная на принципах свободного рынка, минимизации роли государства в экономике и расширении международного сотрудничества [16].
- *Однополярный мир* – ситуация, при которой одна держава или коалиция стран играет ключевую роль в мировой политике [16].
- *Pax Americana* – время, следующее за завершением холодной войны, когда США стали основной движущей силой в мировых экономических, политических и культурных процессах [16].

С 80-х годов прошлого столетия до 2022 года общество столкнулось с целым рядом преобразований. Окончание холодной войны породило монополярный мир с преобладающим влиянием США. Эту эру также сопровождал всплеск инноваций, в особенности в IT-сфере, что послужило катализатором глобализации во многих аспектах жизни. Принципы неолиберализма стали основой для экономической политики многих государств, что усилило международную интеграцию.

В контексте масштабных глобальных преобразований, когда различные сферы человеческой деятельности претерпевают значительные изменения, язык выполняет ключевую роль в качестве отражения и посредника этих нововведений. Современные лексические образования, или неологизмы, активно документируют эти тенденции, становясь лингвистическими маркерами культурной и социальной адаптации. Английский язык, играя роль универсального коммуникативного инструмента, подвергается этим трансформациям особенно активно. Глубокое осмысление происхождения и динамики этих новых лексем обеспечивает специалистам, преподавателям и глобальному сообществу навыки, необходимые для эффективного общения в современной реальности.

Цель данного анализа заключается в изучении взаимосвязи между неолиберальными стремлениями в эпоху установления монополярного мирового порядка и рассмотрением того, как отражаются неологизмы в эту эпоху.

Задачи данного исследования:

- рассмотреть исторический фон эры установления монополярного порядка и Pax Americana, анализируя его вклад в языковую динамику;
- изучить ключевые экономические неологизмы, отражающие преобразования в мировой экономике;
- изучить геополитическую лексику, выявить её корни и взаимосвязь с глобальными политическими событиями;
- определить лексические новшества, связанные с культурной и духовной областью, анализируя их как отражение международных культурных движений;
- произвести социолингвистическое исследование, чтобы понять влияние социокультурных и коммуникативных аспектов на создание и распространение новой лексики;
- рассмотреть различные критические позиции относительно воздействия глобализации на языковые изменения, собрав и проанализировав мнения экспертов из разных дисциплин.

Путем глубокого изучения вышеперечисленных целей, данная работа направлена на комплексное понимание того, как глобальные тенденции, мировые новшества (тренды) и др. воздействуют на языковую адаптацию и как это изменение лексики может, в свою очередь, корректировать наше восприятие указанных трендов.

Исторический контекст

После завершения Холодной войны и развала Советского Союза, международная сцена подверглась глобальному преобразованию, что отразилось в создании монополярного мирового баланса. В этот момент, как указывает Л.А. Лисичкин, проявилось явное превосходство США в глобальных делах, что породило термин Pax Americana, означающий мир, руководствуемый американскими принципами [9].

Глобальная неолиберальная доктрина, отражающаяся в расширении рыночной экономики, снижении государственного регулирования и включению национальных экономик в международные рыночные отношения, определила ключевые направления данного временного интервала [14]. Во многом благодаря инициативам США при активной поддержке Великобритании в сфере внешней экономики и политики, различные государства стали интегрировать в свои системы западные стандарты и методики [15].

Соответствующее этому времени языковое обогащение, особенно в английском языке, заслуживает особого внимания. Появление уникальной лексики стало зеркалом глобальных перемещений, указывая на то, как разные культуры осмысливали и внедряли эти перемены [19].

Влияние неолиберальной глобализации на геополитические и экономические процессы

Важно отметить, что в конце XX века неолиберальные тенденции начали активно влиять на экономические и политические структуры глобального сообщества. Это время отмечалось глобальной интеграцией: национальные экономики уменьшали нормативные барьеры, создавая пространство для всемирной торговли [20]. В результате этого возникла всемирная экономическая арена, на которой доминировали свободная торговля, обмен услугами и быстрое распространение информации. Это способствовало глубокой экономической взаимозависимости государств и открывало двери для гло-

бальных бизнес-инициатив. Однако среди преимуществ были и трудности. Мир столкнулся с вызовами, такими как экономическая волатильность, социальные дисбалансы и экологические риски. В ответ на это, многие нации стали формулировать новые направления своей внешней экономической и политической деятельности [20]. Кроме того, данные изменения заметно отразились на языковой сфере, прежде всего в англоязычном контексте. Словарный запас обогатился понятиями, характеризующими новые экономические и политические явления, что подчеркивает масштабы происходящих глобальных преобразований.

Неологизмы в языке экономики

Под воздействием глобальных процессов, инноваций и социокультурных изменений мировая экономика приобретает новую лексику. Слова, которых раньше не существовало, теперь становятся инструментами для описания современных явлений. Рассмотрим такие понятия как «cryptocurrency» (криптовалюта), «fintech» (финтех) и «gig economy» (гиг-экономика): они символизируют эпоху, где цифровизация и международное взаимодействие занимают центральное место [7].

«Криптовалюта» стала знаком цифровых инноваций в финансовой сфере, предлагая методы для совершения транзакций без стандартных финансовых учреждений [7]. Тогда как «финтех» представляет передовые концепции в финансовой среде [2], «гиг-экономика» указывает на сдвиг в способах трудоустройства, где акцент делается на короткосрочные и проектные виды занятости. Исследование этих новаторских терминов не просто обогащает язык, но и помогает в глубоком понимании трендов и преобразований в экономике. С помощью такой лексики эксперты, бизнесмены и академики могут адекватно описывать и разбирать современные экономические процессы [2].

Анализ причин возникновения и распространения неологизмов в языке экономики

В языковом ландшафте экономики новые термины возникают на пересечении технологических инноваций, экономических переходов и социальной динамики. Примечательно, что «Blockchain» (Блокчейн) выделился в лексиконе из-за прорывов в сфере цифровизации, обеспечивая платформу для децентрализованной «ведомости» [3]. Параллельно, выражение «зеленые инвестиции» заслуживает внимания, подчеркивая акцент на экологической осознанности и стремлении к устойчивым практикам [6].

В век глобализации и интернета новые экономические концепции и терминология быстро набирают обороты. В эпоху мгновенных коммуникаций и социальных платформ нововведения в экономическом дискурсе могут мгновенно стать общеизвестными. Впрочем, не каждый современный термин укореняется в языке: их продолжительность и актуальность определяется наличием и значимостью соответствующих явлений в экономической реальности [10]. Понятия, которые соответствуют глубоко укоренившимся или новаторским практикам, чаще всего обретают стабильность и распространенность в нашем лексиконе [13].

В завершение, интеграция новых слов в экономический язык является зеркалом для оценки динамичных экономических, социокультурных и технологических перемещений в глобальной среде.

Геополитические неологизмы

В условиях постоянно меняющегося геополитического ландшафта, языковые конструкции адаптируются, чтобы лучше отражать эти изменения. Возникновение геополитических новообразований не только свидетельствует о появлении инновационных концепций, но и переосмыслении устоявшихся понятий. Так, термин «Брексит» появился в лексиконе, акцентируя на себе внимание как обозначение процесса отсоединения Великобритании от ЕС [1]. Аналогично, выражение «гибридная война» стало характеризовать конфронтации, где классические и альтернативные стратегии взаимодействуют. Благодаря ускоренным темпам глобализации и информационной насыщенности, сообщества быстро узнают о геополитических нововведениях. Таким образом, английский язык функционирует как зеркало, отображая и адаптируясь к геополитической эволюции, при этом новшества в терминологии помогают в более детальной характеристике современных геополитических нюансов.

Взаимосвязь между языковыми изменениями и геополитическим формированием нового мирового порядка

Эволюция лингвистических структур идет параллельно с геополитическими перестановками. Мировые геополитические трансформации оставляют отпечаток на языковом коде, модифицируя способы выражения современных явлений. В контексте этой динамики появляется термин «цифровое государство», акцентируя внимание на интеграции современных технологий в структуру государственного механизма [8].

С учетом меняющихся геополитических динамик и стратегий государств, лингвистическая палитра обогащается, стремясь отразить новую реальность. Это подкрепляет тезис о том, что язык представляет собой не застывший инструмент, а гибкую систему, реагирующую на изменения в социальных, экономических и международных контекстах [4]. Исследуя современные лексические новации, можно получить представление о направлениях и векторах геополитического движения на планете.

Неологизмы в культурной и духовной сфере

Под воздействием глобальной культурной интеграции и межнационального взаимодействия современный язык преобразуется, отражая многогранность и динамичность изменений. Проявление этого можно наблюдать в появлении неологизмов как новых лексических единиц, отражающих культурные и цифровые аспекты нашего времени. Так, термин «мем», первоначально определенный Ричардом Докинзом как культурный аспект передачи знаний между поколениями, теперь охватывает и популярные интернет-тренды, распределяющиеся среди онлайн-аудитории [5]. Современные терминологические нововведения становятся мостами, связывающими людей в глобальном информационном пространстве и отражающими взаимопроникновение культур на мировой арене.

Влияние американской культуры на формирование и распространение новых слов и выражений

Отметим, что в эпоху глобализации культурное влияние Соединенных Штатов проявляется в многочисленных языках. Элементы американской поп-культуры, техноло-

гического прогресса и уникального стиля жизни активно расширяют словарный запас многих наций. Например, термин «fast food» (фастфуд) стал глобальным явлением из-за массовой популярности американских ресторанов быстрого обслуживания. Слова типа «computer» (компьютер) и «blogger» (блоггер) иллюстрируют технологическое лидерство США в современной цифровой эпохе. Хотя культурное проникновение вызывает дискуссии о сохранении языковой идентичности, несомненно то, что язык в определенной степени отражает эволюцию общества, а американская культура играет ключевую роль в этом процессе.

Американская киноиндустрия, распознаваема по таким терминам как «blockbuster» (блокбастер) или «trailer» (трейлер), оставила свой отпечаток на глобальной культурной сцене. Музыкальные направления, вроде рока или рэпа, также внесли свой вклад в культурное наследие многих наций, предоставив новые музыкальные и стилистические нюансы. Американская мода, представленная такими элементами как «jeans» (джинсы) или «sneakers» (сникеры, т.е. кроссовки), стала символом универсального стиля.

С развитием цифровых технологий американская культура усилила свое присутствие в глобальной сети. Так, лексические единицы, такие как «meme» (мем) или «podcast» (подкаст), стали частью ежедневной коммуникации в различных странах, приспосабливаясь к местным языковым особенностям.

В завершение отметим, что несмотря на влияние американской культуры, каждый язык сохраняет свой характер и глубоко укорененные культурные традиции. Языковое обогащение – это проявление адаптации культуры в быстро меняющемся мире.

Социолингвистический анализ

Исследования в области социолингвистики акцентируют внимание на взаимодействии между социокультурными динамиками и языковыми изменениями. Процесс интеграции новых слов в язык часто идет параллельно ключевым технологическим и культурным тенденциям [11]. Примером служит термин «блоггер», который был рожден в эпоху цифровых технологий, подразумевая собой современный способ ведения диалога и представления информации в сети. Появление слов, вроде «флешмоб», подтверждает взаимное проникновение культур в эпоху глобализации.

К тому же, социальные трансформации прямо коррелируют с лексическими нововведениями. Например, введение понятия «гендерное равенство» обозначает активное осмысление проблемы социальной дискриминации и стремление к обеспечению равноправия.

В целом, анализ с точки зрения социолингвистики дает инструменты для понимания того, как язык адаптируется и отражает изменения в социокультурной среде, подчеркивая динамичность и мотивацию внедрения новых терминов.

Влияние глобальных коммуникационных средств на распространение новых терминов

Цифровая эра и популярность социальных платформ сделали мир более взаимозависимым. Механизмы глобального обмена информацией ускоряют процесс ассимиляции новых лексических единиц, что подтверждается их быстрым вхождением в обиход [17]. Рассмотрим такой пример: термин «selfies» (селфи) еще недавно был малоизвестным, однако, благодаря его активному использо-

ванию в социальных сетях, он стал частью ежедневного лексикона многих. В рамках процесса глобализации, исходные англоязычные номинации, такие как, например, «startup» (стартап) или «streaming» (стриминг), начали функционировать в различных языковых контекстах без адаптации. Например, «hashtag» (хэштег) отражает эволюцию современных коммуникативных практик и социальной активности. Важно подчеркнуть, что, хотя интернет активизирует распространение новых лексем, не каждый новый термин обретает статус долгосрочного участника языковой системы. Некоторые слова могут стать эфемерными, особенно если их актуальность определена временными культурными явлениями.

Критический взгляд на неологизмы

В эпоху глобализации наблюдается интенсивное внедрение новых лексических единиц. Такой процесс обогащает языковую систему, делая её способной отображать актуальные социокультурные изменения [18]. Тем не менее, активное появление неологизмов может создавать сложности в понимании, в особенности для людей, оторванных от цифровых технологий или находящихся в стороне от главных культурных течений. Имеет место интересный аспект: не все современные термины устойчиво интегрируются в язык. Некоторые из них, имея кратковременную актуальность, постепенно утрачивают свою релевантность, не становясь элементом устойчивого лексикона [19]. Таким образом, несмотря на то что неологизмы отражают динамику развития лингвистической системы, они также могут служить источником разногласий и противоречий в культурном и социолингвистическом контекстах.

Мнения экспертов о неологизмах

В рамках глобализации новые лексические единицы внедряются в язык, привлекая внимание экспертов в области лингвистики, культурологии и других дисциплин. Некоторые исследователи подчеркивают, что такая лексика является зеркалом быстрых изменений во всех сферах общества, культуры и технологий, обеспечивая языку свежесть и гибкость [11]. Так, слово «селфи» демонстрирует влияние технологического бума и новых форм представления себя социуму.

С другой стороны, исследователи культуры, подобные Ж. Розино, выразили опасение, что внедрение, особенно англицизмов, может размывать культурное наследие, ведя к потере идентичности в глобальном масштабе [19]. Однако такие слова, как «блоггер» или «стриминг», безусловно, нашли свое место во многих языках, отражая модернизацию общения.

Вдобавок, как подчеркивает М.Ф. Алмардонова, некоторые из этих нововведений могут стать источником замешательства для тех, кто отстает в плане цифровой грамотности [13]. Примером служит «блокчейн», термин, часто вызывающий недоумение у тех, кто не знаком с концепцией цифровых валют и передовых технологий.

В завершение, эксперты выделяют различные точки зрения на неологизмы, однако приходят к консенсусу, что эти новые словесные формы иллюстрируют трансформацию языковой системы и культурных контекстов, действуя как связующее звено между историческим наследием и предстоящими изменениями. Отношение к неологизмам в социуме также заслуживает особого внимания. М.В. Москалёва акцентирует тот факт, что для пожилых людей многие из современных лексических единиц могут представляться загадочными или даже искажать первичное послание [Москалёва, М.В.]. В то вре-

мя как для «цифрового поколения» такие слова интегрированы в повседневный лексикон.

Научный вклад Дж. Айтчисона в этот дискурс обогащает понимание темы, указывая на автоматизм языковых изменений, инициированных ментальной активностью людей [12]. Каждая лексическая новация усиливает горизонты семантического восприятия и культурное наследие. Однако следует осознавать потенциальную угрозу деградации языкового самосознания. Чрезмерное внедрение или некорректное усвоение иноязычных концепций может исказить языковую матрицу, лишая её индивидуальности. В целом, актуализация неологизмов является отражением социокультурной эволюции. Тем не менее, сохранение языкового национального кода остается актуальной задачей для лингвистов.

Литература

1. Алиева, Т.В. Референдум Брексит: языковые средства актуализации оппозиции «свой-чужой» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 3. С. 8–13.
2. Белоусов А.Л. Адаптация подходов к регулированию финансового сектора в условиях цифровизации // Цифровые технологии и право. Сборник научных трудов и международной научно-практической конференции. 2022. С. 248–251.
3. Бородин, А.В., Кузовкова, Т.А. Правовое обеспечение обращения цифрового рубля и цифровых валют: от стихийного следования трендам к снижению барьеров // Цифровые технологии и право. Сборник научных трудов и международной научно-практической конференции. 2022. С. 252–257.
4. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы): учебное пособие. – Москва: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
5. Докинз, Р. Эгоистичный ген. – Москва: Мир, 1993. – 512 с.
6. Дорина, Е.Б., Буховец, Т.В. Управление зеленым развитием национальной экономики. – Минск, 2017. – 192 с.
7. Зайцева, Л.В. Правовые ограничения для дистанционного привлечения IT-специалистов, проживающих за рубежом // Цифровые технологии и право. Сборник научных трудов и международной научно-практической конференции. 2022. С. 139–143.
8. Косоруков, А.А. Цифровое государственное управление. – Москва, 2020. – 283 с.
9. Лисичкин, В.А., Шелепин, Л.А. Глобальная империя зла. – Москва, 2001. – С. 223
10. Москалёва, М.В. Неологизмы и проблема их изучения в современном русском языке. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/v/neologizmy-i-problema-ih-izucheniya-v-sovremennom-russkom-yazyke>
11. Семёнова, Э.В. Неологизмы в современном английском языке и причины их возникновения. Филологический аспект. – № 2(70). – 2021. – С. 34–39.
12. Aitchison, J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. John Wiley & Sons. 352 p.
13. Almaridonova, M.F. Neologisms in the english language in the 21st century // Golden Brain. – 2023. – V. 1. – С. 95–98.
14. Auffret, Philippe. High consumption volatility: the impact of natural disasters. World Bank Policy Research Working Paper, No. 2962. Washington, D.C.: World Bank. January, 2023.
15. Barrett, C.B., and Carter M.R. (2006). Poverty traps and productive social safety nets: policy implications for

conflict recovery. Paper prepared for the Conference on Poverty Reduction in Conflict and Fragile States: Perspectives from the Household Level, Washington, D.C., 8 and 9 November 2006, organized by the United States Agency for International Development, the Households in Conflict Network (HiCN) and the German Institute for Economic Research (DIW, Berlin).

16. Cambridge Dictionary. 2023 (дата обращения: 06.04.2023).
17. Chaudhary, M. Natural Disasters-Origins, Impacts, Management. Encyclopedia 2021, 1(4), P. 1101–1131.
18. Colina, O. English Neologisms in Modern Times Raquel / O. Colina // University of Basque Country. 2021. [Электронный ресурс]. – URL: https://addi.ehu.es/bitstream/handle/10810/55740/TFG_Ortiz.pdf?sequence=130 (дата обращения: 25.05.2023).
19. Rosenau, J. Distant Proximities: Dynamics beyond Globalization / J. Rosenau. Princeton: Princeton University Press, 2003.
20. van der Hoeven, Rolph. Labour market trends, financial globalization and the current crisis in developing countries. Справочный документ, подготовленный для Обзора мирового экономического и социального положения, 2010 год: переоснащение мирового развития.

NEOLOGISMS IN THE ENGLISH LANGUAGE IN THE CONTEXT OF GLOBAL TRANSFORMATIONS PROMPTED BY NEOLIBERAL GLOBALIZATION DURING THE ESTABLISHMENT OF THE UNIPOLAR WORLD (PAX AMERICANA)

Kuznetsova T.A.

MGIMO MFA of Russia

This scholarly article examines the relevance of integrating neologisms into the contemporary lexical framework. The stances of experts from various disciplines, such as linguistics, cultural studies, and philology, are explored. Special emphasis is placed on the advantages and potential risks of employing new lexemes within the scope of global changes and technological advancements. A selection of linguistic examples aids in visualizing the discussed scenarios. The study also touches upon issues related to the sociocultural role of newly coined terms and their contribution to shaping the linguistic worldview. This material holds value for professionals in the field of linguistics, philology students, and anyone aiming to understand the impact of linguistic novelties on the dynamics of modern society.

Keywords: neologisms, globalization, linguistics, sociocultural dynamics, technological progress, linguistic innovations, linguistic identity, cultural studies, philology, linguistic diversity.

References

1. Alieva, T.V. Referendum Breksit: yazykovye sredstva aktualizatsii oppozitsii «svoj-chuzhoj» // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2017. № 3. P. 8–13.

2. Belousov, A.L. Adaptatsiya podhodov k regulirovaniyu finansovogo sektora v usloviyah cifrovizatsii // Cifrovye tekhnologii i pravo. Sbornik nauchnyh trudov i mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. 2022. P. 248–251.
3. Borodin, A.V., Kuzovkova, T.A. Pravovoe obespechenie obrashcheniya cifrovogo rublya i cifrovoy valyut: ot stihijnogo sledovaniya trendam k snizheniyu bar'evrov // Cifrovye tekhnologii i pravo. Sbornik nauchnyh trudov i mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. 2022. P. 252–257.
4. Vinogradov, V.S. Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i lekshicheskie voprosy): uchebnoe posobie. – Moscow: Izd-vo instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO, 2001. – 224 p.
5. Dokinz, R. Egoistichnyj gen. – Moscow: Mir, 1993. – 512 p.
6. Dorina, E.B., Buhovec, T.V. Upravlenie zelenym razvitiem natsional'noj ekonomiki. – Minsk, 2017. – 192 p.
7. Zajceva, L.V. Pravovye ogranicheniya dlya distantsionnogo privlecheniya IT-specialistov, prozhivayushchih za rubezhom // Cifrovye tekhnologii i pravo. Sbornik nauchnyh trudov i mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. 2022. P. 139–143.
8. Kosorukov, A.A. Cifrovoe gosudarstvennoe upravlenie. – Moscow, 2020. – 283 p.
9. Lisichkin, V.A., Shelepin, L.A.. Global'naya imperiya zla. – Moscow, 2001. – P. 223.
10. Moskalyova, M.V. Neologizmy i problema ih izucheniya v sovremennom russkom yazyke // URL: <http://cyberleninka.ru/article/v/neologizmy-i-problema-ih-izucheniya-v-sovremennom-russkom-yazyke>.
11. Semyonova, E.V. Neologizmy v sovremennom anglijskom yazyke i prichiny ih vozniknoveniya. Filologicheskij aspekt, № 2 (70), 2021, P. 34–39.
12. Aitchison, J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. John Wiley & Sons. 352 p.
13. Almaridonova, M.F. Neologisms in the english language in the 21st century // Golden Brain. – 2023. – V. 1. – C. 95–98.
14. Auffret, Philippe. High consumption volatility: the impact of natural disasters. World Bank Policy Research Working Paper, No. 2962. Washington, D.C.: World Bank. January. 2023
15. Barrett, C. B., and M.R. Carter (2006). Poverty traps and productive social safety nets: policy implications for conflict recovery. Paper prepared for the Conference on Poverty Reduction in Conflict and Fragile States: Perspectives from the Household Level, Washington, D.C., 8 and 9 November 2006, organized by the United States Agency for International Development, the Households in Conflict Network (HiCN) and the German Institute for Economic Research (DIW, Berlin).
16. Cambridge Dictionary, 2023. (accessed: 06.04.2023).
17. Chaudhary, M. Natural Disasters-Origins, Impacts, Management. Encyclopedia. – 2021, 1(4). – P. 1101–1131.
18. Colina, O. English Neologisms in Modern Times Raquel / O. Colina // University of Basque Country. – 2021. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://addi.ehu.es/bitstream/handle/10810/55740/TFG_Ortiz.pdf?sequence=130 (accessed: 25.05.2023).
19. Rosenau, J. Distant Proximities: Dynamics beyond Globalization / J. Rosenau. – Princeton: Princeton University Press, 2003.
20. van der Hoeven, Rolph. Labour market trends, financial globalization and the current crisis in developing countries. Spravochnyj dokument, podgotovlennyy dlya Obzora mirovogo ekonomicheskogo i social'nogo polozheniya, 2010 god: pereosnashenie mirovogo razvitiya. 2010.

Постмарксистский взгляд на мировой опыт исследования состояния институционального доверия

Проскурина Александра Сергеевна,

к.с.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ASProskurina@fa.ru

Зновьюк Ангелина Вячеславовна,

стажер-исследователь Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: AVVlasova@fa.ru

В статье осуществляется анализ практики исследований уровня институционального доверия. Данная практика рассмотрена с позиции постмарксистской парадигмы (И. Валлерстайн) и мир-системного анализа. В ходе анализа 60 эмпирических исследований уровня форм институционального доверия, реализованных различными странами мира, авторами сделан вывод о существовании связи между региональной принадлежностью организации, осуществляющей анализ, и результатами исследования. Выявлены общие и специфические темы анализа в сфере доверия, что свидетельствует о влиянии экономических отношений на исследовательские практики. Обнаружена связь между ценностями страны и содержанием исследований уровня доверия. Сделан обоснованный вывод о необходимости учёта экономических и культурных особенностей при использовании данных, полученных исследовательской организацией той или иной страны, предложены способы работы с вторичными данными в этой перспективе.

Ключевые слова: социология доверия, постмарксизм, институциональное доверие, методология исследования доверия, международные исследования, всемирный обзор ценностей.

Современный мир представляет собой динамичную систему, постоянно развивающуюся и изменяющуюся под влиянием тех или иных явлений, процессов, структур. Аспект доверия представляется важнейшим элементом во взаимодействии «человек»-«социальный институт». Институциональное доверие для современных экономических отношений определяется как объективированные нормы доверия в форме нормативно-правового регулирования отношений (применение санкций, контрактные отношения, построение систем лояльности) [22]. Формирование институционального доверия становится не только задачей непосредственно самих институтов, но и в целом отношений, связанных с институтами [31]. Институциональное доверие приобретает гибридную форму именно в силу невозможности анализа исключительно институциональных его форм. Оно выступает формой скрытого контроля социальных пространств за счёт информирования об общепринятых установках, нормах и ценностях [27].

Вопрос операционализации уровня институционального доверия связан с отсутствием однозначного алгоритма его исследования: например, в ряде случаев требуется идти «от обратного», исследуя скорее недоверие и падение уровня доверия [30]. В связи с этим была поставлена задача комплексного анализа существующей мировой практики операционализации доверия, выходящей за пределы индексов, разработанных ведущими исследовательскими организациями.

Разведывательное исследование построено следующим образом. Были собраны и систематизированы по географическому принципу результаты работы ведущих исследовательских организаций, связанные с изучением уровня доверия. В полученных группах был реализован анализ содержания исследования с целью выявления следующих его компонентов: тематическая направленность; формы операционализации доверия; связь с другими исследовательскими концепциями и организациями. Выявленные тенденции были проанализированы с точки зрения существующих теорий, связанных с распределением знаний, принятием решений и глобализирующимся мировым пространством.

Для проведения анализа был выдвинут ряд гипотез. Регионализация – тенденция, обратная глобализации: сегодня мир существует одновременно и в состоянии высокой уровни связи различных элементов между собой, и в тенденции к формированию закрытых, самостоятельных групп. По своей сути, эти процессы не противоречивы, так как и глобализация, и регионализация усиливаются с течением времени [3]. В этих условиях можно предположить, что *научные подходы, знания в целом будут также следовать этим тенденциям: если речь идёт об анализе глоболокальных процессов, знания о них также будут глоболокальными*. Вторым предположением, связанным с глобальными процессами, будет предположение о том, что *неолиберализация экономики затрагивает и область знаний*: это предположение основано на наблюдаемом тренде к перформативности в научной работе и распространение в её организации рыночных ценностей [29]. Следующим из второго является третье предположение: *страновой подход к реализации исследования доверия связан с ценностями региона*.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Тезис о возможной глоболокальности знаний требует, чтобы мы обратились к ряду теоретических подходов.

При анализе категории доверия в контексте социологических исследований разных государств особый акцент делается на концепцию мир-системного анализа И. Валлерстайна, американского социолога и политолога, благодаря трудам которого мир узнал о совершенно новой концепции. В своих научных трудах И. Валлерстайн отходит от формационного и цивилизационного подходов, предлагается принципиально новая парадигма общественного развития, которая заключается в деление систем на два типа: мини-системы и мир-системы (мир-империи, мир-экономика). Валлерстайн даёт следующее определение: «мир-система – это социальная система, которая имеет границы, структуры, группы членов, правила легитимации и согласованность. Ее жизнь состоит из конфликтующих сил, которые удерживают ее вместе напряжением и разрывают на части, поскольку каждая группа вечно стремится переделать ее в свою пользу. Она обладает характеристиками организма, поскольку имеет продолжительность жизни, в течение которой ее характеристики меняются в одних отношениях и остаются стабильными в других... Жизнь внутри нее в значительной степени самодостаточна, и динамика ее развития в значительной степени внутренняя» [20].

Так, современный миропорядок – это единственная мир-система, капиталистическая мир-экономика, которая базируется на обширном разделении труда, обусловленном в большей степени социальными, чем географическими факторами. Согласно идеям И. Валлерстайна, можно выделить три составляющих современной мир-системы.

1. Ядро, то есть развитые страны, в которых происходит концентрация капитала (США, наиболее развитые страны ЕС, Япония, Австралия, Канада).
2. Полупериферия, то есть государства, совмещающие характерные черты ядра и периферии (страны БРИКС, Южная Корея).
3. Периферия, то есть страны, которые выступают сырьевой базой для стран ядра, (иные страны Африки, иные страны Азии, иные страны Латинской Америки).

Теоретическим основанием мир-системного подхода является историческая школа «Анналов» с акцентом на исследование длительных исторических периодов с позиции исследования мышления людей. Из этого подхода Валлерстайн заимствует анализ крупных географических единиц вместо индивидуальных территорий. Также основанием является и подход К. Маркса, из которого Валлерстайн берёт концепцию накопления ресурсов и получения прибыли как центральных структурирующих и иерархизирующих механизмов. Третьим значимым основанием является теория зависимости, также имеющая корни в марксизме и постмарксистском изучении империализма; согласно данной теории, мировые ресурсы перемещаются от бедной «периферии» к богатому «центру», создавая между ними отношения взаимной зависимости. Объединяя эти основания, мы получаем ключевые аспекты анализа мир-системных отношений: история, география, ресурсы, направления их движения между участниками отношений. В рамках анализа проводимых в мире социологических исследований по тематике доверия в отношении социальных институтов в 2018–2022 гг. концепция И. Валлерстайна позволяет выделить и проанализировать особенности подходов учёных к заявленной проблематике в разных социокультурных условиях.

Для исследования были отобраны следующие организации (табл. 1).

Таблица 1. Регионы и организации, проводящие исследования в области доверия

Регион	Организация	Итого	
Европа	Eurofound	8	
	European Commission		
	Фонд Жана Жореса, Cevipof, Ipsos, Le Monde		
	Жан-Себастьян Ф. Арриги, Жан-Туссен Баттстини, Люси Коатлевен, Франсуа Юбле, Виктор Кеде, София Марини		
	Pew Research Center		
	Anders Sundell, Frank Jacobs		
	European Commission		
	Euroconsumers		
	International Republican Institute's		
Страны СНГ	ВЦИОМ	26	
	Ромир		
	ФОМ		
	Левада-центр (иноагент)		
	GroupM		
	Институт социологии РАН		
	EcooM		
	Ipsos Rus		
	Институт социологии НАН		
	Фонд Qalam		
CSI (Центр стратегических инициатив)			
Азия	Edelman	13	
	Kekst CNC		
	Division of General Internal Medicine, Department of Public Health, Graduate School of Medicine, Cancer Control Center, Osaka International Cancer Institute,		
	Statista		
	the Ministry of Internal Affairs and Communications (MIAC)		
	YouGov PLC		
	the Reuters Institute for the Study of Journalism		
	Deloitte		
	The Jogye Order Institute for the Study of Buddhism and Society		
	Институт Гэллага		8
	Reuters		
Институт Рейгана			
Pew research center			
Африка	Nielsen	5	
	The Wellcome Global Monitor		
	Центра изучения Африки НИУ ВШЭ		
	Afrobarometer		
	Statista		
Итого проанализировано:		60	

Исходя из проведенного анализа различных социологических исследований о доверии людей социальным институтам, проводимых разными структурами в странах мира, можно заметить различие в тематике исследовательских работ, методах, используемых при реализации социологических опросов населения, а также профильных центрах, которые уделяют внимание проблеме доверия.

Стоит отметить, что в контексте анализа по результатам были выделены три основные, согласно И. Валлерстайну, сегмента: страны ядра, страны полупериферии и страны периферии. Изначально не ставилась задача выявления именно такой динамики, все страны и регионы анализировались с единой позиции. Однако результаты анализа продемонстрировали, что мир-системная концепция находит отражение и в научной работе.

При изучении социологического дискурса по вопросу доверия населения социальным институтам в странах ядра было выявлено, что наиболее часто на данной территории исследователи занимаются изучением доверия людей в отношении института государства и СМИ. Анализ доверия к институтам в Соединенных Штатах Америки показал, что наиболее часто изучаемыми темами доверия являются армия, государство, СМИ, малый бизнес, полиция. Подобные исследования проводят Институт Гэллага [24], Институт Рейгана [28], Pew research center [15] и другие организации, которые занимаются изучением общественного мнения. Согласно проведенному анализу, в Канаде и Японии исследователей чаще всего интересуют вопросы доверия населения СМИ и государству в целом. Среди исследовательских работ, проводимых в государствах Европейского союза, наиболее часто встречаются исследования, касающиеся доверия государств-участниц к самому институту ЕС и к политическим институтам, институту семьи, а также СМИ. В Португалии, Испании и Италии, к примеру, учёных беспокоит вопрос доверия к структуре Европейского союза в целом, а во Франции и Германии особое внимание уделяют работам, посвящённым доверию к институту семьи.

Таким образом, в странах ядра интерес к тематике доверия граждан различным социальным институтам изучается преимущественно частными центрами изучения общественного мнения (Институт Гэллага, Pew research center, Kekst CNC [17] и др.), однако в странах Европейского Союза государственные исследовательские центры (European Commission [19], Eurofound [18] и др.) также изучают проблематику доверия общественным институтам.

При анализе научного интереса в контексте доверия институтов изучения социальных явлений стран полупериферии было выявлено несколько интересных особенностей.

Так, наибольшее количество опросов по изучаемой тематике среди государств, совмещающих характерные черты ядра и периферии, проводят научные исследовательские центры в России (ВЦИОМ, РАН [21], ВШЭ [23], ФОМ [26], Левада-центр¹, Ромир [25] и др.). Более того, исследователи-социологи занимаются изучением доверия россиян в отношении института государства, в частности к конкретным политическим деятелям, СМИ, религии, системе здравоохранения, а также особое внимание уделяется уровню доверия граждан РФ самим исследовательским центрам. В целом именно в России изучается наибольший спектр социальных институтов, которым могут доверять или не доверять граждане. В Бразилии

¹ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

изучается доверие к науке как социальному институту, а также к средствам массовой информации. В данном государстве изучением проблематики доверия занимается такая частная социологическая компания как Statista [12], и Национальный институт общественных коммуникаций науки и технологий. В ЮАР определен фокус доверия в отношении СМИ и полиции, главы государства и электоральной, а также судебной систем. В ЮАР подобные исследования реализуют американская консалтинговая фирма по связям с общественностью и маркетингу Edelman [5] и организация гражданских прав Action Society, Оксфордский университет [16].

Вопрос доверия в Южной Корее изучается с позиции отношения к религии и государственным структурам, а также системе здравоохранения, телевидению, судебной системе и крупным компаниям. Можно заметить, что в Южной Корее исследовательский интерес имеет довольно широкий спектр, уступая из стран полупериферии только России. В данной стране изучением проблематики доверия занимаются следующие научно-социологические центры: OECD [10], Statista и Институт Ордена Джогье по изучению буддизма и общества [11]. В Индии изучается преимущественно доверие государству, бизнесу, средствам массовой информации и НКО. Исследованиями в данном регионе занимается американская консалтинговая фирма по связям с общественностью и маркетингу Edelman. Говоря об изучении доверия к социальным институтам граждан Китая, стоит отметить, что наиболее часто упор делается на доверие к государству, при этом внимание уделяется и доверию к медицине, СМИ и международным организациям. В КНР изучением доверия занимаются Statista, Edelman и Deloitte [8].

Таким образом, научно-исследовательский интерес в странах полупериферии направлен на доверие самым разным социальным институтам: от доверия государственным структурам до доверия телевидению и центрам анализа общественного мнения. Более того, в основном анализом проблематики доверия занимаются не местные социологические, научные компании, а центры, головной офис которых расположен в странах ядра (Statista – Германия, Edelman – США, Оксфордский университет – Великобритания), исключением является Россия, где зачастую исследования проводят российские исследовательские структуры.

В процессе изучения исследований, приводящихся на территории стран периферии, также были выявлены интересные тенденции.

Так, в Малайзии осуществляются исследования по вопросу доверия к государству, бизнесу и системе здравоохранения в стране. Данные опросы проводятся не малайзийскими центрами изучения общественного мнения, а зарубежными Statista, Edelman и Ipsos [4]. Говоря об опросах на тему доверия социальным институтам в Мексике, можно сказать, что акцент делается на такие институты как армия и государство. Социологические проекты проводятся Statista и Марокканским институтом анализа политики. Доверие граждан Туниса рассматривают через призму государства и политических институтов. Подобные исследования осуществляет Фонд Bertelsmann и Statista.

Итак, в странах периферии исследовательский интерес сконцентрирован в основном на доверии государственным структурам. При этом ситуация с организациями, которые являются инициаторами изучения проблематики доверия социальным институтам, схожа с тем, что наблюдается у стран полупериферии: исследования проводятся центрами изучения общественного мнения не самих стран-платформ проведения опросов, а компа-

ниями, главные офисы которых функционируют в странах ядра. Однако, в отличие от стран полупериферии, из выбранных для анализа государств ни в одном исследовании не проводят местные организации (в РФ (страна полупериферии) исследования реализуются российскими компаниями).

На основе проведённого анализа был составлен сводный список тематических направлений исследования доверия в зависимости от принадлежности страны к группе ядра, полупериферии и периферии (табл. 2).

Таблица 2. Региональное распределение направлений исследования доверия

ЯДРО	ПОЛУПЕРИФЕРИЯ	ПЕРИФЕРИЯ
СМИ	СМИ	Государство
Государство	Государство	Политические институты
Евросоюз	Система здравоохранения	Бизнес
Институт семьи	Судебная система	Система здравоохранения
Армия	Крупные компании/бизнес	Армия
Малый бизнес	Конкретные политические деятели	
Полиция	Религия	
Политические институты	Исследовательские центры	
	Социальные институты	
	Наука	
	Полиция	
	Глава государства	
	Электоральная система	
	НКО	
	Международные организации	

Анализ также показал, что существует закономерность в распределении исследовательских усилий с точки зрения принадлежности исследовательской организации в страновом и финансовом смысле (рис. 1).

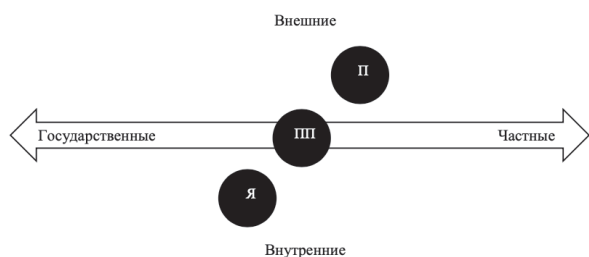

Рис. 1. Характеристики организаций, проводящих исследования доверия в странах ядра, полупериферии и периферии

Направления исследования также можно визуализировать в форме диаграммы, на которой отображаются общие и уникальные для каждого типа направления исследования доверия (рис. 2).

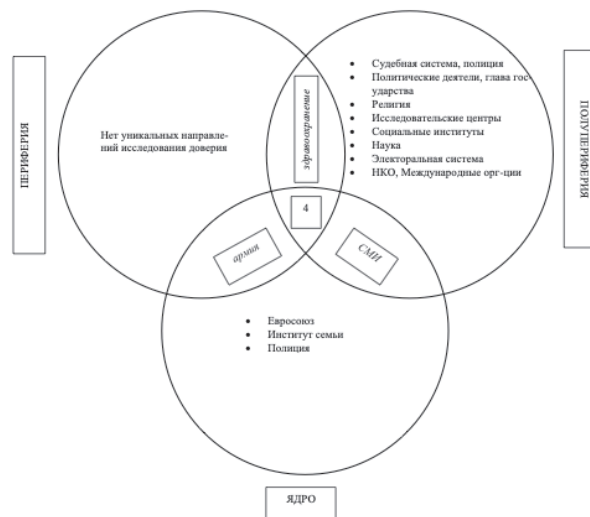

Рис. 2. Распределение тематических направлений исследования доверия между странами ядра, полупериферии и периферии

1. Общими направлениями исследования доверия для стран ядра и периферии являются исследования доверия *армии*.

2. Общими направлениями исследования доверия для стран периферии и полупериферии являются исследования доверия *системе здравоохранения*.

3. Общими направлениями исследования доверия для стран ядра и полупериферии являются исследования доверия *СМИ*.

4. Общими направлениями исследования доверия для всех рассмотренных стран является исследование доверия *бизнесу, государству и политическим институтам*.

По итогам исследования необходимо сделать вывод о сформулированных гипотезах, а также соотнести результаты их проверки с выводами о формах доверия в современных экономических отношениях.

Гипотеза 1: научные подходы, знания в целом будут также следовать этим тенденциям: если речь идёт об анализе глоболокальных процессов, знания о них также будут глоболокальными

Гипотеза подтвердилась. Глоболокальность проявилась как в содержании исследований, так и в их организации. По содержанию, исследования касаются местных практик доверия локальным институтам и организациям, но также касаются и международного, динамического аспекта. Динамика реализуется в логике, схожей с логикой динамики между ядром и периферией в концепции Валлерстайна (рис. 3).

Рис. 3. Обмен между ядром и периферией по И. Валлерстайну
Источник: составлено авторами по [2].

Производство знания о доверии также следует указать в схеме логики. В странах ядра исследователи и общественность озабочены состоянием потенциальных и фактических владельцев капитала (семейные группы), доверием к существующей инфраструктуре накопления и обмена капиталов (Евросоюз), а также доверие силовым структурам (полиция), одной из задач которых является сохранение существующего общественного строя. Для периферийных же стран исследования выполняются зарубежными организациями (исследовательские центры стран «ядра»), а тематика связана с сохранением системы отношений, когда периферийные экономики производят «излишек», присваиваемый центральными регионами. Доверие государству, политическим институтам, армии, бизнесу и (в свете событий последних нескольких лет) системе здравоохранения обеспечивает стабильность иерархических отношений и сохранение статуса кво, поэтому «центральные» организации однозначно заинтересованы в такого рода исследованиях.

Гипотеза 2: неолиберализация экономики затрагивает и область знаний

Гипотеза подтвердилась. Сам факт существования различий в направлениях исследования институционального доверия между странами ядра, полупериферии и периферии свидетельствует о том, что существуют неединообразные принципы расстановки приоритетов при дизайне и организации исследований. Неолиберализация предполагает создание условий, в которых множество базовых процессов, таких как перемещения, национальная идентичность и принципы принятия индивидами решений, на государственном уровне переводятся в сферу рациональной экономизации и маркетизации (рыночности) [13]. В контексте неолиберализации обращает на себя внимание тот факт, что ключевыми фигурами, в том числе для академического анализа, становятся конкретные идеальные типы людей: предприниматели, потребители и налогоплательщики [14]. Мнение данных категорий, а также уровень доверия среди них – это важный «заказ» для заинтересованных сторон, как государственного, так и частного уровня. Цитируя М. Фуко, «какова функция этого обобщения формы «предприятия»? <...> Она предполагает расширение экономической модели спроса и предложения, инвестиций-затрат-прибыли до уровня модели социальных отношений и самого существования, формы отношения человека к самому себе, времени, окружающим, группе, семье» [6].

Социальные институты в неолиберальной парадигме приобретают функцию создания и поддержания социальных границ, и это ещё одна причина для распределения приоритетов при исследовании доверия в различных странах. Классическое экономическое понимание рынка не предполагает принадлежность к социальной группе как значимый фактор (за пределами обладания группой капиталами), однако, приобретая рыночные характеристики, социальные институты начинают производить и переопределять социальные группы, и уже для этих переопределённых групп принадлежность будет означать большую или меньшую степень «рыночной» свободы в социальном пространстве. Разделение людей на группы происходит по принципу «внутри»/«снаружи», то есть на основе определённых характеристик человек определяется как имеющий или не имеющий возможности пользоваться «благами» социального института. Несмотря на ограниченность рыночных оснований практики такой социальной классификации, опора на них повышает

доверие к самому институту и внутри сформированной социальной группы [7]. То есть исследования доверия по неолиберальным основаниям не только распространены в силу общего тренда, но и обоснованы.

Гипотеза 3: страновой подход к реализации исследования доверия связан с ценностями региона

Гипотеза подтвердилась. Использованы данные Всемирного обзора ценностей последней версии (World values survey, 2023 г.)¹, а также данные Всемирного банка по уровню дохода стран (данные с 2001 по 2021 г., согласно методике оценки положения страны в мир-системном подходе, описанной в источнике [1]) (рис. 4).

Рис. 4. Сравнение данных стран ядра, полупериферии и периферии (синяя зона графика) со средними значениями по общему списку стран в части традиционности/секулярности и ценностей выживания/самовыражения (составлено авторами)

Сравнение со средними значениями осуществляется на основе того факта, что распределение стран по группам достаточно равномерное – практически треть на каждую из трёх групп (табл. 3).

Таблица 3. Количество стран ядра, полупериферии и периферии в массиве данных

Мир-системная позиция	Частота	Процент
Ядро	47	41,2
Полупериферия	34	29,8
Периферия	33	28,9
Итого	114	100

Источник: (составлено авторами по данным WVS и Всемирного банка).

Наложение данных по положению стран в мир-системном подходе на карту Всемирного обзора ценностей (World Values Survey, WVS) выявило пять зон: (1) гибридная, (2) периферия-полупериферия, (3) ядро-полупериферия, (4) чистая периферия, (5) чистое ядро (рис. 5).

¹ На странице описания данных указано, что по ряду стран данные получить не удалось, в связи с чем использованы данные предыдущих волн. Такая проблема сохраняется для достаточно большого количества стран – некоторые из них датируются началом двухтысячных, достаточно много стран не имеют оценки старше 10-х годов. Этот факт является ограничением в применении методики наложения данных на распределение по мир-системному подходу, однако, всё же позволяет получить общее представление о положении дел.

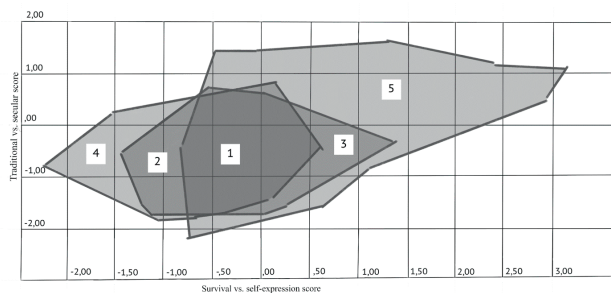

Рис. 5. Визуализация зон по крайним страновым точкам трёх типов: ядро (зелёный), полупериферия (синий), периферия (красный) (составлено авторами)

В зоны входят следующие страны:

- (1) Гибридная – Беларусь, Чили, Сербия, Россия, Малайзия, Северная Македония, Казахстан, ЮАР, Аргентина, Бразилия, Черногория, Турция, Доминикана, Перу, Косово, Венесуэла, Армения, Мальдивы, Украина, Тайланд, Гаити, Кения, Руанда, Боливия, Буркина-Фасо, Узбекистан, Гватемала, Таджикистан, Бангладеш, Китай, Греция, Сингапур, Хорватия, Португалия, Кипр, Румыния, Саудовская Аравия, Мальта, Португалия, Польша;
- (2) Периферия-полупериферия – Марокко, Азербайджан, Ливан, Ирак, Алжир, Тунис, Иордан, Ливия, Замбия, Иран, Индия, Мьянмар, Уганда, Индонезия, Грузия, Эфиопия, Йемен, Нигерия, Пакистан;
- (3) Ядро-полупериферия – Болгария, Эквадор, Колумбия, Уругвай, Израиль;
- (4) Чистая периферия – Египет, Зимбабве, Молдова, Гана;
- (5) Чистое ядро – Гонконг, Южная Корея, Тайвань, Литва, Латвия, Макао, Чехия, Эстония, Италия, Испания, Словения, Япония, Люксембург, США, Катар, Пуэрто-Рико, Ирландия, Бельгия, Франция, Великобритания, Германия, Канада, Австралия, Андорра, Нидерланды, Дания, Швейцария, Швеция, Норвегия, Исландия, Новая Зеландия.

Если дополнять экономическое разделение стран на группы ценностным, получается, что стран чистой периферии не так уж и много. Многие из этих стран приобретают полупериферийные и ядровые характеристики, что объясняет, почему в этих странах проводятся исследования именно странами ядра, а темы исследований связаны с ключевым для полупериферийных и ядровых стран проблемами. Стран чистой полупериферии, согласно авторской обработке данных, вообще не наблюдается, все они являются частью либо гибридной (1), либо частично ядровой (3) группы. Это объясняет, почему общим фокусом исследований между странами полупериферии и ядра являются исследования доверия СМИ: именно средства массовой информации концептуализируют в глазах населения территорию как принадлежащую к более или менее «экономически продвинутой» группе [9]. Странам же чистого ядра необходимо думать о сохранении межстрановых взаимодействий, и, согласно авторской визуализации, эти сети отношений выходят за границы Евросоюза. Отсюда исследования доверия на территории Европы, а также исследования доверия «новым веяниям», приходящим из стран, с которыми Евросоюз выстраивает отношения.

При использовании вторичных данных подобных исследований необходимо учитывать, в какой стране произведены эти данные, кто был исполнителем исследования и какие экономические и культурные аспекты из перечисленных выше могут повлиять на результаты. Несмотря на глобализацию стандартов реализации со-

циологических исследований, данное разведывательное исследование наглядно демонстрирует сохранение регионального влияния даже в тех областях, где необходимо проявлять научную беспристрастность.

Литература

1. Babones, S. The country-level income structure of the world-economy // *Journal of world-systems research*. 2005. С. 29–55.
2. Coccia, M. Comparative World-Systems Theories // *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance*; Farazmand, A., Ed. 2019. С. 4.
3. Deutschmann, E. Regionalization and Globalization in Networks of Transnational Human Mobility, 1960–2010 // *SocietàMuta-mentoPolitica*. 2019. С. 140.
4. Do Malaysians lack trust in Government and Institutions? – URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-01/trust_in_malaysia_-_press_release_ipsos_malaysia_-_final_-_150120.pdf (дата обращения: 01.03.2023).
5. Edelman trust barometer 2022. – URL: https://www.africa.edelman.com/sites/g/files/aatuss536/files/2022-03/2022%20Edelman%20Trust%20Barometer_S.%20Africa%20Report.pdf (дата обращения: 01.03.2023).
6. Foucault, M., Davidson, A.I., Burchell, G. The birth of biopolitics: lectures at the Collège de France, 1978–1979. Springer, 2008. С. 242.
7. Fourcade, M., Healy, K. Classification situations: Life-chances in the neoliberal era // *Accounting, Organizations and Society*. 2013. Т. 38. № 8. С. 562.
8. Future of Trust Survey Results in China LSHC Industry. – URL: <https://www2.deloitte.com/cn/en/pages/life-sciences-and-healthcare/articles/lshc-industry-survey-results-2021.html> (дата обращения: 01.03.2023).
9. Hao, A.W. et al. Two decades of research on nation branding: A review and future research agenda // *International Marketing Review*. 2021. Т. 38. № 1. С. 50.
10. Korea ranks seventh in OECD survey of trust in gov't. – URL: <https://www.korea.net/NewsFocus/policies/view?articleId=218067> (дата обращения: 01.03.2023).
11. Koreans lose trust in religion. – URL: [https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/02/113_189633.html#:~:text=Catholicism%20was%20the%20most%20trusted,and%20pastors%20\(17%20percent\)](https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/02/113_189633.html#:~:text=Catholicism%20was%20the%20most%20trusted,and%20pastors%20(17%20percent).). (дата обращения: 01.03.2023).
12. Level of trust in selected media in Brazil as of November 2021. – URL: <https://www.statista.com/statistics/695828/media-sources-trust-brazil/> (дата обращения: 01.03.2023).
13. Mavelli, L. Citizenship for sale and the neoliberal political economy of belonging // *International Studies Quarterly*. 2018. Т. 62. № 3. С. 482.
14. McGuigan, J. The neoliberal self // *Culture Unbound*. 2014. Т. 6. № 1. С. 225.
15. Public Trust in Government: 1958–2022. – URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2022/06/06/public-trust-in-government-1958-2022/> (дата обращения: 01.03.2023).
16. South Africa. – URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2022/south-africa> (дата обращения: 01.03.2023).
17. Survey: Japanese less trusting of government in health crisis. – URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/13370715> (дата обращения: 01.03.2023).
18. Trust. – URL: <https://www.eurofound.europa.eu/topic/trust> (дата обращения: 01.03.2023).
19. Trust in National and International Institutions. – URL: <https://www.gesis.org/en/eurobarometer-data-service/search-data-access/eb-trends-trend-files/list-of-trends/trust-in-institutions> (дата обращения: 01.03.2023).
20. Wallerstein, I. The rise and future demise of the world capitalist system: Concepts for comparative analysis // *Comparative studies in society and history*. 1974. Т. 16. № 4. С. 387.
21. В РПЦ ответили на данные социологов РАН о падении доверия к Церкви. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/62f71e239a79470a4b7d2cc5> (дата обращения: 01.03.2023).
22. Воеводина, Е.В., Шихгафизов, П.Ш., Штепа, С.Е. Методологические принципы деятельностно-феноменологического подхода в изучении социальных механизмов формирования доверия в трансформирующихся экономических отно-

- шениях // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 4. С. 59.
23. Доверие армии, церкви и правительству повышает гордость россиян за свою страну. – URL: <https://iq.hse.ru/news/501065910.html> (дата обращения: 01.03.2023).
 24. Жители США перестают доверять основным институтам американского образа жизни // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2022/07/11/zhiteli-ssha-perestaiut-verit-osnovnym-institutam-amerikanskogo-obraza-zhizni.html> (дата обращения: 01.03.2023).
 25. Как изменилось доверие россиян за время пандемии // Romir. – URL: <https://romir.ru/news/kak-izmenilos-doverie-rossiyan-za-vremya-pandemii> (дата обращения: 01.03.2023).
 26. Коронавирус: доверие информации и опасения заболеть // ФОМ. – URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14449> (дата обращения: 01.03.2023).
 27. Мартынов, В.С. Институциональное доверие как экономический ресурс: стимулы и препятствия эффективности // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2018. Т. 10. № 1. С. 42.
 28. Насилие и политика: почему американцы перестали доверять армии // Газета.ru. – URL: <https://www.gazeta.ru/army/2021/04/17/13562252.shtml> (дата обращения: 01.03.2023).
 29. Проскурина, А.С. Коммуникативная трансформация профессиональных ценностей современных научных сообществ // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 2. С. 18.
 30. Тюриков, А.Г., Власова, А.В. Профессиональная субъектность и доверие работодателей к выпускникам вузов как элемент экономической культуры // Logos et Praxis. 2021. Т. 20. № 4. С. 48.
 31. Тюриков, А.Г., Кунижева, Д.А., Фролова, Е.В., Рогач, О.В. Доверие к дистанционному обучению в условиях пандемии: оценки качества образования студентов и преподавателей российских вузов // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 6. С. 183.
 4. Do Malaysians lack trust in Government and Institutions? – URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-01/trust_in_malaysia_-_press_release_ipsos_malaysia_-_final_-_150120.pdf (accessed: 03/01/2023).
 5. Edelman trust barometer 2022. – URL: https://www.africa.edelman.com/sites/g/files/aatuss536/files/2022-03/2022%20Edelman%20Trust%20Barometer_S.%20Africa%20Report.pdf (accessed: 03/01/2023).
 6. Foucault, M., Davidson, A.I., Burchell, G. The birth of biopolitics: lectures at the Collège de France, 1978–1979. Springer, 2008, P. 242.
 7. Fourcade, M., Healy, K. Classification situations: Life-chances in the neoliberal era // Accounting, Organizations and Society. 2013. V. 38. No. 8. P. 562.
 8. Future of Trust Survey Results in China LSHC Industry. – URL: <https://www2.deloitte.com/cn/en/pages/life-sciences-and-healthcare/articles/lshc-industry-survey-results-2021.html> (accessed: 03/01/2023).
 9. Hao, A.W. et al. Two decades of research on nation branding: A review and future research agenda // International Marketing Review. 2021. V. 38. No. 1. P. 50.
 10. Korea ranks seventh in OECD survey of trust in gov't. – URL: <https://www.korea.net/NewsFocus/policies/view?articleId=218067> (accessed: 03/01/2023).
 11. Koreans lose trust in religion. – URL: [https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/02/113_189633.html#:~:text=Catholicism%20was%20the%20most%20trusted,and%20pastors%20\(17%20percent\).](https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/02/113_189633.html#:~:text=Catholicism%20was%20the%20most%20trusted,and%20pastors%20(17%20percent).) (accessed: 03/01/2023).
 12. Level of trust in selected media in Brazil as of November 2021. URL: <https://www.statista.com/statistics/695828/media-sources-trust-brazil/> (accessed: 03/01/2023).
 13. Mavelli, L. Citizenship for sale and the neoliberal political economy of belonging // International Studies Quarterly. 2018. V. 62. No. 3. P. 482.
 14. McGuigan, J. The neoliberal self // Culture Unbound. 2014. V. 6. No. 1. P. 225.
 15. Public Trust in Government: 1958–2022. – URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2022/06/06/public-trust-in-government-1958-2022/> (accessed: 03/01/2023).
 16. South Africa. – URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2022/south-africa> (accessed: 01.03.2023).
 17. Survey: Japanese less trusting of government in health crisis. – URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/13370715> (accessed: 03/01/2023).
 18. Trust. – URL: <https://www.eurofound.europa.eu/topic/trust> (date of access: 03/01/2023).
 19. Trust in National and International Institutions. – URL: <https://www.gesis.org/en/eurobarometer-data-service/search-data-access/eb-trends-trend-files/list-of-trends/trust-in-institutions> (accessed: 03/01/2023).
 20. Wallerstein, I. The rise and future demise of the world capitalist system: Concepts for comparative analysis // Comparative studies in society and history. 1974. V. 16. No. 4. S. 387.
 21. The Russian Orthodox Church responded to the data of sociologists of the Russian Academy of Sciences about the decline in trust in the Church. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/62f71e239a79470a4b7d2cc5> (accessed: 03/01/2023).
 22. Voevodina, E.V., Shikhgafizov, P. Sh., Shtepa, S.E. Methodological principles of the activity-phenomenological approach in the study of social mechanisms for the formation of trust in transforming economic relations // Socio-political sciences. 2022. V. 12. No. 4. S. 59.
 23. Trust in the army, church and government increases the pride of Russians for their country. – URL: <https://iq.hse.ru/news/501065910.html> (accessed: 03/01/2023).
 24. Residents of the United States cease to trust the main institutions of the American way of life // Rossiyskaya Gazeta. – URL: <https://rg.ru/2022/07/11/zhiteli-ssha-perestaiut-verit-osnovnym-institutam-amerikanskogo-obraza-zhizni.html> (accessed: 03/01/2023).
 25. How Russians' Trust Has Changed During the Pandemic // Romir. – URL: <https://romir.ru/news/kak-izmenilos-doverie-rossiyan-za-vremya-pandemii> (accessed: 03/01/2023).
 26. Coronavirus: trust in information and fear of getting sick // FOM. – URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14449> (accessed: 03/01/2023).

A POST-MARXIST PERSPECTIVE ON THE GLOBAL EXPERIENCE OF INSTITUTIONAL TRUST LEVEL RESEARCH¹

Proskurina A.S., Znovyuk A.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article provides an analysis of the research practice in the field of institutional trust. This practice is considered from the position of the post-Marxist paradigm (I. Wallerstein) and world-system analysis. In the course of the analysis of 60 empirical studies of the level of institutional trust carried out by different countries of the world, the authors conclude that there is a connection between the regional affiliation of the organization carrying out the analysis and the results of the study. Common and specific themes of analysis in the sphere of trust are identified, which indicates the influence of economic relations on research practices. The connection between the country's values and the content of trust research is found. A reasonable conclusion is made about the necessity to take into account economic and cultural peculiarities when using the data obtained by the research organization of a certain country, and ways of working with secondary data in this perspective are suggested.

Keywords: sociology of trust, post-Marxism, institutional trust, trust research methodology, international research, World Values Survey.

References

1. Babones, S. The country-level income structure of the world-economy // Journal of world-systems research. 2005, pp. 29–55.
2. Coccia, M. Comparative World-Systems Theories // Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance; Farazmand, A., Ed. 2019. P. 4.
3. Deutschmann, E. Regionalization and Globalization in Networks of Transnational Human Mobility, 1960–2010 // Società Mutamento Politica. 2019. P. 140.

¹ The reported study was funded by the Government of the Russian Federation through a state assignment from the Financial University under the Government of the Russian Federation.

27. Martyanov, V.S. Institutional Trust as an Economic Resource: Incentives and Barriers to Efficiency // Journal of Institutional Studies. 2018. V. 10. No. 1. P. 42.
28. Violence and politics: why the Americans stopped trusting the army // Gazeta.ru. – URL: <https://www.gazeta.ru/army/2021/04/17/13562252.shtml> (accessed: 03/01/2023).
29. Proskurina, A.S. Communicative transformation of professional values of modern scientific communities // Communicology. 2020. Vol. 8. No. 2. P. 18.
30. Tyurikov, A.G., Vlasova, A.V. Professional subjectivity and employers' trust in university graduates as an element of economic culture // Logos et Praxis. 2021. V. 20. No. 4. P. 48.
31. Tyurikov, A.G., Kunizheva, D.A., Frolova, E.V., Rogach, O.V. Trust in distance learning in a pandemic: assessments of the quality of education of students and teachers of Russian universities // Obrazovanie i nauka. 2022. V. 24. No. 6. P. 183.

«Рисовое христианство» как проблема деятельности британских миссионеров в Индии в колониальный период (XVII–XIX вв.)

Кудряшова Юлия Александровна

кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории,
Астраханский государственный университет имени
В.Н. Татищева
E-mail: Ylyub@mail.ru

Автор исследования проводит тщательный анализ исторических источников, чтобы глубже понять контекст и особенности проблемы «рисового христианства». Он исследует различные аспекты вопроса, включая религиозный, социальный и экономический контексты.

Одним из ключевых выводов статьи является то, что «Рисовое христианство» было не только результатом материального влияния колонизаторов, но и отражением более сложных социальных и культурных процессов. Данное явление было связано с конфликтом между традиционными индийскими верованиями и христианскими учениями, которые были насаждаемы британскими миссионерами.

В итоге, исследование подчеркивает, что концепция «Рисового христианства» представляет собой сложное явление, обозначая его как важную и комплексную проблему, связанную с британской колониальной политикой и миссионерской деятельностью в Индии в период с XVII по XIX век. Включая не только влияние британских миссионеров, но и других христианских конфессий, таких как католицизм (иезуиты и доминиканцы) и православие (как Сирийская православная церковь в Керале), данное явление наглядно демонстрирует сложность взаимодействия различных религиозных и культурных факторов в контексте колониализма.

Ключевые слова: рисовое христианство, Индия, колониализм, миссионеры, британская колониальная политика, индийское национальное сознание, миссионерская деятельность, индуизм.

Введение

В данном исследовании рассматривается вопрос «Рисового христианства» как проблемы деятельности британских миссионеров в Индии в колониальный период (XVII–XIX вв.). Проблематика данного исследования исходит из специфики колониальной политики, применяемой Британской империей в отношении Индии в указанный период. Особое внимание уделяется анализу трудностей, с которыми сталкивались британские миссионеры при проведении христианизации населения, и методов, которые они применяли в своей работе.

Основной целью данного исследования является выявление особенностей и трудностей в работе британских миссионеров в Индии в колониальный период, и анализ их влияния на процесс христианизации населения. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: изучение и анализ исторических источников, связанных с деятельностью британских миссионеров в Индии, и анализ литературы по данной тематике.

Исследование базируется на анализе научных источников, и на обзоре научной литературы по теме исследования. Применяемые методы исследования включают исторический, сравнительный и аналитический подходы.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью более глубокого понимания процесса христианизации в Индии во время колониального периода и роли британских миссионеров в данном процессе. Результаты исследования могут быть полезны для специалистов в области истории, религиоведения, и для всех, кто интересуется историей Индии и Великобритании.

Методология

Подходы, применяемые в данном исследовании, включают исторический, сравнительный и аналитический подходы.

Исторический подход позволяет нам понять и проанализировать процессы, происходившие в прошлом, и как они влияли на текущую ситуацию. При использовании данного подхода проводится детальный анализ исторических событий и явлений, применяются методы исторической критики и исторической типологии.

Сравнительный подход используется для анализа сходств и различий между различными явлениями или событиями. В данном исследовании, сравнительный подход позволяет сравнить методы и подходы, применяемые британскими миссионерами в Индии, с методами и подходами других миссионеров в различных регионах.

Аналитический подход предполагает исследование явления путем его разложения на составляющие части и дальнейшего анализа этих частей, позволяя нам проникнуть в суть исследуемого явления и понять его структуру и функционирование.

Используется анализ научной литературы по теме исследования, сюда входит обзор и анализ книг, статей, диссертаций и других научных работ, написанных по теме рисового христианства.

Все эти методы и подходы обеспечивают комплексное понимание исследуемой проблематики и позволяют

дать обоснованные ответы на вопросы, поставленные в рамках данного исследования.

Анализ литературных источников

Промежуток времени с XVII по XIX век был для Индии периодом многократного подчинения иностранным властителям. Заря века XVII принесла с собой золотой век Могольской империи, которая, однако, к концу столетия испытала упадок своей доминации. Тем временем на сцену вступили европейские колонизаторы, среди которых были представители Португалии, Нидерландов, Франции и Великобритании [23].

В 1757 году исторический поворот последовал после Битвы при Пласси, которая окончилась победой Британской Индии и установлением ее доминирования над Индией. Тем не менее в 1857 году восстание в Индии серьезно подорвало колониальную власть британцев. К следующему году Индия превратилась в королевство под непосредственным управлением Британской империи [21].

Появление конца XIX века ознаменовало начало борьбы за независимость в Индии, возглавляемой Махатма Ганди. В 1947 году Индия наконец вырвала себя из подчинения Британской империи, хотя и произошло разделение на Индию и Пакистан. Такой переломный момент в истории страны оказал неизмеримое воздействие на ее культуру, экономику и общественную жизнь [14].

Когда речь заходит о британской колониальной политике в Индии, следует подчеркнуть ее цели в контроле политического и экономического устройства страны. Вспоминая 1757 год, Битва при Пласси ознаменовала начало этого процесса, с этого времени Британская Индия начала утверждать свое господство [1].

Экономическое господство Великобритании над Индией было обусловлено системой, которая обеспечивала экспорт природных ресурсов Индии и импорт дешевых европейских товаров. Для финансирования колониальной администрации и военных сил были введены высокие налоги и сборы. Британцы структурировали общество на основе каст, определяемых религиозными и этническими различиями, где они сами занимали верхние страты, что привело к угнетению и дискриминации в индийском обществе.

Для подавления любых проявлений недовольства или сопротивления британская администрация применяла репрессивные методы. Были введены законы, ограничивающие свободу слова, право на собрания и свободу печати [13].

В образовательной и модернизационной политике, британцы организовали систему, которая способствовала экономическому и технологическому прогрессу Индии. Данный процесс был направлен на формирование «английского» общества в Индии, где английский язык и культура считались доминирующими.

Британская колонизация Индии породила значительную несогласованность в социуме, стимулируя развитие националистических движений за независимость. Особое внимание в колонизационном процессе привлекают деятельность христианских миссионеров, особенно в XIX веке. Колонизаторы активно использовали религию как инструмент укрепления своего господства над колонизируемыми народами [12].

Миссионеры, продвигая христианскую доктрину, рассматривали ее как единственный путь к спасению, делая акцент на ее распространении по всему миру, в том числе и на территории подконтрольные Британской империи [10]. Защищаясь от властей и получая финансовую

поддержку, миссионеры формировали инфраструктуру, включающую церкви, учебные заведения и медицинские учреждения, которые служили средствами для взаимодействия и контроля над коренным населением.

Но в то же время, нельзя утверждать, что деятельность миссионеров была однозначно бесполезной или негативной. В их числе были те, кто уважительно относился к местным традициям и языкам, отстаивал социальную справедливость и развивал образование. Иногда они даже осуждали эксплуатацию и жестокость со стороны колониального режима [8].

Тем не менее миссионеры, несмотря на свои благие намерения, часто становились неотъемлемой частью колониальной системы, служа интересам колониальных властей. Их воздействие на культурный и религиозный облик колонизированных территорий, на отношение местных жителей к колониальным властям было глубоким и всеобъемлющим [7].

История термина «рисовые христиане» уходит своими корнями в далекое прошлое и связана с миссионерской деятельностью христианских священников и миссионеров в конверсии веры. Одним из ранних примеров использования этого понятия на английском языке стал текст, появившийся в 1689 году в писаниях Уильяма Дампьера [19]. В этом тексте говорилось о попытках французских священников обращать жителей Тонкина, при этом отмечалось, что «подавания рисом конвертировали больше людей, чем их проповедь».

Значительный вклад в изучение этой темы внес Томас Хейл младший. Он ввел данное понятие в своей первой книге 1986 года под названием «Don't Let the Goats Eat the Loquat Trees», а также выступал с лекциями и обучал, обобщив свои исследования в книге 1995 года «On Being a Missionary». Термин также иногда использовался с негативной окраской для описания конверсий, осуществляемых миссионерами, которые эксплуатируют нищету и голод, предлагая пищу и другие мотивации в обмен на конверсию [20].

В документе «Christian Witness in a Multi-Religious World: Recommendations for Conduct», выпущенном Всемирным советом церквей в 2011 году, поднимается вопрос о том, что «если христиане используют неподходящие методы для осуществления миссионерской деятельности, прибегая к обману и принуждению, они предают евангелие и могут причинить страдания другим» [21]. Принципы 4 и 5 этого документа подчеркивают, что «акты служения, такие как образование, здравоохранение, помощь нуждающимся и борьба за справедливость, тесно связаны с проповедью Евангелия. Использование бедности и нужды в целях привлечения к вере несовместимо с христианской миссией. Христиане должны отказаться от использования финансовых стимулов и других вознаграждений, уважая при этом человеческое достоинство и избегая эксплуатации уязвимости людей» [22]. Эти напоминания направлены на предотвращение ложных конверсий, результатом которых становятся так называемые «рисовые христиане».

Проблема с «рисовыми христианами» представляла собой явление массовых обращений в христианство в колониальной Южной Индии, особенно в периоды голода и природных катастроф. В ходе этих обращений, многие люди из малоимущих слоев населения принимали христианство с целью получить материальную помощь, такую как продовольствие и помощь в условиях кризиса. Такие конверсии зачастую имели экономический стимул вместо истинной религиозной веры.

Миссионеры предоставляли помощь и поддержку пострадавшим во время голода и бедствий, поэтому термин «рисовые христиане» использовался для обозначения

ния тех, кто принимал христианство с целью получения материальных выгод, в частности, продовольствия. Эти обращения, хотя и происходили в условиях кризиса, часто сопровождалось массовым изменением образа жизни, создавая новый класс людей, способных выращивать продовольствие и сами себя обеспечивать.

Появление «рисовых христиан» свидетельствует о взаимодействии экономических и религиозных факторов в процессе конверсии. Это явление также выдвигает вопросы о том, насколько искренни были эти обращения и в какой степени религиозные аспекты переплетались с прагматическими соображениями.

Индийские ученые, такие как Х. Бхабха [7], Чатерджи [9] и другие, сыграли значительную роль в пропаганде явления «рисовых христиан». Они активно исследовали и анализировали эту тему, и освещали социальные, экономические и религиозные аспекты массовых обращений в христианство в периоды бедствий и кризисов.

Концепция «рисового христианства» основывается на использовании риса как символа христианской доктрины, сходного с его ролью в индуистских религиозных обрядах. Так христианские миссионеры адаптировали индуистские обозначения, символы и практики для того, чтобы сделать христианскую веру более доступной и привлекательной для индийцев [11].

Вдобавок, миссионеры признавали и поощряли локальные традиции и обычаи, включая их в свой общественный дискурс. Например, они одобряли использование санскрита в качестве средства для изучения богословия и представления Иисуса Христа как единого бога, что было аналогично концепциям монотеистических религий, таких как ислам и иудаизм.

Концепция «рисового христианства» не была одобрена всеми христианскими миссионерами, и была довольно спорной в своей этике и методологии. Она была популярна в среде индийского населения и позволила христианским миссионерам успешно проповедовать христианство в Индии и создать «индийское» христианство, которое сочетало христианскую доктрину и индуистские традиции.

Доктрина и практика «рисовых христиан» сочетала элементы христианства и индуизма, что делало ее более понятной и привлекательной для индийского населения. Некоторые из особенностей доктрины и практики «рисовых христиан» включают [6]:

- Рис был выбран как символ христианской традиции, аналогичный использованию риса в индуистских религиозных обрядах. Рис использовался в религиозных обрядах и молитвах, и для крещения и причащения.
- Христианские миссионеры использовали термины, привычные для индуистов, такие как «бхакти» (преданность), «карма» (заслуги и грехи), и «атман» (душа), чтобы объяснить основные концепции христианства [27].
- Христианские миссионеры допускали использование индуистских музыкальных инструментов и мелодий в христианских церковных песнях, и учили, как исполнять традиционные танцы и молитвы.
- В отличие от других христианских конфессий, которые придерживались запрета на мясо во время поста, «рисовые христиане» не придерживались данного правила.
- Христианские миссионеры использовали санскрит для обучения богословию, что делало их учение более доступным для индийского населения.
- Христианские миссионеры поддерживали развитие образования в Индии, создавая школы и колледжи, где обучали своей доктрине и предметам общего образования.

Доктрина и практика «рисовых христиан» были довольно уникальными и привлекательными для индийского населения, что позволило христианским миссионерам успешно проповедовать христианство в Индии и создать «индийское» христианство, которое сочетало христианскую доктрину и индуистские традиции. Несмотря на свою уникальность и популярность, доктрина и практика «рисовых христиан» были критикуемы некоторыми другими христианскими конфессиями, которые считали, что она слишком сильно компрометирует христианскую доктрину. «Рисовые христиане» существуют и до сих пор, и христианская церковь в Индии продолжает включать элементы индуизма в свою практику и доктрину [15].

Социально-экономические причины принятия Рисового христианства в Индии в колониальный период экономическая нестабильность, вызванная колониальным правлением. Многие индийцы столкнулись с бедностью и голодом, что сделало предложения миссионеров о материальной помощи в обмен на принятие христианства привлекательными [17].

В то же время, колониальное правление и влияние Запада привели к значительным социальным изменениям в индийском обществе. Христианство представляло собой новую религиозную идеологию, которая обещала равенство и социальное освобождение, что было привлекательно для многих низших каст и обездоленных групп [5].

Принятие Рисового христианства было предметом критики и контраргументов. Некоторые утверждали, что такая практика представляет собой эксплуатацию бедных и уязвимых групп, в то время как другие подчеркивали, что она подрывает искренность религиозного вероисповедания.

Отношение британских миссионеров к «рисовому христианству» было разнообразным. Некоторые миссионеры считали, что использование индуистских терминов и символов в христианской практике и доктрине считается компромиссом с истинным учением христианства и отклонением от евангелической миссии.

Другие миссионеры, однако, считали, что использование индуистских элементов – необходимость для привлечения местного населения к христианству. Они считали, что использование индуистских терминов и символов не является изменением самой христианской доктрины, а скорее помогает индийским людям лучше понять и принять христианство.

Некоторые миссионеры считали «рисовое христианство» более инклюзивным и способствующим уважению к местным традициям и культуре, что помогает распространению христианства в Индии.

В XIX веке многие британские миссионерские общества работали в Индии, в том числе Лондонское общество по распространению евангелия в Индии (LMS), Шотландское миссионерское общество (SMS), Американское миссионерское общество (AMS) и Римско-католическая церковь [22]. Эти общества осуществляли свою работу через миссионеров, которые были посланы в Индию для проповеди христианства и оказания помощи местному населению. Многие из этих миссионеров были образованными людьми, которые обладали знанием местных языков и культуры, и могли лучше понимать и приспосабливаться к местным условиям [4].

Миссионерские общества стремились к созданию школ и колледжей для обучения местного населения, они занимались медицинской помощью, строительством больниц и приютов для бедных.

Миссионеры создавали христианские церкви и приходы, где проводили богослужения и обучение. Они

использовали различные методы проповеди, включая проповедь на открытых площадях, дискуссии и диспуты с индийскими брахманами, и издание христианских книг и литературы на местных языках.

Миссионерские общества работали в области перевода Библии на местные языки, что было важно для распространения христианской доктрины среди индийского населения [2].

В то же время, в других колониальных странах наблюдалось активное распространение христианства. Но контекст и последствия этих процессов могли существенно отличаться. Например, в Африке христианство распространялось в условиях активной работорговли и часто использовалось как инструмент социального контроля и подавления местного населения [3].

В статье С. Субрахманьяма утверждается, что в течение XVI века коммерческие связи между портами Декана, такими как Гоа и Чаул, и Свахилийским побережьем, усилились благодаря вмешательству португальцев и их военно-коммерческой системы [24]. В то же время большое количество африканских рабов достигло мусульманских государств в Индии, особенно в период после 1530 года, где они играли роль как военные специалисты, и в конечном итоге как элитные политические и культурные деятели. Это указывает на то, что в Индии процесс распространения христианства был тесно связан с работорговлей и колониальной экспансией, и имел свои уникальные особенности, включая формирование новых элит и социальных структур.

Введение «рисового христианства» вызвало много споров и конфликтов среди христианской церковной иерархии в Индии. Официальные церковные иерархии считали, что использование индуистских символов и терминов в христианской доктрине и практике является неприемлемым и искажает истинную христианскую веру.

В результате возникли серьезные столкновения между «рисовыми христианами» и официальной церковной иерархией, которые часто приводили к отвержению «рисовых христиан» и их исключению из официальной церкви.

Одним из самых известных конфликтов был спор между «рисовым христианством» и Сирийской православной церковью в Керале. В конце XIX века, большинство «рисовых христиан» были объединены в Маланкарскую православную церковь, которая отделилась от Сирийской православной церкви в Керале. Данный конфликт вызвал много протестов и даже насилия, и был решен только после многолетних переговоров и договоренностей [26].

Многие официальные церковные иерархии в Индии критиковали «рисовых христиан» за слишком большое сходство с индуизмом, что вызывало сомнения в их верности христианской вере.

Несмотря на это, «рисовые христиане» продолжают существовать в Индии и имеют свои церкви и общины. Они продолжают сочетать элементы христианской и индуистской традиций в своей практике и доктрине, что делает их более понятными и привлекательными для местного населения.

Ответ индуистского сообщества на концепцию «рисового христианства» был неоднозначным – в то время как некоторые приветствовали эту новую форму религии как гармоничное слияние лучших элементов обеих верований, другие считали ее неприемлемым искажением их религиозного наследия и культуры [25].

В частности, некоторые индуисты приняли «рисовое христианство» за его инклюзивность и использование индуистских обозначений и символов. Плюс, они ценили образовательные и медицинские услуги, предоставляемые миссионерами.

Но, другие увидели в «рисовом христианстве» угрозу для их культурных традиций, полагая, что использование индуистских символов и терминологии в христианском контексте было проявлением западной колонизации и попыткой ассимиляции их культуры. Встречались также случаи противостояния между индуистами и «рисовыми христианами», особенно в те моменты, когда использование индуистских символов и терминов в христианской практике становилось особенно очевидным.

Концепция «рисового христианства» позволила миссионерам адаптироваться к местной культурной среде и сделать христианство более доступным и привлекательным для индийского общества. Миссионеры стали использовать индуистские знаки в своей работе, чтобы объяснить христианскую доктрину индийским людям, и использовать индуистские мелодии и инструменты в церковной музыке и песнях. Они принимали местные традиции и обычаи, такие как использование риса в религиозных обрядах, что делало их учение более понятным и близким для индийского населения.

Под влиянием «рисового христианства» миссионеры стали организовывать образовательные заведения для местного населения и применять более адаптированные методы пропаганды и обучения. Несмотря на это, внедрение индуистских символов и концепций в христианские верования и практики вызвало возражения со стороны церковной иерархии и некоторых христианских групп в Индии. Возражения были связаны с опасениями относительно потери истинного характера и уникальности христианства.

Но, рисовое христианство стимулировало развитие христианского миссионерства в Индии и способствовало созданию новых христианских общин и церквей. Несмотря на давление и влияние западной колонизации и миссионерской работы, оно позволило индийцам сохранить свои культурные традиции. Применение индуистских символов и понятий в христианском контексте поддержало создание взаимопонимания и сотрудничества между двумя религиями. По мере развития данный подход стимулировал межрелигиозный диалог и взаимодействие, что, в свою очередь, способствовало формированию индийской национальной идентичности и единства.

«Рисовые христиане» заложили основы прогресса в области образования и культуры в Индии, основывая школы, колледжи и университеты. Эти учебные заведения предлагали обучение не только христианской доктрине, но и более широкому кругу предметов, включая традиционные индийские области знания.

Именитые националисты и защитники независимости Индии, такие как Махатма Ганди и Рабиндранат Тагор, отмечали значимость «рисового христианства» в формировании национального самосознания [16]. В их взгляде, уважение к многообразию религиозных традиций и культур было ключом к развитию национальной идентичности и единства.

Современная Индия отражает влияние «рисового христианства» в своем религиозном ландшафте – так христианство стало одной из ведущих религий страны, наравне с индуизмом и исламом, и внесло в индийскую культуру новые элементы обрядов, обучения и социального обслуживания [9].

Тематика «рисового христианства» в современной Индии не только сохраняет актуальность, но связанные с ним вопросы охватывают ряд ответов, включая роль религии в общественной жизни, взаимодействие между различными религиозными группами и влияние колониальной эпохи на современное общество. Данный феномен может служить полезным мостом в диалоге и ко-

операции между христианством, индуизмом и другими религиями.

Те же самые основополагающие принципы, которые восходят к корням «рисового христианства», способны стимулировать создание взаимопонимания между различными религиозными и культурными традициями, оно осуществляется через поощрение диалога и внедрение культуры мира и взаимного сотрудничества на глобальном уровне.

Отметим, что «рисовое христианство» продолжает занимать значимую позицию в развитии христианского миссионерства в Индии и других странах, где происходит активное взаимодействие христианства с другими религиями и культурами.

И наконец, «рисовое христианство» выступает инструментом для индуистов и других религиозных сообществ в стремлении к созданию более инклюзивных отношений, способствуя уважению к культурному разнообразию и поддержке мира, гармонии на глобальной сцене.

Подводя итоги нашего исследования, необходимо осветить ключевые выводы феномена «рисового христианства» для индийской исторической и религиозной традиции.

Так мы определили, что «рисовое христианство», как необычное явление, смогло интегрировать аспекты христианства и индуизма, формируя исключительную доктрину и практику. Данное новаторство оказалось более привлекательным и понятным для индийского населения.

Исследование демонстрирует, что «рисовое христианство» помогло эволюции христианского миссионерства в Индии, более того, оно оказало влияние на формирование национальной идентичности и единства в стране.

В наше время «рисовое христианство» продолжает оставаться основополагающим инструментом для построения мира и сотрудничества между различными религиозными и культурными традициями. Данное явление способствует развитию более инклюзивных и понимающих взаимоотношений в обществе.

Результаты

Анализ активности британских миссионеров на протяжении колониального периода в Индии (XVII–XIX века) обнажает сложности вопроса «рисового христианства». Данный феномен помогает осмыслению адапционных процессов христианства в рамках индийской культуры и общественного строя.

Проведенное исследование приводит к выводу о важности экономического аспекта в контексте «рисового христианства». С прибытием в Индию с целями пропаганды христианства, британские миссионеры столкнулись с непростой проблемой. Обширная часть населения Индии, оказавшись в условиях глубокого нищего состояния, смотрела на христианство как на возможность получения материальной помощи, а не как на духовное убежище. Эта помощь включала в себя как рис и другие продовольственные товары, так и образовательные и социальные преимущества, предоставляемые миссионерами. В таком контексте «рисовое христианство» представляло собой не столько итог религиозного превращения, сколько отклик на экономическую ситуацию той эпохи.

С другой стороны, деятельность британских миссионеров не была без позитивных последствий. Они привнесли в Индию не только религиозные учения, но и принципы западного образования, справедливости и равен-

ства, что способствовало не только изменению социальной структуры индийского общества, но и породило новое религиозно-культурное явление, которое можно назвать религиозной трансгрессией. Тем не менее эти изменения были сопряжены с культурными конфликтами и недопониманием, особенно в отношении явления «рисового христианства».

Другой момент, выявленный в ходе исследования, связан с последствиями деятельности британских миссионеров в Индии. С одной стороны, их усилия способствовали распространению западного образования и принципов справедливости и равенства, что повлияло на социальную структуру индийского общества. С другой стороны, конверсия к христианству приводила к возникновению культурных конфликтов и недопонимания, особенно в отношении «рисового христианства».

Отметим, что деятельность британских миссионеров неразрывно связана с условиями колониального общества, где экономические и социальные преимущества были тесно связаны с принятием западных культурных и религиозных норм. Однако в ходе анализа можно предположить, что понятие «рисового христианства» можно рассматривать более широко, данное явление могло возникнуть в результате столкновения и взаимодействия двух различных религиозных традиций, что добавляет новый аспект к пониманию его значимости в контексте колониальной эпохи.

В заключение, исследование «рисового христианства» позволяет обнаружить значимые вопросы истории миссионерской деятельности в Индии, которые требуют дальнейшего изучения. Данное явление иллюстрирует сложность процесса адаптации христианства в индийской культуре и обществе и подчеркивает значимость учета местных условий и контекста при изучении истории миссионерства. Понимание «рисового христианства» как многоаспектной проблемы, которая включает в себя как религиозные, так и экономические, социальные и культурные факторы, обеспечивает более глубокое понимание истории христианства в Индии и помогает в осмыслении современных проблем религиозного конвертирования и межкультурного взаимодействия.

Обсуждение

Изучение явления «рисового христианства» представляет собой широкое поле для исследований, в котором пересекаются различные научные дисциплины – от истории и социологии до политологии и религиоведения. Данное явление пронизывает как религиозную, так и социальную, экономическую и политическую жизнь индийского общества в колониальный период, что делает его исключительно сложным и многогранным объектом исследования.

Происхождение и сущность «рисового христианства» являются результатом взаимодействия множества факторов, наиболее значимыми из которых были британская колониальная политика и динамика социальных процессов в индийском обществе. Здесь следует упомянуть о роли христианских миссионеров, которые, будучи неотъемлемой частью колониальной машины, были в то же время и носителями нового религиозного учения, в рамках которого индийское население получало возможность для социальной мобильности и культурного обмена.

Однако встреча христианства с индийской реальностью привела к возникновению «рисового христианства» – явления, которое было полностью оформлено в рамках колониальной системы, но в то же время отражало определенные вопросы социально-экономической и культурной жизни Индии. Конфликты и столкновения

между «рисовыми христианами» и официальной церковной иерархией свидетельствуют о том, что данное явление было не столько продуктом колониальной политики, сколько результатом активного взаимодействия различных социальных сил и культурных традиций.

Обратим внимание на влияние «рисового христианства» на формирование индийского национального сознания. Несмотря на то, что «рисовое христианство» было во многом продуктом колониальной политики, его влияние на общественное сознание и идентичность индийского населения не подлежит сомнению. «Рисовое христианство» предоставило индийцам возможность формировать новые идентичности и самосознания, что в конечном итоге способствовало росту национального самосознания.

Но степень, в которой «рисовое христианство» способствовало данному процессу, остается предметом дискуссии и требует дальнейшего исследования. Вместе с тем, безусловно, «рисовое христианство» оставило заметный след в истории Индии, влияние которого можно проследить до современного общества.

Так мы можем определить какие проблемы «рисовое христианство», затрагивало. Одной из основных вопросов была недостаточная синкретизация религиозных взглядов. «Рисовые христиане» часто совмещали христианские учения со своими традиционными религиозными и культурными взглядами. Это создавало ситуацию, в которой христианская религия в Индии отличалась от той версии христианства, которую проповедовали миссионеры.

Проблема устойчивости – конвертация в христианство зачастую была мотивирована не религиозным поиском, а стремлением к получению материальных благ, порождая вопрос о долгосрочной устойчивости таких конверсий. Как только материальная поддержка миссионеров иссякала, «рисовые христиане» могли отказаться от новой веры.

Практика «рисового христианства» могла повредить репутации христианства и миссионеров среди местного населения, что могло снизить эффективность миссионерской работы. Практика обращения людей в христианство за счет материальной поддержки вызывает ряд этических вопросов. Например, является ли это формой эксплуатации или манипуляции? Могли ли эти люди действительно свободно выбирать свою религию в таких обстоятельствах?

Наконец, «рисовое христианство» создавало проблемы в отношениях между миссионерами и британским колониальным правительством. В то время как правительство могло видеть в этом полезный инструмент для поддержания колониального контроля, миссионеры могли столкнуться с дилеммой между поддержкой колониальной власти и сохранением истинности своих религиозных убеждений.

В конечном счете нельзя не отметить значимость «рисового христианства» как уникального явления в истории Индии и британского колониального периода. Исследование этого вопроса проливает свет на взаимодействие между колонизаторами и подчиненными им народами, влияние религии на социальное, экономическое и политическое развитие. Одновременно с этим, «рисовое христианство» предлагает базу для анализа формирования и развития новых религиозных и социальных форм в рамках колониальной системы.

Выводы

В процессе изучения «рисового христианства», мы обнаружили его ключевую роль в деятельности британских

миссионеров в Индии во время колониального периода. Основываясь на данных из источников и ранее проведенных исследований, мы определили, что проблема «рисового христианства» представляла большую важность для миссионеров и имела существенное воздействие как на миссионерскую деятельность, так и на жизнь местного населения.

«Рисовое христианство» выявило основные проблемы и противоречия в методах, применяемых британскими миссионерами для обращения индусов в христианство. Оно также свидетельствовало о сложностях адаптации религиозных учений к культурной и социальной среде, отличной от привычной.

В результате данного исследования было обнаружено, что, несмотря на усилия и стремления британских миссионеров, их деятельность встретила преграды, связанные с культурными, социальными и экономическими особенностями Индии. «Рисовое христианство» подчеркнуло, как идеологические и религиозные стремления могут встретиться с трудностями в мире и привести к неожиданным результатам.

Литература

1. Баранов, А. И. (2019). Индия в XX веке: от колониальной зависимости к глобальной державе. Москва: Институт востоковедения РАН.
2. Куликова, Е. И. (2019). Миссионеры в колониальной Индии: между имперским проектом и локальными потребностями. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ.
3. Хандажинская, С.А. (2018). Антиимпериализм – инкультурация – христианство: английская пост-колониальная историография о миссионерском движении в Индии. Вестник Московского университета. Серия 8. История, (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antiimperializm-inkulturatsiya-hristianstvo-angliyskaya-post-kolonialnaya-istoriografiya-o-missionerskom-dvizhenii-v-indii> (дата обращения: 23.07.2023).
4. Bara, J. (2007). Colonialism, Christianity and the Tribes of Chhotanagpur in East India, 1845–1890. *South Asia: Journal of South Asian Studies*, 30 (2).
5. Baruah, S. (2014). Confronting Constructionism: Ending India's Naga War. *Journal of Peace Research*, 40 (3), 321–338. doi:10.1177/0022343303040003005.
6. Bauman, C., & Ponniah, J. (2016). Christianity and Freedom in India: Colonialism, Communalism, Caste, and Violence. In A. Hertzke & T. Shah (Eds.), *Christianity and Freedom* (Law and Christianity, pp. 222–253). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9781316408643.009.
7. Bhabha, H. K. (1994). *The Location of Culture*. Routledge. ISBN0415336392.
8. Chakrabarti, N. (2017). The Indian Christian diaspora: A brief overview. *Religion Compass*, 5 (8), 430–437.
9. Chatterjee, P. (1993). *The nation and its fragments: Colonial and postcolonial histories*. Princeton: Princeton University Press.
10. Chatterji, S. K. (1951). *Kirāta-jana-kṛti: The Indo-Mongoloids; their contribution to the history and culture of India*. Royal Asiatic Society of Bengal.
11. Clarke, G. (n.d.). Religion and development: Challenges for donors and for faith groups. Retrieved August 6, 2023, from https://web.archive.org/web/20141006141429/http://www.csduppsala.uu.se/devnet/CivilSociety/Outlookserien/2012,%20Faith/FCV_Clarke.pdf
12. Doss, M. C. (2014). *Repainting Religious Landscape: Economics of Conversion and Making of Rice Christians*

- in Colonial South India (1781–1880). *Studies in History*, 30 (2), 179. DOI: 10.1177/0257643014534370.
13. DOSSAL, M. (1995). THE BOMBAY REVENUE SURVEY (1865–1872) AND THE CONTINUING NEED FOR STATE EMPOWERMENT. *Proceedings of the Indian History Congress*, 56, 594–600. <http://www.jstor.org/stable/44158677>.
 14. Daus, R. (1983). *Die Erfindung des Kolonialismus*. Wuppertal/Germany: Peter Hammer Verlag, c. 61–66.
 15. East Indians (the indigenous Catholic inhabitants of Bombay, Salsette and Bassein). (n.d.). URL: <https://www.east-indians.com/history.pdf>
 16. Frykenberg, R. E. (2008). *Christianity in India: From Beginnings to the Present*. Oxford: OUP Oxford. ISBN0198263775.
 17. Frykenberg, R. E. (2008). Avarna and Adivasi Christians and Missions: A Paradigm for Understanding Christian Movements in India. *International Bulletin of Missionary Research*, 32(1).
 18. Mansingh, S. (2015). *Historical dictionary of India* (2nd ed.). Lanham, Toronto, Oxford: The Scarecrow Press, Inc. (*Historical Dictionaries of Asia, Oceania, and the Middle East*; No. 58).
 19. Kitzan, L. (1971). The London Missionary Society and the Problem of Authority in India, 1798–1833. *Church History: Studies in Christianity and Culture*, 40 (4).
 20. Lange, M., Mahoney, J., & vom Hau, M. (2006). Colonialism and Development: A Comparative Analysis of Spanish and British Colonies. *American Journal of Sociology*, 111 (5), 1412–1462. DOI: 10.1086/499510.
 21. Lankina, T., & Getachew, L. (2013). Competitive Religious Entrepreneurs: Christian Missionaries and Female Education in Colonial and Post-Colonial India. *British Journal of Political Science*, 43 (1), 103–131. doi:10.1017/S0007123412000178.
 22. Mansingh, S. (2006). *Historical dictionary of India* (2nd ed.). *Historical Dictionaries of Asia, Oceania, and the Middle East*, No. 58. The Scarecrow Press, Inc., Lanham, Toronto, Oxford.
 23. Neill, S. (1984). Non-Roman Catholic Christianity in India. In *A History of Christianity in India: The Beginnings to AD1707* (pp. 364–387). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9780511520556.018.
 24. Preston, D., & Preston, M. (2004). *A Pirate of Exquisite Mind*. Walker & Company. ISBN042520037X. Chapter XV.
 25. Singh, A. (2021). *Christianity in Indian History: Issues of Culture, Power and Knowledge*. Hyderabad: Orient Blackswan.
 26. Subrahmanyam, S. (2019). Between Eastern Africa and Western India, 1500–1650: Slavery, Commerce, and Elite Formation. *Comparative Studies in Society and History*, 61 (4), 805–834. doi:10.1017/S0010417519000276.
 27. Trevelyan, G. (2010). CHRISTIANITY IN INDIA. In *The Competition Wallah* (Cambridge Library Collection – South Asian History, pp. 367–407). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9780511783111.013.

«RICE CHRISTIANITY» AS A PROBLEM OF BRITISH MISSIONARY ACTIVITY IN INDIA DURING THE COLONIAL PERIOD (XVII–XIX CENTURIES)

Kudryashova Yu.A.

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

The author of the study conducts a thorough analysis of historical sources in order to better understand the context and features of the problem of “rice Christianity”. He explores various aspects of the issue, including religious, social and economic contexts.

One of the key conclusions of the article is that “Rice Christianity” was not only the result of the material influence of the colonialists, but also a reflection of more complex social and cultural processes. This phenomenon was associated with the conflict between traditional Indian beliefs and Christian teachings, which were implanted by British missionaries.

In conclusion, the study emphasizes that the concept of “Rice Christianity” is a complex phenomenon, designating it as an important and complex issue related to British colonial policy and missionary activity in India from the 17th to the 19th century. Including not only the influence of British missionaries, but also other Christian denominations, such as Catholicism (Jesuits and Dominicans) and Orthodoxy (like the Syrian Orthodox Church in Kerala), this phenomenon clearly demonstrates the complexity of the interaction of various religious and cultural factors in the context of colonialism.

Keywords: rice Christianity, India, colonialism, missionaries, British colonial policy, Indian national consciousness, missionary activity, Hinduism.

References

1. Baranov, A. I. (2019). *India in the 20th century: From colonial dependency to global power*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.
2. Kulikova, E. I. (2019). *Missionaries in colonial India: Between the imperial project and local needs*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House.
3. Khandzhinskaya, S. A. (2018). Anti-imperialism – inculturation – Christianity: English post-colonial historiography of the missionary movement in India. *Bulletin of Moscow University. Series 8. History*, (1). Retrieved July 23, 2023, from <https://cyberleninka.ru/article/n/antiimperializm-inkulturatsiya-hristianstvo-angliyskaya-post-kolonialnaya-istoriografiya-o-missionerskom-dvizhenii-v-indii>.
4. Bara, J. (2007). Colonialism, Christianity and the Tribes of Chhotanagpur in East India, 1845–1890. *South Asia: Journal of South Asian Studies*, 30 (2).
5. Baruah, S. (2014). Confronting Constructionism: Ending India’s Naga War. *Journal of Peace Research*, 40 (3), 321–338. doi:10.1177/0022343303040003005.
6. Bauman, C., & Ponniah, J. (2016). Christianity and Freedom in India: Colonialism, Communalism, Caste, and Violence. In A. Hertzke & T. Shah (Eds.), *Christianity and Freedom* (Law and Christianity, pp. 222–253). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9781316408643.009.
7. Bhabha, H. K. (1994). *The Location of Culture*. Routledge. ISBN0415336392.
8. Chakrabarti, N. (2017). The Indian Christian diaspora: A brief overview. *Religion Compass*, 5 (8), 430–437.
9. Chatterjee, P. (1993). *The nation and its fragments: Colonial and postcolonial histories*. Princeton: Princeton University Press.
10. Chatterji, S. K. (1951). *Kirāta-jana-kṛti: The Indo-Mongoloids; their contribution to the history and culture of India*. Royal Asiatic Society of Bengal.
11. Clarke, G. (n.d.). Religion and development: Challenges for donors and for faith groups. Retrieved August 6, 2023, from https://web.archive.org/web/20141006141429/http://www.csdupsala.uu.se/devnet/CivilSociety/Outlookserien/2012,%20Faith/FCV_Clarke.pdf
12. Doss, M. C. (2014). Repainting Religious Landscape: Economics of Conversion and Making of Rice Christians in Colonial South India (1781–1880). *Studies in History*, 30 (2), 179. DOI: 10.1177/0257643014534370.
13. DOSSAL, M. (1995). THE BOMBAY REVENUE SURVEY (1865–1872) AND THE CONTINUING NEED FOR STATE EMPOWERMENT. *Proceedings of the Indian History Congress*, 56, 594–600. <http://www.jstor.org/stable/44158677>.
14. Daus, R. (1983). *Die Erfindung des Kolonialismus*. Wuppertal/Germany: Peter Hammer Verlag, c. 61–66.
15. East Indians (the indigenous Catholic inhabitants of Bombay, Salsette and Bassein). (n.d.). URL: <https://www.east-indians.com/history.pdf>
16. Frykenberg, R. E. (2008). *Christianity in India: From Beginnings to the Present*. Oxford: OUP Oxford. ISBN0198263775.
17. Frykenberg, R. E. (2008). Avarna and Adivasi Christians and Missions: A Paradigm for Understanding Christian Movements in India. *International Bulletin of Missionary Research*, 32(1).

18. Mansingh, S. (2015). *Historical dictionary of India* (2nd ed.). Lanham, Toronto, Oxford: The Scarecrow Press, Inc. (Historical Dictionaries of Asia, Oceania, and the Middle East; No. 58).
19. Kitzan, L. (1971). The London Missionary Society and the Problem of Authority in India, 1798–1833. *Church History: Studies in Christianity and Culture*, 40 (4).
20. Lange, M., Mahoney, J., & vom Hau, M. (2006). Colonialism and Development: A Comparative Analysis of Spanish and British Colonies. *American Journal of Sociology*, 111 (5), 1412–1462. DOI: 10.1086/499510.
21. Lankina, T., & Getachew, L. (2013). Competitive Religious Entrepreneurs: Christian Missionaries and Female Education in Colonial and Post-Colonial India. *British Journal of Political Science*, 43 (1), 103–131. doi:10.1017/S0007123412000178.
22. Mansingh, S. (2006). *Historical dictionary of India* (2nd ed.). Historical Dictionaries of Asia, Oceania, and the Middle East, No. 58. The Scarecrow Press, Inc., Lanham, Toronto, Oxford.
23. Neill, S. (1984). Non-Roman Catholic Christianity in India. In *A History of Christianity in India: The Beginnings to AD1707* (pp. 364–387). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9780511520556.018.
24. Preston, D., & Preston, M. (2004). *A Pirate of Exquisite Mind*. Walker & Company. ISBN042520037X. Chapter XV.
25. Singh, A. (2021). *Christianity in Indian History: Issues of Culture, Power and Knowledge*. Hyderabad: Orient Blackswan.
26. Subrahmanyam, S. (2019). Between Eastern Africa and Western India, 1500–1650: Slavery, Commerce, and Elite Formation. *Comparative Studies in Society and History*, 61 (4), 805–834. doi:10.1017/S0010417519000276.
27. Trevelyan, G. (2010). CHRISTIANITY IN INDIA. In *The Competition Wallah* (Cambridge Library Collection – South Asian History, pp. 367–407). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9780511783111.013.